

**БАСМАЧЕСТВО:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СУЩНОСТЬ, КРАХ**

**Зевелев Александр Израилевич, Поляков Юрий
Александрович, Чугунов Александр Иванович**

Басмачество: возникновение, сущность, крах

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах.
— М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. — 244 с. /
Тираж 10000 экз.

Аннотация издательства: Книга посвящена героической борьбе трудящихся Средней Азии с басмачами — врагами революции, прогресса, наемниками международной реакции. Авторы прослеживают этапы этой борьбы, вскрывают социально-политические корни басмачества, его антинародную сущность, показывают, что разгром басмаческих банд явился убедительной демонстрацией торжества ленинской национальной политики, способствовал дальнейшему укреплению дружбы народов Советского Союза.

Содержание

Введение [3]

«Свободными стали бывшие рабы» [17]

Край, где царило бесправие [17]

Заря новой жизни [20]

Империалистическая интервенция и гражданская война [27]

Контрреволюция и интервенты развязывают войну [27]

Сражающийся Туркестан [39]

Басмаческий ферганский фронт [46]

Очаги басмачества: Аблык, «Матчинское бекство» [78]

Басмачи Бухары и Хорезма [81]

Враги мирного труда [90]

Успехи и достижения трудящихся Средней Азии [90]

Конец ферганского басмачества [94]

Бухара: борьба продолжается [107]

Авантюра Энвер-паши [112]

Главари не складывают оружия [123]

В песках Каракумов [146]

Гибнущий враг опасен [156]

Вторжение Ибрагим-бека [156]

Разгром «хищников пустыни» [169]

Заключение [182]

Приложение. Исторический обзор [191]
Указатель имен [232]
Указатель географических названий [238]
Примечания
Список иллюстраций

Введение

Слова «басмач», «басмачество» для народов нашей страны стали историческими понятиями. Но люди старшего поколения, прежде всего жители Средней Азии, помнят годы, когда эти слова повторялись с болью и гневом, с ненавистью и возмущением. За ними — годы трудной борьбы со злым, опасным и жестоким врагом. За ними — пепел сожженных кишлаков, вытопанные поля, треск пулеметных очередей и винтовочные выстрелы, тысячи погибших и замученных людей, голод, смерть, искалеченные судьбы.

Слово «басмач» происходит от тюркского глагола «басмак», что означает «давить», «притеснять», «насиловать». У народов Средней Азии понятие «басмач» означает «налетчик», «бандит», «разбойник», «насилник». Басмачами издавна называли людей, избравших своей «профессией» нападения на торговые караваны, разбой, убийства.

После Октябрьской революции, когда трудящиеся узбеки, таджики, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки с помощью русских братьев взяли власть в свои руки и начали строительство новой жизни, понятие «басмачество» получило совершенно определенное социальное и политическое содержание. Басмачество стало одной из острейших форм классовой борьбы свергнутых эксплуататоров против победившей революции, диктатуры пролетариата, против власти трудового народа.

Феодалная и родо-племенная верхушка, реакционная часть мусульманского духовенства, нарождавшаяся в Средней Азии национальная буржуазия — вот кто организовывал и направлял действия басмачей.

Басмаческие главари выступали с открыто контрреволюционными, антисоветскими лозунгами, ставя своей задачей свержение Советской власти, восстановление в Средней Азии господства эксплуататоров, отрыв ее от Советской России. Басмачество носило ярко выраженный националистический характер, разжигая вражду к русским людям, ко всему русскому. Одновременно сеялась рознь между различными народами Средней Азии. Националистическая пропаганда переплеталась с широким использованием религиозных предрассудков.

Басмачество неизбежно смыкалось с общероссийской контрреволюцией, басмаческие отряды устанавливали контакты и вели совместные действия с русскими белогвардейцами. [4]

Как враги революции, социализма, прогресса, басмачи пользовались полной поддержкой международного империализма, реакционных сил в сопредельных странах. Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли из-за кордона верблюжьи караваны. В тяжелых тюках они везли винтовки, пулеметы, ящики с патронами.

Английские и американские агенты, действовавшие на территории Афганистана, Ирана, Китая, Турции, снабжали басмачей оружием, боеприпасами, деньгами. Они принимали непосредственное участие в организации и формировании басмаческих отрядов. Потерпевшие поражение басмаческие банды уходили за рубеж и, накопив силы, снова вторгались на советскую землю.

Действия басмачей сопровождалось жестоким террором, принимавшим изуверские формы. Путь басмаческих банд был отмечен массовыми расправами с населением, жестокими казнями. Тысячи коммунистов и комсомольцев, сельских и городских активистов, девушек, осмелившихся сбросить паранджу, юношей, решивших обучаться грамоте, приняли мученическую смерть от рук басмачей.

Поджоги промышленных предприятий, складов, варварские разрушения железнодорожных станций, мирных селений, ирригационных сооружений, грабежи, угон скота — все это привело к катастрофическому падению производительных сил в Средней Азии.

Борьба против басмачества, являвшаяся частью гражданской войны, — драматическая, ожесточенная, напряженная — потребовала немалых усилий и жертв со стороны советского народа. Эта борьба с полным правом может быть отнесена к числу героических страниц нашей истории. Она содержит множество примеров мужества, стойкости, воинской доблести советских бойцов и командиров, самоотверженности и преданности идеям революции простых людей всех национальностей, беззаветно отстаивавших правое дело.

Успех борьбы с басмачами зависел не только от победы в боях, но и от повседневной деятельности руководимых коммунистами трудящихся Средней Азии по созданию и укреплению советской национальной государственности, последовательному проведению революционных социально-экономических мероприятий и ленинской национальной политики, восстановлению и развитию хозяйства, повышению культурного уровня народа.

Активность трудящихся масс Средней Азии, которые преодолевали вековую отсталость, освобождались от религиозного дурмана, отбрасывали националистические лозунги баев и их прислужников, явилась решающим фактором разгрома басмачества. Исторический опыт народов Средней Азии подтверждает справедливость ленинского положения о том, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают [5] свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда» {1}.

Мракобесию и изуверству басмачей противостояла верность высоким идеалам социализма, прогресса; темноте и невежеству — политическая сознательность; насилию и жестокости — социалистический гуманизм, включавший стремление помочь колеблющимся, ошибающимся и пролетарскую твердость по отношению к непримиримым врагам.

Дружба народов, их братская взаимопомощь взяли верх над стремлением разжечь националистические страсти и вызвать вражду между трудящимися. Разгром басмачества означал полную победу идей пролетарского интернационализма.

Борьба с басмачеством — длительная историческая эпопея. Она продолжалась около 15 лет, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Начавшись в 1917 г., сразу после победы Октября, достигнув апогея во время гражданской войны и в первые послевоенные годы, басмаческие действия пошли на убыль в первой половине 20-х годов. Остатки басмаческих банд, укрывшись за рубежом, временно прекратили активную деятельность.

Однако в конце 20-х — начале 30-х годов прорвавшиеся из-за границы отряды басмачей, направляемые международным империализмом, вновь нарушили мирный труд в ряде районов Средней Азии.

История борьбы с басмачами, таким образом, охватывает значительный хронологический период и объединяет большой комплекс проблем, неразрывно связанных с историей упрочения социалистической революции, социально-экономических и культурных преобразований в республиках Средней Азии.

К этому необходимо добавить: огромное разнообразие географических, экономических, исторических и прочих условий Туркестана, Бухары и Хивы привело к тому, что басмачество, будучи единым по своим контрреволюционным и антисоветским целям, в то же время проявлялось в ряде локализованных выступлений, каждое из которых имело множество особенностей.

В работе поставлена задача исследовать социально-классовую природу басмачества, раскрыть его истинных вдохновителей и организаторов, осветить героическую историю борьбы с ним Красной Армии и трудящихся Средней Азии, вдохновленных и сплоченных Коммунистической партией, показать основные события из истории разгрома басмачества.

Авторы, опираясь на достижения советской историографии по данной проблеме, стремились отразить общие закономерности и черты классовой борьбы, особенности ее проявления в специфических условиях Средней Азии, показать историческую обреченность басмачества и неизбежность его окончательного краха. [6]

Басмачество долгое время казалось явлением специфическим, свойственным особым условиям развития социалистической революции в Средней Азии. Однако опыт 60–70-х годов показал, что явления, аналогичные басмачеству, имели место в ряде развивающихся стран Азии и Африки, где осуществлялись прогрессивные преобразования. Как и басмачество 20-х годов, инспирированное и поддержанное международным империализмом, это было отчаянное противодействие реакционных феодальных и родоплеменных элементов любым прогрессивным мероприятиям — от аграрной реформы до обучения грамоте. При всех отличиях обстоятельств времени и места без труда обнаруживаются та же опора на международную реакцию, те же социальные корни, та же эксплуатация отсталости и темноты, тот же религиозный фанатизм, та же ненависть ко всему новому, те же дикие, изуверские формы борьбы с активистом, защищающим новую власть, с крестьянином, распахавшим помещичью землю, с учителем и артистом, с женщиной, осмелившейся вопреки вековым запретам открыть свое лицо...

Самым ярким проявлением этих аналогичных басмачеству реакционных действий стала борьба объединенных сил международного империализма, китайского гегемонизма и внутренней контрреволюции против прогрессивных преобразований в Афганистане. Не случайно афганских контрреволюционных бандитов, вооруженных китайскими

автоматами и американскими химическими гранатами, в печати часто называют басмачами.

* * *

Рассматривая историю борьбы с басмачеством, авторы опирались на многочисленные оценки, выводы, указания и положения о Средней Азии, содержащиеся в трудах В. И. Ленина, его соратников, в документах КПСС и Советского государства.

Методологической основой исследования истории басмачества являются ленинская научная концепция истории СССР, включающая в качестве составной части и историю народов Средней Азии, положения о закономерности победы социалистической революции на Востоке нашей страны, о путях перехода трудящихся Средней Азии от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма, стратегию и тактику борьбы за укрепление Советской власти на бывших колониальных окраинах России, а также ленинская характеристика гражданской войны в СССР, ее сущности, этапов, характера и социального смысла, расстановки в ней классовых сил.

Для понимания сущности и классовой природы басмачества чрезвычайно важны и ленинские оценки дореволюционного Туркестана. В. И. Ленин научно определил место и положение Туркестана в составе царской России. На основе обобщения огромного фактического материала он пришел к выводу, что Туркестан, [7] как и юг, и юго-восток Европейской России, и Кавказ, превращен империализмом в колонию русского капитализма, что вассальные государства Бухара и Хива представляют собой «тоже нечто вроде колоний»{2}.

Однако В. И. Ленин не ограничился только этим выводом. Изучение многочисленных материалов (литературных, статистических, демографических и других) позволило ему считать, что Туркестан по уровню своего развития стоял на докапиталистической стадии, что в быту и жизни народов Средней Азии господствовали феодально-патриархальные отношения{3}. На II конгрессе Коминтерна он указывал, что важнейшая характерная черта Туркестана заключается в том, что в нем «господствуют еще докапиталистические отношения»{4}.

В. И. Ленин проанализировал классовую структуру туркестанского общества, вытекающую из докапиталистических производственных отношений. На основе всестороннего анализа экономики Средней Азии В. И. Ленин заключил, что здесь главной трудящейся массой является трудящееся крестьянство{5}. Отсюда вытекало, что главное направление борьбы здесь будет не против капитала, а против влияния феодально-патриархального наследия, феодального гнета, против средневековых остатков{6}. Это не означало, что Ленин не замечал глубинного процесса «отвлечения населения от земледелия к промышленности» и зарождения здесь национального пролетариата. В этом плане важное теоретическое и методологическое значение имеет вывод В. И. Ленина о неизбежности классовой дифференциации туркестанского кишлака{7}. Эти мысли имели решающее значение для исследования предпосылок революции в Средней Азии, для изучения истории возникновения и разгрома басмачества.

Уже после победы социалистической революции в письме «Товарищам коммунистам Туркестана», содержащем основополагающие указания о путях осуществления политики партии в своеобразных условиях Средней Азии, В. И. Ленин отметил, что для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей огромное значение будет иметь

установление правильных взаимоотношений русского народа с бывшими угнетенными народами этой окраины {8}. В связи с этим важнейшую роль должны были играть создание и укрепление союза русского рабочего класса и трудящихся местных национальностей. Об этом В. И. Ленин подробно говорил на совещании делегатов II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока.

В условиях послереволюционного Туркестана не менее важна была ликвидация патриархально-феодалного наследия, сохранившегося в общественных отношениях местного населения. Для более успешного решения этой задачи В. И. Ленин рекомендовал применить «посредствующие пути, приемы, средства, [8] пособия... для перехода докапиталистических отношений к социализму» {9}, найти особые пути и формы подхода к массам, включить их в общее русло социалистического строительства. Громадное воздействие на ход общественного развития оказали ленинские идеи о необязательности прохождения капиталистической стадии развития для отсталых бывших колониальных окраин Российской империи и всего колониального Востока, о переходе их народов от феодально-патриархальных отношений к социализму, о формах и методах строительства социализма на советском Востоке. Эти идеи были выдвинуты В. И. Лениным в его докладах на VIII съезде РКП (б), II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, в комиссии по национальному и колониальному вопросам II конгресса Коммунистического Интернационала, в статье «О нашей революции» и в других работах.

Развивая идею К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности для отдельных народов миновать капиталистическую стадию развития, обобщая опыт первых лет советского строительства в национальных республиках, В. И. Ленин показал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму» {10}. Подчеркнем особо, что в слова «помощи пролетариата передовых стран» Ленин вкладывал широкий смысл, и прежде всего наличие государств и даже одного государства диктатуры пролетариата, могущего оказать поддержку слаборазвитым народам.

В. И. Ленин не ограничился теоретической разработкой возможности строительства социализма народами Востока. Он указал политические и экономические пути и средства решения этой задачи.

Чтобы миновать капитализм при переходе от феодализма к социализму, необходимо свергнуть власть эксплуататоров, установить рабоче-крестьянскую власть, обеспечить помощь пролетариата странам, где строится социализм, в экономическом и культурном подъеме их народов, и прежде всего в создании очагов промышленности, формировании национальных кадров пролетариата, кооперировании крестьянства и осуществлении социалистической культурной революции. В. И. Ленин показал, что в отсталых странах нет необходимости предварительно развивать капитализм, чтобы затем его ликвидировать.

Переход отсталых стран к социализму по этому пути представляет собой объективную закономерность общественного развития, обусловленную эпохой пролетарских революций и освобождения колоний и полуколоний от гнета империализма. Проблема перехода отставших в своем развитии народов от докапиталистических отношений к социализму является составной частью ленинской теории пролетарской революции и социалистического строительства. [9]

В. И. Ленин выдвинул идею крестьянских Советов, приспособленных к докапиталистической структуре общества. В докладе на II конгрессе Коминтерна (июль — август 1920 г.) В. И. Ленин сделал гениальный вывод о том, что народы Средней Азии, как и другие отсталые народы, состоящие в своем большинстве из крестьян, «отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле». «Идея советской организации, — продолжал он, — проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»{11}. Эти мысли В. И. Ленин конкретизировал на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.). Говоря о создании новых советских республик — Бухарской, Азербайджанской и Армянской, он отметил: «Эти республики являются доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство»{12}. Бухарскую Народную Советскую Республику Ленин назвал крестьянско-советской республикой{13}.

Для понимания истории успехов Советской власти в борьбе с басмачеством особое значение имели мысли В. И. Ленина о необходимости найти «переходные ступени», особые пути и формы подхода к ранее угнетенным массам, включить их в общее русло социалистического строительства, убедить методами, понятными и приемлемыми для них. Он подчеркнул, что следует тщательно учитывать все особенности развития данного народа, своеобразные черты его быта, религии, обычаев, что нужно вести дело так, чтобы каждый самый отсталый трудящийся воспринимал социалистические задачи как свое кровное дело. В 1921 г. Ленин напомнил коммунистам Туркестана об их важной обязанности — систематически и максимально заботиться «о мусульманской бедноте, ее организации и просвещении»{14}.

Заслуживает особого внимания еще одно указание В. И. Ленина, данное коммунистам Туркестана в 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока. Он рекомендовал им опираться «на общекommунистическую теорию и практику» и «применить эту теорию и практику» к своеобразным условиям Средней Азии{15}. Развивая эти мысли, В. И. Ленин в 1921 г. призвал коммунистов республик советского Востока не копировать слепо тактику, применяемую в условиях РСФСР, а самостоятельно исследовать ее причины и своеобразие и «обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»{16}, «применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917–1921 годов»{17}.

В ленинском наследии имеются исключительно ценные положения о деятельности партии и органов Советской власти в Средней Азии, имеющие принципиальное значение для уяснения [10] форм и методов классовой борьбы, развернувшихся в новых исторических условиях. Обосновав положение о том, что замена докапиталистических производственных отношений социалистическими — это процесс нелегкий, что он связан с вызреванием необходимых объективных и субъективных предпосылок, В. И. Ленин выдвинул важнейший тезис, суть которого состоит в том, что в республиках советского Востока на первоначальном этапе будет иметь место «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»{18}. Предупреждая коммунистов Туркестана о сложности, трудности и ответственности задач, стоящих перед ними{19}, В. И. Ленин в письме к представителям ЦК партии в Туркестане развил мысли об особенностях осуществления в условиях Туркестана новой экономической политики, направленной на укрепление союза рабочего класса с трудовым дехканством и на возрождение экономики края{20}.

В. И. Ленин, заложив основы для марксистского исследования истории гражданской войны в Средней Азии, показал, как следует подходить к изучению истории борьбы с басмачеством.

Ленинизм содержит классическое определение сущности и целей гражданской войны, расстановки в ней противоборствующих классовых сил, форм и методов борьбы. В. И. Ленин к этому вопросу обращался неоднократно. В работе «Русская революция и гражданская война» (сентябрь 1917 г.) он показал, что гражданская война «есть наиболее острая форма классовой борьбы»{21}. В ходе классовой борьбы экономические и политические битвы, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходят «до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»{22}.

В. И. Ленин оценил гражданскую войну в Средней Азии как составную часть гражданской войны во всей стране. В речи на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июня 1918 г. он говорил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англофранцузским империализмом, соединены между собой»{23}.

Исходя из своей общей концепции империалистической интервенции{24}, В. И. Ленин подчеркивал, что открытая английская интервенция в Туркестане также является составной частью общеимпериалистических планов расчленения России, что в Средней Азии, как и в других местах, сталкиваются империалистические противоречия. Он писал: «Лицемерные фразы Вильсона и «вильсонистов» о «демократии» и «союзе народов» разоблачаются удивительно быстро, когда мы видим захват левого берега Рейна французской буржуазией, захват Турции (Сирия, Месопотамия) и части России (Сибирь, Архангельск, Баку, Красноводск, Ашхабад и т. д.) французскими, английскими и американскими [11] капиталистами, — когда мы видим все усиливающуюся вражду из-за дележа награбленной добычи между Италией и Францией, между Францией и Англией, между Англией и Америкой, между Америкой и Японией»{25}.

Борьбу в Туркестане В. И. Ленин связывал с общими целями интервентов и внутренней контрреволюции по удушению Советской власти во всей нашей стране. Он раскрыл попытки международного империализма превратить Туркестан в колонию, оторвать его народы от народов Страны Советов.

В. И. Ленин научно обосновал причины победы трудящихся Страны Советов в гражданской войне. На II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока Ленин говорил: «Революционная война, когда она действительно втягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров... такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса»{26}. В. И. Ленин показал, что огромное значение для победы в войне имеет убеждение масс на их собственном опыте в правильности и жизненности политики партии. Он считал, что одной из решающих причин победы над внешней и внутренней контрреволюцией на бывших колониальных окраинах является проведение в жизнь принципов пролетарского интернационализма, осуществление на деле национальной политики партии. В связи с этим В. И. Ленин говорил: «Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации»{27}. Обращаясь непосредственно к коммунистам Туркестана и к руководителям Туркбюро ЦК РКП (б) в связи с рассмотрением в Центральном Комитете партии в 1921 г.

вопроса о Туркестане, В. И. Ленин указывал: «...дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; доказать, что мы не империалисты, что мы уклона в эту сторону не потерпим»{28}. В. И. Ленин подчеркивал, что правильная национальная политика в Туркестане — «это мировой вопрос, без преувеличения мировой», что она будет иметь огромное значение для нашей «Weltpolitik»{29}.

Для уяснения содержания борьбы партии за разрешение национального вопроса в Средней Азии важное значение имеют подписанное В. И. Лениным постановление СНК РСФСР от 8 октября 1919 г. о создании Турккомнсии и его письмо «Товарищам коммунистам Туркестана».

Большой теоретико-методологический интерес представляет написанный В. И. Лениным 22 июня 1920 г. проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах Коммунистической партии в Туркестане. За девять дней до этого, 13 июня, В. И. Ленин сделал принципиальные замечания к проекту, составленному комиссией ЦК. В их основу положена идея расширения прав и обязанностей туркестанских советских и партийных [12] органов и всемерное привлечение трудящихся масс местных национальностей к строительству Советского государства {30}. Проект, в частности, предусматривал уравнивание землевладения русских переселенцев и трудящихся местных национальностей путем изъятия у кулаков-колонизаторов самовольно захваченных земель и высылку из республики контрреволюционеров-колонизаторов {31}. В. И. Ленин определил, что деятельность Коммунистической партии Туркестана должна быть направлена на ликвидацию колониального и патриархально-феодалного наследия.

29 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) на основе ленинского проекта приняло четыре постановления о задачах РКП (б) в Туркестане.

В. И. Ленин подчеркивал огромное международное значение победы в гражданской войне в Средней Азии. На II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока он говорил: «Я думаю, что то, что победила Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское всемирное значение»{32}.

Ленинские идеи, касающиеся Средней Азии, дают методологическую основу для изучения истории разгрома басмачества. Ленинский подход к анализу среднеазиатской действительности показывает пример строгой историчности, объективного и партийного подхода при исследовании истории классово-борьбы в Средней Азии.

Специально вопрос о басмачестве и о фронтах в Фергане был поставлен В. И. Лениным в 1921 г. Из упоминавшегося письма к А. А. Иоффе видно, что он просил прислать ему подробнейшие материалы о басмачестве и фронтах в Фергане, подчеркнув, что ему необходимы «факты и точные решения Туркцика» по этим вопросам {33}. Постановку вопроса о басмачестве Ленин связывал с неуклонным осуществлением на практике национальной политики партии; меры по дальнейшей борьбе с басмачеством должны были основываться на глубоко изученных фактах и материалах.

Внимание В. И. Ленина к вопросу о басмачестве в период, когда в основных районах страны гражданская война уже завершилась, свидетельствует о том, что вождь партии и государства держал в фокусе своего внимания это своеобразное явление классово-борьбы, участвовал в выработке мер, направленных на разгром басмачества.

* * *

Ленинская научная концепция классовой борьбы и диктатуры пролетариата, а также национального вопроса воплощена и дальше развита в материалах съездов и конференций Коммунистической партии, в трудах руководителей КПСС.

Особую ценность при рассмотрении проблемы разгрома басмачества [13] представляют документы VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б), VII, VIII, X и XII съездов партии.

VII (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП 1917 г. приняла написанную Лениным резолюцию, включающую следующие положения национальной политики партии: о праве наций на отделение и целесообразности этого отделения в тот или иной момент, об областной автономии и создании в России единых пролетарских организаций. Конференция указала, что целесообразность отделения отдельных частей России решается «в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» {34}. «Интересы рабочего класса, — было записано в решениях конференции, — требуют слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом» {35}.

Решения конференции являются основополагающими при рассмотрении вопросов борьбы с «Кокандской автономией», при решении вопроса о борьбе партии против национал-уклонистов, за идейно-организационное укрепление своих рядов, за оформление единой Коммунистической партии Туркестана.

VIII съезд РКП (б), принявший вторую программу партии, в области национальных отношений требовал: «В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение...» {36}. Решения VIII съезда РКП (б) показали, что для преимущественно крестьянских окраин с многонациональным населением первостепенную роль в борьбе с классовыми врагами играло правильное решение крестьянского и национального вопросов.

Провозгласив на основе решений съезда твердое проведение политики прочного союза пролетариата с середняками, Компартия Туркестана стремилась привлечь середняцкие массы многонационального крестьянства на сторону Советской власти, оторвать от басмачей и контрреволюционного казачества ту часть середняков, которая была спровоцирована на борьбу против Советской власти.

Для Компартии Туркестана, как и для всей партии, большое значение имело решение VIII съезда по военному вопросу. В специфических условиях начального этапа гражданской войны [14] в Туркестане, где были особенно сильны элементы партизанщины, а в отдельных частях еще существовала выборность командного и политического состава, это решение съезда означало усиление борьбы за создание дисциплинированной регулярной армии, способной разгромить интервентов и внутреннюю контрреволюцию.

Решения X съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»{37} и XII съезда «По национальному вопросу»{38} имеют непосредственное отношение к истории Средней Азии.

Особенно важна та часть резолюции X съезда РКП (б), где сказано о степени капиталистического развития у народов Средней Азии, о значении для них опыта социалистической революции, о федерации и сформулированы съездом очередные задачи партии в национальном вопросе. X съезд партии подчеркнул, что великие завоевания Октября подорвали старую национальную вражду, дали русским рабочим доверие их национальных братьев, «довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело»{39}.

XII съезд РКП (б) показал важнейшее значение военного союза народов, сложившегося в годы гражданской войны: «Победа Советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе»{40}.

В резолюциях X и XII съездов партии содержится марксистское определение сущности уклонов в сторону великодержавного шовинизма и местного буржуазного национализма.

Письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», переданное в Политбюро, было оглашено делегациям XII съезда партии. В соответствии с указаниями Ленина в проект решения съезда по национальному вопросу был внесен ряд принципиально важных изменений и дополнений. Выдвигая и обосновывая идею создания СССР, Ленин призывал к решительной борьбе с национализмом и указывал, что подлинный интернационализм проверяется тем, насколько решительно ликвидируется фактическое неравенство народов.

Таким образом, решения X и XII съездов партии, состоявшихся уже после окончания гражданской войны, вооружают историка принципиальными положениями по коренным вопросам хода и результатов гражданской войны.

Принципиальные оценки по проблематике книги содержатся в документах Коммунистических партий Туркестана, Бухары и Хорезма, руководящих партийных органов среднеазиатских республик и Казахстана. В отчетах партийным съездам и в специальных докладах (например, на VI съезде КПТ) определялись задачи борьбы с басмачеством на различных исторических этапах. [15]

* * *

История гражданской войны в Средней Азии нашла отражение в трудах В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, Д. А. Кунаева, Ш. Р. Рашидова.

В статьях И. В. Сталина «Одна из очередных задач», «Совдепам и партийным организациям Туркестана» и «Наши задачи на Востоке» и некоторых других, написанных по поручению ЦК РКП (б) и Наркомнаца РСФСР, конкретизированы задачи партии, которые в годы гражданской войны решали местные партийные и советские организации Туркестана.

Руководствуясь указаниями ЦК РКП (б) и В. И. Ленина о необходимости разработки особых методов борьбы за укрепление Советской власти на Востоке, И. В. Сталин пишет о трех главных задачах: борьбе с остатками колониализма и местным буржуазным национализмом, проведении в жизнь принципов советской автономии и организационно-идейном укреплении Компартии Туркестана {41}.

М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев и Я. Э. Рудзутак, находясь в Туркестане {42}, часто выступали с докладами и речами на партийных активах, конференциях и перед трудящимися республики. Кроме того, они совместно написали ряд воззваний к народам Средней Азии и воинам Туркестана, представляющих большой интерес для понимания сути басмачества {43}.

В трудах М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева и Я. Э. Рудзутака, относящихся к Средней Азии, красной нитью проходит мысль о том, что идейно-организационное укрепление Коммунистической партии Туркестана может быть осуществлено лишь в непримиримой борьбе с великодержавным шовинизмом и местным буржуазным национализмом. В процессе этой борьбы важнейшей задачей большевиков Туркестана должна быть ликвидация всяких проявлений национального неравенства и широкое привлечение трудящихся местных национальностей к активному участию во всех сферах государственной и культурно-политической жизни.

Красная Армия пришла в Среднюю Азию помочь народам Туркестана в их борьбе с объединенными силами белогвардейцев, басмачей и английских интервентов. Она сможет выполнить свою освободительную миссию, если в ее ряды будут привлечены представители трудящихся коренных национальностей Средней Азии, которым ранее царизм не доверял оружия. В. В. Куйбышев в докладе на V Краевой партийной конференции (январь 1920 г.) показал, что привлечение трудящихся коренных национальностей в Красную Армию непосредственно связано с вопросом самоопределения наций. Разоблачая великодержавных шовинистов и местных буржуазных националистов, М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев отстаивали интернациональные принципы строительства вооруженных сил в Туркестане. [16]

Борьба с басмачеством могла быть успешной лишь на основе единства и сочетания боевых действий частей Красной Армии с политической работой среди узбеков и других местных национальностей, рассчитанной на вовлечение их в активную борьбу с шайками басмачей. Эти мысли четко изложил М. В. Фрунзе в обращении к трудящимся Ферганской долины {44}.

Важнейшей задачей народного хозяйства Туркестана был подъем разрушенного хлопководства. Восстановление хлопководства М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев и особенно Я. Э. Рудзутак связывали с необходимостью дать текстильной промышленности РСФСР хлопковое сырье и поднять благосостояние дехкан. Экономическую политику Туркестана в годы войны обосновал Я. Э. Рудзутак в докладе на V Краевой партконференции и в некоторых других выступлениях.

Ключевые проблемы истории народов Средней Азии освещены в трудах Л. И. Брежнева. В его докладах, выступлениях и статьях поставлены и решены важнейшие вопросы национально-государственного строительства в СССР, формирования новой социальной и интернациональной общности — советского Народа. Л. И. Брежнев указал, что в нашей стране национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам в наследство от дореволюционного прошлого, решен полностью, окончательно и бесповоротно {45}.

В книгах Д. А. Кунаева и Ш. Р. Рашидова {46} разработаны актуальные теоретические вопросы пролетарского и социалистического интернационализма, проблемы укрепления дружбы народов СССР. В их выступлениях определены также направления развития исторических исследований в Казахстане и Узбекистане.

Работы видных деятелей партии не только содержат ценный фактический материал, но и методологически вооружают исследователя при истолковании принципиальных вопросов истории гражданской войны в Средней Азии.

Исторический опыт борьбы с басмачеством затронут в выступлениях и отдельных работах партийных и государственных деятелей Средней Азии: К. Ата-баева, Ю. Ахунбабаева, И. А. Зеленского, А. Икрамова, Т. Рыскулова, Н. Тюракулова, Ф. Ходжаева и других {47}. [17]

«Свободными стали бывшие рабы»

Край, где царило бесправие

На тысячи километров — от Каспийского моря до Иссык-Куля, от Арала и казахских степей до Памира — раскинулась Средняя Азия. На востоке она граничит с Китаем, на юге — с Ираном и Афганистаном.

Средняя Азия отличается удивительным разнообразием природных, этнографических, социально-экономических, исторических условий. Протянувшиеся на тысячи верст песчаные пустыни и грандиозные массивы высочайших, увенчанных ледниками гор... Безжизненные такыры {48} и оазисы, поражающие сказочным богатством флоры и фауны... Стремительные реки и зеркальная гладь соленых озер... Причудливая изразцовая вязь прекрасных сооружений Самарканда, Бухары, Хивы и однообразие приземистых дувалов, глинобитных мазанок в убогих кишлаках...

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией большая часть Средней Азии входила в Туркестанский край {49} с населением примерно в 5,25 млн. человек {50}. Площадь Туркестана составляла около 1,8 млн. кв. верст, что было равно двум третям территории Европейской России. По своим размерам территория Туркестана превосходила Германию, Австро-Венгрию, Италию и Францию, вместе взятые.

Это был многонациональный край. Здесь жили узбеки, киргизы, казахи, туркмены, таджики, каракалпаки, но ни одна из национальностей не имела подавляющего большинства. Со второй половины XIX в. в Туркестане, главным образом в городах, стали селиться русские, украинцы, представители других народов Европейской России. К 1917 г. они составляли около 4% всего населения края.

В бассейне Амударьи, от афганской границы до Аральского моря, находились земли Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Если Туркестанский край входил в состав Российской империи, то Бухара и Хива были вассальными государствами, сохранявшими во внутренних делах относительную самостоятельность.

В Бухаре и Хиве не проводилось переписей населения. Считалось, что накануне революции под властью бухарского эмира проживало приблизительно 3 млн. человек, а хивинскому хану подвластно 600–900 тыс. {51}. [18]

В начале нашего столетия немногочисленные промышленные центры Средней Азии соседствовали с районами, где господствовал родо-племенной строй; тысячелетние города — с только что построенными железнодорожными станциями. Густонаселенные долины сменялись безлюдными горными хребтами; очаги древнего земледелия с разветвленной системой ирригационных сооружений — пустынными степями, где кочевали скотоводы.

Туркестан был отсталым краем. Подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством. Фабрично-заводская промышленность носила типично колониальный характер. Она была представлена главным образом небольшими предприятиями по первичной обработке сельскохозяйственного сырья (хлопкоочистительные, маслобойные, кожевенные и т. п.) {52}. В связи с железнодорожным строительством начали создаваться железнодорожные мастерские и депо.

Дехкане-земледельцы, составлявшие большинство населения края, испытывали на себе двойной гнет — местных баев и царских колонизаторов. К 1917 г. 64,5% оседлых хозяйств владели участками до 2 десятин, т. е. входили в категорию бедняцких. Около 15% дехкан вообще не имели пахотной земли, а 35,5% — рабочего скота. Крестьяне разорялись, попадали в кабалу к баям, ростовщикам.

Кочевники-скотоводы (почти 34% всех хозяйств) также в подавляющей массе жили в тяжелой нужде: 11,2% кочевников совсем не имели скота. В то же время феодально-байская верхушка (немногим более 3% хозяйств) владела 30–40% скота.

Нелегкой была участь нарождавшегося среднеазиатского пролетариата. Если не считать квалифицированной части железнодорожников, большинство рабочих трудились за гроши в тяжелейших условиях {53}. Среди железнодорожников основную массу составляли русские рабочие, а в промышленности на каждых 100 русских приходилось 70 представителей местных народностей (главным образом узбеков и таджиков).

Условия труда были поистине варварскими. Вот два свидетельства. В. В. Заорская и К. А. Александер, которые специально обследовали фабрично-заводские предприятия Туркестана, писали, что длина рабочего дня там практически неопределенна, что люди работают от зари до зари {54}. А газета «Туркестанский курьер» в декабре 1909 г. так описывала хлопкоочистительный завод: «В заводском здании, в джинном отделении, пылица всегда держится в воздухе невообразимая, на все здание завода имеется 3–4 штуки висячих фонарей с огарками свечей, и это считается освещением, рабочие вследствие этого по всему заводу ходят почти ощупью впотьмах и с клочком ваты в зубах для фильтрации вдыхаемого пыльного воздуха... Ежедневно почти на каком-нибудь из заводов бывает несчастный случай с рабочим, кончающийся тяжелыми поражениями, а иногда и смертью» {55}. [19]

Население Туркестанского края не имело элементарных политических прав. Царские чиновники всячески третировали представителей местных национальностей как «инородцев», «людей второго сорта», облагали их непосильными налогами.

Поразительной была культурная отсталость населения. Оно оставалось почти поголовно неграмотным. В немногочисленных школах обучение велось по преимуществу на русском языке, а узбеки, таджики, киргизы, туркмены, казахи составляли ничтожный процент среди учащихся.

В крае отсутствовало даже подобие современной системы здравоохранения. Врачи работали только в городах, а в кишлаках о медицинской помощи в современном смысле слова не было и понятия. Не удивительно, что были широко распространены социально-бытовые болезни — трахома, чесотка, малярия, туберкулез, ришта, парша. То и дело вспыхивали эпидемии тифа, оспы, дизентерии.

Еще более отсталыми во всех отношениях были деспотические средневековые государства — Бухарский эмират и Хивинское ханство. Время здесь словно остановилось. Социальные и общественные отношения носили застойный феодальный характер. В Бухарском эмирате более 85% обрабатываемых земель принадлежало светским и духовным феодалам, эмирским чиновникам. В Хивинском ханстве в их руках находилось почти 95% поливных земель. Дехканин гнул спину под бременем феодальной эксплуатации. Он отдавал значительную часть урожая эмиру или хану в качестве феодальной подати, нес тяготы барщины и других многочисленных повинностей. В Бухаре с крестьян взыскивалось свыше 50 видов различных сборов и налогов.

Бюрократический аппарат не получал регулярного жалованья. Все чиновники — от полновластных правителей областей (хакимов и беков) до последнего писца (мирзы) — жили за счет населения. При такой системе насилие, произвол, вымогательство, взяточничество достигли гигантских размеров. Эта варварская система опиралась на деспотическую власть эмира и хана, власть устрашающую, беспощадную.

За малейшую провинность, не говоря уже о неповиновении, людей подвергали жестоким публичным казням: сбрасывали с высоких минаретов на каменные плиты, вешали на крюках. Тысячи узников томились в подземных тюрьмах — зинданах, кишевших змеями и скорпионами. Распространенной карой было отрезание языка.

Замечательный советский писатель и ученый Садриддин Айни, проведенный юность в Бухаре, рисует картину публичного наказания на бухарском Регистане. Он рассказывает, как на заполненную народом площадь у эмирского дворца выехали придворные эмира. «На всадниках сверкали шелковые, златотканые и атласные халаты, сверкали пояса, обшитые золотыми и серебряными бляхами и монетами. На поясах покачивались кинжалы [20] в золотых или серебряных ножнах», лежавшие у стремени конюхи расталкивали людей в бедных халатах, отгоняли нищих. «Покрытые паршой, в золе с головы до ног», нищие были без штанов и рубаш — «лишь бедра охватывала веревка, державшая рваную тряпку вместо передника, да со спин свисали рваные грязные халаты...»

Начальник стражи — «князь ночи» — кликнул «исполнителей эмирского гнева» — палачей. Вывели узника. Руки его были связаны за спиной. Палачи сорвали с узника халат и стали бить кизилowymi палками по обнаженной спине. «При каждом ударе кожа приставала к палке, а из раны во все стороны брызгала кровь. После семьдесят пятого удара... державшие узника бросили его израненное тело на землю...»

У смертника руки были завязаны спереди. Осужденного подвели к яме. «К нему деловито и неторопливо подошел один из палачей, держа наотмашь небольшую дубинку.

Размахнувшись, он ударил по голеням узника. Тот упал лицом в черную глину. Палач схватил его за бороду и с силой прижал голову к глине. Второй палач вынул из ножен коротенький нож с узким лезвием. Убив узника, он хозяйственно вытер нож о халат казненного и убрал его в ножны».

Через стеклянную дверь Арка (дворца) за казнью наблюдал сам эмир {56}.

Народы Средней Азии не имели национальной государственности. Они были административно разобщены. Часть узбеков, таджиков, туркмен являлась жителями Туркестанского края, другая — Бухарского эмирата, третья — Хивинского ханства.

Царское правительство сохраняло и культивировало разобщенность народов Средней Азии, стремилось законсервировать их темноту и невежество. Огромным влиянием пользовалось мусульманское духовенство. Передаваемые из поколения в поколение религиозные традиции и средневековые обычаи глубоко укоренились в массах. Женщины были низведены до положения рабынь, лишены всяких прав. Паранджа — черная накидка, полностью закрывавшая лицо, — вот символ положения женщины в те годы. Применительно к дореволюционному времени невозможно себе представить женщину-мусульманку без паранджи...

Заря новой жизни

Двойной гнет — национальный и социальный — делал жизнь трудящихся Средней Азии невыносимой. В крае созрели предпосылки для развертывания революционной, освободительной борьбы.

Путь к национальному и социальному освобождению был только один. Это был путь социалистической революции под руководством [21] рабочего класса России, его партии, партии коммунистов. Русский же пролетариат мог осуществить свою историческую миссию, свергнуть господство царизма и буржуазии, только в союзе с трудовым крестьянством и многомиллионными массами угнетенных национальностей. В такой стране, как Россия, революция неизбежно должна была вовлечь в свою орбиту трудящихся всех национальностей. Без этого она не могла рассчитывать на успех.

Поэтому В. И. Ленин, готовя партию к решительному штурму капитализма, неустанно подчеркивал необходимость союза революционного пролетариата с поработанными народами. «...Мы должны связать революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе» {57}, — писал он в 1915 г.

Положение Туркестана резко ухудшилось в годы первой мировой войны. С 1915 по 1917 г. почти на миллион десятин сократились посевные площади. Валовой сбор хлопка составил в 1917 г. 7845 тыс. пудов против 14900 тыс. в 1916 г. и 20518 тыс. в 1915 г. {58}. Резко подскочили цены на промышленные изделия и продовольствие.

Когда в феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция и пала твердыня самодержавия, партия коммунистов призвала всех трудящихся к дальнейшей борьбе. Рабочие России, взяв по ленинскому призыву курс на социалистическую революцию, крепили союз с угнетенными народами окраин, которые начинали понимать, что у них один путь с русскими рабочими и крестьянами — путь борьбы и против русской империалистической буржуазии, и против «своей» контрреволюции.

Множество фактов свидетельствовало о растущем сплочении трудящихся различных национальностей всей страны, об их единстве, осененном красным знаменем. Этот процесс охватил и Среднюю Азию.

Вот отдельные примеры. Ташкент, 1 мая 1917 г. Трудящиеся отмечают свой праздник. По всему городу останавливается работа, закрываются торговые заведения, прекращается трамвайное движение. На улицы выходят демонстранты — русские рабочие. Но они не одиноки. Трудовой узбекский люд также вышел на первомайскую демонстрацию! И колонны сливаются, демонстранты вместе шествуют по городу, организуются совместные митинги, на которых выступают как русские, так и узбеки.

В казахском селении Мерке Аулие-Атинского уезда проходит революционный митинг. Один из присутствовавших на митинге рассказывает: «...вдали показалась толпа мусульман... красные флаги со свободолюбивыми надписями несли впереди... Русское население пошло им навстречу, и, когда обе партии остановились, получилось до того трогательно, что слезы радости усиленно лились из многих глаз, с одной и другой стороны неслись [22] свободолюбивые песни, а потом были провозглашены их (участников манифестации) желания с криком «ура»{59}.

Временное правительство — достойный преемник царизма — отказывало народам в равноправии. В Туркестане сменились названия административных органов, но трудящиеся не получили никаких прав. Орган Временного правительства, Туркестанский комитет, заменивший администрацию генерал-губернатора, продолжал политику национального угнетения.

Народные массы видели выход во все более активной борьбе против национально-колониального угнетения, за свободу и равенство.

На пути освободительного движения народов стояла национальная буржуазия. Буржуазные националисты стремились захватить руководство движением. Они хотели обособления народов, как огня боялись установления единства «своих» трудящихся с русским пролетариатом. Мечтая об увековечении эксплуататорского строя, они ненавидели революцию. Эта ненависть вела их к фактическому блоку с великодержавной русской буржуазией, толкала на путь сговора с ней.

Центральная Рада на Украине, «Шура-и-Ислам», «Шура-и-Улема» в Средней Азии, «Алаш» в Казахстане, дашнаки, мусаватисты, грузинские меньшевики под прикрытием «национального флага» отчаянно боролись с революцией, предавали интересы своих народов. Однако на словах они выступали за национальное равноправие, не жалели сил, чтобы доказать свою приверженность идеям свободы и равенства. В первое время буржуазным националистам удалось повести за собой известную часть населения национальных районов, в том числе и в Средней Азии.

Большевики России усиливали свою работу среди угнетенных народов, сплывая их под лозунгом пролетарского интернационализма, поднимая на борьбу против русских и местных эксплуататоров, за национальное и социальное освобождение.

Борьба рабочего класса России увенчалась великой победой. 25 октября (7 ноября) 1917 г. власть перешла в руки трудящихся.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала революцией всех народов России. Участниками II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего Советскую власть, были представители подавляющего большинства губерний и городов, посланцы основных национальных районов. Делегаты Украины и Белоруссии, Ревеля и Двинска, Баку и Тифлиса, Ташкента и Казани, Ижевска и Саранска вместе с делегатами Петрограда, Москвы, Урала, Сибири в белоколонном зале Смольного своим волеизъявлением открыли начало новой эры в истории человечества.

Революционная буря разбила цепи, сковывавшие народы России. Вслед за бессмертными строками Декрета о мире, Декрета [23] о земле прозвучали волнующие слова Декларации прав народов России. Освобождение и раскрепощение народов России «должно быть проведено решительно и бесповоротно», говорилось в декларации. Четыре лаконичных пункта декларации воплощали мечты народов:

- «1) Равенство и суверенность народов России.
- 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
- 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных ограничений.
- 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»{60}.

Миллионы людей, еще недавно лишенных всяких прав, предстали перед миром как борцы и творцы, вдохновленные большевистской правдой, пробужденные к новой жизни, осознавшие, что национальное равноправие неразрывно связано с социальным освобождением. В России не стало наций господствующих и наций угнетенных.

В большинстве районов Средней Азии социалистическая революция одержала победу сравнительно быстро.

Следуя примеру петроградских рабочих, революционных матросов и солдат, трудящиеся Средней Азии, руководимые большевиками, брали власть в свои руки. На рассвете 28 октября 1917 г. гудки железнодорожных мастерских Ташкента возвестили о начале вооруженного восстания против Временного правительства. После длившихся четыре дня упорных боев контрреволюционные войска генерала Коровиченко были разбиты. В главном городе Туркестанского края — Ташкенте — была провозглашена Советская власть.

Почти одновременно Советы взяли в свои руки контроль еще над рядом городов — Кушкой, Красноводском, Термезом и др. В течение нескольких последующих недель Советская власть победила в Джизаке и Самарканде, Мерве и Чарджуе, а затем и в городах Ферганской долины.

В борьбе за установление Советской власти русские и узбеки, туркмены и таджики, казахи и киргизы действовали рука об руку. В боях с контрреволюцией в Ташкенте самоотверженно сражались узбеки — железнодорожники, трамвайщики и др. «Рабочие Таштрама, как русские, так и узбеки, — вспоминал участник восстания Шамурза Халмухамедов, работавший тогда вагоновожатым, — все как один выступили против буржуазного Временного правительства»{61}. Тогда же, в решающий момент Ташкентского вооруженного восстания, на помощь рабочим, отбивавшим яростные атаки врага на железнодорожные мастерские, прорвались из старого города дружинники-узбеки.

Мысли и чувства трудящихся выразила резолюция рабочих одного из промышленных предприятий, принятая в декабре [24] 1917 г. «Мы, рабочие-мусульмане завода Ходжаева, — говорилось в ней, — единогласно решили поддерживать всеми имеющимися у нас средствами рабочее правительство — Совет солдатских и рабочих депутатов и протягиваем ему братскую мозолистую руку, которую более 50 лет эксплуатировали кулаки, баи и чиновники — ставленники Николая II. Мы протягиваем руку русскому пролетариату, в котором мы, темные мусульмане, видим истинного защитника рабочего и трудящегося класса, освободившего нас от нагайки чиновника и кулака бая. Мы идем рука об руку с русским пролетариатом и протестуем против попыток буржуазии разъединить нас... Мы хорошо поняли, кто нам друг и кто враг, и не пойдем на удочку прислужников старого режима»{62}.

К весне 1918 г. красное знамя Советской власти развевалось над основными районами Средней Азии — от Кушки до Аральского моря, от Ферганы до Каспия.

Господство эксплуататоров сохранилось, однако, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Народные массы здесь были еще недостаточно подготовлены к штурму старой власти. Добиться победы они смогли лишь в 1920 г.

На территории Советского Туркестана занялась заря новой жизни. III краевой съезд Советов в ноябре 1917 г. избрал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края. Советы стали постепенно возникать и в сельской местности — волостные, кишлачные, аульные. В местной печати публиковались исторические документы Советской власти — ленинские декреты о мире, о земле, Декларация прав народов России, обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Туркестанский Совнарком в своей деятельности стремился руководствоваться этими документами. Он сообщил в Петроград, что ставит своей задачей претворение в жизнь декретов Советского правительства.

V съезд Советов Туркестана (20 апреля — 1 мая 1918 г.) провозгласил Туркестан автономной советской республикой.

«1. Территория Туркестанского края, — говорилось в принятом съездом документе, — объявляется Туркестанской Советской Республикой Российской Советской Федерации. В состав Туркестанской Республики входит вся страна Туркестан в ее географических границах, исключая Хиву и Бухару...

2. Туркестанская Советская Федеративная Республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации»{63}.

Советская власть в Туркестане провела национализацию промышленных предприятий, создавая социалистический уклад в экономике. Незамедлительно был введен 8-часовой рабочий день. Осуществлялось новое законодательство в области социального страхования, охраны труда, создавался новый суд, проводились [25] меры по организации бесплатной медицинской помощи, по налаживанию системы народного образования.

Началась работа по подъему производительных сил, развитию народного хозяйства. 17 мая 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ»{64}.

Социалистическое строительство все шире развертывалось в городах, поселках, кишлаках Средней Азии, втягивая в свою орбиту миллионные массы трудящихся. Перед ними —

еще совсем недавно бесправными и забытыми — открылись светлые горизонты. Впервые в истории они получили возможность строить новую жизнь, строить своими руками, строить для себя.

В. И. Ленин после Октябрьской революции выдвинул задачу «поднять наинизшие низы к историческому творчеству»{65}. Эта задача успешно решалась по всей стране, в том числе и в Средней Азии.

«Наинизшие низы» — трудящиеся узбеки, таджики, киргизы, туркмены, казахи, каракалпаки — вместе с рабочими и крестьянами всей страны приступили к строительству новой жизни. Они смело шли в ряды борцов за социализм, приветствовали победоносную революцию.

Их настроение выразил Садриддин Айни в знаменитом «Марше свободы»:

О рабы! Подымайтесь из праха,
Красным Знаменем мир озаря!
Сбросьте иго покорности, страха —
Засияла свободы заря.
Мы рассеем унынье и горе,
Мы неправду развеем, как дым,
Во всемирном безмерном просторе
Справедливость навек утвердим {66}.

Ему вторил на далеком Памире один из немногих грамотных жителей, Мухаббат Шахзаде, в стихотворении, посвященном установлению Советской власти в горном Бадахшане:

...Свободными стали бывшие рабы,
Расправили плечи усталые люди,
И пылью заносит печали следы {67}.

Социалистическая революция в Туркестане явилась составной частью социалистической революции в России. Коммунистическая партия сумела создать союз трудящихся (преимущественно крестьян) различных национальностей с русским рабочим классом. Для народов Средней Азии открылись небывалые в истории возможности — перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Однако в силу ряда исторических и экономических условий социалистическая революция и социалистическое строительство [26] встретили в Средней Азии дополнительные, специфические трудности.

В лагере, враждебном Советской власти, наряду с русскими фабрикантами, банкирами оказались местные эксплуататорские слои: феодалы, баи, буржуазия, реакционное мусульманское духовенство и их националистические контрреволюционные партии («Шура-и-Ислам», «Алаш» и другие). Советской власти противостояли представители кулацко-колониаторской верхушки, колониального административного аппарата. Офицерская и кулацкая прослойка казачества (семиреченского, оренбургского, аральского) также стремилась уничтожить завоевания революции. Бывшие эксплуататорские классы — русские и местные, — несмотря на наличие между ними известных противоречий, создавали единый блок.

Хотя Советская власть и подорвала основы национальной вражды, царизм и великорусская буржуазия оставили в Туркестане «тьму озлобления и недоверия к великоруссам»{68}. Это недоверие, укоренявшееся десятилетиями и подогревавшееся после Октября националистами, сразу ликвидировать было невозможно. Оно использовалось контрреволюционерами для борьбы с Советской властью.

Нельзя не учитывать и то, что недостаточной идейной и организационной закалкой большевистских организаций Туркестана пользовалась в своих целях партия левых эсеров, которая на паритетных началах вместе с большевиками входила в органы Советской власти в Туркестанской республике.

Если в центре страны левые эсеры находились в руководящих советских органах лишь до Брестского мира, то в Туркестане вследствие их влияния на известную часть рабочих, не говоря уже о мелкобуржуазных слоях населения, они принимали участие в деятельности Советов весь 1918 год и начало 1919 г. Левые эсеры кое-где открыто, а главным образом нелегально помогали классовому врагу в борьбе с диктатурой пролетариата.

Господство феодальных и патриархально-родовых отношений тормозило классовую дифференциацию, рост классовой сознательности трудящихся. К этому добавлялась экономическая отсталость края, малочисленность и слабость национального пролетариата, засилие мусульманской религии, огромная культурная отсталость.

Союз пролетариата с крестьянством инациональным устанавливать было труднее, чем с крестьянством однопациональным. Народам отсталым, не прошедшим стадию капиталистического развития, идти к социализму было труднее, чем народам развитым.

Все это не могло остановить поступь революции, но делало борьбу за ее победу более длительной, сложной и напряженной. [27]

Империалистическая интервенция и гражданская война

Контрреволюция и интервенты развязывают войну

Социалистическая революция совершилась при поддержке и активном участии подавляющего большинства населения России. Но классы и социальные прослойки, ранее находившиеся у власти, развернули против победившей революции упорную борьбу. Это были помещики и капиталисты, а также значительная часть чиновничества и офицерства.

На протяжении столетия царизм создавал своеобразные привилегированные военные кадры — казачьи войска. Весьма значительные по численности, они располагались на обширной территории (на Дону, на Северном Кавказе, Южном Урале, в Семирежье, в районах Сибири и Дальнего Востока). Конечно, и в среде казачества происходило резкое социально-политическое расслоение — трудовое казачество вставало на сторону революции, однако казачьей верхушке поначалу удалось повести известную его часть за собой против Советской власти.

Против революции выступило высшее духовенство — православное, католическое и мусульманское, выступили феодальные и полуфеодальные круги национальных окраин.

Наконец, открыто антисоветскую позицию заняла и сельская буржуазия — кулачество.

Едва закончился II съезд Советов, как на подступах к революционной столице начались бои. Бежавший из Петрограда бывший премьер Керенский поднял мятеж. Вместе с генералом Красновым он собрал несколько воинских частей и двинулся на «усмирение» победивших рабочих и крестьян. Войска Керенского — Краснова вышли на ближние подступы к Петрограду, но были разбиты и отброшены революционными рабочими, матросами, солдатами.

В течение первой половины 1918 г. многочисленные контрреволюционные подпольные организации готовили заговоры, мятежи, диверсии, террористические акты, вели антисоветскую пропаганду. Враги Советской республики энергично формировали военные силы. Из числа монархически настроенных офицеров на Северном Кавказе сколачивалась так называемая Добровольческая армия. Ее возглавили царские генералы М. В. Алексеев, [28] Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин. В казачьих областях создавались антисоветские отряды.

Быстрая ликвидация первых попыток контрреволюции развязать гражданскую войну (разгром Керенского — Краснова под Петроградом, Дутова на Южном Урале, Каледина на Дону) убедительно показала, что Советская власть, опирающаяся на подавляющее большинство населения, имеет неизмеримое превосходство над силами контрреволюции.

Тем не менее вооруженное сопротивление контрреволюции не прекращалось. Напротив, с каждым месяцем его размах усиливался. Это объяснялось тем, что против Республики Советов выступили капиталистические государства, предпринявшие антисоветскую интервенцию.

Королевская Румыния оккупировала Бессарабию. На Советском Севере (Мурманск, Архангельск) и на Дальнем Востоке (Владивосток) высадились английские, японские, американские интервенционистские десанты. В конце мая 1918 г. на Средней Волге и в Сибири вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса. Действуя совместно с российскими контрреволюционными силами, белочехи захватили ряд городов Поволжья и Сибири, свергнув там Советскую власть.

В оккупированных районах интервенты устанавливали режим террора. Коммунистов, советских и профсоюзных работников бросали в тюрьмы, заключали в концентрационные лагеря, расстреливали.

В антисоветской интервенции приняли участие 14 государств Европы, Америки, Азии. Основную роль играли крупнейшие капиталистические державы — США, Англия, Франция, Япония. И хотя в течение года после Октябрьской революции капиталистический мир был расколот продолжавшейся войной между Антантой, с одной стороны, и Германией и ее союзниками — с другой, враждующие группировки воевали против Республики Советов. Германская и австро-венгерская оккупация огромных территорий России переплелась с англо-франко-японо-американской интервенцией.

Все сухопутные и морские связи России с внешним миром были прерваны. Империалисты установили почти полную блокаду Республики Советов. Интервенты объединились с белогвардейскими контрреволюционными силами. Они снабжали их деньгами, вооружением, совместно вели военные операции.

К середине 1918 г., когда интервенция Антанты и действия белогвардейцев приняли широкие размеры, краткий период мирной передышки, полученный после Брестского мира, закончился. Советская страна оказалась втянутой в войну против чужеземного нашествия и внутренней контрреволюции. Судьбы народов России зависели от того, сумеет ли Советская власть отбить нападение врагов и отстоять дело революции.

Пламя навязанной империалистами войны полыхало по всей [29] стране. На севере и юге, на западе и востоке шла ожесточенная борьба с интервентами и белогвардейцами.

«Добровольческая» армия летом и осенью 1918 г. захватила значительную часть Северного Кавказа. Генералы Краснов и Мамонтов подняли мятеж казаков, заняли Донскую область и начали наступление на Царицын и Воронеж. Чехословацкие мятежники и белогвардейцы заняли всю Сибирь, ряд городов Поволжья — Самару, Симбирск, Казань. Молодая республика была окружена огненным кольцом фронтов. Красное знамя Советов развевалось теперь лишь над сравнительно небольшой территорией Центральной России.

Советское государство оказалось перед суровыми испытаниями. «На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом» {69}, — говорил В. И. Ленин в июле 1918 г.

Обстановка в Туркестане сложилась особенно трудная. Экономическая отсталость края, специфика социально-политических условий, о которой уже говорилось, сделали сопротивление эксплуататоров крайне ожесточенным.

В свержении Советской власти в Туркестане был крайне заинтересован англо-американский империализм.

Средняя Азия привлекла чужеземных империалистов по тем же причинам, по которым любой колонизатор зарится на чужую территорию, — полезные ископаемые и сельскохозяйственное сырье (прежде всего хлопок), дешевая рабочая сила, стратегическое положение региона и т. д.

Для уяснения роли англо-американских империалистов в разжигании гражданской войны в Средней Азии и организации басмачества небезынтересно обратить внимание на некоторые факты из истории их проникновения туда. Проходило это проникновение по классической схеме. Вначале в Средней Азии появились «специалисты» по «изучению» культуры, быта и нравов «туземцев», инструкторы по обработке хлопка, развитию животноводства, консультанты по геологическим и железнодорожным изысканиям, археологии и т. п., а также журналисты и туристы. Они проводили сбор и обработку данных экономического, политического и военного характера, пересылали собранные сведения своим хозяевам, щедро финансировавшим культурно-просветительные и филантропические мероприятия прикрытия.

Вместе с «культуртрегерами» в Туркестан устремились коммерсанты и предприниматели, а также дипломатические чиновники, стремившиеся завязать широкие связи с колониальной администрацией, владельцами хлопковых плантаций и хлопкоочистительных заводов, хозяевами угольных шахт и нефтяных скважин. Они же зондировали почву для получения нефтяных концессий, контрактов на строительство железных дорог, проведение оросительных работ и т. д. И наконец, в конце прошлого [30]

и начале нынешнего века в Средней Азии стали возникать первые иностранные торговые и промышленные фирмы.

Американский и английский капитал особенно упорно стремился обосноваться в жемчужине края — Ферганской долине. Акции основных отраслей хозяйства Ферганы попали в руки американских и английских владельцев. Например, в 1909 г. нефтяные компании Гувера и Уркварта выкупили у русских предпринимателей Майлисайское месторождение нефти и создали «Ферганское нефтепромышленное общество».

В 1912 г. в Андижане поселился американец Уильям Мей, который вошел в существовавшее здесь «Туркестанское торгово-промышленное общество» Ферганы. По его инициативе общество установило непосредственные контакты с промышленниками США {70}, в Коканде открылся склад американской нефтяной «Вакуум Ойл Компани»; нефтепромышленное и торговое общество «Санто», созданное в Ферганской области в 1898 г., финансировалось учрежденной в Лондоне и функционировавшей на основе английских законов «Русской генеральной нефтяной корпорацией»; основанное в 1905 г. нефти — и горнопромышленное общество «Чимион» было также связано с английским капиталом {71}. Две трети основного капитала среднеазиатского каменноугольного общества «Кызыл-Кия» принадлежали Петербургскому международному коммерческому банку, связанному с английским, французским и немецким капиталом {72}.

Незадолго до первой мировой войны в России было открыто отделение акционерного общества «Компания Зингер» с акционерным капиталом в 50 млн. руб. Компания имела своих представителей, склады и магазины почти во всех городах и крупных населенных пунктах Туркестана. Вполне обоснован вывод, что «вся обширная агентурная сеть «Компании Зингер» в Туркестане не столько занималась торговлей швейными машинами, сколько шпионской деятельностью: агенты фирмы собирали сведения о роде занятий населения, о состоянии дорог, о размерах посевов и поголовье скота, о промышленности и торговле» {73}.

Особое место в экономическом экспансионизме империалистов США занимало насаждение в слаборазвитых странах обширной сети банков. Один из самых крупных в Средней Азии — Русско-Азиатский банк (сформирован в 1910 г. на базе бывшего Русско-китайского банка, созданного в 1896 г.) был тесно связан с американским финансовым капиталом (особенно с Вандерлипом и Гувером); его отделения были открыты в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Маргилане, Намангане, Бухаре, Новом Ургенче, Ашхабаде, Мерве, Керки. Эти отделения контролировали деятельность почти всех хлопковых плантаторов. Банк приобрел большую часть акций Коканд-Наманганской и Токмакской железных дорог, Русского товарищества «Нефть», Кокандского электрического общества, Среднеазиатского нефтепромышленного товарищества {74}. Он принял участие [31] также в железнодорожном строительстве, в частности в прокладке линии Андижан — Ош. Сооружение Ферганской железной дороги, осуществлявшееся в годы первой мировой войны, в значительной степени субсидировалось американским капиталом.

После победы Октября империалисты не отказались от планов колониального порабощения Средней Азии. Они учитывали стратегическое и географическое положение Туркестана. Соседство края с Афганистаном, Персией, Китаем, Индией и его революционизирующее влияние на народы этих стран не могли не беспокоить англо-американских колонизаторов. Тесно соприкасаясь с поработанным Востоком, таящим в себе потенциальные силы для борьбы с империализмом. Туркестан был как бы мостом,

соединяющим Советскую Россию с колониальными странами. Он будил и звал угнетенные народы на решительную борьбу против колониализма, своим собственным опытом подтверждал необходимость и возможность ликвидации этой язвы человечества.

Беспокойство империалистов усилилось в связи с первыми успехами, достигнутыми молодой Туркестанской республикой в социалистическом строительстве, и с началом решения выдвинутых Коммунистической партией задач по превращению Туркестана в образцовую республику, в маяк социализма на Востоке. Укрепление Советской власти было смертельной угрозой господству империализма в Азии. Империалисты надеялись, что, задушив Советскую власть в Туркестане, они оградят свои колонии от революционизирующего влияния России.

В условиях начавшейся гражданской войны Туркестан нужен был империалистам и как плацдарм, обеспечивающий создание сплошного фронта интервенции и контрреволюции юга, юго-востока и востока России. Они рассчитывали на то, что развертывание борьбы в Туркестане заставит Советское правительство перебросить сюда значительные военные силы и тем самым ослабит решающие фронты Советской республики. Близость государственных границ позволила империалистическим силам осуществить прямое вооруженное вторжение, вести активную подрывную деятельность, оказывать контрреволюции всемерную помощь.

В антисоветской борьбе, развернувшейся в Туркестане, ударной силой контрреволюции стали басмачи.

В последних числах ноября 1917 г. среднеазиатская контрреволюция — русские и местные капиталисты, торговцы, ростовщики, феодалы, мусульманское духовенство, националистические политики — провозгласила «автономию» Туркестана и сформировала свое «правительство». Местопребыванием этого «правительства» стал расположенный в Ферганской долине город Коканд — один из торгово-промышленных центров края и оплот мусульманского духовенства (в нем насчитывалось 382 мечети, 42 медресе; здесь находились около 6 тыс. служителей [32] мусульманского культа; сюда после победы Октября пробрались руководящие силы туркестанской контрреволюции:

Программа кокандского «правительства» предусматривала восстановление Кокандского ханства и организацию Среднеазиатского халифата. Одновременно восстанавливались все виды феодальной и капиталистической собственности, бесправие женщины, шариатский суд, а также законы, изданные буржуазным Временным правительством России.

Выдвигая лозунг «автономия Туркестана», эксплуататорские классы хотели использовать в своих целях стремление народных масс к национальной независимости. Они выступали за автономию только потому, что им это было выгодно, что за национальным костюмом можно было скрыть борьбу с властью трудовых масс.

Кокандские «автономисты» опирались на поддержку эмирской Бухары и ханской Хивы, на туркестанских эсеров и меньшевиков, на членов местного «Союза русского народа», на туркестанские сионистские организации, на бывших чиновников Временного правительства. Они также установили отношения с казахскими и башкирскими националистами, с Украинской радой, которая признала их «правительство» единственной законной властью в Туркестане.

«Автономисты» действовали в тесном союзе и с другими контрреволюционными силами, в том числе с царскими казачьими атаманами вроде А. И. Дутова {75}, с белогвардейскими генералами — злейшими врагами любой автономии для народов России.

Все это убедительно характеризует классовый характер и политическую направленность «Кокандской автономии». Не защита национальных интересов народов Средней Азии, а борьба против Советской власти, власти трудящихся, — вот для какой цели была создана «Кокандская автономия».

Английские и американские военно-дипломатические круги самым активным образом поддержали кокандских «автономистов». 15/28 января 1918 г. английское правительство направило правительству США меморандум о необходимости интервенции против Советской России и о поддержке белогвардейских организаций и «правительств на юге и на юго-востоке России» {76}.

Друг Вильсона полковник Хауз, комментируя шестой из «14 пунктов», разъяснял, что оккупация Сибирской железной дороги американскими войсками была осуществлена также с целью поддержки «автономных образований в юго-восточной России», в том числе, как это видно из текста, «Кокандской автономии» {77}.

Президент США Вильсон разработал программу ликвидации Советской власти, территориального расчленения России и закабаления трудящихся, в которой определенное место отводилось и Средней Азии. В «14 пунктах» Вильсона и в комментариях [33] к ним Хауза и Липпмана говорится о Средней Азии как о будущей колонии США. В шестом пункте читаем: «Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората» {78}. Данный пункт был подтвержден и в расширенном варианте этого документа, утвержденного Вильсоном в качестве официальной программы для американской делегации на Парижской мирной конференции {79}.

Туманная формулировка «управление на основе протектората» на деле означала стремление превратить Среднюю Азию в американскую колонию. Выступая на Парижской мирной конференции в 1919 г. по вопросу о мандатной системе, Вильсон разъяснил, что система мандатов простирается на «германские колонии, территории Турецкой империи и другие территории». На вопрос, что он имеет в виду под «другими территориями», Вильсон ответил: «Бывшую Российскую империю», а точнее — Кавказ, Среднюю Азию и другие области {80}. На географической карте, составленной госдепартаментом для американской делегации, среди районов, которые предполагалось отторгнуть от России, была и Средняя Азия, вошедшая в зону США {81}.

Особую заинтересованность в свержении Советской власти в Средней Азии проявляла Англия. В первую очередь это объяснялось страхом британского империализма за судьбу своих обширных колониальных владений и его желанием включить Туркестан в состав Британской империи. Руководитель английской интервенционистской миссии в Баку и Закавказье генерал Денстервиль признавал, что захватом территории Туркестана, как и Баку, англичане стремились закрыть двери в Центральную Азию {82}. 4 марта 1918 г. министр иностранных дел Англии А. Дж. Бальфур заявил, что английское правительство уделяет азиатской России большое внимание {83}.

В период работы Парижской мирной конференции английская агентура в Туркестане попыталась сколотить из буржуазно-националистических элементов и реакционного мусульманского духовенства делегацию для поездки во Францию, чтобы там выдвинуть требования «об освобождении Туркестана от большевистского ига». В английских правящих кругах уже разрабатывалась программа выступления «туркестанской делегации» в Париже. В нее входило требование признания «национального самоопределения» Туркестана на основе принципов, изложенных Вильсоном. Английское правительство обещало поддержать эти требования {84}. За всем этим скрывалась идея превращения Туркестана в колонию. В случае неудачи этого проекта английские империалисты планировали создание в Средней Азии королевства во главе с эмиром Бухары Сейид Алим-ханом. [34]

Британское правительство рассчитывало использовать в Средней Азии свои значительные вооруженные силы, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке. Один из английских генералов в начале 1918 г. заявил: «Нужно учитывать момент, и возможно, что английским солдатам придется нести сторожевую службу в оазисах Мерва и Самарканда» {85}.

Английское консульство в Кашгара (сначала консулом был Д. Маккартней, а затем подполковник П. Эссертон) направляло в Фергану своих агентов, пересылало оружие и деньги. Сюда же прибыли из Мешхеда (Иран) представители английского военного командования.

Борьба с «Кокандской автономией» стала одной из первых страниц гражданской войны в Средней Азии. Именно здесь и выступили на сцену басмачи как активная сила среднеазиатской контрреволюции. Начальником милиции в Коканде стал Иргаш — бывший уголовник, собравший значительную банду (до 1500 человек) из деклассированных элементов. Один из руководителей «автономии», Мустафа Чокаев, отмечал, что отряды Иргаша составляли военную опору кокандского «правительства».

В 1925 г. в Париже вышла в свет книга Ж. Кастанье «Басмачи» («Les basmachis»). Ее автор в 1918 г. занимался в Туркестане археологическими раскопками. Однако не это было его главным делом. Поэтому в написанной им книге содержится много сведений о туркестанской контрреволюции, прежде всего о басмачах. «Кокандское автономное правительство, — пишет Кастанье, — опасаясь угрозы большевиков, начало переговоры с басмачами и пригласило их к себе на службу... Иргаш первым откликнулся на этот призыв: бандит с большой дороги, когда-то осужденный, собрал внушительную банду, организованную из профессиональных воров».

Позднее (в 1919 г.) атаман Дутов направил Иргашу личное послание. Главарь шайки головорезов именовался в нем «доблестным вождем славных ферганских джигитов». Дутов произвел Иргаша в сотники и призвал «Аллаха и великого пророка его Магомета» на помощь «верному охранителю интересов России в Фергане» {86}.

Не менее колоритной фигурой был другой предводитель басмачей — курбаши Махкам-ходжа. Известный уголовник, осужденный в 1913 г. на 12 лет каторги за грабежи и убийства, он отличался изощренной жестокостью.

Шайки Махкама, Ахунджана и других курбаши, выполняя политическую функцию поддержки кокандского «правительства», одновременно грабили окрестные кишлаки. По мере обострения борьбы басмачи переходили к целенаправленному террору. В

окрестностях Коканда они начали массовое истребление сторонников Советской власти, прежде всего тех, кто отказывался выполнять постановление «правительства» о мобилизации [35] в армию «автономистов», тех, кто не отдавал басмачам своих лошадей, продовольствие и т. д.

В начале февраля 1918 г. «правительство» решило укрепить свои позиции. Для этого ему необходимо было захватить кокандскую крепость, телеграф и разгромить Совет рабочих и солдатских депутатов. В ночь на 12 февраля силы «автономистов» — главным образом басмачи — двинулись к крепости. Однако красногвардейцы отбили атаку. Басмачи растеклись по городу. На улицах, в домах лилась кровь: все заподозренные в симпатиях к Советам беспощадно уничтожались.

1/14 февраля 1918 г. Совнарком Туркестана объявил Ферганскую область на военном положении, а железную дорогу — на осадном.

Организуя борьбу с басмачеством, Советская власть опиралась на рабочих и дехкан.

В декабре 1917 г. в Ташкенте, Самарканде и в самом Коканде состоялись массовые собрания, митинги и съезды рабочих и старгородских трудящихся, на которых было заявлено, что «автономное правительство» состоит из представителей эксплуататорских классов и поэтому ему не может быть оказана поддержка. На Самаркандском областном съезде Советов делегаты Ходжента (ныне Ленинабад Таджикской ССР), Джизака, Ура-Тюбе и Каттакургана доложили, что трудящиеся на местах «не признают автономного правительства и доверяют только Советской власти» {87}.

В декабре 1917 г. в Ташкенте открылся съезд узбекских пролетарских организаций Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Съезд выразил протест против образования «Кокандской автономии».

К началу февраля 1918 г. в помощь Кокандскому военно-революционному комитету прибыли отряды Красной гвардии из Скобелева (ныне Фергана), Перовска (ныне Кызыл-Орда), Андижана. Особое значение имело прибытие в Коканд красногвардейского отряда из Ташкента и отрядов, отправленных ранее против белоказаков.

Огромную работу проводил созданный в новом городе Коканда Военно-революционный комитет из представителей Кокандского Совета и рабочих-железнодорожников, во главе которого стоял большевик Ефим Адрианович Бабушкин {88}. Членом этого комитета от профессиональных союзов мусульман был Муминджан Шакиров.

В борьбу с автономистами включился под руководством большевиков кокандский «Союз трудящихся мусульман» во главе с Юсупом Повур Шамсутдиновым, Ташпулатом Уразбаевым и другими. В Коканде находился также Я. Р. Гилилов, посланный в Туркестан в октябре 1917 г. лично В. И. Лениным для «агитации среди местного населения» {89}.

Неоднократные попытки отрядов Иргаша захватить крепость [36] наталкивались на непреклонную стойкость ее защитников во главе с Е. А. Бабушкиным.

В это время в Коканд прибыл один из руководителей Компартии Туркестана — Павел Герасимович Полторацкий. На Туркестанском съезде мусульманских рабочих, созванном в конце декабря 1917 г. в Коканде, он говорил: «Мы не против автономии бедноты, но мы против байской автономии... Мы взяли власть из рук русской буржуазии не для того,

чтобы вручить ее в руки мусульманской буржуазии. Власть мы взяли для Советов рабочих и солдатских депутатов. Мы работали и работаем для привлечения трудящихся мусульман в свою среду»{90}.

Среди «автономистов» возникли разногласия. Верх взяли представители «Улемы» — крайне реакционной националистической организации. «Улемисты» отстранили прежних лидеров «автономии» — Чокаева и Чанышева. 18 февраля главой «правительства» был назначен Иргаш. Басмач, головорез — глава «правительства»! Поистине действия контрреволюции вылились в трагикомический фарс.

Иргаш, объявивший себя заодно и «главнокомандующим», попытался снова перейти в наступление, но опять неудачно. 20 февраля двинулись вперед красногвардейцы. Уличные бои длились более четырех суток. Басмаческое воинство не спасло антинародную «Кокандскую автономию»: Иргаш был разбит наголову, его отряды рассеяны. Сам Иргаш с небольшой группой бежал. За ним последовали и другие курбаши.

3 марта 1918 г. в резолюции, принятой на общем собрании узбекских рабочих и трудящихся Коканда, состоявшемся после разгрома «автономистов», говорилось: «...мы, трудящиеся и рабочие — мусульмане, проклинаем всех автономных авантюристов и признаем Российскую рабоче-крестьянскую социалистическую республику и подчиняемся власти Советов рабочих, солдатских, крестьянских, дехканских и мусульманских рабочих депутатов»{91}.

Один из участников февральских боев вспоминает, что «после ликвидации кокандских «автономистов» авторитет Совета рабочих и солдатских депутатов еще более возрос и трудящиеся мусульмане еще теснее сплотились вокруг него»{92}.

Своеобразную роль сыграли басмачи в Хивинском ханстве.

Задолго до революции здесь начал басмаческую деятельность Джунаид Курбан Мамед, известный впоследствии под именем Джунаид-хана. Жестокий, алчный, коварный, честолюбивый, Джунаид со своим отрядом совершал разбойничьи набеги на соседние племена, грабил узбеков и каракалпаков. В 1911 г. он убил родного брата и присвоил его имущество. Ему удалось объединить под своей властью несколько туркменских племен, создать весьма значительный по хивинским масштабам вооруженный отряд.

В 1915–1916 гг. Джунаид совершил несколько набегов на [37] Хиву, стремясь захватить власть и одновременно грабя население. В ту пору хивинскому хану помогли русские войска. Джунаид потерпел поражение, ушел в каракумские пески, а затем откочевал в Иран.

После революции обстановка существенно изменилась. Контрреволюционные круги увидели в Джунаиде подходящего союзника для борьбы с трудящимися, с победившей в Туркестане Советской властью. Активный белогвардеец полковник Зайцев, командовавший казачьими частями в Хиве, установил с ним контакт.

В январе 1918 г. 1600 вооруженных всадников Джунаид-хана вошли в Хиву. Хивинский хан Исфендиар покорился Джунаиду и формально остался на троне{93}. Джунаид стал диктатором Хивы.

Так басмачество было возведено в ранг государственной власти. Установление диктатуры Джунаид-хана укрепило и активизировало контрреволюционные силы. Вскоре хивинская ханско-басмаческая контрреволюция перешла в наступление.

Тем временем в Туркестане все сильнее разгоралось пламя гражданской войны. Туркестан на длительное время оказался отрезанным от центра России полыхающими линиями фронтов.

На северо-западных подступах к Туркестану возник Оренбургский фронт. Он образовался в июле 1918 г. в результате выступления против Советской власти оренбургских белоказаков во главе с Дутовым, захвата ими Оренбурга и отхода красноармейских отрядов под командованием Г. В. Зиновьева в сторону Ташкента. Связь Туркестана с центром страны по единственной тогда нитке железной дороги, идущей восточнее Аральского моря через Актюбинск и Оренбург к Волге (через Самару), была перерезана. Другой путь — через Красноводск и Каспийское море на Баку — также был закрыт.

В июле 1918 г. вспыхнули антисоветские мятежи в городах Закаспийской области Туркестанского края. Власть в Ашхабаде, Кизыл-Арвате, Мерве, Красноводске перешла в руки эсеров, меньшевиков и туркменских националистов. Руководители Советской власти — бесстрашные комиссары П. Полторацкий, Я. Житников, В. Телия, С. Молибожко и другие — были расстреляны. Так образовался Закаспийский фронт.

12 августа государственную границу у станции Артык пересекла вереница выкрашенных в защитный цвет военных автомобилей. На советскую землю вступили английские войска. Интервенты (ими командовал генерал В. Маллесон) оккупировали Ашхабад и другие города Закаспия.

Открытая английская интервенция в Туркестане была составной частью общего интервенционистского плана борьбы против Советской России, разработанного Антантой. После падения Советской власти в Баку в конце 1918 г. и появления здесь в первых числах августа английских захватчиков вражеская цепь, [38] окружавшая Советскую республику, оставалась несоединенной только в одном месте — в Туркестане. С началом английской интервенции в Закаспии цепь, опоясывающая Россию, как бы замкнулась.

Белогвардейская газета «Голос Средней Азии» писала 17 августа 1918 г., что интервенты не удовлетворятся захватом Каспия: «У них имеются, безусловно, более широкие задания. Наша общая задача — это уничтожение ташкентского гнезда и освобождение дороги Самара — Красноводск от всяких пробок. Стратегическое значение этой колоссальной магистрали огромно. Ею замыкается багдадский английский фронт с волжским, чехословацким и уральским». Эта же газета прямо говорила и об американских планах интервенции в Туркестан с использованием железнодорожных линий Владивосток — Самара и Самара — Красноводск. У. Черчилль писал, что на окраинах России выросли антибольшевистские правительства, охраняемые войсками союзников {94}.

В Семиречье (территория нынешней Казахской ССР) в июле подняла мятеж офицерская верхушка казачьих станиц Копала, Сарканда, Тополевской, Абакумовской, Арасановской и других. Ей была оказана помощь белогвардейскими войсками «Временного сибирского правительства». Образовался Семиреченский фронт.

Четыре туркестанских фронта не были изолированными участками борьбы. И их возникновение, и конечные цели, преследовавшиеся их организаторами,

свидетельствовали о том, что они не только были связаны между собой, но и направлялись единым дирижером.

Внутренняя контрреволюция слилась с империалистической интервенцией.

29 июля 1918 г. В. И. Ленин, анализируя сложившуюся к середине 1918 г. в стране военную обстановку, так определил положение Туркестана: «...часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для душения наций, так и для нападений на Советскую Россию»{95}.

Созданный весной 1918 г. «Туркестанский союз борьбы с большевизмом» (эта контрреволюционная организация во многих книгах называется «Туркестанской военной организацией» — ТВО), объединивший белогвардейских офицеров и чиновников, действовал в союзе с местными буржуазными националистами.

Интервенты и белогвардейцы со всех сторон осадили красный Туркестан. Немалую помощь им оказывали активизировавшиеся во многих районах вооруженные отряды басмачей.

Гражданская война в Туркестане представляла собой составную [39] часть гражданской войны, развернувшейся в то время по всей Советской стране. Ход и исход вооруженной борьбы здесь определялся общим военно-политическим положением Советской республики, развитием боевых операций главных сил Красной Армии на решающих фронтах.

Советский Туркестан в годы гражданской войны был подобен осажденной крепости. Мужество и героизм рабочего класса и трудового дехканства Туркестана, проявленные в борьбе с врагами, нашли признание всех народов Советской страны.

Тот факт, что Советский Туркестан, отрезанный от центра, сражавшийся в тяжелейших условиях против объединенных сил интервентов, белогвардейской и националистической контрреволюции, выстоял, отбил натиск врагов, — говорит о многом. Он свидетельствует о жизненной силе советского строя и глубокой связи Советской власти, Коммунистической партии с массами. Как далеки от действительности утверждения буржуазных фальсификаторов о том, что Советская власть в Среднюю Азию была привнесена извне, не пользовалась поддержкой трудящихся! Невозможно представить, чтобы Советская власть в Туркестане, будь она лишена связи с народом, могла победить в таких невероятно трудных условиях. Даже явные враги Советской власти были вынуждены признать стойкость трудящихся Туркестанской республики. Так, в изданном в июле 1921 г. в Праге антисоветском эмигрантском сборнике «Смена вех» писалось: «...достаточно указать на мало продуманный до сих пор факт существования в 1918–1920 гг. Туркестанской Советской Республики. Абсолютно отрезанные от Москвы, окруженные со всех сторон войсками Колчака, Дутова, Деникина и английской оккупацией, лишенные транспорта, топлива и хлеба, большевики в Туркестане сумели до конца, в течение полутора лет, сохранить власть в своих руках»{96}.

Сражающийся Туркестан

Более трех лет продолжалась героическая борьба руководимого партией советского народа против нашествия интервенционистских войск и белогвардейской контрреволюции.

Интервенты и белогвардейцы наступали со всех сторон. Были месяцы, когда три четверти территории страны находились в руках вражеских войск. Дальний Восток, Сибирь, Урал, значительная часть Поволжья, Закавказье и Северный Кавказ, Украина, Белоруссия, Донская область, ряд губерний Центральной России испытали тяжесть иностранной и белогвардейской оккупации. Вражеские армии создали угрозу столице Республики — Москве, подошли к колыбели революции — красному Петрограду. Сковав Советскую Россию кольцом блокады, империалисты стремились задушить ее костлявой рукой голода. [40]

Но никакие трудности не могли сломить волю советского народа. Рабочие и крестьяне всех районов России поднялись на отечественную войну против интервентов и белогвардейцев. Партия превратила страну в вооруженный лагерь. Она руководила фронтом и тылом Республики Советов, создала героическую армию и надежный прочный тыл.

В общее дело победы над врагом большой вклад внесли трудящиеся многонациональной Средней Азии. Значительную часть 1918 и 1919 гг. Туркестан был полностью отрезан от центральных районов Советской России. Туркестанская республика отбивала натиск врагов на нескольких фронтах. На севере, по линии железной дороги, связывающей Туркестан с центром (севернее Аральского моря), наступали белоказаки и колчаковцы. На северо-востоке (восточнее озера Балхаш) велась борьба на Семиреченском фронте. На юго-западе (западнее Амударьи) красные бойцы Закаспийского фронта сражались с английскими интервентами и белогвардейцами, захватившими значительную часть Закаспийской области.

Активными участниками антисоветской борьбы были правители Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Они превратили свои территории в контрреволюционные плацдармы, несколько раз предпринимали открытые вооруженные вылазки против Советского Туркестана.

Действия контрреволюционных сил в Средней Азии координировались и направлялись империалистическими кругами.

На совещании британского кабинета, состоявшемся 13 ноября 1918 г., лорд Милнер, представлявший военное министерство, заявил, что интересы Британской империи требуют ликвидации большевизма «в районах к востоку от Черного моря». При этом он объяснил, что имеет в виду «Кавказ, Дон и Туркестан»^{97}. На территории Ирана, Афганистана и Китая было создано несколько опорных пунктов, откуда направлялась вся контрреволюционная деятельность против Советского Туркестана. Среди этих гнезд контрреволюции особенно выделялись Мешхед (Иран) и Кашгар (Западный Китай). Штаб английских войск генерала В. Маллесона, оккупировавших Закаспий, стал одним из центров организации, поддержки, снабжения среднеазиатской контрреволюции. План борьбы с Советской властью в Туркестане, разработанный Маллесоном, предусматривал нанесение ряда последовательных ударов английских войск и басмаческих отрядов, а также организацию восстаний местных националистов и русских белогвардейцев в важнейших городах Туркестанской республики. В соответствии с этим планом

намечалось поднять антисоветские мятежи в Ташкенте, Самарканде, в городах Ферганской долины; ферганским басмачам поручалось захватить Ташкент и другие города Туркестана {98}.

Английские и американские агенты засылались и непосредственно на территорию Туркестана. В мае 1918 г. в Ташкент [41] прибыл американский консул Роджер Тредуэлл с полномочиями, подписанными президентом США Вильсоном. Тредуэлл сразу же развернул активную антисоветскую деятельность. Он объединил вокруг себя все находившиеся в Туркестане иностранные миссии и представительства; по его указаниям они усилили шпионскую и подрывную работу против Советской власти. Председатель Совнаркома Туркестанской республики Ф. Колесов в телеграмме Совнаркому РСФСР отмечал, что «послы и консулы различных держав наводняют Туркестан» {99}.

Весной 1918 г. в Дели была сформирована специальная группа для развертывания подрывной работы в Туркестане. В ее состав входили майор (по другим данным — подполковник, полковник) Ф. М. Бейли, капитан (по другим данным — майор) Л. В. С. Блеккер и бывший английский консул в Кашгаре Д. Маккартней. Она приехала в Ташкент в августе 1918 г. в качестве официальной английской миссии.

«Миссия» вскоре установила тесные связи с Тредуэллом и под его руководством начала вести подрывную работу против Советской власти по многим линиям. Впоследствии Тредуэлл вспоминал об этом в лекции, прочитанной в 1928 г. в Гонконге. Он говорил, что «был в 1918 г. в контакте с английским полковником Бейли, присланным из Индии через Кашгар в Ташкент для глубокой разведки» {100}. В книге Бейли «Миссия в Ташкент», изданной в 1946 г. в Лондоне, подробно рассказывается о руководящей роли Тредуэлла в подрывной антисоветской работе.

Подлинные цели «миссии», как позднее констатировал находившийся с ней в контакте полковник Зайцев, заключались в том, чтобы «подготовить и организовать вооруженное восстание в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан). Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач» {101}.

В конце 60-х годов советские историки, работавшие в Национальном архиве Индии (в ранее закрытых фондах английских колониальных властей), обнаружили секретный отчет Бейли о его шпионской деятельности в Советском Туркестане в 1918–1920 гг. В этом отчете содержится много фактов о связи Бейли с басмачами, в частности с Иргашем {102}. Бейли писал: «Вскоре после моего прибытия (в Ташкент. — Авт.) я вступил в контакт с тем, кто, как я думал, был главой нескольких антибольшевистских организаций» {103}. Речь шла, по-видимому, о руководителе «Туркестанского союза борьбы с большевизмом». Члены «миссии» согласились предоставить «Союзу» орудия, винтовки и большую денежную помощь. «Союз», в свою очередь, немедленно связался с руководителями ферганского басмачества.

Деятели «Туркестанского союза борьбы с большевизмом» — полковник Зайцев и полковник Корнилов (брат генерала Л. Г. Корнилова) — с группой военных инструкторов прибыли [42] к басмачам с намерением предпринять переформирование басмаческих шаек, с тем чтобы свести их в 10-тысячный конный корпус в составе двух дивизий (восьми полков) с двумя конногорными батареями. Кроме того, предполагалось сформировать пехотные стрелковые части. Басмаческая армия должна была состоять

примерно из 25 тыс. человек. Организацию и обучение басмачей намечалось проводить по образцу казачьих частей {104}. Басмачей заверили, что Англия будет их снабжать всем необходимым для борьбы с Советской властью. «Миссия» Бейли от имени своего правительства обязалась снабжать басмачей вооружением: «а) из Читлара — Гильгита через перевал Мустаг в Кашгар, отсюда через Иркештам и Ош; б) из Пешавара через Хайберский перевал, далее через Афганистан и Бухару» {105}. Английские представители заверяли, что все будет «отпущено по мере надобности и в достаточном количестве» {106}.

Перед басмаческой армией ставилась задача вместе с другими контрреволюционными силами Туркестана участвовать в комбинированном плане свержения Советской власти. Басмачи должны были пробраться в Ташкент через Кендыр-Даванский перевал в Туркестанском хребте; через Мурза-Рабатскую степь в обход хребта, а затем на Чиназ и через Сырдарью. Эти сведения подтверждаются материалами, содержащимися в отчете Бейли {107}.

Прибыв в Фергану, Зайцев провел в начале октября совещание с басмаческими курбаши, которые полностью одобрили план английских империалистов.

Однако единая басмаческая армия так и не была создана. Это объяснялось прежде всего тем, что расчеты на вовлечение в басмаческие шайки трудящихся масс не оправдались. Об этом впоследствии откровенно писал сам полковник Зайцев: «Молва о том, что благодарное местное население содержало басмаческие шайки на свои средства, оказалась чистойшей низкопробной ложью» {108}.

И все же помощь империалистической агентуры и белогвардейщины позволила басмачам укрепиться и в дальнейшем активизировать свои действия.

Тем временем перешли к открытым вооруженным выступлениям против Советского Туркестана басмаческие отряды хивинского диктатора Джунаид-хана, тесно сотрудничавшего с интервентами и белогвардейцами. По заданию английского командования и закаспийских белогвардейцев к Джунаид-хану прибыл поручик Ходжакули-хан. Он привез из Ашхабада 3 тыс. винтовок и много боеприпасов.

С середины сентября 1918 г. по конец марта 1919 г. хивинские отряды совершили ряд нападений на территорию Амударьинского отдела (район Туркестанской АССР, расположенный на границе с Хивинским ханством).

Глухой ноябрьской ночью 1918 г. басмачи Джунаида переправились [43] на правый берег Амударьи и осадили центр Амударьинского отдела Петро-Александровск (ныне Турткуль).

Джунаид объявил, что если город не сдастся, то все население, включая грудных детей, будет вырезано. Басмачи грабили окрестные селения, угоняли лошадей, верблюдов, баранов, вывозили хлеб, жестоко пытали пленных, расправлялись с крестьянами и ремесленниками. Однако небольшой гарнизон Турткуля вместе с вооруженными рабочими и добровольцами — узбеками, туркменами, казахами, каракалпаками — отбил атаки басмачей. Участники героической обороны вспоминают: «В городе остались одни дети, жены и старики; кто мог владеть оружием, вышел на защиту Турткуля» {109}.

Понеся тяжелые потери, Джунаид-хан в начале декабря отступил.

Как уже отмечалось, борьба с интервентами и белогвардейцами по многим причинам приняла в Средней Азии особенно трудный и напряженный характер. Крайне неблагоприятно сложившаяся стратегическая обстановка — длительное отсутствие прямой связи с центром страны, невозможность получения оттуда военной и экономической помощи — поставила Туркестан в исключительно тяжелое положение. В крае ощущался острый недостаток промышленных товаров, продовольствия. Все имевшиеся ресурсы были брошены на оборону. Немногочисленные рабочие Туркестана воевали на различных фронтах.

Для широкого развертывания партийной и советской работы, для укрепления Советской власти на местах не хватало кадров. Часть местных работников, не обладая достаточной политической зрелостью, не имея опыта, знаний, допускала ошибки.

А враги — империалистическая агентура, белогвардейцы, феодально-родовые слои, реакционное духовенство, националисты — усиливали свою активность, используя экономические трудности, отсталость и темноту широких масс коренного населения. В этих условиях и стал возможным рост басмачества, создавший в ряде районов Средней Азии серьезную угрозу для власти трудового народа.

15 января 1919 г. представительство Туркестанской республики в Москве на основе указаний из Ташкента доложило В. И. Ленину о положении в Туркестане и просило его принять срочные меры «на Оренбургском фронте для скорейшего соединения с туркестанскими войсками»{110}.

В это время контрреволюционные силы готовили в городах Туркестана мятежи и заговоры с целью не допустить соединения с Центром. 19 января 1919 г. в Ташкенте вспыхнул антисоветский мятеж, во время которого были зверски убиты 14 туркестанских комиссаров — руководителей Коммунистической партии Туркестана и правительства республики, в том числе В. Д. Вотинцев — председатель ТуркЦИКа, В. Д. Фигельский — [44] председатель Совнаркома, Н. В. Шумилов — председатель Ташсовдепа, В. Н. Финкельштейн, А. Я. Лершин, М. С. Качуринер. Благодаря стойкости и мужеству рабочего класса Ташкента мятеж был подавлен.

22 января 1919 г., выполняя указания В. И. Ленина, дивизии Красной Армии, наступавшие со стороны Самары, при активном участии вооруженных сил Туркестанской республики заняли Оренбург. Было ликвидировано первое вражеское окружение Туркестана, и он соединился с Советской Россией.

Несмотря на кратковременность соединения Туркестана с центром страны (с января по апрель 1919 г.), правительство РСФСР и ЦК РКП (б) оказало Советскому Туркестану громадную помощь в советском и партийном строительстве, в организации разгрома контрреволюции.

По указанию Я. М. Свердлова 25 января 1919 г. в Туркестан была послана группа партийных и советских работников{111}. 1 февраля 1919 г. Я. М. Свердлов отправил в Ташкент телеграмму с сообщением о том, что по указанию ЦК в Туркестан выезжает еще одна группа партийных и советских работников. Он также сообщил, что ЦК партии и Совнарком принимают «меры по укреплению Советской власти (в Туркестане. — Авт.), по увеличению боеспособности армии»{112}.

12 февраля 1919 г. постановлением СНК РСФСР была создана Особая (временная) комиссия по делам Туркестана. В ее состав вошли Ш. З. Элиава (председатель), А. С. Киселев и П. А. Кобозев.

ЦК РКП (б) и Советское правительство оказали Туркестану в начале 1919 г. также большую хозяйственную помощь.

Весной 1919 г. в связи с наступлением Колчака положение Туркестана резко ухудшилось.

Белоказачья армия атамана Дутова 11 апреля захватила Актюбинск. Оставлены станции Кандагач, Мугоджарская... Советские войска отходили к станции Аральское море. Туркестан опять оказался в окружении врагов{113}.

Во второй половине 1919 г. военно-политическое положение Туркестана коренным образом изменилось. Красная Армия к тому времени разбила Колчака и теснила противника на восток. В августе 1919 г. по инициативе В. И. Ленина Восточный фронт был разделен на два — Восточный и Туркестанский{114}.

14 августа 1919 г. был создан Туркестанский фронт. Командование фронтом принял замечательный советский полководец М. В. Фрунзе. Членами Реввоенсовета стали П. И. Баранов, Ш. З. Элиава и (несколько позже) В. В. Куйбышев. Во второй половине августа и в начале сентября 1919 г. войска фронта нанесли удар по Южной армии Колчака. 13 сентября в 14 часов 35 минут у железнодорожной станции Мугоджарская, расположенной между Оренбургом и Аральским морем, войска, наступавшие с севера, соединились с частями Актюбинского фронта, [45] оборонявшими подступы к Советскому Туркестану. Военные телеграфисты отстукивали слова экстренного сообщения, направленного М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиавой в Москву, В. И. Ленину: «Войска Туркестанского фронта поздравляют Вас и Республику с этой радостной вестью»{115}.

Блокаде Туркестана пришел конец. Связь между центральными районами страны и Туркестаном была восстановлена навсегда.

Части Туркестанского фронта завершили освобождение Закаспия (в феврале 1920 г. пал последний опорный пункт белогвардейцев — Красноводск), ликвидировали (в начале апреля 1920 г.) белогвардейские силы в Семиречье.

По восстановленной железной дороге в Ташкент пошли поезда с необходимыми Туркестану грузами. Советская Россия, сама находившаяся в тисках голода, испытывавшая жестокую нужду в промышленных товарах, по-братски делилась скудными резервами с красным Туркестаном. В свою очередь, трудящиеся Туркестана направляли в пролетарский центр эшелоны хлопка, вагоны сухофруктов. 11 октября 1919 г. М. В. Фрунзе с радостью сообщил В. И. Ленину о том, что восстановление железнодорожного пути завершено и в Оренбург прибыл первый поезд с хлопком{116}.

Для помощи Туркестану в укреплении советского строя, для правильного проведения национальной политики ЦК РКП (б) и Советское правительство образовали Комиссию по делам Туркестана (Турккомиссию) и направили ее в Среднюю Азию. 8 октября 1919 г. В. И. Ленин подписал соответствующий декрет ВЦИК и СНК РСФСР. ЦК партии поручил Турккомиссии осуществлять «высший партийный контроль и руководство от имени Центрального Комитета РКП (б) в Туркестане»{117}. Турккомиссия в составе Ш. З. Элиавы, (председатель) М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака, Г. И. Бокия и Ф.

И. Голощекина начала всестороннюю работу, способствовавшую укреплению советского строя в Средней Азии.

В ноябре 1919 г. В. И. Ленин обратился с письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана». «Установление правильных отношений с народами Туркестана, — писал В. И. Ленин, — имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донныне угнетавшимся народам» {118}.

В. И. Ленин призывал местных русских коммунистов приложить все усилия к тому, чтобы установить товарищеские отношения с народами Туркестана, доказать делами искренность своих побуждений, стремление искоренить все следы колониализма [46] в интересах борьбы со всемирным империализмом. В. И. Ленин указывал, что такая политика должна быть образцом для всего Востока.

Ленинское письмо сыграло важную роль в сплочении широких масс местных национальностей вокруг Советской власти и Коммунистической партии. Указания В. И. Ленина сыграли огромную роль в организации борьбы с басмачеством.

Для всей последующей жизни народов Средней Азии и всего советского Востока огромное значение имел ленинский доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, прочитанный вскоре после отправки письма в Туркестан (22 ноября 1919 г.). Вождь пролетарской революции разъяснил, как надо применять положения марксизма по отношению к своеобразным условиям Востока, когда главный враг — остатки средневековья, когда основной трудящейся массой является крестьянство {119}. Необходимо было осуществить всемерное укрепление диктатуры пролетариата через сочетание общеклассовых интересов с национальными особенностями народов Средней Азии.

Такова была общая обстановка в Средней Азии в 1918–1920 гг. Не зная ее, невозможно понять историю борьбы с басмачеством в годы гражданской войны, ее особенности и этапы.

Басмаческий ферганский фронт

Ферганская долина... Один из древнейших очагов цивилизации в Средней Азии, один из самых плодородных и густонаселенных ее районов. Эта обширная (площадью около 20 тыс. кв. км) котловина, расположенная по среднему течению Сырдарьи, окружена почти со всех сторон горными хребтами: Чаткальским — на севере, Ферганским — на востоке, Алайским и Туркестанским — на юге. Быстрые реки, сбегаящие с этих хребтов, питают водой сады и плантации, пастбища, ореховые и алычевые леса. Земля Ферганы богата и полезными ископаемыми.

В результате действий врага этот плодородный край на протяжении ряда лет был ареной жестокой, кровопролитной, разорительной борьбы.

Рассмотрим некоторые социально-экономические и политические обстоятельства и географические условия Ферганской области.

После присоединения Средней Азии к России Ферганская область {120} по праву стала первой хлопководческой областью Туркестана {121}. Интенсивное развитие хлопководства привело к коренным изменениям в экономике и социальном составе населения области. Важным итогом развития культуры хлопководства было то, что натуральное хозяйство оказалось втянутым в товарно-денежные отношения. В результате этого дифференциация [47] дехканства усилилась, значительная его часть была обезземелена. Все это свидетельствовало о зарождавшемся капитализме.

Таблицы, составленные экономистами Узбекистана по данным материалов ревизии сенатора Палена, показывают, что в обследованных им волостях Ферганской области 38,5% хозяйств имели меньше чем по одной десятине земли, причем 24,4% из них имели в среднем по 0,24 десятины на хозяйство. Перечисленные хозяйства занимали 4,8% всех земель. В руках же байства, составлявшего до 10% всех землевладельцев, сосредоточивалась половина всех земель {122}.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции процесс обезземеливания трудового дехканства еще более усилился. Об этом убедительно свидетельствуют данные переписи 1917 г. Землевладение Ферганской области по этим данным выглядит следующим образом {123}:

Группировка хозяйств по размерам землевладения, десятины	Земельная площадь в среднем, десятины		Общее количество, %
	хозяйств	земли	
До 1	0,42	51,0	9,8
От 1 до 3	1,71	30,1	23,4
От 3 до 5	3,65	9,1	15,2
От 5 до 10	7,0	6,3	20,3
От 10 до 20	13,4	2,5	15,3
От 20 и более	34,7	1,0	16,0

Еще нагляднее данные по отдельным уездам Ферганской области. В Андижанском уезде, например, в 145 крупных байских хозяйствах насчитывалось 7224 десятины земли, а 9008 дехканских хозяйств имели лишь 3042 десятины. В этом уезде было 90,5% чайрикерских хозяйств, имевших по полдесятины земли, владельцы которой были вынуждены работать на баев за четвертую долю урожая {124}. В Наманганском уезде 68,1% дехканских хозяйств имели от 0,5 до 1,5 десятины земли, в то время как в каждом байском хозяйстве было не менее 25 десятин земли {125}.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в Ферганской области большая группа баев сосредоточила в своих руках основные земельные угодья.

Наряду с этим здесь был особенно заметен процесс сращивания российской торгово-ростовщической буржуазии с группой баев, занимавшихся торговлей хлопком и ростовщичеством. Появляется также и местная городская торговая и промышленная буржуазия. В Андижанском уезде, например, Миркамил Муминбаев имел 5 тыс. десятин

земли, владел рядом промышленных предприятий; его состояние оценивалось в 14–17 млн. руб. {126}. [48]

Огромным влиянием в Фергане пользовалось мусульманское духовенство. Достаточно сказать, что здесь на каждые 325 человек имела мечеть, в то время как по всей Средней Азии каждая мечеть обслуживала 700–1000 человек, а в дореволюционной России церковный приход обслуживал 10–12 тыс. населения. В Фергане было 15 тыс. служителей религиозного культа. Реакционное мусульманское духовенство, широко используя ислам, всеми силами стремилось разжечь басмачество.

Следует также иметь в виду последствия переселенческой политики в Фергане. Царское правительство, создавая русские поселения, ставило целью получить опору для борьбы против трудящихся местных национальностей. Оно считало, что каждый поселок должен заменить батальон русских войск {127}. В 1891 г. в Фергане появляется первая партия переселенцев, и в урочище Куршаб возникает первый русский поселок. К 1914 г. было уже до 50 таких поселков. У коренного населения было отобрано немало поливных земель. В русских поселках благодаря царской администрации образуется мощный слой кулачества — опора самодержавия в Средней Азии.

Таким образом, анализ лишь некоторых сторон экономики Ферганской области и социального состава ее населения показывает, что здесь накануне победы Октября существовала особенно сильная прослойка эксплуататорских классов. Самые богатые среди них (Миркамил Муминбаев, Темирбеков, Абдумансур Мангбаши, Усман Кари Умаров, Кудрат Хозрат и другие) были в числе организаторов басмачества, оказывали ему материальную и иную помощь.

Самая большая в Туркестанской АССР по численности населения Ферганская область была центром хлопкоочистительной, угольной и нефтяной промышленности всей Средней Азии {128}.

Вместе с тем русский капитализм всячески тормозил развитие в Фергане промышленного производства. Поэтому в Фергане затянулся процесс пролетаризации разоряющихся крестьян, зато быстро шла их пауперизация.

В 1913 г. в Ферганской долине было свыше 15 тыс. промышленных рабочих, в том числе 3517 русских, 9247 узбеков, 519 киргизов, 845 таджиков и 1252 представителя других национальностей {129}. Кроме того, в промышленно-торговых заведениях, в кустарном производстве и складском хозяйстве было занято 35 тыс. рабочих.

Чрезвычайно сложными были в Фергане межнациональные отношения. Здесь проживало до 20 национальностей: узбеки, киргизы, таджики, казахи, русские, украинцы, уйгуры, татары, армяне, бухарские евреи и т. д. Колониальная политика царизма оставила тяжелое наследие и в области национальных взаимоотношений, усугублявшееся тем, что народы, проживавшие в Фергане, как и во всем Туркестане, либо не вышли еще из средневековья, либо недавно вступили на путь капиталистического [49] развития. Всем этим также пользовались организаторы басмачества.

Процесс становления Советской власти в Ферганской области затянулся. Из рук органов Временного правительства власть была взята Советами в Фергане только 6 декабря 1917 г., между тем как в Ташкенте и в других местах Туркестана Советская власть победила в

ноябре 1917 г., и III краевой съезд Советов (15–22 ноября 1917 г.) провозгласил переход власти к Советам во всем крае {130}.

За пять дней до открытия III краевого съезда Советов, 10 ноября 1917 г., Ферганский областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возглавляемый правыми эсерами, выступил против установления Советской власти, высказываясь за то, чтобы вопросы общекраевого характера решались до созыва Учредительного собрания краевым союзом городских и земских управлений {131}. Лидер ферганских меньшевиков и редактор областной газеты «Знамя свободы» Павлюченко выступил на съезде против установления Советской власти в Фергане и во всем Туркестане.

На открывшемся в начале декабря 1917 г. областном съезде Советов развернулась ожесточенная борьба с эсерами и меньшевиками по вопросу о признании Совнаркома Туркестанского края и о передаче всей власти на местах Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов {132}.

В городах Ферганской области вся власть перешла к Советам только к концу декабря 1917 — началу 1918 г.; 25 декабря — в Коканде, 7 января — в Намангане, в начале января — в Скобелеве и т. д. В большинстве кишлаков Ферганы Советская власть установилась гораздо позже.

Избранный в декабре 1917 г. после установления в Фергане Советской власти областной Совдеп оказался в результате саботажа меньшевиков и эсеров неработоспособным. Руководитель кокандских большевиков Е. А. Бабушкин в марте 1918 г. телеграфировал в Совнарком Туркестанской республики о том, что Облсовдеп «не соответствует своему назначению и в непродолжительном времени должен быть распущен» {133}.

Собравшийся в марте 1918 г. областной съезд Советов выступил против организации областного Совдепа под тем предлогом, что якобы достаточно уездных Совдепов {134}.

На местах зачастую параллельно с Совдепами действовали старые волостные управления. В некоторых городах не были ликвидированы городские думы и так называемые комитеты общественной безопасности {135}. В Наманганский и Ошский Советы накануне Октября влились комитеты общественной безопасности, в результате чего Советы были засорены царскими чиновниками, националистами и другими враждебными элементами.

8 октября 1918 г. был избран наконец Облсовдеп. Он принял постановление не создавать на местах исполкомы Советов, а [50] организовывать комитеты бедноты {136}. Однако и Совдепы, и комитеты бедноты создавались очень медленно.

Работу органов Советской власти в Фергане всячески стремились развалить меньшевики, эсеры, дашнаки {137}, белогвардейцы и буржуазные националисты, пробравшиеся кое-где на ответственные посты. Большевики Ферганы в сентябре 1918 г. докладывали председателю Совнаркома Туркестанской республики В. Д. Фигельскому о разлагающей работе «левых» эсеров против Советской власти {138}. На заседании ТуркЦИКа 15 мая 1918 г. в докладе о положении в Фергане указывалось: «Меньшевики и правые эсеры, засевшие в Скобелевском Совете, как черви, подтачиваются под Советскую власть. Совет выносит массу постановлений, которые разрушают авторитет Советской власти... В волостях царит полнейшая анархия. Советских организаций нет. Волостные управители творят суд по шариату... ведется гнусная травля против большевиков-коммунистов. Извращаются факты объявления автономии края» {139}.

Не только социально-экономические и политические факторы привели к тому, что Ферганская область в годы гражданской войны стала центром басмачества. Важную роль сыграло то обстоятельство, что именно на ее территории в старой части Коканда в конце ноября 1917 г. была создана «Кокандская автономия». Не случайно первые басмаческие банды во главе с одним из «правителей автономии», бывшим уголовным преступником Иргашем, вышли из недр «Кокандской автономии». Более того, в одной из первых своих деклараций «правительство» «Кокандской автономии» объявило, что все вооруженные элементы на территории Туркестана, в том числе и уголовные преступники, амнистируются и приглашаются в ряды «национальной армии»{140}.

Определенный интерес представляет и такой факт: во время разгрома «Кокандской автономии» некоторые левые эсеры, командовавшие частями Красной гвардии и другими отрядами, несмотря на имевшуюся в их распоряжении значительную военную силу, дали возможность значительной части «автономистов» скрыться. Один из участников борьбы с «автономистами», большевик П. Елисеев, в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «Благодаря недальновидности, а может быть и преступлению (левых эсеров. — Авт.), бандам дали возможность уйти... С такой силой (на стороне Советской власти. — Авт.) я был уверен, что ни один автономист не мог бы уйти»{141}.

Собирая свою басмаческую шайку и стремясь привлечь в ряды басмачей трудящихся-узбеков, Иргаш использовал ошибки по национальному вопросу, которые были допущены главным образом дашнаками и левыми эсерами при разгроме «автономии».

Наконец, пограничное расположение Ферганской области давало возможность басмаческим шайкам получать оружие и [51] боеприпасы из Китая, Афганистана и Бухары и укрываться после поражения.

Вскоре после ликвидации «Кокандской автономии» и первых боев с советскими войсками Иргаш бежал в Китай. Через некоторое время с бандой в 500 человек он возвратился в Ферганскую долину. Вооружение и снаряжение банда получила от реакционных кругов Афганистана и от бухарского эмира. В Фергане к Иргашу присоединились семь мелких шаек, в том числе банда Хал-ходжи, состоявшая в основном из уголовников, судимых в разное время за убийства и грабежи. Не случайно именно басмачи Хал-ходжи отличались особой жестокостью. В одном из кишлаков банда Хал-ходжи учинила дикую расправу над дехканином, решившимся сказать правду о басмачах. Ему отрезали язык, уши и нос. На голове другого дехканина, осмелившегося выйти на молитву без чалмы, басмачи слепили из теста форму и залили ее кипящим маслом.

Поскольку вокруг Иргаша начали объединяться басмаческие банды, а сам он имел опыт формирования более или менее регулярных отрядов, контрреволюция Ферганы главную ставку сделала именно на него. Однако несколько поражений, понесенных Иргашем от добровольческих и милицейских отрядов, подорвали его авторитет. Фаворитом ферганской контрреволюции стал Мадамин Ахметбеков (Мадамин-бек). На одном из подпольных совещаний он был назначен главарем всех басмачей Ферганской долины.

Мадамин-бек, как и Иргаш, в 1913 г. за уголовные преступления получил 14 лет каторги. В дни «Кокандской автономии» он был начальником маргиланской милиции и с помощью эсеров оставался на этом посту еще некоторое время. Мадамин-бек сколотил значительную банду и развернул активные действия против Советской власти. В свой отряд он привлек и русских офицеров-белогвардейцев, выполнявших функции военных

инструкторов. К Мадамин-беку вскоре присоединились восемь довольно крупных банд. Он приложил немало усилий, чтобы подчинить своему влиянию отряды Иргаша и Исламкула. При этом Мадамин не скупился на обещания, предлагал Иргашу почетные посты. Но Иргаш и Исламкул сами мечтали возглавить басмачество Ферганы. Мадамин именовал себя «правителем Ферганы» и главнокомандующим вооруженными силами мусульман — «амир аль-муслимин». Духовенство Бухары и Ферганы окружило его и его приспешников ореолом «борцов за ислам» и защитников обездоленных {142}.

Басмачи терроризировали население, убивали партийных и советских работников. Особую ненависть вызывали у них промышленные рабочие — узбеки, таджики, киргизы, сплавивавшие трудовые массы. За короткий срок в первой половине 1919 г. басмачи убили 100 коммунистов-узбеков из Андижанской старгородской партийной организации {143}. Была уничтожена половина [52] Кувинской партийной организации {144}. Курбаши Хал-ходжа вырезал почти всех членов профессионального союза, созданного в 1918 г. в Оше {145}. Иргаш в конце 1919 г. убил в Чуете 200 дехкан-бедняков и рабочих, активно поддерживавших мероприятия Советской власти.

Массовые убийства рабочих и коммунистов — представителей местных национальностей — составляли важную часть басмаческого террора.

Басмачи разрушали населенные пункты, грабили мирное население городов и аулов {146}. Наряду с открытым грабежом басмаческие курбаши накладывали на мирное население налоги в виде хлеба, риса, лошадей {147}, требовали женщин для своих джигитов. По данным штаба Ферганского фронта, налоги, взысканные басмачами с мирного населения, в 25 раз превосходили налоги, выплачивавшиеся при царском режиме {148}. Басмачи блокировали промышленные центры и прочие города, затрудняя снабжение их продовольствием и водой.

Басмачи стремились также расстроить работу железнодорожного транспорта, от которого во многом зависела жизнедеятельность Туркестанской республики. Они надеялись, что разрушение железных дорог создаст непреодолимые препятствия для вывоза накопившегося хлопка, в котором нуждалась текстильная промышленность всей страны. Нападения на железную дорогу стали совершаться чуть ли не ежедневно.

Нередко шайки басмачей нападали на промышленные предприятия, особенно на хлопкоочистительные заводы. Они разрушали оросительные системы, препятствовали сельскохозяйственным работам. В плодородной Фергане свирепствовали голод и нищета.

Из Ферганы в Ташкент одно за другим летели тревожные сообщения. «В Кокандском уезде оперирует шайка известного разбойника Иргаша. Население терроризировано» {149}, — телеграфировал областной военком П. Буравлев 30 июля 1918 г. «Басмачи напали на кишлак Шарков...» {150}, «Мадамин ворвался в Старый Маргилан...» {151}; «Басмачи напали на г. [Цород] Чуст»; «Шайка напала на станцию Грунч-Мазар» {152}; «Бой с басмачами у кишлака Дордок. Противник потерял 58 человек» {153}; «В Шарихане нам представилась жуткая картина: на улицах валялись трупы русских, которых оказалось 24, дома и лавки были разграблены и все ценности, как, например, мануфактура, пшеница, мука, рис, скот, а также разные домашние вещи...» {154} — писал в своем докладе главному оперативному штабу командир железнодорожных отрядов Д. Е. Коновалов.

Первые бои Красной Армии против басмачей (например, в июле 1918 г. против отрядов Иргаша в Кокандском уезде) закончились неудачей {155}, что объяснялось неумелой организацией военных операций. Против басмачей выступали небольшие (по 100–150 человек) отряды, действовавшие без единого плана [53] и общего командования. Дисциплина и боевая подготовка некоторых отрядов стояли на низком уровне.

К концу 1918 г. басмаческое движение в Фергане усилилось. Особую активность басмачи стали проявлять в Кокандском, Наманганском и Андижанском уездах. В сентябре они навязали частям Красной Армии уже более или менее крупные стычки на станции Горчакове и в районе старого Маргилана {156}.

Руководство Туркестанской республики мобилизовало все силы для преодоления басмаческой опасности. В декабре 1918 г. в Фергану прибыла Верховная военная коллегия по обороне республики во главе с председателем Совнаркома Туркестанской республики В. Д. Фигельским, чтобы на месте принять действенные меры для борьбы с басмачами.

7 декабря 1918 г. в Фергане на красноармейском съезде области был избран Оперативный штаб по руководству борьбой с басмачеством {157}. Были созданы также уездные оперативные штабы {158}.

Коммунистическая партия опиралась в первую очередь на рабочих Ферганы. Те районы Ферганской области, где были сосредоточены крупные отряды пролетариата, — Кызыл-Кия, Сулюкта, Чимион, Федченко, Коканд — шли в авангарде борьбы с басмачеством.

Большевистская организация Кызыл-Кии, насчитывавшая в своих рядах к концу 1918 г. 250 человек {159}, разбила рабочих на три смены, из которых одна постоянно находилась в окопах, вырытых вокруг рудников. Шахтеры, как правило, не расставались с винтовками и, спускаясь на работу в шахты, брали оружие с собой. На руднике был организован кавалерийский отряд, охранявший население соседних кишлаков. Из шахтеров Кызыл-Кии были выделены отряды в помощь гарнизонам уездных городов Ферганы. В. Д. Фигельский писал о кызылкийцах, что они «всегда готовы выступить по требованию Советской власти» {160}. «Кызылкийские копи, — писал 6 декабря 1919 г. орган ТуркЦИКа и Компартии Туркестана газета «Известия», — поистине вооруженный лагерь».

В Чимионе в начале 1918 г. был сформирован рабочий отряд из 200 человек для борьбы с басмачеством {161}.

В пролетарских отрядах, выделенных на борьбу с басмачеством, были рабочие — узбеки, киргизы, таджики. Особенно много их имелось в кызылкийских, чимионских и сулюктинских отрядах. Количество рабочих местных национальностей возрастало в ходе борьбы с шайками басмачей.

Участие трудящихся коренных национальностей в борьбе с басмачеством способствовало укреплению дружбы народов. От шахтеров они воспринимали революционные идеи, дух коллективизма и пролетарский интернационализм. Все это имело решающее значение не только для разгрома басмачества, но и для упрочения Советской власти в Средней Азии. [54]

В пролетарских отрядах Ферганы вместе с русскими, узбеками, таджиками, киргизами и казахами сражались и бывшие военнопленные. Одним из их организаторов был

венгерский рабочий Эмиль Баку, трудившийся на нефтепромысле Чимион. Там он вступил в ряды Коммунистической партии и был избран депутатом рабочего Совета{162}.

В борьбе с басмачеством участвовали также красногвардейские отряды крупных городов Ферганы. Среди этих отрядов выделялся Кокандский. В него входили железнодорожники Коканда, рабочие хлопкозаводов и члены Союза трудящихся мусульман. По данным Кокандского Совета, более половины бойцов отряда составляли узбеки, киргизы и таджики. В красногвардейский отряд и партийную дружину Коканда были записаны все коммунисты, способные носить оружие. Кокандский Совет по предложению большевиков создал военно-политический штаб Кокандского уезда, возглавивший борьбу с басмачеством{163}.

Андижанским отрядом командовал руководитель коммунистов города, бывший рабочий Наманганского механического завода Георгий Михайлович Бильдин. В конце 1918 г. из рабочих хлопкоочистительных заводов был создан отряд в Маргилане (487 человек){164}. Активно действовал красногвардейский отряд в Алты-Арыкской волости, состоявший из добровольцев узбеков и таджиков. Им командовал председатель волостного ревкома Абдурахман Мадьяров.

Прочной опорой Советской власти в борьбе с басмачеством были партийные дружины, созданные во многих городах республики. Наряду с русскими коммунистами в них входили коммунисты-узбеки и представители других местных национальностей. В Коканде и некоторых других городах Ферганы были созданы партийные дружины только из коммунистов коренных национальностей.

Кроме ферганских формирований в борьбе с басмачеством участвовали отряды из других областей и городов республики, главным образом из Ташкента.

После разгрома в Ташкенте контрреволюционного мятежа в январе 1919 г. басмаческое движение усилилось. Основные свои надежды империалисты и внутренняя контрреволюция отныне стали возлагать на басмачей.

В начале 1919 г. в Фергане определились два основных центра басмачества: 1) группировка во главе с Мадамин-беком (Скобелевский, Андижанский и Наманганский уезды){165} и 2) группировка во главе с Иргашем (Коказдский уезд){166}.

Весной 1919 г. басмачи совершали разбойничьи нападения в Ошском, Джалал-Абадском, Наманганском и ряде других районов Ферганской долины. Здесь оперировали банды Мадамин-бека, Иргаша, Курширмата, Аман-Палвана. К концу марта 1919 г. их общая численность превысила 7 тыс. человек. [55]

Семь суток шли бои за Наманган. Банды Мадамина, Курширмата, Рахманкула, Аман-Палвана, Ахунджана наступали на город с четырех сторон. Басмачи разобрали рельсы на железной дороге, связывающей Наманган с Кокандом. Они захватили старый город, учинили грабежи и насилия. Вооруженные рабочие Намангана и отряды Красной Армии, прибывшие из Скобелева, Коканда, Самарканда, выбили басмачей.

Значительные силы басмачей сосредоточились в Ошском уезде. Отсюда они совершали набеги на районы Джалал-Абада и Андижана. Две волости — Наукатская и Капчагайская — полностью находились в руках басмачей.

В связи с ростом басмачества ТуркЦИК на основе указаний крайкома партии в начале февраля 1919 г. решил направить в Фергану Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией в Фергане. В мандате комиссии указывалось, что она уполномочена принять чрезвычайные меры по ликвидации басмачества, реорганизовать оперативный штаб Ферганы и воинские части, ввести военно-полевой суд, приостанавливать действия административных органов {167}.

24 февраля комиссия опубликовала обращение «К красноармейцам и красногвардейцам, находящимся на территории Ферганы», призывая их честно и гордо нести красное знамя, мужественно бороться с басмачеством. В обращении подчеркивалось, что нельзя допускать «никакого насилия и обид к таким же товарищам, бедным мусульманам, как и мы, европейцы. Наоборот, должна быть оказана всесторонняя как материальная, так и нравственная поддержка мусульманину» {168}.

В связи с тем что Областной оперативный штаб не был в состоянии должным образом руководить усложнявшейся с каждым днем борьбой с басмачеством, 3 февраля 1919 г. на объединенном заседании партийных, советских и военных органов Ферганы было решено сформировать новый штаб Ферганского фронта во главе с командующим фронтом М. В. Сафоновым. 5 февраля комиссия утвердила это решение. Были созданы две оперативные группы фронта: Ошско-Андижанская и Кокандско-Наманганская.

Пролетариат Ферганы вооружался как с целью обороны своих предприятий и шахт, так и для участия в военных операциях против басмачей. В докладной записке Чрезвычайной комиссии в ТуркЦИК говорилось: «Вся Фергана представляет собой вооруженный лагерь» {169}. «Наша газета» писала 22 марта 1919 г.: «Во многих местах заводы прекратили работу, так как рабочие и служащие мобилизованы под ружье». Борьба с басмачеством в Фергане постепенно приобретала всенародный характер.

Чрезвычайные меры по мобилизации сил против басмачей были крайне необходимы, так как в начале 1919 г. усилилась координация действий всех контрреволюционных сил, выступавших против Советской власти в Средней Азии. [56]

Широко проводилось финансирование басмачей из-за рубежа. В феврале 1919 г. английский консул в Кашгаре передал бывшему царскому консулу 100 тыс. руб. для передачи басмаческим курбаши. 155 тыс. руб. для басмачества ассигновали по совету того же английского консула проживавшие в Кашгаре русские купцы и бежавшие сюда из Туркестана белогвардейские элементы {170}. Басмачей снабжали оружием и боеприпасами, среди них велась усиленная панисламистская пропаганда {171}.

Коммунистическая партия Туркестана весной 1919 г. осуществила ряд действий по разоблачению империалистической агентуры, засланной в республику. Большое значение имело развенчание истинного лица Тредуэлла и Бейли. Когда Туркестанская ЧК получила обоснованные данные, что эти лица являются главными руководителями подготовлявшегося в республике антисоветского выступления басмаческих шаек {172}, Тредуэлл на основании разрешения Наркоминдела РСФСР был подвергнут домашнему аресту. В марте 1919 г. правительство США отдало распоряжение о его отзыве из Туркестана {173}. Бейли же перешел на нелегальное положение. Этот шаг Бейли обсудил с Тредуэллом, уделив особое внимание возможности налаживания непосредственных контактов с басмачами {174}. Он оставался в Средней Азии до конца 1919 — начала 1920 года {175}.

К началу апреля 1919 г. советские войска в Туркестане, воодушевленные общими успехами борьбы с Колчаком, одержали решительную победу над английскими интервентами, вынудив их оставить Закаспий. Уходя, интервенты вывозили хлопок, нефть, скот, дорогие туркменские ковры и ценности, награбленные почти за годичное пребывание в Средней Азии.

Решающую роль в крахе планов порабощения народов Средней Азии сыграла борьба против колонизаторов трудящихся масс. Уполномоченный Наркоминдела в Туркестанской республике Бравин в докладной записке за март 1919 г. писал, что местное трудовое население с доверием относится к Советской власти и что его не прельщает перспектива попасть под иго Англии. «Они отлично знают, — отмечал он, — англичан по тому, что случилось с Афганистаном, Персией, Индией. Еще меньше радуется их перспектива очутиться под началом каких-либо своих ханов».

Провалу английской интервенции в Туркестане во многом способствовала обстановка, сложившаяся к началу 1919 г. в Афганистане. 20 февраля там был убит английский ставленник эмир Хабибулла. Новый эмир Аманулла объявил Афганистан независимым государством. Он отправил в апреле 1919 г. посольство в Советскую Россию для ведения переговоров с В. И. Лениным. События в Афганистане не могли не вызвать опасений у английских империалистов за положение дел в соседней Индии и повлияли на их решение уйти из Туркестана. [57]

Отныне английский империализм еще больше внимания уделяет басмачеству. На советско-китайской границе, в Кашгаре (район Ташкургана), были замечены английские военнoслужащие. Здесь же под их надзором строились военные объекты {176}.

Контрреволюция придавала первостепенное значение дальнейшему расширению басмаческих выступлений. Об этом свидетельствуют отправка из ставки Колчака в Фергану специальной миссии в составе двух генералов и двух английских офицеров {177} и присвоение Мадамин-беку чина полковника {178}. Тем самым басмачество юридически признавалось составной частью общероссийской контрреволюции. Задачи миссии были раскрыты в письме начальника колчаковского генерального штаба бывшим консулам в Кульдже и Чутучаке от 8 октября 1919 г. «На военную миссию, — говорилось в письме, — возложена задача завязать сношения и установить тесную связь с представителями дружественных нам держав, чтобы при материальной поддержке с их стороны... организовать партизанские отряды из жителей некоторых областей Туркестана для борьбы с местными большевиками» {179}.

Апрель 1919 г. был отмечен крупными операциями басмачей, являвшимися составной частью развернувшегося весной похода Антанты, в котором главную роль играла армия Колчака. Эти операции были согласованы с контрреволюционными выступлениями в Туркестане, направленными на свержение Советской власти.

Сложная обстановка в Фергане требовала принятия срочных мер. Для организации борьбы с басмачеством на Ошском направлении туда выехал заместитель командующего Ферганским фронтом Д. Е. Коновалов. Не располагая крупными силами, но опираясь на активную поддержку населения, он сумел провести ряд крупных операций, в ходе которых нанес басмачам ощутимые удары в районе Оша и Джалал-Абада.

В апреле басмачи потерпели поражение в Андиганском и Скобелевском уездах.

В боях отличился отряд, созданный заместителем председателя Джой-Базарского сельсовета Скобелевского уезда Юлдашем Ахукбабаевым. Тридцатитрехлетний дехканин-бедняк, перед которым Октябрь открыл новую жизнь, с оружием в руках боролся за счастье своего народа против его врагов — басмачей. В дальнейшем Юлдаш Ахунбабаев стал «всеузбекским старостой» — председателем Центрального Исполнительного Комитета Узбекской ССР.

11 апреля 1919 г. силы Мадамина и Осипова были окружены и разбиты между Кокандом и станцией Серово. Из банд Осипова спаслись лишь 63 человека, которые вместе со своим главарем бежали в Бухару. Сильно потрепано было и воинство Мадамин-бека. Многие курбаши (Ахунджан, Гуйчи и др.) заявили о том, что сдаются Советской власти. Они перешли на [58] сторону Красной Армии. Большую роль сыграла объявленная ТуркЦИКом 7 мая 1919 г. амнистия сдавшимся басмачам.

9 мая 1919 г. ТуркЦИК, Совнарком и Наркомнац республики обратились с воззванием «К трудовому мусульманскому населению Ферганы» с разъяснением сущности амнистии {180}. В Фергану выехала Особая чрезвычайная комиссия ТуркЦИКа и Совнаркома по борьбе с басмачеством под председательством одного из руководителей Туркестанской республики — К. Е. Сорокина. Комиссии поручалось осуществить акт амнистии {181}.

Цель амнистии состояла не только в том, чтобы изолировать от басмачей ту часть трудового населения, которая шла за ними, но и восстановить органы Советской власти там, где они были разгромлены басмачами.

В июне 1919 г. было принято решение немедленно вооружить членов партии и создать новые боевые дружины. В эти дружины записывались не только коммунисты, но и беспартийные дехкане-бедняки. Плечом к плечу в дружинах сражались узбеки, русские, киргизы, таджики, казахи — представители всех народов, населявших Ферганскую долину.

Настроение, царившее в то время в Туркестане, точно выразили представители кишлаков Урмитан и Реват Фальгарской волости Самаркандской области. В резолюции о борьбе с басмачеством (июнь 1919 г.) они записали: «Выражая полную готовность и желание содействовать в борьбе с разбойниками не только доставкой продуктов, но и с оружием в руках, убедительно просим (органы Советской власти. — Авт.) выдать какое можно оружие, огнестрельное и холодное. Если не будет хватать оружия, мы пойдем с отрядом, с камнями в руках, дабы чем-нибудь помочь разбить разбойничьи банды» {182}.

К концу лета борьба в Фергане снова разгорелась. Этому способствовало объединение басмачей с другими контрреволюционными силами. Произошел, в частности, сговор Мадамин-бека с руководителями контрреволюционной «Крестьянской армии» {183}. Эта «армия» сформировалась в ходе борьбы русских крестьян-поселенцев с басмачами, главным образом в Кугартской долине. Однако командные посты в «Крестьянской армии» захватили контрреволюционные элементы. Вскоре ее военный совет полностью стал кулацким, а начальником штаба был назначен бывший царский генерал А. А. Муханов. Ряды «Крестьянской армии» пополнялись казаками из Семиречья.

1 сентября главарь «армии» Монстров и Мадамин-бек подписали договор о совместных действиях против Советской власти. Объединением басмачей и «Крестьянской армии»

был создан единый фронт мусульманского байства, духовенства, русских кулаков и белогвардейцев.

Вопрос о совместных действиях «Крестьянской армии» и басмачей против Советской власти нельзя рассматривать как изолированный эпизод гражданской войны в Туркестане. Архивные [59] документы показывают, что контрреволюционные силы внутри Туркестана придавали этому объединению большое значение и что оно было организовано с целью осуществить к моменту приближения Красной Армии к границам Туркестанской республики свержение Советской власти во всем Туркестане, чтобы тем самым отвлечь на Туркестанский фронт значительные силы с решающих фронтов. Об этом свидетельствуют дата этого объединения (сентябрь 1919 г.), методы и формы борьбы против Советской власти.

Объединенные басмаческие и кулацкие силы насчитывали 20 тыс. человек {184} и имели на вооружении 2 пушки, 13 станковых и 11 ручных пулеметов. За реорганизацию басмаческих банд взялись белогвардейские офицеры.

К концу лета 1919 г., накануне соединения Туркестана с центром страны, басмачество Ферганы усилилось и представляло еще более серьезную угрозу Советской власти.

Главные силы басмачей к середине августа 1919 г. сосредоточились на Андижанском направлении.

Партийные и советские органы совместно с командованием и Реввоенсоветом Туркестанской АССР принимали дополнительные меры для организации отпора басмачеству. В августе 1919 г. был образован Реввоенсовет Ферганского фронта (председатель — большевик Д. И. Спасибов), который за короткий срок осуществил ряд важных мероприятий. Прежде всего он свел разрозненные мелкие отряды в один ударный кулак, сформировав два полка (кавалерийский и пехотный) и артиллерийскую батарею.

Однако Реввоенсовет Ферганского фронта не располагал временем для создания крупных соединений. В городе Оше, по которому противник намечал нанести первый концентрированный удар, находился гарнизон в 300 штыков и небольшой Памирский пограничный отряд.

1 сентября банды окружили Ош и предъявили его защитникам ультиматум. Отклонив ультиматум, гарнизон в непрерывных боях двое суток сдерживал басмачей.

Видя, что город не сдается, белогвардейцы и басмачи решили затопить его, направив сюда течение горных рек. Вот каково было положение по описанию участников обороны: «Крепость была наполовину затоплена водой... от действия воды часть перекрытий стены дала трещину и грозила падением. Чтобы уменьшить напор воды, мы принуждены были работать в воде, делая запруды и пробивая бреши в крепостной стене. Люди не отдыхали и становились в крепости по бойницам» {185}. На третьи сутки Ошская крепость пала. Лишь немногим бойцам и командирам удалось прорваться в Андижан.

Овладев городом, басмачи и белогвардейцы сразу же учинили здесь грабеж мирного населения. Из народного банка было изъято 10 млн. руб. и драгоценности {186}. [60]

Через несколько дней басмачам удалось взять Джалал-Абад, Падение Оша и Джалал-Абада значительно усложнило обстановку в Ферганской долине.

После занятия Оша враг начал наступление в сторону Андижана, Скобелева и Намангана.

15 сентября 1919 г. в старом Маргилане собралось совещание басмаческих главарей во главе с Мадамин-беком, русских белогвардейцев и местных баев. Обсуждался вопрос о подготовке в Ферганской области всеобщего восстания, которое должно было слиться с наступлением басмачей на крупные города области. На совещании было решено изолировать Фергану от остального Туркестана, главным образом путем разрушения железнодорожной, телефонной и телеграфной линий {187}°.

Наступление велось главным образом на крупные города области. Организаторы басмачества и басмаческие главари, видимо, понимали, что с Советской властью нельзя покончить, пока она сохраняется в городах и пока рабочий класс оказывает руководящее влияние на дехканство. Попытка басмачей вести наступление на города области была направлена и на подрыв закрепляющегося союза рабочего класса с трудовым дехканством.

Кроме военных действий на основе решения, принятого 15 сентября в Маргилане, Мадамин-бек и Монстров начали распространять по Фергане всевозможные листовки и прокламации, направленные против Советской власти. В одной из таких прокламаций они призывали к созыву Учредительного собрания, в котором, как они обещали, половина мест будет предоставлена мусульманам {188}.

Большевики Ферганы мобилизовали все силы на разгром контрреволюции. Во всех городах и гарнизонах области проходили митинги и собрания, на которых принимались резолюции с выражением готовности защитить родную Советскую власть.

7 сентября гарнизонное собрание Скобелева постановило: «Заслушав доклад командующего войсками Ферганского фронта и детально обсудив положение Ферганы в связи с Джалалабадскими событиями, мы, красноармейцы Скобелевского гарнизона, постановили: считать, что штаб «Крестьянской армии», идя с разбойничьими бандами Мадамин-бека, стремится спровоцировать трудовое крестьянство Джалал-Абада. Но мы, красноармейцы, не поддадимся этой провокации и призываем трудовое крестьянство Джалал-Абада идти с нами рука об руку, ибо в наших руках правда, ибо мы не поменяем власти труда на власть капитала» {189}.

На борьбу с объединенными силами басмачей и белогвардейцев вместе с Красной Армией поднимался рабочий класс Ферганы и подавляющее большинство трудового дехканства. По указанию Ферганского обкома партии Реввоенсовет Ферганского [61] фронта 2 сентября 1919 г. постановил зачислить в Красную Армию всех красновардейцев области {190}. Командование Ферганского фронта доносило 11 сентября 1919 г. в Ташкент: «...вся работа почти приостановлена, все устремились на защиту республики» {191}.

В середине сентября началась героическая оборона Андижана. Силы противника в четыре раза превосходили по численности андижанский гарнизон. 17 сентября 1919 г. басмачи начали штурм города.

В один из первых дней обороны в парке бывшего заводчика Рузи-Ахуна было созвано общегородское чрезвычайное партийное собрание. На повестке дня стоял вопрос: «Оборона города от нападения белогвардейских, кулацких бандитов и басмачей».

Принятое решение гласило: всех коммунистов объявить мобилизованными и перевести на казарменное положение {192}.

Партийная организация Андижана {193} подняла на борьбу и беспартийных трудящихся нового и старого города. Из рабочих завода «Беш-Бош», железнодорожников, рабочих маслобойных заводов и создавались новые боевые дружины и красногвардейские отряды. Коммунистов старого города обучали военному делу инструкторы С. К. Кузы-Ахмедов {194}, Абдул-Азиз Хусайбаев и другие. Был создан штаб обороны во главе с одним из руководителей красногвардейских частей Андижана, В. Н. Сидоровым, и командиром батальона 2-го Ферганского полка В. А. Скуба {195}.

В городе сооружались баррикады из тюков хлопка, накапливались запасы воды. Было вырыто несколько колодцев, так как басмачи перерезали все магистральные арки, питавшие город водой. Вокруг города еще с первых дней сентября были вырыты окопы.

В дни осады Андижанская ЧК раскрыла и обезвредила подпольную контрреволюционную организацию, связанную с басмачами и белогвардейцами. Басмачи надеялись, что им удастся с помощью подпольщиков и контрреволюционной агитации поднять восстание против Советской власти, особенно в старой части Андижана {196}. Эти расчеты провалились. Старый город вместе с новым стал единой крепостью.

Оборона Андижана проходила в чрезвычайно трудных условиях: в городе ощущался острый недостаток продовольствия, питьевой воды, а также вооружения и боеприпасов. Мирзо-Касым Ахмедов вспоминает: «Мы получали в день по 200–300 г хлеба, по 2–3 ложки гречневой каши» {197}. Другой участник обороны города также пишет о крайне тяжелых условиях жизни защитников города {198}.

Андижанская партийная организация приняла ряд мер по разложению рядов противника. В его стан направлялись агитаторы, проводившие работу как среди басмачей, так и среди «Крестьянской армии». Крестьяне из поселков Ивановского и [62] Михайловского в результате большевистской агитации ушли из-под Андижана {199}.

Обороной города руководила партийная организация во главе с председателем Андижанского уездно-городского комитета партии Г. М. Бильдиным. Вместе с красноармейцами храбро дрались отряды, сформированные из горожан. На самых трудных участках находились бойцы коммунистической дружины. Горожане, не имевшие оружия, выносили раненых, доставляли боеприпасы и продовольствие. В одной из схваток Г. М. Бильдин пал смертью героя.

Шесть суток гарнизон Андижана и жители города сдерживали натиск противника. Их мужество и стойкость были вознаграждены. 22 сентября на помощь осажденному Андижану подошли сводный имени Гинцбурга Казанский полк под командованием А. П. Соколова, отряд М. В. Сафонова и конный отряд имени III Интернационала под командованием коммуниста Э. Ф. Кужело. Прибывшие части с ходу атаковали басмачей. Бой не затихал двое суток. На третьи сутки сопротивление басмачей было сломлено. Их поредевшие банды беспорядочно отходили от Андижана. Части Красной Армии и добровольческие отряды организовали преследование отступающего противника. В одном из боев 24 сентября погиб председатель Реввоенсовета Ферганского фронта Д. И. Спасибов. 26 сентября басмачи оставили Ош, а 30 сентября — Джалал-Абад. Мадаминбек и Монстров укрылись в горах Гульчи.

Так к моменту соединения Туркестана с центром страны героическими усилиями Красной Армии, рабочего класса и трудящихся коренных национальностей басмачеству было нанесено серьезное поражение и был сорван новый план свержения Советской власти в Туркестане.

Однако басмачи продолжали борьбу. Они решили сорвать празднование 2-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в рабочих поселках и городах. 7 ноября 1919 г. басмачи совершили нападения на многие населенные пункты. Особенно упорный бой произошел на нефтепромысле Чимион {200}.

Осенью 1919 г. организаторы контрреволюции приняли срочные меры для активизации басмачества, так как в это время Деникин наступал на Москву и нуждался в поддержке всех контрреволюционных сил. Они решили созвать тайное совещание главарей басмачества и разгромленной «Крестьянской армии» с участием представителей реакционного мусульманского духовенства и националистической буржуазии. В октябре 1919 г. из Кашгара на советскую территорию прибыл английский ставленник, бывший царский консул в Китае Успенский. 22 октября в пограничном селении Иркештам состоялось совещание басмаческих курбаши и белогвардейцев. В целях объединения контрреволюционных сил было сформировано «Временное ферганское [63] правительство» во главе с Мадамин-беком. Главнокомандующим стал белогвардеец Монстров, а его заместителем — бывший царский генерал Муханов. В состав «правительства» были включены английский шпион адвокат Нансберг, торговец хлопком Хаким Азизханов и другие политические авантюристы.

После образования «Временного правительства» связи английских империалистов с басмачеством еще более укрепляются. Английская разведка оказывала всемерную поддержку марионеточному правительству. Через полковника Эссертона из Кашгара в Фергану направляли оружие и боеприпасы {201}.

В конце октября (или в начале ноября) 1919 г. к Мадамин-беку в селение Кара-Тепе (Ферганская область) тайно приехала англо-афганская делегация, состоявшая из английских разведчиков и афганских феодалов. Предварительно она побывала в некоторых басмаческих отрядах. Делегация снабдила басмачей деньгами. Пленные басмачи и перебежчики показывали, что после «приезда афганцев образовались целые отряды из сыновей баев, хорошо одетые и на лучших конях» {202}.

После иркештамского совещания «Временное ферганское правительство» с помощью русских белогвардейцев и английских офицеров сделало попытку подчинить себе всех главарей басмачества, ликвидировать существовавшую между ними личную рознь и выработать общий план борьбы с Советской властью.

В последних числах октября 1919 г. все крупные басмаческие курбаши собрались в кишлак Аим на своеобразный курултай (съезд) {203}. Там присутствовали представители Англии, Бухарского эмирата и буржуазно-националистических группировок Туркестана. В соответствии с решениями курултая действовавшие в то время в Фергане около 150 шаек были сведены в 4 крупных соединения под командованием Мадамина, Иргаша, Халходжи и Курширмата.

Объединившись, басмачи вновь начали нападать на Ош и Джалал-Абад, на прилегающие к ним кишлаки и русские поселения, грабить и терроризировать дехкан. В конце ноября

1919 г. около 5 тыс. басмачей окружили отряд Казанского полка, насчитывавший всего лишь 122 красноармейца. В ожесточенном бою часть бойцов погибла, а над оставшимися в живых басмачи учинили зверскую расправу. Изуродованные трупы они бросили в реку Карадарья.

Но сопротивление бандам возрастало. Рабочие нефтепромысла Чимион совместно с гарнизоном отразили нападение басмачей. 22 ноября 1919 г. объединенные силы Мадамин-бека и Хал-ходжи численностью в 1400 человек двинулись на Джалал-Абад и окрестные русские поселки. Первый удар басмачей приняли местные жители. Отбив его, они вместе с подоспевшим небольшим отрядом красноармейцев перешли в контратаку. 80 басмачей остались на поле боя. [64]

После окончательного соединения Туркестана с центром страны начался новый этап борьбы с басмачеством. К концу года в Ферганской долине действовали от 40 до 50 относительно крупных басмаческих шаек, каждая из которых насчитывала в своем составе от 100 до 200 человек. Было несколько и более крупных басмаческих банд. Кроме того, по всей долине бесчинствовали десятки более мелких отрядов. Все эти шайки находились в постоянном движении, переходя из одного уезда в другой.

До приезда в Туркестан представителей ЦК РКП(б), Совнаркома РСФСР и ВЦИК (Турккомиссии) «войны как таковой на Ферганском фронте... не было, была гонка за неуловимым противником» {204}, — писал в ноябре 1919 г. начальник штаба 2-й Туркестанской дивизии.

Ферганская долина представляла собой, по выражению одного из крупных ее исследователей — академика Миддендорфа, «провал среди горных окружающих масс» {205}. Горы кольцом окружали долину, оставляя лишь незначительные, шириной в 10 верст, входные ворота на западе около крепости Махрам. С другой стороны в долину вели трудные и малодоступные горные тропы.

Немногочисленные города Ферганы располагались преимущественно в середине долины. Вся территория ее пересекалась многочисленными саями (реками), арыками, топкими рисовыми полями и древесными насаждениями.

Кольцо гор, отделяющее долину от других областей Туркестана, густая населенность и чрезвычайная пересеченность местности создавали выгодные условия для басмачей и затрудняли боевые действия регулярных частей Красной Армии. Фактически сплошного фронта в Ферганской долине не было, бои возникали в разных местах неожиданно и были непродолжительными.

Изучив положение в Ферганской долине, Турккомиссия пришла к выводу о необходимости коренным образом изменить тактику борьбы с басмачеством.

Одновременно она приняла решение всемерно усилить массовую политико-разъяснительную работу среди населения кишлаков и аулов Туркестана — разъяснение сущности и реакционных замыслов басмачества, целей и задач Советской власти. Не случайно М. В. Фрунзе в одном из своих первых приказов подчеркивал: «Трудность не в военном преодолении врага, — это для нас не очень трудно, — трудность в том, чтобы все многонациональное трудовое мусульманство поняло, что басмачество и есть враг его, что борьба с ним — священная задача трудового народа» {206}.

Отныне политические, экономические и военные мероприятия Советской власти увязывались в единый узел. Большое внимание было обращено на исправление ошибок, допущенных местными [65] властями, не всегда учитывавшими особенности хозяйственного уклада и быта народов Средней Азии. Партийные органы усилили контроль за строгим соблюдением ленинских принципов национальной политики, ориентировали местные власти на уважительное отношение к религиозным чувствам населения и т. д. Помимо митингов, собраний в городах и кишлаках, а также бесед в чайханах Турккомиссия рекомендовала использовать и такую форму агитации, как проведение бесед со стариками-мусульманами и почетными лицами кишлаков и старых частей городов {207}.

Турккомиссия укрепила также партийные организации Ферганской области. Была проведена перерегистрация всех членов областной партийной организации, чистка ее рядов от чуждых и примазавшихся элементов.

Активную работу партийные организации развернули среди молодежи. Быстро росла численность комсомольцев. К январю 1920 г. в рядах комсомола Туркестана состояло 6 тыс. человек, преимущественно юношей; при этом 25% комсомольцев составляла молодежь коренных национальностей.

Наряду с широким развертыванием агитационной работы Турккомиссия в соответствии с указаниями ЦК РКП (б) приняла энергичные меры по укреплению органов Советской власти в Фергане и широкому вовлечению трудящихся коренных национальностей в советское строительство.

Поскольку главари басмачества действовали в основном в сельской местности, был взят курс на создание прочной опоры в среде дехканства. Большое значение имело также правильное осуществление продовольственной политики и оказание материальной помощи трудовому дехканству.

По указанию крайкома Компартии Туркестана и Совнаркома Туркестанской республики во всех городах и крупных кишлаках, находившихся в районах действий басмачей, были сформированы отряды из членов партии, комсомола и профсоюзов для охраны своего города или населенного пункта.

В борьбе с басмачеством отличились видные коммунисты, в том числе Б. Усманходжаев, А. Мадьяров, С. Арифбаев, К. Мурадов, А. Исаев, И. Алимкулов. Многие коммунисты (Ходжа Палван, Хасан Саиб, Ходжа Мамаджан и др.) отдали свою жизнь в этой борьбе.

Новая тактика военной борьбы с басмачеством заключалась в следующем: части Красной Армии, заняв пункты, имеющие оперативное и экономическое значение, создавали в них летучие отряды, которые предпринимали оттуда рейды против басмачей, лишившихся оперативных и продовольственных баз, вынуждая врага принимать открытый бой в тех местах, где легче было его ликвидировать с помощью подвижных резервов.

В крупных населенных пунктах, где оставались советские гарнизоны, создавались ревкомы. Население, чувствуя за спиной [66] поддержку гарнизонов, начинало более активно участвовать в борьбе с басмачеством. Ферганский облревком в докладной записке за ноябрь 1919 г. отмечал, что большинство туземного населения относится к Советской власти доброжелательно и готово ее поддерживать {208}. Поэтому басмачи лишались возможности отрезать города от кишлаков и нарушать снабжение городов

продовольствием; укрепление связи городов с кишлаками приводило к усилению влияния городского пролетариата на дехканскую массу.

Советские войска не ограничивались нанесением одного удара, а продолжали преследование противника, перекрывая пути его отхода. С этой целью в Ферганской долине сосредоточивались более крупные воинские силы.

К началу 1920 г. в Фергане находилась 2-я стрелковая дивизия (командиром дивизии был Н. А. Вережкин-Рохальский — впоследствии генерал-лейтенант) численностью 12340 человек при 52 пулеметах.

Особое значение имело прибытие в Фергану в начале 1920 г. 1-й Приволжской татарской бригады (командир бригады Ю. Ибрагимов, а позже — А. А. Тальковский), сформированной в свое время в Казани по решению Наркомнаца РСФСР и отличившейся в боях на Восточном фронте. Татарская бригада была направлена в Туркестан по личному указанию В. И. Ленина. Турккомиссия рекомендовала всем партийным организациям Ферганы использовать прибытие татарской бригады для проведения большой политической кампании, направленной на широкое разъяснение местному трудовому народу национальной политики Советской власти, для всемерного развертывания с помощью политсостава бригады агитационной и пропагандистской работы {209}.

Реввоенсовет Туркестанского фронта и Турккомиссия создали военный совет бригады, наделив его широкими полномочиями. Председателем совета был назначен военком татарской бригады Я. Чанышев, членами — председатель Андижанского ревкома Рахим Рахимбаев, секретарь укома партии Гумеров, представитель ТуркЦИКа Р. Исламов.

Из коммунистов и бойцов татарской бригады были созданы летучие отряды, в состав которых входили также представители местных партийных организаций и передовой молодежи. Эти отряды объехали почти всю Ферганскую долину; было проведено много митингов, собраний и совещаний, на которых трудящимся разъяснялись национальная политика Советской власти, идеи и цели Коммунистической партии.

Готовясь к активным действиям против басмачей, партийные и советские органы провели большую работу по формированию национальных частей Красной Армии. В результате на Ферганском фронте находилось три национальных кавалерийских полка и несколько других формирований общей численностью [67] 4,5 тыс. человек. В составе войск Красной Армии на Ферганском фронте участвовала в борьбе с басмачами и Отдельная интернациональная кавалерийская бригада, сформированная из бывших военнопленных. Бригадой командовал Э. Ф. Кужело. Она наносила удары по басмачам в районах Коканда, Намангана, Андижана, Оша.

Боевые действия против басмачества возглавил М. В. Фрунзе. Для непосредственной организации борьбы с бандами в феврале 1920 г. в Фергану прибыл В. В. Куйбышев.

Инициатива на Ферганском фронте прочно переходила в руки Красной Армии. В течение первых месяцев 1920 г. (с января по март) было успешно проведено несколько операций, завершившихся разгромом ряда крупных банд.

В начале января 1920 г. главные силы Красной Армии и добровольческие отряды были брошены против банды Иргаша, которая укрепилась в своей базовой крепости Бачкыр. Но

Древние стены не спасли басмачей. Части Красной Армии и отряды добровольцев штурмом овладели крепостью.

Одновременно был нанесен удар по Курширмату на гульчинско-иркештамском направлении. Курширмат понес большие потери, но с остатками банды сумел уйти в высокогорную Алайскую долину, имевшую выходы к границе.

Разгром банд Иргаша и Курширмата внес в ряды басмачей Ферганской долины замешательство. Некоторые банды, зажатые наступающими частями Красной Армии и добровольческими отрядами, предпочитали плен полному разгрому. Вместе с главарями сдались банды Хамдама — 500 человек, Махкам-ходжи — 450 и Акбарали — 600 человек.

В бандах, продолжавших сопротивляться, началось разложение. Многие обманутые дехкане покидали басмаческие шайки и сдавались советским властям. Только с 20 января по 2 февраля 1920 г. с повинной пришло более 900 человек, многие из них вступили в добровольческие отряды. Мадамин-бек, пытаясь поправить положение, снова перешел к активным действиям, но был разбит татарской бригадой. Потеряв 200 всадников, он бежал за Сырдарью.

Главарь ферганского басмачества начал переговоры с Советской властью. Одновременно он пытался, пользуясь затишьем, переправить оставшиеся банды в горы. Реввоенсовет Ферганского фронта, приступая к переговорам с Мадамин-беком, не прекращал организацию преследования противника. Мадамин-бек вынужден был капитулировать. 6 марта 1920 г. он подписал с командованием Красной Армии соглашение, которое предусматривало его полное подчинение Советской власти. 12 марта 1920 г. 1200 всадников Мадамин-бека прекратили сопротивление.

Успешная борьба с басмачеством в первые месяцы 1920 г. совпала с блистательными победами, одержанными в тот период [68] Красной Армией и на главных фронтах гражданской войны — на Южном — над армией Деникина и на Восточном — над остатками колчаковских войск.

Чтобы закрепить успехи, достигнутые в борьбе с басмачеством, Турккомиссия совместно с Реввоенсоветом Туркестанского фронта и Советским правительством Туркестана приступили в Фергане к восстановлению фабрик и заводов, строительству железнодорожной ветки от копей Кызыл-Кия, использованию заброшенных земель, начали очистку арыков, отгрузку в Центр хлопка и т. д.

Трудовое дехканство Ферганы, как и всего Туркестана, воочию убедилось в том, что Советская власть неуклонно проводит в жизнь национальную и аграрную политику, направленную на улучшение его положения.

Из политических мероприятий, осуществленных в это время, наиболее важным следует считать восстановление в кишлаках под руководством крайкома и областного комитета партии органов власти, уничтоженных басмачами [210].

В конце марта 1920 г. в ряде мест Ферганской области были проведены выборы в местные Советы.

2 апреля 1920 г. Реввоенсовет Туркестанского фронта принял постановление о возмещении населению убытков, понесенных вследствие реквизиции у него имущества

для нужд войны (лошади, верблюды, повозки и т. д.) {211}. Широкая помощь стала оказываться населению, пострадавшему от набегов басмачей. Для этой цели был создан фонд в размере 50 млн. руб. По всей Фергане организуется сеть чайно-питательных пунктов, приютов, лечебных учреждений, общежитий для людей, лишившихся крова.

Мир в Фергане, однако, продолжался недолго. Летом 1920 г. там поднялась новая волна басмачества. М. В. Фрунзе охарактеризовал ее как «возрождение басмаческого фронта» {212}. Возрождение басмачества объяснялось тем, что к этому времени еще не могли быть ликвидированы фундаментальные условия, породившие классовую борьбу, принявшую вооруженную форму. В частности, эксплуататорские классы Средней Азии и реакционное мусульманское духовенство пыталось воспользоваться любым поводом, чтобы не дать потухнуть пламени басмаческих выступлений. Кроме того, империалисты Антанты готовили новый антисоветский поход. Делая основную ставку на белую Польшу и врангелевскую армию, Антанта одновременно пыталась организовать против Советской власти совместное выступление всех контрреволюционных сил и на окраинах Советской республики. Одной из таких сил и было среднеазиатское басмачество.

В Фергане расчеты агентов империализма были связаны с именем Курширмата — бывшего помощника Мадамин-бека. После капитуляции Мадамин-бека с апреля 1920 г. вокруг Курширмата [69] стали собираться продолжавшие борьбу против Красной Армии курбаши {213}.

Контрреволюция постоянно стремилась объединить басмаческие силы под руководством одного вожака. Как только кто-нибудь из главарей выдвигался в «лидеры», ему немедленно оказывалась всемерная поддержка. Так произошло и на этот раз. Курширмат получил финансовую помощь, а для поднятия «авторитета» — пышный титул. На совещании курбаши Ферганы в июле 1920 г. он был наречен, как ранее Иргаш, «амир альмуслимин».

В середине мая 1920 г. Фергана опять стала ареной ожесточенной борьбы.

Попытки склонить курбаши к добровольной сдаче успеха не имели. В их шайках сконцентрировались наиболее реакционно настроенные элементы и преступники, у которых за плечами было немало убийств и грабежей. И тем не менее Советская власть продолжала прилагать усилия для прекращения кровопролития. В мае 1920 г. с помощью Мадамин-бека удалось добиться явки парламентаря из стана Курширмата на мирные переговоры. Одновременно к Курширмату направилась делегация в составе комиссара полка С. Л. Сухова и Мадамин-бека. Но Курширмат отказался от переговоров, а С. Л. Сухова и Мадамин-бека отдал на расправу своим приспешникам. 14 мая 1920 г. в урочище Тамаша их обезглавили. На сторону басмачей снова перешли ранее сдавшиеся курбаши Ахунджан и Парпи.

К середине лета 1920 г. на территории Ферганы сосредоточилось около 30 тыс. басмачей. Среди них было немало дехкан, обманутых или загнанных в банды угрозами. Эта категория басмачей при первой возможности стремилась уйти из банд.

Широкий размах действий басмачей в Ферганской долине вновь сделал этот район краем острой классовой борьбы. После зверской расправы Курширмата с Суховым и Мадамин-беком переговоры с ним, естественно, уже не велись. На основе постановления ТуркЦИКа вся Ферганская область была объявлена на военном положении.

Для непосредственного руководства борьбой с басмачеством в Фергану в середине мая 1920 г. прибыли М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиава {214}. Сразу же после этого было проведено расширенное заседание обкома партии, на котором обсуждались вопросы усиления партийной работы в области, а также борьбы с басмачеством {215}.

Ознакомившись с обстановкой на месте, М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «...необходимы твердые и решительные меры, иначе Фергана на долгое время будет утрачена» {216}. Он сообщал В. И. Ленину, что в Фергану направлены основные силы Туркестанского фронта {217}. Правда, они были не так уж и велики, но, действуя в тесной связи с массами, в единстве с добровольческими отрядами, Красная Армия представляла собой [70] цементирующее ядро вооруженной борьбы народа против басмачей.

М. В. Фрунзе побывал во всех основных районах Ферганы, где шла борьба с басмачеством. Беседуя с бойцами и командирами, с трудовым населением, партийными и советскими работниками, выступая на многочисленных митингах и собраниях рабочих и дехкан, он вдохновлял их на борьбу против басмачества. Детально знакомясь с партийно-советской работой, он оказывал помощь местным организациям своими советами, устранял допущенные ими ошибки, направлял их деятельность.

Во время пребывания М. В. Фрунзе в Фергане здесь началась подготовка к осуществлению приказа Реввоенсовета Туркестанского фронта о мобилизации в Красную Армию трудящихся коренных национальностей.

Было решено обратиться к трудовому населению Ферганы с призывом активно включиться в борьбу с басмачеством. В. И. Ленин указывал, что, когда создавалась угроза для республики, партия считала «своим долгом обращаться к рабоче-крестьянским массам и описывать им то тяжелое положение, которое создалось. Мы обращались к ним и указывали, от кого зависит спасение Советской России и какое напряжение энергии необходимо, чтобы бросить все силы на одну определенную задачу» {218}.

24 мая было опубликовано воззвание «К мусульманскому населению Ферганской области», подписанное М. В. Фрунзе. «Товарищи мусульмане! — говорилось в воззвании. — К вам, жителям городов и аулов разоренной, залитой кровью Ферганы, обращаемся мы, представители Советской власти, с нашим словом... Вы должны прийти как один человек на помощь власти по искоренению басмачества... Скорей собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем Советской власти» {219}.

Воззвание, напечатанное на местных языках, было широко распространено (более 20 тыс. экземпляров).

Фрунзе вызвал в Фергану агитационный поезд политуправления Туркфронта. По его предложению в Фергане были организованы агитационно-организаторские курсы для представителей кишлаков, слушатели которых «должны стать, за малый промежуток времени, проводниками идей Советской власти среди кишлачного населения» {220}.

В начале июня в Фергане был создан специальный политпросветотряд для работы среди кишлачного населения. Бойцы политпросветотряда, в числе которых был зачинатель советской узбекской поэзии, пламенный трибун Советской власти Хамза Хаким-заде, помогали Красной Армии не только словом: зачастую они принимали непосредственное участие в боевых действиях.

Краевой комитет комсомола в мае 1920 г. обратился с призывом к молодежи активно включиться в борьбу с басмачеством. [71] «На призыв Краевого комитета РКСМ о мобилизации на Ферганский фронт откликнулись все организации, — писала газета «Известия». — Обращаются много товарищей с просьбой отправить их на фронт. Приезжают добровольцы из самых глухих мест»{221}.

Среди руководителей кокандских комсомольцев и организаторов борьбы с басмачеством были Е. Н. Ульмасбаев, М. И. Назаров и М. Ю. Юлдашев. Образец самоотверженности показал кокандский комсомолец Абдулла Набиев, организовавший из комсомольцев-узбеков отряд разведчиков и выполнявший важнейшие задания командования Красной Армии.

По мобилизации на призывные пункты Ферганской области вместо 9350 явилось 11 475 человек из трудящихся коренных национальностей.

Учитывая имевшийся опыт борьбы с крупными бандами басмачей, М. В. Фрунзе 15 мая 1920 г. отдал приказ о начале военных действий на широком фронте. Главные силы сосредоточились в районе основных баз басмачей в Алайской долине. Здесь действовала сводная группа в составе двух полков и национального Киргизского дивизиона. Командовал сводной группой Э. Ф. Кужело. В самой Ферганской долине был сформирован подвижной отряд.

На борьбу с басмачеством были мобилизованы все партийные и советские органы. В интересах более четкой координации действий административные функции в Ферганской области временно передавались военному командованию.

Перед частями Красной Армии стояла задача — преследовать банды до полной их ликвидации, если даже придется действовать за пределами отведенного им района.

Сводная группа Э. Ф. Кужело действовала на самом трудном и ответственном направлении. 25 мая 1920 г. группа вышла из Оша и углубилась в горы. Первый бой с басмачами произошел на перевале. Здесь бандиты заранее заняли позиции и укрепили их. Но они не выдержали натиска красных бойцов и отступили по ущелью, ведущему к Алайской долине, в район Суфи-Кургана. Однако, когда утром 29 мая авангард отряда показался у Суфи-Кургана, басмачи не приняли боя и поспешно отошли к самой Алайской долине. Этот район руководители басмачества считали недоступным для частей Красной Армии. Разреженный воздух требовал специальной тренировки для адаптации. Быстро наступала утомляемость. Однако упорство, настойчивость, выносливость и вера в победу придавали бойцам и командирам силы. Две недели красные конники непрерывно преследовали басмачей. Не спасли врага ни привычные для него условия, ни трудные перевалы и ущелья. Часть сил басмачей в Алайской долине была разгромлена, а часть ушла через снежные перевалы в другие районы.

Выступивший 30 мая из Коканда сводный отряд под командованием [72] П. М. Парамонова провел несколько успешных операций против басмаческих банд Сали-Максума, Аман-Палвана, Атакузы.

Успехи советских войск оказали большое воздействие на настроение местного населения. Дехкане постепенно освобождались от страха, вызванного басмаческим террором, все более активно выступали против бандитов. Даже в самых отдаленных районах Памира басмачи не чувствовали себя спокойно. Недовольные постоянными поборами и насилием,

трудящиеся сами готовились к ликвидации басмаческих шаек. 26 июня 1920 г. дехкане горных кишлаков провели нелегальное собрание. На следующий день сформированный из местных жителей добровольческий отряд напал на крепость, где располагалась база бандитов, захватил склад с оружием и боеприпасами.

Курширмат в июле 1920 г. попытался перейти в наступление. Он спустился из Алайской долины, с тем чтобы перерезать железнодорожные линии Коканд — Фергана и Андижан — Наманган. Однако эта вылазка успеха не имела. В четырех крупных операциях (в районах Горбуа — Язъяван, Ангичек — Булак-Баши, Шаарихан — Заркент и Язъяван — Минбулак) советские войска при поддержке местного населения нанесли басмачам решительные удары. Остатки басмаческих отрядов бежали в направлении Балыкчи — Чинабад.

Итак, за короткое время Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, ЦК Коммунистической партии Туркестана, Реввоенсовет Туркестанского фронта при непосредственном участии партийных, государственных и военных руководителей (В. В. Куйбышева, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава и др.) сумели мобилизовать широкие массы трудящихся, объединить их усилия с действиями Красной Армии и сорвать попытки басмачей перейти в наступление.

В августе 1920 г. партийные и советские организации разработали новые меры для ликвидации басмаческих шаек. Было решено создать в Фергане военный совет с передачей ему всего гражданского управления {222}. 12 августа вопрос о борьбе с басмачеством обсуждался также на областном съезде Ферганской партийной организации. О необходимости усиления борьбы с остатками басмаческих банд было записано и в решениях состоявшейся в это время V Андижанской уездно-городской партконференции. В августе же ТуркЦИК и Реввоенсовет Туркестанского фронта предоставили Ферганскому областному военному совету чрезвычайные полномочия для борьбы с басмачеством {223}.

Выполняя возложенную на него задачу, Ферганский военный совет начал осуществлять специальные мероприятия. Наряду с усилением политико-просветительной работы среди трудящихся он, в частности, ввел систему заложников из баев, мулл и родственников несдавшихся басмачей. [73]

Одновременно в Фергану направляются прибывшие из центра прославленная бригада красных коммунаров и национальные добровольческие формирования киргизов и казахов.

Однако активность басмачей не снижалась. В их действиях в конце 1920 г. имелась одна особенность, выражавшаяся в том, что они были нацелены на подрыв экономической жизни Туркестанской республики. Именно в то время, когда хозяйственные связи Туркестана с центральными районами страны развивались и укреплялись, организаторы басмачества стремились нанести максимальный ущерб народному хозяйству, чтобы затормозить экономическое восстановление Туркестана и тем самым ослабить экономику страны в целом. Перед басмачами была поставлена задача — лишить текстильную промышленность России хлопка, оставить Туркестан без угля, нефти и продовольствия.

Поэтому их усилия были направлены главным образом на уничтожение промышленных предприятий, копей, промыслов, железнодорожных, телефонных и телеграфных линий, ирригационных сооружений, складов хлопка, продовольствия.

Если прежде поджоги басмаческими шайками хлопкоочистительных заводов, разрушение железных дорог и нападения на нефтепромыслы и копи были, как правило, эпизодическими, от случая к случаю, то теперь диверсии принимают массовый характер и осуществляются по заранее разработанному и продуманному плану.

Ниже приведена сводка нападений басмачей на Ферганскую железную дорогу и поджогов хлопкоочистительных заводов в июле — октябре 1920 г.:

	Число нападений	Протяженность разрушенных путей и телеграфных линий	Число сожженных хлопкозаводов
Июль	14
Август	11	32 версты	9
Сентябрь	17	31 верста	15
Октябрь	5	...	2

Источники: ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 522, л. 16–18; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 786, л. 37.

В начале августа, по неполным данным, басмачи сожгли только в Андижанском районе 100 тыс. пудов хлопка, 33 тыс. пудов хлопка-сырца, 12 тыс. пудов посевных семян {224}.

В октябре в одно и то же время были совершены нападения на угольные копи Шураб и на нефтепромысел Чимион {225}. В начале ноября шесть басмаческих шайк напали на вторые по значению в республике угольные копи Сулюкта, расположенные на юге Ферганской долины. Басмачи окружили также район Посьетовки, где строилась ватная фабрика {226}, и напали на нефтепромысел Санто {227}. В середине ноября произошло нападение [74] басмачей на озокеритовые промыслы близ станции Мельниково, в результате чего работы на промыслах были приостановлены {228}. Характерно, что в это же самое время басмачи, действовавшие в Туркмении и Каракалпакии, совершили нападение на рыбные промыслы на полуострове Муйнак в Аральском море. Это еще раз подтверждает, что басмаческие операции направлялись из единого центра и проводились по единому плану. Можно привести и ряд других примеров. Все они свидетельствуют о том, что в дни, когда белые армии были разбиты, контрреволюционные силы предпринимали попытки затормозить или сорвать переход нашей страны на рельсы социалистического строительства.

Проанализировав данные об экономических диверсиях, Реввоенсовет Туркестанского фронта принял ряд мер по охране промышленных объектов и железных дорог. Крайком партии предложил местным парторганизациям при содействии командования и политсостава военных частей организовать партийные дружины и территориальные батальоны в помощь Красной Армии. Такие части были созданы в Коканде, Андижане, Намангане и других городах {229}.

В начале сентября 1920 г. М. В. Фрунзе в разговоре с В. В. Куйбышевым указывал: «Считаю необходимым... поставить под ружье все рабочее и служилое население области за исключением лишь безусловно необходимых. Эта мера, дав помощь войскам в виде рабочих, знакомых с приемами противника, позволит, по-моему, в короткое время добиться результатов» {230}. Указания М. В. Фрунзе были выполнены. Заводы, промыслы и железные дороги, защищенные отрядами Красной Армии, партийными дружинами и другими формированиями рабочего класса, начали более или менее нормально работать. Важную роль в мобилизации всех сил на разгром басмачества сыграли решения V съезда Коммунистической партии Туркестана и IX Всетуркестанского съезда Советов. Особое

значение имели решения съездов о дальнейшем привлечении в органы государственной власти представителей трудящихся коренного населения.

После съездов в Туркестане были осуществлены важные мероприятия в области национального вопроса, способствовавшие разгрому басмачества. Среди них выделялись: коренизация государственного аппарата, широкое привлечение в государственный аппарат представителей местных национальностей, введение в школах преподавания на родном языке, введение делопроизводства на языках национальностей Средней Азии (наряду с русским языком). В докладной записке секретаря Ферганского обкома КПТ М. С. Исеева от 12 февраля 1921 г. отмечалось, что «после IX и V съездов были проведены ряд политических кампаний, которые имели результаты в том, что басмачество постепенно начинает разлагаться»{231}. [75]

.IX Всетуркестанский съезд Советов, кроме того, решил послать на борьбу с басмачами 10% делегатов съезда, а V съезд КПТ мобилизовал ряд делегатов для политической работы в Фергане. По мобилизации ЦК КПТ на Ферганский фронт выехало 100 коммунистов — представителей местных национальностей.

Туркбюро ЦК РКП (б) в октябре 1920 г. постановило направить в Фергану половину всех работников, прибывших в Туркестан из центра страны, в том числе не менее 20 выпускников Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, направленных ЦК РКП (б) в Туркестан{232}. 20 октября 1920 г. Оргбюро ЦК РКП (б) приняло решение послать на постоянную партийную работу в Фергану ответственных партработников{233}.

Деятельность партийных организаций принесла ощутимые результаты: местное трудовое население стало вступать в формировавшиеся в это время отряды народной милиции и отряды содействия милиции. Эти отряды широко развернули свою деятельность в 1921 г.

В речи на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. В. И. Ленин сказал, что «значительное большинство рабочих и крестьян всех окраинных местностей, которые были под игом белогвардейцев, чем больше они там были, тем прочнее перешли на нашу сторону»{234}. Эти слова полностью относятся не только к рабочим, но и к дехканам Туркестана. Областной съезд Советов Ферганы, состоявшийся в августе 1920 г., констатируя участие местного населения в борьбе с басмачеством и в местных Советах, сообщил В. И. Ленину об этих важных для Ферганы и всего Туркестана фактах.

Значительную роль в борьбе с басмачеством в это время начали играть созданные на основе решений V съезда КПТ союзы «Кошчи». Их члены активно участвовали в отрядах самообороны, в частях добровольной милиции.

Борьба с басмачеством в Фергане в конце 1920 г. была облегчена двумя важнейшими обстоятельствами: победой над основными силами интервентов и белогвардейцев (разгром Врангеля, заключение перемирия с Польшей) и победой народной революции в Бухаре (сентябрь 1920 г.).

Однако враги не сдавались. Националистическая контрреволюция и главари басмачества вырабатывают план создания коалиции всех контрреволюционных сил мусульман Востока для борьбы с Советской властью. 7 ноября 1920 г. Курширмат, называвший себя «главным курбаши мусульманского ферганского войска», башкирский националист

Ильдархан Мукани и казахский националист Джуназаков обратились к Дутову{235} с призывом присоединиться к этому блоку и начать снабжать басмачей оружием, боеприпасами и инструкторами для организации новой басмаческой армии{236}. Однако контрреволюционная затея оказалась столь же неудачной, как и предыдущие. [76]

Ликвидация фронтов гражданской войны дала возможность перебросить в Фергану новые воинские части. К концу 1920 г. сюда прибыли из Семиречья и с бывшего Бухарского фронта несколько стрелковых бригад и кавалерийских полков. В это же время была создана Ферганская армейская группа под командованием Г. В. Зиновьева, а затем члена Реввоенсовета Туркестанского фронта П. И. Баранова{237}. Она вела бои на Наманганском, Ферганском, Кокандском, Андижанском и Ошском боевых участках{238}.

Ожесточенные бои с басмачами развернулись в районах Намангана, Андижана и Оша. На Андижанско-Ошском направлении в басмаческих бандах насчитывалось около 1,5 тыс. человек. Против этой группировки действовал 15-й отдельный Дунганский кавалерийский полк. В бою 30 ноября 1920 г. банда потеряла 150 басмачей убитыми и бежала в районы Булак-Баши и Горбуа.

Боевые действия против басмаческих банд велись и в районе Коканда. Там находилось свыше тысячи басмачей. В двух боях банды потеряли около 120 человек. Остальные, не выдержав натиска красных бойцов и добровольцев, рассредоточились на мелкие группы.

В течение четырех суток продолжался бой на железнодорожной станции Джалал-Абад. Располагая значительным численным превосходством, басмачи окружили станцию. Горстка красных бойцов оказалась в исключительно трудном положении. Иссякли запасы воды и продовольствия. С каждым выстрелом таяли боеприпасы. На четвертые сутки атаки противника стали непрерывными. В момент, когда красноармейцам уже нечем было обороняться, а басмачи наступали со всех сторон, на горизонте появился бронепоезд. Огнем артиллерии и пулеметов он рассеял банду.

Весь октябрь 1920 г. в Ферганской долине продолжались бои с басмаческими бандами. Под ударами Красной Армии и добровольческих отрядов бандитские формирования распались. В этой обстановке басмаческие курбаши Ферганской долины при участии агентуры иностранных разведок провели двухдневное совещание, надеясь сплотить свои силы и совместно найти выход из создавшегося положения. Ценой больших усилий на совещании удалось примирить двух басмаческих главарей Ферганы — Курширмата и Муэтдина.

Части Красной Армии и добровольческие отряды продолжали теснить шайки в Ферганской долине. В октябре — декабре 1920 г. от басмачей была очищена почти вся территория Ферганской области. Остатки разгромленных шаек укрылись в Алайской долине.

Коммунистическая партия Туркестана учитывала, что успехи в борьбе с басмачеством нужно закрепить путем проведения экономических мероприятий. [77]

Важную роль в борьбе с басмачеством сыграло принятое по инициативе Турккомиссии решение ТуркЦИКа об отмене продовольственной монополии в Ферганской области и открытии базаров для вольной торговли{239}.

25 декабря 1920 г. в Фергане открылась областная конференция дехкан области, заслушавшая и обсудившая доклады: 1) текущий момент; 2) земельная реформа; 3) задачи продовольственных комиссаров; 4) задачи народного просвещения в деревне; 5) борьба с басмачеством; 6) хозяйственное строительство 7) организация союза трудящихся дехкан {240}. Решения этой конференции и проведение их в жизнь способствовали мобилизации дехканства на борьбу с контрреволюцией.

Летом 1920 г. правительство РСФСР ассигновало большие средства для подъема экономики Ферганы. Туркестану было выделено 150 млн. рублей на восстановление разрушенной басмачами ирригационной системы Ферганы и на возрождение хлопководства. Кроме того, были выделены деньги для закупки 5 тыс. пудов семенного зерна и на закупку за границей, главным образом в Китае, скота для раздачи дехканам. Одним из важных мероприятий явилось также открытие границы с Китаем для свободного ввоза в Фергану хлеба и скота.

В свою очередь, правительство Туркестанской республики значительно снизило государственное налогообложение дехкан, а сильно пострадавшие кишлаки были совсем освобождены от уплаты налогов. Трудящимся Ферганы была оказана большая помощь продуктами питания и промтоварами.

Принятые летом и осенью 1920 г. Компартией Туркестана и Реввоенсоветом Туркестанского фронта военно-политические меры привели к тому, что были разгромлены и рассеяны многие басмаческие шайки; это дало возможность командованию фронта выделить часть сил для Западного фронта и тем самым внести свою лепту в разгром белополяков.

С наступлением зимы положение басмачей, действовавших в горных районах, ухудшилось. Красная Армия при активной поддержке населения не давала возможности бандам надолго задерживаться в кишлаках. Курбаши предпринимали попытки пробиться в населенные пункты, но, встречая отпор, вновь уходили в горы. 24 ноября 1920 г. отряды Красной Армии нанесли еще один удар по группировкам Курширмата и Алияра, пытавшимся прорваться в обжитые районы. В результате басмачи бежали в направлении Соха, где 25 ноября были вновь настигнуты и рассеяны на мелкие группы.

В ноябре 1920 г. более 1200 басмачей, укрывавшихся на юге Киргизии, сосредоточились в Нарынской волости, намереваясь пожить за счет населения. Однако и на этот раз им не удалось осуществить свои планы. Для защиты местного населения в Нарынскую волость прибыл отряд Красной Армии, он внезапно атаковал становище басмачей. Завязалась рукопашная [78] схватка, в которой басмачи понесли тяжелые потери.

В первой половине декабря 1920 г. после проведения нескольких успешных операций были уничтожены две банды и основательно потрепана банда Парпи, насчитывавшая более 2 тыс. человек. 9-я бригада Я. А. Мелькумова разбила банду Казакбая и нанесла поражение шайке Аман-Палвана. Группировка Курширмата ушла в Алайскую долину, поближе к границе.

К исходу 1920 г. численность басмачей по сравнению с началом года резко сократилась. Они рыскали по Ферганской долине, главным образом в прилегающих к ней горных массивах. Вытесненные из густонаселенных районов, они лишились основных продовольственных баз. Население кишлаков и аулов отказывалось обеспечивать банды фуражом и продуктами питания. Все реже удавалось басмачам захватывать

продовольствие силой. Этому препятствовали не только Красная Армия и добровольческие отряды, но и сами дехкане. Нередко население кишлаков и аулов по своей инициативе объединялось и давало отпор басмачам.

В кишлаке Майли-Сай безоружные дехкане пригласили басмачей в дома, а затем по сигналу разоружили их поодиночке, захватив 37 винтовок и 32 лошади. Такие примеры не единичны. Но главной формой борьбы населения с бандами являлось его участие в добровольных дружинах, отрядах милиции и самообороны. В них к концу 1920 г. состояло более 15 тыс. жителей Ферганской области.

В конце 1920 — начале 1921 г. Советская страна, разгромив главные силы интервентов и белогвардейцев, стала переходить к мирному строительству.

Однако в Ферганской долине долгожданный мир еще не наступил. Инспирируемые внешними реакционными силами, главари басмаческих банд не складывали оружия. Фергану ожидал еще не один год трудной борьбы с басмачами.

Очаги басмачества: Аблык, «Матчинское бекство»

Кроме Ферганской долины басмаческие отряды действовали в 1918–1920 гг. в долине реки Ангрэн, неподалеку от Ташкента, и на территории Самаркандской области.

В долине реки Ангрэн, важном районе производства хлебных злаков и риса, игравшем большую роль в экономической жизни Туркестанской республики, — в селениях Аблык, Пенгаз и Ашава, расположенных в 80 верстах к юго-востоку от Ташкента, появились басмаческие шайки Ашурмата и Рахманкула, что создавало непосредственную угрозу политическому и военно-административному центру республики — Ташкенту. Захватив [79] перевалы Кульдаван и Кендыр-Даван, соединяющие Ташкент с Ферганской областью, басмачи обеспечили свой тыл и получили свободу маневрирования.

Главную тяжесть борьбы с басмачами вынесли на себе местные партийные формирования. Сюда были направлены партийные дружины из коммунистов близлежащих населенных пунктов Ташкентского уезда: Пскента, Буки, Муратали, Теляу и Аблыка, а также отряды коммунистов и рабочих Ташкента.

В верховьях Зеравшана, в суровом горном крае за перевалом Обурдон, среди скал Зеравшанского и Туркестанского хребтов, в северо-западной части современного Таджикистана, возник еще один опасный очаг басмачества. Здесь особенно сильны были позиции реакционного духовенства и баев, которые умело использовали темноту населения, родо-племенные традиции и связи. Вся округа носила название Матчинского бекства (Зеравшан в верхнем течении называется Матча; так же именовался и центр округа — крупный кишлак). Здесь в ноябре 1918 г. баи во главе с местным беком вырезали небольшой красноармейский отряд и установили свое господство. Контрреволюционные элементы планировали превращение Матчинского бекства в некое «самостоятельное государство».

Хотя масштабы деятельности матчинских мятежников были невелики {241}, Матча имела для контрреволюции огромное значение, ибо играла роль связующего звена между ферганским басмачеством и бухарским эмиром, за спиной которого стояли английские империалисты. Кроме того, ферганские басмачи использовали Матчу как место

переформирования своих шаек и путь отхода на территорию Бухары во время наступления крупных сил Красной Армии.

Захватив власть в Матчинском бекстве, басмаческие вожаки в начале 1919 г. предприняли попытку прибрать к рукам соседние кишлаки. Басмачи стали совершать на них набеги, грабить население.

В Матчинскую волость был направлен небольшой отряд Красной Армии. Однако действия его были малоэффективны, так как он мог лишь сдерживать натиск басмачей на отдельных участках. Обращения командования Красной Армии и местных властей к басмачам с призывом прекратить кровопролитие не возымели успеха. Активность матчинских басмачей росла. Дехкане, спасаясь от террора, бежали в Самарканд и Пенджикент.

Самаркандский обком партии мобилизовал коммунистов на борьбу с басмачеством в Матче. В первой половине 1919 г. был сформирован интернациональный отряд. В мае 1919 г. во всех уездных и городских партийных комитетах Самаркандской области были созданы мусульманские бюро, которые развернули большую политическую работу в массах.

Тем временем басмаческие курбаши объявили о создании самостоятельного государства, именуемого «Матчинским бекством [80]». Эта авантюра — создание «государства», состоящего из затерянных в горах кишлаков с населением в несколько десятков тысяч человек, преследовала две цели: поднять авторитет главарей и получить материальную помощь от зарубежной реакции.

Более того, басмаческие лидеры объявили свое бекство «народным» (вообще в их действиях чувствовалась опытная режиссерская рука) и для доказательства этого устраивали инсценировки «голосования» населения при принятии тех или иных решений. Угрожая оружием, басмачи сгоняли дехкан на сборища, где и происходило «голосование». Так была избрана и делегация для отправки в Англию за «советом» и «помощью».

Английские власти вступили с делегацией в переговоры, рассчитывая заполучить плацдарм для агрессии в Средней Азии. Они одобрили создание «Матчинского бекства» и пообещали ему щедрую помощь. Летом 1919 г. делегация возвратилась в Матчу. Обещанная поддержка вскружила головы главарям басмачества. Укрывшись за труднодоступными перевалами, басмачи совершали вылазки, грабили окрестное население. Особенно часто подвергались нападениям жители кишлаков Фальгарской волости.

В сентябре 1919 г. матчинские басмачи развернули наступление на город Пенджикент. Пользуясь тем, что основные силы советских войск находились в других районах Средней Азии, они захватили 13 кишлаков. На помощь трудовому населению верховьев Зеравшана из Самарканда прибыл отряд красноармейцев в 150 человек. Самаркандский обком партии выделил для населения кишлаков, часто подвергавшихся нападениям банд, оружие, боеприпасы и направил инструкторов. Отряд и местные дехкане освободили ряд кишлаков.

Одновременно были приняты меры для защиты кишлаков Ура-Тюбинского и Ходжентского уездов. Перевалы к долине Зеравшана прикрывали небольшие воинские гарнизоны и добровольческие отряды.

Вместе с тем командование Красной Армии и местные органы Советской власти, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, предприняли еще одну попытку мирным путем ликвидировать басмаческую базу в Матче. После переговоров матчинские главари согласились на разоружение, обязались прекратить нападения на окрестные районы, но не выполнили своих обещаний.

В январе 1920 г. басмачи опять развернули наступательные операции. После боев, шедших с переменным успехом, они отступили за горные перевалы.

Вновь начались переговоры о перемирии. Наконец 12 июля 1920 г. между командованием Красной Армии и матчинским беком было подписано мирное соглашение. Но и на этот раз перемирие оказалось непрочным. Особенно басмачи активизировались [81] в сентябре 1920 г., когда восстало население Бухарского эмирата. Победа народной революции в Бухаре предопределила разгром басмачества в Матчинском бекстве. В Самарканде был сформирован новый специальный отряд под командованием одного из героев гражданской войны П. М. Парамонова. Самаркандский облисполком объявил Ура-Тюбинский уезд, где бесчинствовал известный своей свирепостью курбаши Холбута, на военном положении. Всего в районах Самаркандской области действовало около 20 банд, в каждой из которых насчитывалось от 70 до 700 басмачей.

В конце сентября 1920 г. в течение 20 дней части Красной Армии вели в Матче бои, нанося басмачам серьезные удары. Однако окончательная ликвидация матчинского очага произошла в 1923 г.

Басмачи Бухары и Хорезма

Властителям Бухары и Хивы после победы Октября удалось на некоторое время сохранить свои троны. В условиях гражданской войны и иностранной интервенции Бухарский эмират и Хивинское ханство превратились в очаги контрреволюции, плацдарм интервенции.

Как уже отмечалось, ферганские, матчинские и прочие басмачи получали огромную помощь от правящих кругов Бухарского эмирата. Бухара посылала басмачам оружие, деньги, давала прибежище после поражений. Хивинский диктатор Джунаид-хан неоднократно нападал на города Петро-Александровск и Нукус, входившие в состав Амударьинского отдела Туркестанской АССР {242}.

Антисоветская деятельность властителей Хивы и Бухары ускорила крушение их деспотических режимов. Народные массы поднялись на борьбу за свержение басмаческого диктатора Джунаида и ставленника английских империалистов бухарского эмира. В этой борьбе трудящиеся Хивы и Бухары, руководимые коммунистами, опирались на братскую помощь русского народа, на помощь Советской России.

Первыми одержали победу трудящиеся Хивы. В ноябре 1919 г. против диктатуры Джунаид-хана началось народное восстание. Восставшие обратились за поддержкой к Советскому правительству. В Петро-Александровск прибыла делегация участников хивинского восстания. Совет рабочих и дехканских депутатов 4 ноября телеграфировал в

Ташкент, обращаясь к Туркестанскому ЦИК и Реввоенсовету: «Пролетариат Хивы восстал против Джунаид-хана, везде идут бои. К нам прибыла делегация от народа, просит помощи. Просим вашего разрешения выступить с отрядом на помощь восставшему народу Хивы»{243}.

Объединенные силы хивинских революционных отрядов и [82] частей Красной Армии нанесли ряд поражений Джунаид-хану, которому активно помогали остатки белоказацких войск.

В конце января 1920 г. Джунаид был разбит и бежал в пески. 23 января пала его резиденция — Бедиркент. 1 февраля революционные отряды вошли в ханскую столицу.

Победа революции в Хиве была, по словам В. В. Куйбышева, «первым звеном в цепи революций и восстаний на Востоке, которые неизбежно приведут все страны Востока, ныне угнетенные и поработанные английским империализмом, к полному национальному раскрепощению и освобождению... Маленькая героическая Хива первая стала на путь борьбы. Она первая подняла восстание. Она первая добилась освобождения от деспотизма»{244}.

26 апреля 1920 г. в Хиве собрался I Всехорезмский курултай народных представителей. Он провозгласил создание народной советской республики и принял первую конституцию.

В «Предисловии» к конституции отмечалось, что только благодаря победе социалистической революции в России хивинский народ сумел обрести свободу и независимость. «...Русские рабочие и крестьяне, — говорилось далее, — помогшие освобождению хивинского народа, и пролетариат всего мира... являются самыми первыми друзьями всего хивинского народа». На развалинах хивинской деспотии возникла Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР).

Вслед за Хивой революция победила и в Бухаре. Страхась нараставшего народного недовольства, эмир усиливал репрессии, все более явно превращал страну в антисоветский плацдарм. Он действовал в тесном контакте с командованием английских войск в Мешхеде. Десятки английских и белогвардейских офицеров инструктировали эмирские войска. Как писал В. В. Куйбышев, эмирская Бухара окончательно превратилась в караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма{245}.

Тем временем возмущение трудящихся, страдавших от разрухи и произвола эмирских властей, достигло предела. 28 августа вспыхнуло восстание в Чарджуе. Затем выступили революционные силы в других районах эмирата. «28 августа 1920 г., — писал позднее М. В. Фрунзе, — бухарский гнойник, наконец, вскрылся». М. В. Фрунзе отмечал далее, что Советская власть стояла перед дилеммой: «Или оказать помощь восставшему бухарскому народу и помочь ему сбросить со своей шеи вековые цепи рабства и несправедливости, или же остаться зрителями начавшейся борьбы и позволить эмиру задушить проблески свободы в Бухаре. Красные войска Туркестана пошли с бухарским народом против его угнетателей»{246}.

Части Красной Армии вместе с бухарскими революционными силами сломили сопротивление эмирских войск. После ожесточенного боя 2 сентября Бухара была освобождена. [83]

М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное Знамя мировой революции»{247}. Эмир Сейид Алим-хан вместе с большинством своих сановников бежал в Восточную Бухару.

5 октября 1920 г. летний дворец эмира стал свидетелем небывалого события. В его стенах собрались 1950 делегатов I Всебухарского курултая народных представителей. Курултай провозгласил создание Бухарской Народной Советской Республики (БНСР).

Революции в Хорезме и Бухаре имели большое историческое значение. Уничтожив последние заповедники мракобесия и деспотизма, они включили трудящиеся массы в русло социалистического развития.

Революции в Хорезме и Бухаре не были социалистическими. Экономическая и социальная отсталость Хорезма и Бухары требовали особой гибкости и постепенности в осуществлении революционных преобразований, решения прежде всего задач антифеодального и антиимпериалистического характера. Поэтому Хорезмская и Бухарская республики возникли не как социалистические, а как народные советские республики. В дальнейшем, по мере укрепления советского строя, Хорезм (в 1923 г.) и Бухара (в 1924 г.) были преобразованы в советские социалистические республики. ХНСР и БНСР вступили в братский союз с Советской Россией, которая оказала им всестороннюю помощь.

В Бухаре и Хорезме развернулось строительно новой жизни. Широкие народные массы получили свободу. Осуществлялись коренные социально-экономические и общественно-политические преобразования.

Однако поступательный ход революции натолкнулся на ожесточенное сопротивление реакции. Феодално-байские элементы встречали в штыки каждое прогрессивное мероприятие. В руководящих органах молодых республик на первых порах оказалось немало буржуазных националистов.

Главным оружием контрреволюции в Хорезме и Бухаре стало басмачество.

Упорная и длительная борьба с басмачами Джунаид-хана шла в Хорезме. Лишенный власти диктатор при щедрой и активной помощи английской разведки собрал значительные силы. Войнство Джунаида состояло преимущественно из представителей феодалов, бывших чиновников Хивинского ханства, реакционного духовенства и недобитых белогвардейцев. Банды Джунаид-хана насчитывали до 10 тыс. человек{248}.

Боевые действия частей Красной Армии в августе 1920 г. в результате предательства младохивинцев {249} не увенчались успехом.

27 октября Джунаид-хан захватил Кунград и учинил жестокую [84] расправу над партийным и советским активом. Ликвидировав органы народной власти, он поставил во главе оккупированного города бывшего бека Балабия.

Зверствам Джунаид-хана не было предела. Был убит прибывший в Хорезм бывший военный комиссар 1-й Приволжской татарской бригады Бакир Белоусов. Были злодейски истреблены воины туркменских добровольческих отрядов.

В конце 1920 г. басмачи окружили Нукус. 14 дней не стихали бои у стен города. Как нередко бывало в те годы, запасов продовольствия и боеприпасов хватило лишь на несколько дней. Приходилось экономить каждый патрон, каждый грамм хлеба. Но бойцы гарнизона и народные добровольцы выстояли. Когда запасы были на исходе, красноармеец Б. Рузметов вызвался доставить донесение командованию Красной Армии в Петро-Александровск. Под покровом ночи он прополз мимо басмаческих дозоров, вышел за кольцо окружения и добрался до Петро-Александровска. Оттуда на помощь поспешил отряд красноармейцев. Басмачи отступили.

В Хорезме развернуло свою деятельность направленное сюда полномочное представительство РСФСР во главе с М. В. Сафоновым. Ему удалось разоблачить контрреволюционную деятельность значительной части руководства младохивинской партии, имевшего тесные связи с басмачами.

Разгром джунаидовцев явился результатом не только героической борьбы добровольческих отрядов и прибывших на помощь частей Красной Армии, но и укрепления Советской власти, роста активности трудового населения Хорезма, укрепления рядов Хорезмской коммунистической партии — авангарда трудящихся масс Хорезма, созданной на 1-й Всехорезмской партконференции в мае 1920 г.

Огромное значение в разгроме басмачества имело укрепление Хорезмской Красной Армии, возникшей в ходе борьбы за победу народной советской революции. Она состояла из дехкан, ремесленников, мелких торговцев. В ноябре 1920 г. было создано Политуправление Хорезмской (Хивинской) Красной Армии (Пурхив) во главе с коммунистом Махмудом Мусаевым. Пурхив взял на себя руководство всей партийной работой в республике, так как в это время во главе ЦК Хивинской коммунистической партии стояла буржуазно-националистическая группа младохивинцев {250}.

Важнейшим условием укрепления народной власти в ХНСР была теснейшая связь республики с Советской Россией.

13 сентября 1920 г. между РСФСР и ХНСР были заключены Союзный договор и экономическое соглашение, предусматривавшие военно-политическое и экономическое сотрудничество, а также подписано соглашение о предоставлении Хорезмской республике помощи в развитии хлопководства, ирригации, связи и др. {251}. [85]

Не менее сложный и трудный характер носила борьба с басмачами в Бухарской республике.

Задолго до крушения эмирата в горных районах Восточной Бухары оперировали басмаческие шайки. Наряду с уголовниками их нередко возглавляли муллы, эмирские сановники, беки, вожди племен. Активность басмаческих шаек возросла с весны 1919 г., когда на территорию Восточной Бухары перешло немало басмачей из Ферганской долины.

Готовясь к борьбе с Советским Туркестаном, эмир Бухары, просивший английского короля о включении Бухары в состав Британской империи {252}, стремился использовать басмачей. Он рассылал гонцов с письмами, в которых предлагал создавать вооруженные отряды.

Одним из очагов басмачества стал район Локая, расположенный к юго-западу от Душанбе между реками Кафирниган и Вахш. Здесь в условиях особенно значительной экономической и социально-культурной отсталости, господства родо-племенных отношений уже давно орудовали басмачи. В той части Локая, которая находилась за Вахшем, традиционно селились люди, бежавшие от кровной мести соплеменников. Многие из этих людей охотно вступали в ряды басмачей.

Во главе локайских басмачей встал некий Ибрагим-бек, имевший тесные связи с верхушкой двух наиболее крупных локайских племен.

21 марта 1920 г. эмир Бухары направил Ибрагим-беку письмо с призывом развернуть «борьбу против неверных»^{253}. Ибрагим-бек охотно выступил на защиту эмира. Однако не все племена Локая поддержали Ибрагим-бека. Простые труженики и даже целые племена не хотели вступать в банды. На этой почве усилилась вражда между племенами. Одно из племен примкнуло к басмачам только под угрозой жестокой расправы, да и то лишь после того, как Ибрагим-бек казнил главного муллу племени, выступавшего против басмачества.

Тем временем в Восточную Бухару прибыл бежавший из столицы бывший эмир и его приближенные. Они не случайно избрали Восточную Бухару в качестве своей базы. С этим районом Сейид Алим-хан и бухарская контрреволюция связывали большие надежды. Могучие горные хребты и близость государственной границы давали им возможность в нужный момент укрыться в труднодоступных ущельях или за границей. Именно здесь действовали крупные басмаческие банды Ибрагим-бека.

Эмир на непродолжительное время обосновался в Душанбе и взялся за укрепление своей власти в Восточной Бухаре. Во второй половине сентября 1920 г. Сейид Алим-хан созвал в Душанбе курултай, на котором присутствовали главари бухарских, ферганских, хорезмских, самаркандских басмачей, русские белогвардейцы, английские и афганские советники. Был принят план единых действий против Советской власти. Вскоре несколько [86] караванов доставили в Восточную Бухару английские винтовки и патроны.

Опираясь на помощь Англии, Сейид Алим-хан организовал крупные банды, которые сосредоточил в районах Куляба, Гиссара и Душанбе. К середине ноября 1920 г. его отряды захватили Байсун и Шерабад. Бывший эмир объявил принудительную мобилизацию среди дехкан. В начале декабря 1920 г. его армия насчитывала 7 тыс. человек. В ней появилась артиллерия — 30 орудий. 500 верблюдов были нагружены тюками с боеприпасами. В войсках эмира находились солдаты, посланные афганскими феодалами. Заняв к концу декабря 1920 г. Шахрисябз, Китаб, Яккобаг, проведя там новую мобилизацию, эмир увеличил армию до 15 тыс. человек.

Басмачи зверски расправлялись с населением. Мирных жителей убивали даже за то, что они вопреки запрету выходили на улицу, когда по ней проезжал бывший эмир. Окружавшие Сейид Алим-хана сановники и басмачи за одну ночь пребывания в Каратаге зарубили нескольких человек шашками, главным образом тех, кто сопротивлялся грабежу и насилию.

В Восточной Бухаре уже в период пребывания там бывшего эмира заметную роль играли локайские банды, среди которых выделялась крупная шайка тестя Ибрагим-бека^{254}.

Насилия басмачей возбудили народный гнев. 16 декабря 1920 г. против эмира восстали дехкане Каратегинского вилоята. Восстание было жестоко подавлено. Восстали и жители Шерабада, направившие своих делегатов в Термез с просьбой скорее прислать красных аскеров на выручку.

Сложная обстановка в Восточной Бухаре требовала принятия срочных мер.

Борьба с басмачеством в Восточной Бухаре и северных районах современного Таджикистана предстояла нелегкая. Бойцам Красной Армии и отрядам добровольцев приходилось вести ожесточенные бои с крупными бандами, имевшими неплохо оборудованные базы. В горах басмачи построили своеобразные крепости с потайными ходами, заготовили большие запасы продовольствия, фуража и снаряжения. Здесь же находилась и мастерская по производству патронов.

ЦК Бухарской коммунистической партии (БКП) и Бухарский ревком начали широкую политическую кампанию среди населения. В районы Гиссара и Карши выехал видный деятель БКП Алимджан Акчурин, в район Шахрисябза — председатель Совета Народных Комиссаров БНСР Файзулла Ходжаев с 15 политработниками. В Душанбе для этой цели была направлена «политическая ударная группа» под руководством Сагдуллы Турсунходжаева. В ряде вилоятов БНСР проводились курултаи дехкан, на которых обсуждались вопросы, связанные с формированием народных отрядов самообороны и предоставлением помощи красноармейским частям. [87]

Во многие районы были направлены политические экспедиции для проведения агитационно-разъяснительной работы.

Большую работу проводил в Бухарской республике полпред РСФСР В. В. Куйбышев. 17 октября 1920 г. в телеграмме командующему Туркестанским фронтом он просил оказать братскую помощь Советской Бухаре, ускорив выступление войск фронта против басмачей {255}. В конце октября на объединенном совещании членов Турккомиссии и командования фронтом с участием полпреда РСФСР в Бухаре подробно обсуждаются предложения В. В. Куйбышева по борьбе с басмачеством {256}.

Для борьбы с воинством бывшего эмира и басмачами сосредоточивались части Туркестанского фронта. В ноябре 1920 г. приказом командующего 1-й армией Г. В. Зиновьева все советские войска в пределах БНСР были сведены в Бухарскую группу войск с целью проведения Гиссарской экспедиции. К январю 1921 г. в Бухарскую республику прибыли пять бригад Красной Армии, в том числе две стрелковые и три кавалерийские.

С конца 1920 г. военный комиссариат Бухары под руководством большевика Б. Шегабутдинова развернул работу по формированию Бухарской народной, а затем — Красной Армии. В помощь ему командование Туркестанского фронта направило командиров и политработников.

Первую операцию на Гиссарском направлении осуществлял специально сформированный отряд. В его задачу входили ликвидация остатков эмирских войск, освобождение от них и басмаческих банд Гиссарской долины и создание там условий для установления Советской власти.

К концу декабря 1920 г. части Термезского гарнизона освободили Шерабад, Самаркандская группа заняла Китаб, а другая группа овладела Якшбагом. 20 февраля 1921 г. отряды Красной Армии подошли к Гиссару. Завязался бой, в котором противник потерпел поражение и бежал. К концу февраля 1921 г. в результате упорных боев были освобождены Душанбе, Куляб и Гарм, где долгое время гнездились басмачи. К концу февраля 3-й пограничный эскадрон под командованием А. Я. Панкеева первым вышел к советско-афганской границе. Разбитые басмаческие группы рассеялись в районе Каратегина и в долине Вахша.

Разгром остатков войск эмира и крупных басмаческих банд сорвал планы Сейид Алим-хана. Не рассчитывая теперь на успех и опасаясь быть плененным, бывший эмир Бухары 5 марта 1921 г., охраняемый басмачами, пересек границу с Афганистаном. Тяжело груженный караван из 300 верблюдов увез награбленное золото, драгоценности и другое ценное имущество. Вместе с бывшим эмиром бежали за рубеж Ибрагим-бек и Давлятманбий.

1-я бригада под командованием Я. А. Мелькумова громила банды Курширмата (перешедшего из Ферганы) и Фузайл Максума. [88] Не выдержав натиска частей Красной Армии и добровольческих отрядов, Курширмат укрылся в Алайской долине.

К концу марта 1-й кавалерийский полк под командованием Д. Е. Красильникова, неотступно преследуя Фузайл Максума, нанес ему ощутимые удары в урочище Катта Карамык. В ходе боев были взяты трофеи: около 5 тыс. овец, скарб, награбленный у населения, 40 кожаных сундуков с ценностями. Однако основные силы Фузайл Максума (более 800 человек) скрылись в направлении Дарваза, где действовал дарвазский бек Ишан Султан.

Воины Красной Армии встречали сочувствие и поддержку со стороны трудящихся Бухары. В декабре 1921 г. в тылу эмирских войск вспыхнуло восстание дехкан под руководством Усмана Мухамадинова. Повстанцы овладели Гармом и вынудили бежать каратегинского бека. Несмотря на то что это выступление вскоре было подавлено, оно свидетельствовало об отсутствии у контрреволюционных сил массовой базы.

Гиссарский экспедиционный отряд Красной Армии, освобождая трудящихся БНСР, проявил чудеса мужества и героизма, что было отмечено в приказе Реввоенсовета. 1-й и 2-й кавалерийские полки, 8-й стрелковый полк и 1-я конно-горная батарея 1-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады, отличившиеся командиры и политработники были отмечены почетными наградами {257}.

Проводя активные действия против басмачей, Бухарская коммунистическая партия и правительство Бухары продолжали революционные преобразования и укрепляли государственный аппарат. Принимаемые ими меры укрепляли народную власть.

Уже в то время была предпринята попытка дать определение сущности и характера революции в Бухаре, чтобы иметь возможность принять надлежащие меры по ее развитию и углублению. Инициатором здесь выступил В. В. Куйбышев, доклад которого на эту тему был заслушан в ноябре 1920 г. на объединенном заседании ЦК БКП, Ревкома и Совета назиров БНСР. В его обсуждении приняли участие видные деятели Бухарской республики, в том числе Файзулла Ходжаев и Садриддин Айни. 7 января 1921 г. было опубликовано письмо «К бухарским коммунистам», в котором Туркбюро Коминтерна

наметили программу мобилизации всех сил республики на упрочение завоеваний революции и разгром басмачества.

В феврале 1921 г. состоялся V съезд Бухарской коммунистической партии, который имел большое значение для прогрессивного развития республики. Резолюция съезда по военному вопросу, основным содержанием которой было «все для Красной Армии», сыграла немалую роль в успешной борьбе с басмачеством.

28 февраля 1921 г. в Москве был подписан советско-афганский [89] договор. В ряду других пунктов договаривающиеся стороны согласились «на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов» {258}. Договор нанес удар по проидам реакционных кругов Афганистана, активно поддерживавших басмачей.

4 марта 1921 г. были заключены Союзный договор и экономическое соглашение между РСФСР и БНСР. Российская Советская Республика признала независимость БНСР, обязалась оказать ей экономическую и другую помощь и предоставила безвозвратную денежную помощь в 500 тыс. руб. {259}. [90]

Враги мирного труда

Успехи и достижения трудящихся Средней Азии

В ноябре 1920 г. войска Южного фронта штурмом взяли Перекоп и освободили Крым, сбросив в Черное море остатки разбитой армии барона Врангеля. Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал в Москву В. И. Ленину, Центральному Комитету партии: «Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено...» {260}.

На всю страну прозвучало обращение VIII Всероссийского съезда Советов, собравшегося в Москве в декабре 1920 г.: «Трудящиеся России, этими тремя годами величайших лишений, кровавых жертв вы завоевали себе право приступить к мирному труду. Отдадим же этому труду все силы. Пусть не будет на нашей Советской земле ни одного человека, способного к труду и неработающего. Пусть не будет ни одного станка, стоящего втуне. Пусть не останется не засеянной ни одной десятины пахотной земли...»

Победители Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля, высший орган власти в стране, Всероссийский съезд Советов, зовет нас на новую борьбу и к новым победам.

Да здравствует наша победа на трудовом фронте!» {261}.

X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., наметил программу борьбы за восстановление и подъем экономики. Съезд по докладу В. И. Ленина принял решение о переходе к новой экономической политике (нэп). Переход к нэпу укреплял союз рабочих и крестьян на прочной экономической основе, создавал необходимые предпосылки для успешного восстановления и развития народного хозяйства.

В Средней Азии трудящимся пришлось столкнуться с большими трудностями. Послевоенная экономическая разруха — огромная по стране в целом — была в Туркестане особенно тягостной. К началу 1921 г. продукция сельского хозяйства уменьшилась по сравнению с довоенным временем в три раза. Так же втрое сократилось поголовье скота. Половина ирригационных сооружений пришла за время войны в негодность. В 1915 г. было собрано 20 млн. пудов хлопка, а в 1920 г. — 650 тыс. пудов.

В пять раз сократилось и без того не слишком значительное [91] промышленное производство. В бедственном положении находился транспорт.

Трудящиеся Средней Азии, засучив рукава, взялись за восстановление народного хозяйства. Шедшее первоначально медленнее, чем в центральных районах России, восстановление экономики Туркестана в дальнейшем все более набирало темпы. В 1924–1925 гг. валовая продукция промышленности достигла почти четырех пятых довоенного уровня.

Приводилась в порядок ирригационная сеть, росли посевы хлопчатника. Уже в 1923 г. было собрано 7 млн. пудов хлопка. Постепенно возрождалась экономика Бухарской и Хорезмской республик.

Правительство РСФСР оказывало всестороннюю помощь трудящимся Средней Азии. Туда направлялись промышленные товары, медикаменты, оборудование для восстановления ирригации. РСФСР предоставила республикам Средней Азии значительные финансовые средства. Из Москвы, Ленинграда и других городов центра в Ташкент, Самарканд, Ашхабад, Ходжент, Бухару ехали специалисты — инженеры и врачи, научные работники и учителя.

Особое значение имело перебазирование в Среднюю Азию промышленных предприятий. Так, Бухарской республике были безвозмездно переданы Зарайская ткацко-прядельная фабрика, оборудование для текстильного, бумажного, кожевенного, мыловаренного предприятий.

Продолжалось осуществление социально-экономических реформ в Туркестанской республике. В 1921–1922 гг. в Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях проводилась земельно-водная реформа, расширялись и углублялись революционные преобразования в Бухаре и Хорезме. Трудящиеся казахи, каракалпаки, киргизы, таджики, туркмены, узбеки все больше вовлекались в строительство новой жизни.

Быстро росла массовая организация трудящегося дехканства — союз «Кошчи». К концу 1921 г. в его рядах насчитывалось по Туркестану около 100 тыс. крестьян коренных национальностей, а в 1924 г. союз объединял уже до 200 тыс. человек.

Все шире разворачивалось культурное строительство: создавались школы с обучением на родном языке, готовились новые кадры, проводилась огромная культурно-просветительная работа. В организации школ, детских домов, музыкальных и драматических трупп, библиотек, «красных чайхан», кружков ликбеза активно участвовал великий узбекский просветитель Хамза Хаким-заде Ниязи.

Прославленный узбекский кинорежиссер Камиль Ярматов, активный участник борьбы с басмачами (в 1922 г. он был начальником милиции и командиром ЧОН в Канибадаме)

вспоминает, как в Канибадам приехал из Коканда театр, руководимый [92] Хамзой. «Хамза со своими артистами разъезжал не только по городам и кишлакам Ферганской области, но и по всему обширному Туркестанскому фронту... Они несли в массы большевистскую правду, разоблачая и осмеивая басмачей, исламистов, автономистов, националистов, реакционных мулл и прочих контрреволюционеров. Репертуар их состоял из коротких, одно-двухактных пьес, скетчей, водевилей, «агитплакатов».. Актеры умели петь и танцевать, а нередко им приходилось прямо со сцены, в гриме и костюмах, уходить в бой»{262}.

Коммунистическая партия уделяла огромное внимание правильному решению национального вопроса, сплочению всех народов страны в единую братскую семью строителей социализма.

Важнейшим событием было создание в декабре 1922 г. единого советского многонационального государства — Союза Советских Социалистических Республик. Образование СССР в огромной степени облегчило всем народам страны борьбу за ликвидацию отсталости, за преодоление сопротивления эксплуататорских классов, за развитие экономики и культуры, содействовало движению к социализму.

В 1924–1925 гг. в Средней Азии произошло событие огромной исторической важности — национально-государственное размежевание. Одним из условий осуществления этого акта была успешная борьба с басмачеством в Фергане, Бухаре, Хорезме и других местах.

Народы Средней Азии не имели ранее национальной государственности. Все три государственных образования, существовавшие в Средней Азии в начале 20-х годов, — Туркестанская, Бухарская и Хорезмская республики — были многонациональными. Их административные границы не совпадали с границами этническими. В Туркестанской республике, например, жили узбеки, таджики, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки, но никто из них не составлял здесь абсолютного большинства. Туркмены жили во всех трех республиках, но нигде не составляли большинства. Таджики жили в Туркестанской и Бухарской республиках и тоже не составляли большинства. Киргизы в основном жили в Туркестане, однако по отношению ко всему населению республики их было менее 11%.

В условиях советского строя стало возможным объединение разорванных и разобщенных в дореволюционном прошлом территорий, где жили узбеки, туркмены, таджики, казахи, киргизы, каракалпаки, воссоединение их в национально однородных советских республиках и автономных областях.

В 1924 г. эта задача стала на повестку дня. К тому времени все три среднеазиатские советские республики добились значительных успехов. Восстановление народного хозяйства, упрочение советского строя, рост национальных кадров создавали необходимые предпосылки для проведения национально-государственного [93] размежевания. Среднеазиатские республики крепили связи между собой по всем линиям.

В марте 1923 г. Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская республики решили объединить усилия в выполнении хозяйственных планов. Экономическое объединение имело особо важное значение для БНСР и ХНСР, так как способствовало их движению по социалистическому пути развития, что было важным условием дальнейшей мобилизации экономических ресурсов и средств всех народов Средней Азии на борьбу с басмачеством. В то же время оно было показателем силы и влияния в Средней Азии ленинской

национальной политики, политики дружбы народов. Оба этих фактора сыграли первостепенную роль в разгроме басмачества.

ЦК РКП (б) одобрил инициативу местных партийных и советских организаций и 12 июня 1924 г. принял постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии (Туркестана, Бухары и Хорезма)».

В сентябре 1924 г. Чрезвычайная сессия ЦИК Туркестанской республики, Всебухарский и Всехорезмский курултай высказались за проведение национально-территориального размежевания. Сессии ЦИК СССР в октябре одобрила эти решения.

Специальная комиссия Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б) провела огромную работу по изучению национального состава населения, по установлению этнических границ (что было весьма сложным делом ввиду чересполосицы расселения различных национальностей), по выяснению экономических и культурных связей отдельных районов, по распределению имущества и капиталов хозяйственных организаций и учреждений.

Вместо Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик возникли Узбекская и Туркменская Советские Социалистические Республики, Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, Каракалпакская автономная область {263} и Кара-Киргизская автономная область {264}. Казахские районы Туркестанской республики были воссоединены с Казахской АССР (тогда она входила в состав РСФСР). Узбекская и Туркменская республики в мае 1925 г. вошли в состав СССР.

Одновременно с национальным размежеванием создавались Коммунистические партии Узбекистана, Туркмении, а также областные партийные организации Таджикистана, Киргизии, Каракалпакии.

Создание национальных советских республик и областей было выдающимся событием в истории народов Средней Азии. Совершенно безболезненно была осуществлена сложнейшая задача воссоединения народов, установления национальных границ, создания национальной советской государственности. Это создало новые возможности для дальнейшего политического, экономического, культурного развития народов Средней Азии, роста национальных кадров, укрепления советского строя. [94]

Национальное размежевание Средней Азии, исторически созревшее к середине 20-х годов, было выражением объективных тенденций развития среднеазиатских народов в условиях Советской власти. Оно ликвидировало искусственные образования, унаследованные от времен феодальной раздробленности и колониального рабства, способствовало преодолению национальных противоречий, межнационального недоверия, оставшихся от дореволюционного прошлого.

Объединение народов Средней Азии с другими народами России, прежде всего с русским народом, означало усиление их политико-экономических позиций, военной мощи, что облегчило решение исторической задачи построения социализма, минуя капиталистическую стадию, задачи, поставленной В. И. Лениным.

Конец ферганского басмачества

Успехи и достижения трудящихся Средней Азии завоевывались в упорной борьбе с врагами социализма. Темные силы реакции не сдавали своих позиций без боя. Они находили полную поддержку у империалистических государств, у реакционных кругов соседних с Советской Средней Азией стран — Ирана, Афганистана, Китая. В антисоветской борьбе внутренняя контрреволюция и зарубежная реакция еще больше, чем прежде, использовали басмачей. Именно басмачи стали главными исполнителями многочисленных замыслов, направленных на то, чтобы сорвать мирный труд народов Средней Азии.

Настоящий мир в начале 20-х годов в Средней Азии не настал. В приказе по Туркестанскому фронту за февраль 1923 г. говорилось, что в Туркестане находится «последний фронт республики» {265}.

Оживление басмачества в начале 20-х годов было связано как с внутренними причинами, так и главным образом с новыми планами международного империализма, не отказавшегося от намерения поработить народы Средней Азии, превратить Туркестан, Бухару и Хорезм если не в колонии, то хотя бы в зависимые от буржуазного Запада государства, а также с империалистическими происками на Ближнем и Среднем Востоке.

Первый председатель Средазбюро ЦК РКП (б), соратник В. И. Ленина С. И. Гусев, отмечал, что новое оживление басмачества и вовлечение в его ряды определенной части трудовых элементов было облегчено медленным осуществлением новой экономической политики и неразработанностью до конца вопроса о так называемых «политических уступках» местному населению (суд казиев, возвращение вакуфов и т. д.). С. И. Гусев писал и о необходимости строгого соблюдения принципов ленинской национальной политики Коммунистической партии {266}. [95]

Одним из районов, где возродилось басмачество, была Ферганская долина. С помощью английских инструкторов и белогвардейских офицеров басмаческие курбаши не оставляли попыток объединить свои силы.

Антисоветское подполье Туркестана, используя басмачество в качестве ударной силы, направляло в банды своих представителей. Они выступали идейными вдохновителями и организаторами басмачей.

На территории Наманганского уезда такую роль играл матерый контрреволюционер, бывший министр просвещения «Кокандской автономии» Насырхан-Тюря Камалхан Тюряев. В басмаческих шайках этого уезда насчитывалось более 200 белогвардейцев. Басмачи разрушали фабрики и заводы, железнодорожные пути, травили посевы, отнимали хлопок и хлеб у трудящихся. По состоянию на 1 мая 1922 г. в Ферганской области из 180 хлопкоочистительных заводов считались действующими всего 4. Из 18 маслозаводов не работал ни один {267}. Посевы сельскохозяйственных культур в Ферганской долине сократились к 1923 г. на 75%, а посевы хлопчатника — в 10 раз. Население сельских местностей Ферганы к 1923 г. уменьшилось на треть по сравнению с 1917 г.

Басмачи терроризировали население. В феврале 1921 г. они захватили в кишлаке Таш-Курган четверых комсомольцев — Мирхамида Мирабидова, Абдувахид Увайсова, Джалалитдина Увайсова и Салиджана Умарова. Трое из них были заживо сожжены.

Зверская расправа над комсомольцами в кишлаке Таш-Курган усилила ненависть к басмачам среди населения, повысилась активность и организованность дехкан. Отряды

самообороны росли, пополняясь добровольцами. К концу марта 1921 г. в Коканде были сформированы три добровольческие роты общей численностью 550 человек, в Канибадаме организовался отряд из 100 коммунистов и комсомольцев. Добровольческие отряды были созданы также в Исфаре (62 коммуниста и 63 комсомольца), в Мархамате и Бешарыке (117 коммунистов и 200 комсомольцев).

Командование Туркестанского фронта направило в Ферганскую долину части 3-й Туркестанской дивизии. К лету 1921 г. сюда прибыли 9-я кавалерийская и 8-я стрелковая бригады, 15, 16, 17 и 19-й кавалерийские полки и 26-й авиационный отряд. Это позволило значительно активизировать наступательные действия.

1921 г. Переговоры с главарями басмачей—Куришматов и др. в Фергане

В первые месяцы 1921 г. успешно прошли две операции против остатков банды Парпи. Значительная часть басмачей была уничтожена и взята в плен, но некоторым басмачам и самому Парпи удалось скрыться. 8-я и 9-я кавалерийские бригады нанесли удары по басмачам в Шахимарданском, Караульском, Кызыл-Киинском, Ферганском районах. Несколько мелких групп [96] 1 апреля 1921 г. были ликвидированы в районе Булак-Баши.

В этих боях отличились многие добровольческие отряды. Мужеством и стойкостью прославился отряд добровольцев Наманганского уезда под командованием Юлдаша Байматова. В отряде состояло 126 дехкан. Вооруженные легким стрелковым оружием, они не раз вступали в схватки с басмачами курбаши Баястана.

Все более заметную роль в борьбе с басмачеством играли национальные соединения Красной Армии. К январю 1921 г. представители коренных национальностей составляли третью часть войск Туркестанского фронта.

Годы борьбы с басмачами многому научили трудовое население Ферганы. В банды все реже и реже удавалось заманить дехкан. Основное пополнение басмаческих групп составляли главным образом сынки баев, представители реакционного духовенства, преступные и деклассированные элементы.

Органы Советской власти, ведя вооруженную борьбу с басмачами, не отказывались и от мирных средств.

Когда крупные банды в апреле 1921 г. были разгромлены, Ферганский областной ревком вновь предоставил возможность басмачам искупить свою вину добровольной сдачей властям и объявил месячник их явки. Некоторые курбаши и рядовые басмачи явились с повинной. Сдавались даже целые группы. Однако в числе пришедших с повинной оказались и такие, которые в данный момент просто не видели другого выхода и использовали свой «добровольный» приход как маневр. Например, курбаши Джаныбек Казы в апреле 1921 г. добровольно сдался органам Советской власти и до декабря 1921 г. враждебных действий не предпринимал. Однако все это время он готовился к вооруженному выступлению, которое и начал в декабре 1921 г.

В июле 1921 г. в переговоры о сдаче вступил курбаши Алияр. Но его попытка воспользоваться гуманностью Советской власти для подготовки к дальнейшей борьбе с нею провалилась. Алияру была устроена проверка. Ему предложили выступить против Курширмата, искупить вину за совершенные злодеяния и тем доказать искренность своего заявления о примирении с Советской властью. Алияр отказался, сославшись на личную дружбу с Курширматом. Тогда ему предложили выступить против банды Муэтдина. Не сразу согласился басмач и с этим предложением. Однако прямой отказ ставил его перед окончательным разоблачением, и он вынужден был дать согласие. Но продолжать дальше двойную игру Алияр не стал. На пути в кишлак Наукат, где находился Муэтдин, Алияр соединился с двумя другими басмаческими группами и начал вместе с ними грабить окрестные кишлаки. Командованию Красной Армии пришлось немедленно окружить и обезоружить банду Алияра.

Были случаи, когда местные власти слишком уже доверялись «мирным» заявлениям главарей и жестоко за это расплачивались. [97] В конце апреля 1921 г. добровольно сдался курбаши Ширмат Киргиз. Андижанские власти включили банду в полном составе в эскадрон милиции и направили на выполнение оперативного задания. По прибытии на место, воспользовавшись благоприятной обстановкой, басмачи внезапно напали на милиционеров, убили 12 и ранили 7 человек и скрылись.

Ошибка андижанских руководителей послужила горьким уроком. Турккомиссия и Туркестанский ЦИК приняли специальное постановление, в котором всем органам Советской власти предписывалось разоружать поголовно сдавшихся басмачей, брать их под строгий и постоянный контроль. Запрещалось принимать их в ряды Красной Армии и милиции, а также привлекать к участию в каких-либо операциях против басмачества и контрреволюционных организаций.

Летом 1921 г. части Красной Армии и народные добровольцы продолжали боевые операции против басмачей, хотя и не в столь широких размерах, как в 1920 и начале 1921 г.

Чем значительнее были успехи Советской власти, тем с большей жестокостью действовали басмачи. Они заживо сжигали пленных командиров и красноармейцев, а

также местных активистов. Особенно зверствовала банда Рахманкула, насчитывавшая 2 тыс. человек. В кишлаке Ашава басмачи окружили мечеть, в которой укрылись 65 красноармейцев. Рахманкул сделал несколько попыток штурмом овладеть мечетью, но всякий раз вынужден был отступать. Пришедшие в ярость басмачи подожгли мечеть, и все ее защитники заживо сгорели.

В связи с непрекращавшимися вооруженными нападениями басмачей командование Туркестанского фронта в сентябре 1921 г. приняло решение возобновить против них военные действия. С 13 сентября 1921 г. Ферганская долина была объявлена «на положении чрезвычайной охраны». Центральный Комитет партии в постановлении от 14 октября 1921 г. «По Туркестанским вопросам» признал «важнейшей задачей партийных и советских органов Туркестана ликвидацию басмачества»{268}. На основе постановления Политбюро ЦК РКП (б) Туркбюро ЦК РКП (б) совместно с ЦК Компартии Туркестана разработали и осуществили следующие мероприятия:

а) все партийные организации Ферганской области были переведены на военное положение;

б) 20 ноября 1921 г. ТуркЦИК издал декрет «Об амнистии басмачам»;

в) 29 ноября 1921 г. ТуркЦИК издал положение об организации добровольческой милиции для борьбы с басмачеством;

г) в сентябре 1921 г. ЦК КПТ разработал положение о судах казиев вместо советского народного суда{269}.

VI съезд Коммунистической партии Туркестана (1921 г.) уделил большое внимание борьбе с басмачеством и принял специальную резолюцию «По Ферганскому вопросу». Борьба с басмачеством [98] становится в центре внимания Коммунистической партии Туркестана. В нее включаются кроме войск Туркестанского фронта и созданная в Фергане добровольческая милиция, состоявшая из комсомольцев, членов союза «Кошчи» и членов профсоюзов, а в кишлаках и аулах — добровольческие отряды из дехкан.

Первоначально основные силы были сосредоточены против группировок Курширмата и Исраила. В первых же боях их шайки понесли большие потери, особенно банда Исраила. Что касается Курширмата, то он использовал свою старую тактику — выход из окружения небольшими группами по труднодоступной для Красной Армии местности. Местом сбора мелких шайк он назначил кишлак Шахмардан. Этот выбор не был случайным. Там гнездились ярые националисты-контрреволюционеры.

С прибытием курбаши в кишлак местная контрреволюция сделала все, чтобы поднять его авторитет, пошатнувшийся после поражения. Его нарекли «ханом Ферганы», устроив по этому случаю пышную церемонию. Но в самый торжественный момент в кишлак ворвались отряды Красной Армии и народных добровольцев. «Хан» спасся бегством.

Главарь другой группы басмачей, Муэтдин, занимал выжидательную позицию. Его расчеты строились на том, что боевые действия между частями Красной Армии и Курширматом приведут к их взаимному ослаблению и тогда он, Муэтдин, станет главным курбаши Ферганы. Вместе с тем басмач полагал, что отказ от поддержки Курширмата усыпит бдительность командования Красной Армии и местных властей.

Но Муэтдин просчитался. В сентябре 1921 г. основные силы Курширмата были разбиты, хотя и на этот раз ему с группой телохранителей удалось скрыться от преследования (позднее он перебрался в Восточную Бухару). Теперь части Красной Армии и отряды народных добровольцев сосредоточились против басмачей Муэтдина. В октябре 1921 г. они были настигнуты в районе Иски-Науката и разбиты. Однако, отступив в горы Киргизии, Муэтдин сумел сохранить ядро своей группы.

В ноябре 1921 г. части 7-й сводной кавалерийской бригады, успешно провели операцию по ликвидации банды Рахманкула. Несколько дней длился бой. Басмачи оказывали упорное сопротивление. На помощь красным бойцам пришло местное население. Объединенными усилиями они штурмом овладели укрепленными позициями басмачей. Банда была почти полностью разгромлена, но сам курбаши бежал.

Отдельные группы басмачей, ушедшие в Алайскую долину, продолжали совершать налеты на кишлаки. Зимой 1921 г. они разрушили почтовые станции на пути Ош — Хорог и блокировали Памирский пограничный пост. Более месяца находился в изоляции от «большой земли» маленький гарнизон. Басмачи [99] пытались измором вынудить бойцов к сдаче. Но ни голод, ни холод, ни трудные условия на высоте свыше 4 тыс. м не сломили боевого духа пограничников. Связь с Хорогом и Ванчем можно было установить, только пробравшись сквозь басмаческие заслоны по обрывистым обледенелым акалам и бурным незамерзающим горным рекам. Сделать это добровольно вызвался боец Мамедбек Гульбеков. Он хорошо знал местность, умел ориентироваться в горах.

Рискуя каждое мгновение быть погребенным под снежным обвалом, сорваться с отвесных скал и полететь в пропасть, Мамедбек двое суток днем и ночью пробирался к своим. К исходу третьих суток командование Хорогского гарнизона получило донесение и выслало группу на выручку пограничного поста. С прибытием подкрепления осада поста была снята.

В январе и феврале 1922 г. части Красной Армии и отряды народных добровольцев продолжали боевые действия. Мусульманским дивизионом успешно командовал И. Ф. Куц.

Разгром некоторых банд в Ферганской области отрезвляюще подействовал на все еще не сложившиеся оружия шайки. Не дожидаясь участи, постигшей Курширмата, Муэтдина, Рахманкула, курбаши Джаныбек Казы запросил мира. Туркестанское бюро РКП(б) санкционировало переговоры, которые продолжались до апреля 1922 г. и завершились сдачей Джаныбека.

Но контрреволюционные, националистические элементы не хотели мириться с Советской властью, искали способы оживления деятельности басмачей. В конце 1921 г. в Ташкенте состоялось тайное совещание подпольных буржуазно-националистических организаций Туркестана. На этом сборище было решено продолжать поддержку басмачества и одновременно усилить действия, направленные на дезорганизацию хозяйственной и политической деятельности в крае.

В соответствии с этим решением Курширмат вернулся в Ферганскую долину. Ему удалось 22 марта 1922 г. собрать в кишлаке Карабуа Кокандского уезда уцелевших курбаши. На совещании басмачей было решено максимально усилить террор, с тем чтобы новой волной насилия поправить свое положение. «Кто откажется выполнить волю Курширмата, — говорилось в обращении, принятом на совещании, — тому отрубят голову, а его дом с

имуществом и семьей будут сожжены» {270}. С этого времени напряженность борьбы все больше нарастает. В оперативной сводке штаба РККА от 26 марта 1922 г. указывалось, что против войск Туркестанского фронта действовало около 28 тыс. басмачей {271}.

Басмачи все шире стали применять систему заложничества. Мужское население заставляли идти в шайки, а членов семей либо сгоняли в базовые стоянки, либо оставляли в кишлаках под вооруженной охраной. В случае побега дехкана из банды вся его семья подлежала уничтожению. Однако усиление [100] террора не могло спасти басмачество. Оно лишь ярче показывало его антинародную сущность.

Важную роль в активизации сил Красной Армии и местного населения на борьбу с басмачеством в Ферганской долине сыграло письмо ЦК РКП (б) от 11 января 1922 г. по национальному вопросу и решение Политбюро ЦК РКП (б) от 1 февраля 1922 г. о положении в Бухаре. Политбюро признало необходимым «объединение антибасмаческих фронтов на территории Бухары и Ферганы...». Особое внимание обращалось «как на политическую работу среди мусульманского населения, так и на усиление снабжения красноармейских частей» {272}. В феврале 1922 г. вопросы борьбы с басмачеством обсуждались на специальном Пленуме ЦК Компартии Туркестана {273}. 13 февраля 1922 г. была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с басмачеством в Фергане {274}.

Большое значение для организации разгрома ферганского басмачества имел приезд в мае 1922 г. в Туркестан Г. К. Орджоникидзе. Вместе с ним прибыл член ВЦИК, бывший председатель Турккомиссии Ш. З. Элиава. С их участием 12 мая 1922 г. состоялся пленум ЦК Коммунистической партии Туркестана. На пленуме рассматривалась сложившаяся обстановка и были намечены конкретные меры по ликвидации басмачества в Фергане. В своем выступлении Г. К. Орджоникидзе указал, что басмачество представляет серьезную угрозу Советской власти, и выдвинул ряд конкретных предложений по организации борьбы с ним {275}. 18 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняла по докладу Г. К. Орджоникидзе постановление «О туркестано-бухарских делах», в котором излагалась программа борьбы с басмачеством. ЦК партии делал упор на военные операции против тех басмачей, которые не хотели складывать оружия, продолжали совершать вооруженные нападения на кишлаки, партийные и советские органы, гарнизоны. Но имелось немало басмачей, готовых, как уже ранее отмечалось, добровольно вернуться к своим очагам и приступить к мирному труду. Поэтому военные действия, как и прежде, должны были сочетаться с активной разъяснительной работой. Средазбюро ЦК РКП (б) при участии Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиавы разработало конкретные меры по ликвидации басмачества.

В начале июля 1922 г. были опубликованы воззвания правительств республик Средней Азии «К трудящимся массам Туркестана, Бухары и Хивы» и обращение Средазбюро ЦК РКП (б) к среднеазиатским коммунистам. В этих документах подчеркивалось, что в исходе вооруженной борьбы не может быть никаких сомнений. Помощь великой Советской Федерации обеспечит победу красным частям. Но победа будет достигнута тем скорее и безболезненнее, чем шире будет развернута политическая кампания среди дехканства вокруг борьбы с басмачеством и осуществлено укрепление партийных организаций {276}. [101]

В 1922 г. Центральный Комитет партии дважды возвращался к вопросу о борьбе с басмачеством. 14 августа Оргбюро ЦК РКП (б) по докладу комиссии в составе В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзутака и Ш. З. Элиавы в постановлении о внутрипартийном строительстве в Туркестане обратило внимание на необходимость усиления борьбы с

басмачеством, а 21 августа ЦК РКП (б) утвердил директивы Средазбюро ЦК, ЦК КПТ и ЦК Компартии Бухары, в которых отмечалось, что английские империалисты ведут подрывную работу внутри Туркестана, руководя басмачами, разоряя край и увеличивая экономическую разруху. ЦК РКП (б) обязал Средазбюро закрепить военные успехи в борьбе с басмачеством политическими, агитационными и организационными мероприятиями {277}. Он поставил перед коммунистами Туркестана в качестве одной из важнейших задач ликвидацию басмачества, без чего нельзя было восстанавливать народное хозяйство края.

В октябре 1922 г. VII краевая конференция КПТ с участием командированного в Среднюю Азию Я. Э. Рудзутака разработала практические мероприятия по выполнению директив ЦК РКП(б). По докладу Я. Э. Рудзутака в резолюции конференции было записано: «...Общее военно-политическое положение Средней Азии остается напряженным. Агенты Англии ведут разлагающую работу, особенно в Фергане и Самарканде, поддерживая и руководя басмачеством, разоряя край» {278}.

Для претворения в жизнь указаний ЦК РКП(б) в Средазбюро были приняты конкретные меры для усиления политической работы в массах, в частности организационно укреплены местные партийные ячейки. Основные партийные силы направлялись в места действий басмачей.

Большая работа проводилась также по линии государственного и экономического строительства. 14 июля 1922 г. пленум ЦК КПТ принял решение об осуществлении ряда экономических мероприятий с целью закрепления достигнутых в Фергане успехов в борьбе с басмачеством {279}. Особый упор был сделан на оживлении хозяйственной жизни в Ферганской долине, восстановлении посевов хлопчатника.

Руководствуясь гуманными соображениями, делая все возможное, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, Коммунистическая партия и правительство Туркестанской АССР неоднократно обращались к басмачам с предложением добровольно сдаться, гарантируя при этом сложившим оружие личную и имущественную неприкосновенность. Многие рядовые басмачи и некоторые курбаши внимали голосу разума, шли с повинной. Но, как и прежде, находились среди главарей и такие, которые соглашались на добровольную сдачу для укрепления своих сил и продолжения преступной деятельности. Так, в частности, поступил Муэтдин. В марте 1922 г., когда для него сложилась неблагоприятная обстановка, он согласился на переговоры, но, [102] как только непосредственная опасность миновала, выдвинул неприемлемые условия, потребовав вести переговоры в присутствии английского представителя. Разумеется, его требования были отвергнуты. Части Красной Армии 10 июня 1922 г. начали операцию против банды Муэтдина и 6 июля окончательно разгромили ее, взяв в плен главаря.

Потерпели поражение и другие басмаческие группировки. В течение трех дней под ударами частей Красной Армии и народных добровольцев сложили оружие курбаши Ташмат, Тухтасын и Мирза-Пансат.

Неудачи басмачей встревожили зарубежных организаторов антисоветской борьбы в Средней Азии. Они тайно собрали вблизи Кабула представителей реакционных сил Афганистана, курбаши из Ферганы и Восточной Бухары, группу турецких офицеров. Большое внимание совещание уделило разработке планов железнодорожных диверсий,

которые должны были нарушить связь между такими важными центрами, как Керки, Бухара, Самарканд и Ташкент. Одновременно намечалось проведение массированных налетов на гарнизоны и органы Советской власти на всей территории Средней Азии. Афганские реакционеры взялись полностью снарядить и вооружить 1200 солдат и 400 офицеров.

Планы, разработанные на тайном совещании под Кабулом, стали известны командованию Красной Армии, и оно совместно с партийными и советскими органами заблаговременно приняло контрмеры. Были приведены в повышенную боевую готовность части Красной Армии, добровольческие формирования получили подкрепления. Контрреволюции не удалось осуществить задуманное.

Тем временем борьба с басмачеством усиливалась. В результате совместных действий Красной Армии и добровольческих формирований с февраля по 11 октября 1922 г. в Ферганской долине было разгромлено 119 банд (из 200), насчитывавших 4400 басмачей. Только в декабре 1922 г. были убиты, ранены и захвачены в плен 511 человек и сдались добровольно Красной Армии 127 человек {280}.

В ликвидации столь значительных сил басмачества в Ферганской долине огромную роль сыграла проводимая в жизнь ленинская национальная политика и большая помощь населению, шедшая из Советской России. Только в 1921–1922 гг. трудящиеся РСФСР выделили из своих скудных ресурсов 4,5 млн. пудов хлеба для туркестанского дехканства.

Все сделанное партией и правительством для оказания помощи трудовому дехканству Ферганы в сочетании с боевыми операциями привело к быстрому разложению басмачества. Для последних месяцев 1922 г. характерным стал приход басмачей с повинной. Только в Андижанском районе добровольно сложили оружие пять банд, а всего к концу 1922 г. в Ферганской долине [103] — около 4 тыс. басмачей. В бандах оставалось не более 2 тыс. человек.

Большое значение для окончательного разоблачения басмачей в глазах населения имели показательные процессы над их главарями.

Судебный процесс над Рахманкулом проходил в старой части Коканда. Сюда собрались многие тысячи жителей окрестных кишлаков. Показания свидетелей, нарисовавших леденящую кровь картину зверств, чинившихся басмачами, вызвали единодушное требование трудящихся сурово покарать бандита.

Открытые суды в присутствии многих тысяч дехкан и горожан были проведены над Аман-Палваном (в Намангане), курбаши Сангином и др.

Вот репортаж об открытом суде над Муэтдином и его сообщниками, состоявшемся в сентябре 1922 г.

«Громадный двор мечети Азрет в городе Оше. Тысячная толпа. Здесь и местные жители, здесь и приехавшие за сотни верст любопытные и делегаты; каждый стремится пробраться вперед и увидеть, хоть на один момент, скамью подсудимых, на которой сидит царек Ошского района Муэтдин, или, как он именовал себя, Эмир-ляшкарбаши Муэтдин-каттабек Усман Алиев, что в переводе значит: Верховный главнокомандующий, непобедимый Муэтдин, большой господин Усман Алиев.

Вокруг Муэтдина — ближайшие помощники его. Здесь и известный палач Камчи Темирбаев...

Путем жесточайшего, невиданного террора осуществлял Муэтдин господство над дехканством Ошского района. Десятками насчитываются его кровавые подвиги и тысячами — жертвы. Недаром же матери пугали его именем своих детей, недаром даже здесь, на суде, бледнели и шарахались в сторону свидетели от одного его взгляда. Несколько дней тянулись свидетельские показания. Свидетели — живые страницы жуткой летописи о кровавом разгуле. Вот толстый арбакеш. Он вез, под охраной 45 красноармейцев, транспорт.

— В транспорте, — рассказывает он, — было до шестидесяти человек граждан, среди них были женщины и дети. По нашим законам беременная женщина считается святой. Но для Муэтдина нет ничего святого — он уничтожал всех. Беременным женщинам вспарывали животы, выбрасывали плод и набивали животы соломой. Детям разбивали головы о колеса арб или устраивали из них козлодранье, и они разрывались на части.

Красноармейцев сжигали на костре...

Появляются новые свидетели, и все они твердят одно: если власть не расстреляет бандита, то они покинут свои места и уйдут в Мекку. Десятками поступают приговоры от населения.

Вот мальчик лет 11–12. Со слезами и дикой злобой кричит он в лицо палачу: [104]

— Ты зарезал моего отца, я это видел сам.

— Врешь, — отвечает басмаческий вождь, — он сам себя зарезал нечаянно ножом.

Свидетель, старик мулла, картинно поднимает руки к небу и воздаёт молитву к своему богу за справедливый пролетарский суд. И, как по команде, тысячи голосов присоединяются к его молитве, и тысячи глаз устремляются к небу.

Долгими несмолкаемыми аплодисментами встречается речь обвинителя, требующего расстрела для Муэтдина и его приближенных. Протестующие крики и угрозы несутся по адресу защитника, просящего о снисхождении. Защитник терзается.

Приговор мог быть только один. Муэтдин и семь его помощников приговорены к расстрелу» {281}.

Несколько все еще действовавших банд находилось в пограничных районах. Численность добровольческих отрядов сокращалась до 2108 человек и добровольной милиции до 1200 человек. Но отряды укреплялись организационно. Милиция переводилась на полное государственное обеспечение и вооружалась новейшим по тому времени стрелковым оружием.

Взаимодействуя между собой, при активной поддержке трудового населения Ферганы, Красная Армия, ГПУ, пограничники, милиция, добровольческие отряды комбинированными действиями в середине лета 1923 г. ликвидировали группы басмачей, оставшиеся в Ферганской долине. Самой многочисленной была банда Баястана, но и она насчитывала лишь около 200 человек. Численность остальных басмаческих формирований не превышала 50–60 человек. Они разбрелись по горным ущельям и время от времени совершали налеты на небольшие гарнизоны и мирное население, грабили и убивали стариков, женщин и детей.

Многие басмачи сосредоточились в Алайской долине. В конце июля был разработан план ликвидации банд и в Алайской долине. Для выполнения этой задачи были созданы два специальных отряда во главе с Абдуллой Ярмухамедовым {282} и И. Ф. Маликовым.

Командование намеревалось мирным путем склонить басмачей к сдаче и тем самым избежать кровопролития. Однако представители контрреволюционного подполья и агенты империалистических разведок убеждали курбаши продержаться несколько месяцев в ожидании помощи из-за рубежа. Басмачи отклонили мирные предложения и начали

боевые действия. В схватках с отрядами Красной Армии басмачи были разбиты. Только с 1 июня по 1 июля 1923 г. было убито, ранено и взято в плен 1100 басмачей, в том числе 30 курбаши, 14 из которых сдались добровольно {283}. Лишь незначительной части басмачей удалось бежать за границу. В июле и августе сложили оружие еще более десятка курбаши. В августе — ноябре 1923 г. было убито, ранено и взято в плен 85 курбаши и 1520 рядовых басмачей; [105] сдались в плен 139 курбаши и 1437 басмачей {284}. В сентябре сдались в плен 66 курбаши.

В октябре 1923 г. Реввоенсовет Ферганского фронта разработал план операции по окончательному разгрому басмачей в Фергане. Этот план, в частности, предусматривал создание на местах постоянно действующих «Совещаний по борьбе с басмачеством», которые должны были проводить политико-массовую работу, направленную на разложение басмаческих шаяк и заниматься трудоустройством сдавшихся басмачей. Осуществление этого плана дало ощутимые результаты. Пленум Ферганского обкома КПТ 11 октября 1923 г. констатировал, что в области в начале года было 203 шайки с 6665 басмачами, а к октябрю осталась 81 шайка с 2021 басмачом {285}.

Один из старейших советских писателей, Азиз Ниалло (Андрей Владимирович Станишевский), приводит хронику борьбы с контрреволюцией. Вот несколько фактов из этой хроники, характеризующих гибель и сдачу в плен главарей басмаческих шаяк летом и осенью 1923 г.

24 мая. Пойман главарь басмачей, оперировавших от Андижана до среднего течения Нарына, — Аман-Палван.

12 июня. В Кокандском районе сдался Сабир-Пансат.

30 июня. В районе Куляба разгромлена шайка Сеида Эфенди. Сам Сеид Эфенди бежал в Афганистан.

1 июля. В Ферганской области сдались в плен курбаши Абду-Мумин и Баймат.

9 июля. В Бухаре, в районе Вабкента, пойман курбаши Рузы.

3 августа. В кишлаке Тюря-Курган Наманганского уезда сдался курбаши Дадабай. В Ферганской области сдался Ахмат-хан.

7 августа. В Андижанском уезде сдался курбаши Рузымат. В кишлаке Яны-Курган сдались курбаши Мирза-Умур, Кичик-Карабай, Убайдулла и Мирзо-Али.

11 августа. В Наманганском уезде сдался курбаши Байтуман.

15 августа. В Алайской долине захвачена ставка Нурмат-Минбаши.

18 августа. В Западной Бухаре, в кишлаке Хатырчи, сдался курбаши Мулла-Рустам. В Алайской долине убит курбаши Манас.

19 августа. В Алайской долине сдался курбаши Тохтам-Пансат.

24 августа. В Фергамской области сдался курбаши Мулла-Кошты.

27 августа. В Кокандском уезде сдался курбаши Ишмат Байбачи.

3 сентября. В Чаткальской долине сдался курбаши Курбан-Али. [106]

9 сентября. В Наманганском уезде сдался курбаши Атаджан.

14 сентября. В районе Соха сдалась шайка Мадумара.

22 сентября В верховьях Ангрена сдался курбаши Баястан.

23 сентября. В Янги-Базаре сдались курбаши Султан и Джурабек.

3–5 октября. Сдались курбаши Исламкул, Кичик-Казак (районы Соха-Ляйляка) и Исраил (Нарын). В Алайской долине — Хамракул и Умар-Али. В Мын-Тюбе — курбаши Юлчи.

6 октября. В Алайской долине сдался Нурмат Минбаши.

9 октября. В Наманганском уезде сдался курбаши Бурибай.

21 октября. В Кокандском уезде сдался курбаши Хамдам.

22 октября. В кишлаке Хорабек Андижанского уезда сдался курбаши Юнус.

20 ноября. В Ферганской долине пойман курбаши Базарбай.

30 декабря. В кишлаке Шаарихан сдался курбаши Джума-Пансат {286}.

Шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции население Ферганы встречало в условиях долгожданного мира.

В дальнейшем велась борьба по очистке Ферганы от последних мелких групп басмачей и принимались меры, исключавшие формирование новых шаек. В отчете ЦК РКП (б) говорилось, что в 1923 г. в Средней Азии с организованным басмачеством было покончено {287}. Это констатировалось и в документах Средазбюро ЦК РКП (б) и местных партийных организаций. Так, в директивах Средазбюро, направленных в 1923 г. местным партийным и военным организациям, указывалось: «Басмачество в Фергане успешно ликвидировано» {288}. В 1924 г. Ферганская долина была фактически полностью очищена от басмаческих банд. В резолюции I съезда Коммунистической партии Узбекистана (1925 г.) «О работе среди дехканства» сказано: «В итоге ликвидации басмачества, разорвавшего долгие годы дехканские хозяйства, создалась возможность мирного строительства и спокойного труда дехканина по укреплению своего хозяйства» {289}.

Почти семилетняя борьба с басмачеством давала о себе знать. Басмачи уничтожили большинство предприятий, нанесли колоссальный ущерб хлопководству. Многие районы находились в состоянии полной разрухи. Большое число дехкан было лишено средств к существованию.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Советское правительство приняло меры для восстановления народного хозяйства районов Ферганы, пострадавших от басмаческих

погромов. Уже в начале 1923 г. Совнарком Союза ССР выделил Туркестанской республике 125 тыс. руб. золотом на восстановление угольной промышленности. В сентябре 1923 г. из Российской Федерации в Фергану прибыло 20 тыс. голов крупного рогатого [107] скота. В зерновые районы из РСФСР поступило 8 млн. пудов пшеницы {290}.

Бескорыстная братская помощь народов Советской России дала возможность трудящимся Ферганы в короткое время залечить тяжелые раны, нанесенные басмачами.

Бухара: борьба продолжается

Несмотря на укрепление позиций народной власти в Бухарской республике, обстановка там оставалась сложной. Правильно воспринять смысл осуществляемых преобразований трудящимся мешали наличие феодально-патриархальных отношений, низкий культурный и экономический уровень, тяжелые бытовые и материальные условия жизни, приверженность к религии. Веками морально приниженные, воспитанные в условиях политического бесправия, беспрекословного подчинения родовой знати, баям и духовенству, дехкане не сразу смогли разобраться в сложных перипетиях социально-политической борьбы. К тому же дехкане слепо доверялись мусульманскому духовенству, а реакционная часть духовенства смыкалась с контрреволюцией, помогала главарям басмачей в сколачивании банд, была их вдохновителями.

Огромное влияние религии сочеталось в Восточной Бухаре с господством феодально-патриархальных отношений. В записке «О басмачестве в Восточной Бухаре», составленной 20 апреля 1922 г., генеральный консул РСФСР в Душанбе Нагорный отмечал, что «у племен существует институт родовых начальников, деятельность которых совершенно независима от какой бы то ни было центральной власти в Бухаре, будь то власть старых эмиров или же, как в настоящее время, власть в лице советских органов новой Республики».

Беки имели свои дружины, единовластно вершили суд и расправу. «Вследствие полнейшего невежества и политической отсталости населения, воспитанного в духе религиозного фанатизма, — писал далее Нагорный, — беки, пользуясь поддержкой мулл, фактически являются неограниченными властителями. Судопроизводство или отсутствует, или производится в порядке известных традиций, но весьма часто в роли судьи выступает сам бек, применяющий иногда за пустячные провинности в качестве кары безвозмездную реквизицию имущества виновного или даже телесное наказание вплоть до лишения жизни. Следует сказать, что самым характерным является то, что население относится к такому социально-правовому порядку как к нечто законному и естественному и, несмотря на периодическое проявление время от времени своего недовольства, в общем и целом терпеливо выносит даже грубые нарушения установленного традициями порядка» {291}. [108]

Используя религию, контрреволюция внедряла в сознание верующих антисоветизм. Она пыталась доказать, что социалистическая революция и Советская власть — творения «кяфиров», т. е. «неверных», которые якобы намерены уничтожить ислам и самих верующих. Басмаческие банды изображались как защитники ислама.

После успеха Гиссарской экспедиции и бегства эмира в Афганистан контрреволюция прилагала все силы для укрепления своих позиций в аппарате молодой Бухарской республики. Используя нехватку подготовленных кадров, идейную незрелость многих

бухарских коммунистов, реакционные элементы в трудные месяцы становления БНСР сумели занять важные посты. В правительстве республики, в органах Советской власти на местах оказалось немало бывших беков, эмирских чиновников и баев. Они саботировали демократические преобразования, тормозили советское строительство. Стремясь вызвать недовольство населения Советской властью, проводили необоснованные репрессии в кишлаках (аресты, конфискацию зерна и имущества).

Некоторые честные, преданные Советской власти, но слабо подготовленные в идейно-политическом отношении советские и партийные работники по недопониманию или под воздействием враждебных элементов допускали ошибки, извращали линию партии.

Как вскоре выяснилось, многие контрреволюционеры, занявшие ответственные посты, вошли в прямую связь с басмачами, помогали им вновь собрать свои силы. Басмаческое движение стало возрождаться. Восстанавливали и укрепляли свои отряды Давлятман-бий — в Бальджуане, Ишан Султан — в Дарвазе, Фузайл Максум — в Каратегине, Ибрагим-бек — в Локае.

Основным лозунгом басмачей был «газават» — «священная война» против «неверных». Курбаши накапливали оружие, которое по-прежнему доставлялось из-за рубежа, запасались продуктами питания. Верховным руководителем контрреволюции в Восточной Бухаре был Сейид Алим-хан. На советской территории находился его представитель Ахмед Токсабо. Еще до бегства в Афганистан эмир разослал по кишлакам своих агентов с целью организации басмаческих отрядов.

Развитию басмачества в Восточной Бухаре способствовала предательская деятельность уполномоченного правительства Бухарской республики Усман Ходжи Пулатходжаева. Став председателем ЦИК БНСР, Пулатходжаев направил в Восточную Бухару брата, Атаходжаева, который продолжил антисоветскую деятельность своего предшественника. В августе 1921 г. он вступил в переговоры с басмачами, выдал им 12 аксакалов, активно помогавших Красной Армии. Шесть из них басмачи публично зарезали. Атаходжаев заключил официальный договор с курбаши Давлятман-бием. Деятельность басмачей [109] была как бы легализована. Многие курбаши получали ответственные посты в советских учреждениях. Как «законные» представители Советской власти они начали проводить мобилизацию, собирать налоги в свою пользу. В их руках оказалось полтора миллиона пудов хлеба, собранных для государства.

Учитывая сложную обстановку, объединенное заседание Ревкома, Совета назиров и Исполнительного бюро ЦК Коммунистической партии Бухары приняло решение обратиться к правительству РСФСР с просьбой прислать в Бухарскую республику подразделения Красной Армии из Советской России. Эта просьба была удовлетворена. Но в начале 1921 г. командованию Туркестанского фронта пришлось перебросить в Ферганскую долину части Красной Армии из наиболее опасного района Восточной Бухары. Лишь в отдельных крупных пунктах (Душанбе, Гиссаре, Гарме и некоторых других) оставались небольшие гарнизоны без достаточного запаса вооружения, боеприпасов, продовольствия и обмундирования.

Отсутствие необходимого количества воинских подразделений на территории Бухарской республики дало возможность басмаческим курбаши, получившим оружие и боеприпасы из-за рубежа, активизироваться уже весной 1921 г.

Главари шаек действовали порознь, единства среди них не было: каждый намеревался стать полновластным вожаком. Однако среди тех, кто находился на территории Бухарской республики, прежде всего в ее восточных и северных районах, стали выделяться Давлятман-бий, Фузайл Максум и особенно Ибрагим-бек, на которого продолжал делать ставку бывший эмир Бухары. Выбор пал на Ибрагим-бека не случайно. Это объясняется не только его биографией, но и тем, что в тот период основную часть восточнобухарского басмачества составляли выходцы из Локая — родины Ибрагим-бека.

Одними из первых возобновили опустошительные набеги на кишлаки матчинские банды. Они разрушили и ограбили несколько кишлаков в Ура-Тюбинском уезде, забрали у дехкан около 500 лошадей и более 1000 голов крупного рогатого скота. К лету 1921 г. Ибрагим-бек, Ишан Султан и Фузайл Максум договорились о совместных выступлениях и начали совершать нападения на малочисленные гарнизоны. Ишан Султан и Фузайл Максум, имея в общей сложности 1700 человек, организовали наступление на районы Дарваза и Каратегина, одновременно подняв там антисоветский мятеж. С этого момента басмаческое движение в Гармском вилояте приняло широкие масштабы.

Вступление в борьбу с басмачеством новых соединений Красной Армии стало настоящей необходимостью.

В июне 1921 г. басмачи сосредоточили свои основные силы на Гармском направлении, рассчитывая захватить центр Каратегина. 20 июня сюда прибыл главарь матчинских басмачей [110] бек Абду-Хафиз с отрядом в 2,5 тыс. человек. Банда Абду-Хафиза окружила Гарм. Главарь потребовал безоговорочной сдачи гарнизона, который насчитывал всего 50 бойцов, в большинстве своем больных малярией. В крепости вместе с красноармейцами находились председатель Каратегинского ревкома Умаров, председатель продовольственной комиссии Нусратулло Максум и несколько семей местных жителей.

Высокое мужество и находчивость проявили дехкане Исраил и Мамед. По заданию командования они были направлены с донесениями в штабы кавалерийских полков. Исраил и Мамед незаметно пробрались сквозь басмаческие заставы. Минув вражеские заслоны, они некоторое время плыли на бурдюках по Сурхабу, а затем, преодолев опасную зону, кратчайшим путем доставили донесения.

Помощь прибыла вовремя. Гарнизон еще удерживал крепость. Вступившие в бой кавалерийские части разгромили банду матчинского бека. Сам Абду-Хафиз был взят в плен.

Но басмачи продолжали совершать погромы. В августе 1921 г. в район Гарма вторглась банда дарвазского бека Ишан Султана численностью около тысячи человек. Бек попытался взять реванш за поражение матчинского главаря. Однако его постигла та же участь. Силами кавалерийского полка (особенно отличился эскадрон А. Я. Панкеева) и стрелкового батальона банда Ишан Султана была разгромлена. Главарь, закрыв лицо паранджой, скрылся.

В августе осложнилась обстановка в районе Куляба. В то время Кулябский гарнизон насчитывал около 80 человек, имел слабое вооружение, небольшие запасы продовольствия и фуража. С началом боевых действий гарнизон пополнился 12 местными активистами.

Басмачи, пользуясь малочисленностью Кулябского гарнизона, заняли ряд перевалов и окружили крепость. Бойцы и находившиеся вместе с красноармейцами руководители местных органов власти 11 суток днем и ночью отбивали атаки противника. Прибывшие части Красной Армии и отряды народных добровольцев несколько дней вели упорные бои с бандами.

К концу августа 1921 г. шайки басмачей были изрядно потрепаны. Большие потери вынудили их значительно сократить число нападений на местное население. Наступило временное затишье. Пока курбаши Восточной Бухары и прилегающих районов разрабатывали планы новых антисоветских действий и пополняли свои шайки, из-за рубежа подвозились вооружение и боеприпасы.

Использовали передышку и местные партийные и советские органы. Они усилили разъяснительную работу среди населения, проводили собрания дехкан. Особое внимание уделяли духовенству. На курултаях, куда приглашались духовные лица, шел разговор о сущности Советской власти, о ее планах и задачах. [111]

Это давало положительные результаты. Нередко духовенство принимало решение о поддержке Советской власти и Красной Армии в борьбе с басмачами.

Борьба за массы средствами убеждения была одной из главных форм борьбы с басмачеством не только в Восточной Бухаре, но и в целом в Средней Азии. Таков был ленинский курс. Определяя направление деятельности партийных и советских органов Средней Азии, В. И. Ленин в 1921 г. требовал завоевать доверие трудящихся местных национальностей, неустанно бороться с великодержавным шовинизмом. Придавая огромное значение правильному решению национального вопроса, Ленин подчеркивал: «Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным» {292}.

В августе и сентябре 1921 г. в Бухарской республике проводились важные политические мероприятия, связанные с подготовкой II Всебухарского курултая народных представителей. В период его подготовки на территории БНСР (кроме районов активных действий басмачей) ревкомы как временные органы власти были упразднены. Вместо них создавались Советы народных депутатов, которыми руководили избираемые на один год аксакалы (старосты). Курултай, проходивший с 18 по 23 сентября 1921 г., принял новую конституцию, в которой нашли отражение основные положения конституции Российской Федерации и Туркестанской республики, избрал ЦИК и его Президиум, сформировал новое правительство во главе с Файзуллой Ходжаевым.

Внутренние и внешние реакционные силы использовали короткую передышку для подготовки банд Восточной Бухары и прилегающих районов к новым выступлениям. В это время из Афганистана к басмачам прибыли представители от бывшего эмира Бухары. Они пропагандировали идею борьбы за возрождение эмирата, старались объединить разрозненные и начавшие враждовать между собой банды, не уставали подчеркивать, что бывшему эмиру оказывает всестороннюю помощь Англия.

В первой половине сентября 1921 г. в Восточной Бухаре состоялось нелегальное совещание басмаческих руководителей, на котором было принято решение о совместном выступлении с целью свержения народной власти в Восточной Бухаре. Это сборище провозгласило Ибрагим-бека главарем басмачества Восточной Бухары. Практически под

его влияние попали даже отдельные банды, действовавшие на территории Центральной и Западной Бухары. Но, опасаясь, что в случае успеха Ибрагим-бек захватит власть, бывший эмир через своих агентов принимал меры к ограничению его самостоятельности.

15 сентября 1921 г. отряды Ибрагим-бека развернули боевые действия. Главные их силы (около 4 тыс. басмачей) 23 сентября [112] осадили Душанбе. Но им не удалось захватить город. Подоспевшие 18 октября 1921 г. части Красной Армии сняли осаду.

Однако положение в Восточной Бухаре оставалось сложным. К середине октября 1921 г. в руках басмачей находились Файзабадский, Кулябский, Гармский, Курган-Тюбинский округа. Их успехам содействовали пантюркисты, пробравшиеся на высокие должности. Пост военного комиссара занимал ярый националист Абдулхай Арифов. Во главе республиканской милиции стоял бывший турецкий полковник Али-Риза. Ярым врагом Советской власти был сам председатель Бухарского ЦИКа Усман Ходжа Пулатходжаев. Занимая высокие посты в советских органах, эти люди знали обо всех планах, разрабатываемых против басмачей. Они выдавали их противнику, тайно снабжали его оружием, боеприпасами и продовольствием. Осенью 1921 г., когда басмачи активизировались, некоторые пантюркисты открыто перешли на их сторону. В числе бежавших в стан врага оказался председатель ЧК Муэтдин Максум-Ходжаев. Занимая этот ответственный пост, он сформировал отряд в 250 человек. На сторону басмачей переметнулся шерабадский военный комиссар, бывший офицер турецкой армии Хасан-эфенди, с отрядом в 50 человек.

Тем временем контрреволюция готовила новое крупное выступление против Советской Бухары — авантюру Энвер-паши.

Авантюра Энвер-паши

Осенью 1921 г. в Бухару прибыл бывший военный министр Османской империи, английский ставленник, Энвер-паша {293}. Перед ним была поставлена задача объединить все силы басмачей, создать антисоветский фронт и в конечном счете ликвидировать Советскую власть в Средней Азии. Английский генеральный консул в Кашгаре Эосертон писал, что «Энвер... намечал создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России» {294}. В это государство планировалось включить не только Туркестан, Бухару и Хорезм, но и сопредельные с ними страны.

Международный империализм и контрреволюционные силы Средней Азии связывали с Энвер-пашой свои планы по удушению Советской власти на востоке нашей страны.

Английские империалисты надеялись, что Энвер объединит под своим руководством все антисоветские элементы, в первую очередь басмачей. Националисты считали, что Энвер даст им знамя для панисламистской и пантюркистской агитации и контрреволюционной работы. Реакционное духовенство в своих проповедях представляло Энвера как посланца Аллаха, имеющего «святую грамоту, написанную горящими буквами» {295}. [113]

Бывший эмир Бухары Сейид Алим-хан надеялся с помощью Энвер-паши восстановить Бухарский эмират. Правда, Алим-хан опасался, что если Энвер добьется успеха, то может отстранить его, и потому всеми способами старался удержать бухарских басмачей под своим контролем. В одном из писем к Ибрагим-беку Сейид Алим-хан писал об Энвере: «...это в высшей степени известный и знаменитый муж... Заручитесь его расположением.

Он для вас очень нужен. Переправьте его с почестями через реку Амударью...»{296}. Но в другом письме бывшего эмира говорилось: «Ни в коем случае не отдавать ему (Энвер-паше. — Авт.) всю волю и власть над войсками округов, а лишь действия свои согласовывать с Энвер-беком»{297}.

Что касается Энвер-паши, то он, снедаемый честолюбивыми мечтами, стремясь скорее стать «наместником Мухаммеда» на грешной земле, торопил события. В письме к бывшему эмиру он хвастливо заявлял, что покончит с Советской властью не более чем за два месяца.

По прибытии в Бухару Энвер-паша поселился в доме председателя Бухарского ЦИКа Усмана Ходжи Пулатходжаева. Здесь состоялось первое тайное собрание местных главарей контрреволюционных организаций и басмаческих банд, на котором Энвер-паша был провозглашен главарем басмачества. Хвастливый и честолюбивый, Энвер первым делом заказал большую серебряную печать с надписью «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и наместник Мухаммеда». Поскольку новоиспеченный главнокомандующий имел высшее военное образование и немалый военный опыт, он понимал, что разрозненные, плохо организованные басмаческие отряды — не армия. Поэтому Энвер-паша попытался создать из басмаческих банд централизованную «армию» по европейскому образцу.

В ноябре 1921 г. в сопровождении 6 бывших турецких офицеров и 90 аскеров он отправился якобы на охоту в Восточную Бухару{298}. Перед выездом он направил всем курбаши Восточной Бухары письмо с требованием подчиниться ему и начать совместные действия против Советской власти. Однако к приезду Энвера в Восточную Бухару местные вожаки басмачества отнеслись с подозрением. К его отряду на территории Восточной Бухары присоединилось всего 85 басмачей. Вместе с ними Энвер направился в Джаланашкуль, где предполагалась встреча с тамошними главарями и афганскими представителями. Но к месту условленной встречи прибыли в сопровождении 200 всадников лишь два представителя Ибрагим-бека, заявившие Энверу, что бек отказывается присоединиться к нему.

Энвер стал добиваться личной встречи с Ибрагим-беком. Тот наконец согласился, преследуя при этом тайную цель. Когда встреча состоялась, Ибрагим-бек обезоружил и арестовал Энвера. О случившемся стало известно Сейид Алим-хану. Действия [114] восточнобухарских вожаков не отвечали замыслам бывшего эмира. По его требованию Энвер был освобожден.

Реакционные силы в Афганистане и английская агентура принимали срочные меры для объединения усилий Ибрагим-бека и Энвера. Они направляли к Ибрагим-беку одного агента за другим, пока не добились от него согласия на примирение.

На новом собрании курбаши Восточной Бухары признали Энвера своим предводителем. Объединенные отряды стали именоваться «армией ислама». Энвер заявил, что не претендует на бухарский престол и, как только будет уничтожена Советская власть, призовет Сейид Алим-хана занять трон{299}.

Постепенно стали выявляться истинные намерения Энвер-паши. Он планировал захватить Восточную Бухару, двинуться на столицу Бухарской республики и объявить себя эмиром. Вслед за тем он собирался объединиться с басмачами Ферганы и начать совместное

выступление против Советского Туркестана. Так намечались уже конкретные планы свержения власти народа во всей Средней Азии.

Воинство Энвер-паши достигло внушительных размеров — около 16 тыс. человек. В дальнейшем под его руководством находилось до 50 тыс. человек.

Военные действия Энвер решил начать с захвата Душанбе. Для проведения этой операции основные силы басмачей Восточной Бухары он стянул в Гиссарскую долину.

К тому времени в Душанбе под предлогом организации обороны прибыл председатель ЦИКа Бухарской республики Усман Ходжа Пулатходжаев с отрядом в 700 человек. Отрядом командовали начальник бухарской милиции турецкий полковник Али-Риза и Данияр-бек.

В первой половине декабря 1921 г., перед началом боевых действий, Энвер-паша собрал своих курбаши на совещание, где присутствовали также изменники Али-Риза и Данияр-бек. На них Энвер-паша делал особую ставку: именно они должны были обеспечить захват Душанбе.

Вечером 9 декабря 1921 г. Пулатходжаев пригласил к себе военкома Душанбинского гарнизона Морозенко, заместителя военкома Мухина, генерального консула РСФСР в Восточной Бухаре Нагорного и других ответственных советских работников. Как только приглашенные собрались, Пулатходжаев арестовал их. Угрожая смертью, он заставил Морозенко и Мухина подписать заранее подготовленный текст приказа о сдаче гарнизоном Красной Армии оружия и об уходе из Душанбе. Разоружение гарнизона поручалось отряду Али-Ризы и Данияра.

В сопровождении конного отряда изменники прибыли в гарнизон и, потрясая приказом, требовали сдать оружие. Приказ показался подозрительным командиру 2-го батальона Гринцевичу. Он стал выяснять, где находится военком. Тогда предатели попытались его арестовать и тем самым раскрыли свои планы. [115]

Батальон отказался разоружаться. Прогрели первые выстрелы. Между отрядом Али-Ризы и красноармейцами 2-го батальона завязалась схватка. Изменники в замешательстве отступили. Командование гарнизона было освобождено из-под ареста. Удалось также вернуть часть оружия, изъятого у 3-го батальона. Тем временем Гринцевич связался со штабом Туркестанского фронта и сообщил о случившемся.

Утром 10 декабря 1921 г. на помощь Душанбинскому гарнизону были натравлены сводный отряд 7-го полка и подразделения 9-го полка. Узнав о подходе подкреплений, предатели в ночь на 13 декабря бежали из города. С собой они увезли целый обоз с имуществом, награбленным у жителей Душанбе.

В одном из горных кишлаков их настигли всадники Ибрагим-бека и отобрали у незадачливых соперников все награбленные ценности {300}.

Тогда Энвер-паша решил штурмом овладеть Душанбе. Однако малочисленный гарнизон (около 600 бойцов и командиров) трое суток сдерживал непрерывные яростные атаки многотысячного отряда басмачей.

Потерпев неудачу, Энвер-паша перегруппировал свои отряды и окружил город. Положение защитников Душанбе с каждым днем становилось все тяжелее. На исходе было продовольствие. Многие красноармейцы и командиры, истощенные голодом, заболели. Кончались боеприпасы. В эти трудные дни на помощь осажденному гарнизону пришло местное население. Тайком от басмачей доставлялись в крепость фураж и продукты. Председатели ревкомов Чорбогского и Харангонского тюменов Гаиб Пошев и Ахмед Ашуров организовали сбор продовольствия, прорвались через окружение и доставили его в Душанбе.

Но положение гарнизона оставалось критическим. Поэтому командование Туркестанского фронта дало приказ об отходе. В ночь с 15 на 16 февраля 1922 г. бойцы оставили Душанбе и с боями пробивались к Байсуну на соединение с частями Красной Армии.

Вступление Энвер-паши и Ибрагим-бека в Душанбе реакция встретила с ликованием. Из-за рубежа шел поток поздравлений. Новые мятежники стекались в их отряды. Сюда прибыли бывшие эмирские беки, чиновники, бухарская знать. Восстанавливались старые эмирские порядки. Энвер-паша был признан вождем басмачества Средней Азии от Ферганы и Самаркандской области до Восточной Бухары включительно.

В районах, захваченных басмачами, был установлен режим террора и насилия. Массовые казни стали в восточной Бухаре обычными. Трудящиеся были обложены многочисленными налогами и поборами. Многие населенные пункты были полностью уничтожены {301}.

Реакционные элементы Афганистана, разумеется не без поддержки [116] правящих кругов Англии, направили Энвер-паше (под видом добровольческого отряда) подразделение регулярных войск численностью 500 человек {302}. Вдоль советской границы усиливались гарнизоны и ремонтировались дороги. В Афганистане был создан специальный штаб по снабжению восточнобухарских отрядов оружием и продовольствием.

После захвата Душанбе басмаческое воинство выросло до 20 тыс. человек. Окрыленный успехом, Энвер развернул наступление на Западную Бухару по двум главным направлениям. Часть сил под командованием Данияра двигалась через Шахрисябз. Основные силы во главе с самим Энвером наступали через Байсун.

Ибрагим-бек был практически отстранен от активных действий. Ему Энвер-паша отвел роль наместника в Восточной Бухаре. Честолюбивый курбаши, ревниво наблюдавший за усилением соперника, принял контрмеры. Прежде всего он увеличил численность отрядов, непосредственно ему подчиненных. Хотя усиление басмаческих шаек отвечало общим интересам контрреволюции, этот шаг вызвал настороженность Энвер-паши, понимавшего, что Ибрагим-бек не упустит случая, чтобы вырвать у него власть. Учитывая это, Энвер-паша стремился восстановить против Ибрагим-бека крупных курбаши: Давлятман-бия, Фузайла Максума, Ишана Султана и др. Энвер-паша добивался ухода курбаши — сторонников Ибрагим-бека из таких важных районов, как Дарваз, Каратегин и Куляб.

К весне 1922 г. отношения двух лидеров настолько обострились, что Ибрагим-бек ушел со своим отрядом в труднодоступные горы {303}.

Несмотря на разногласия между главарями, басмачи, пользуясь малочисленностью советских войск, быстро продвигались в глубь Бухарской республики, опустошая все на своем пути. К моменту образования Таджикской АССР население Восточной Бухары заметно сократилось. В 7 тюменах Кулябского и Гармского вилоятов басмачи, по далеко не полным данным, за период с 1922 г. по июль 1924 г. убили 5528, ранили и искалечили 2912 жителей {304}.

За непродолжительный период военных действий, начатых Энвер-пашой, посевные площади в Бухарской республике сократились на 72%, поголовье скота уменьшилось на две трети.

Отряды басмачей заняли Каршинский вилоят и тем самым открыли дорогу на Западную Бухару. В это время, весной 1922 г., на сторону басмачей перешел военный комиссар Бухарской республики пантюркист Абдулхай Арифов. С ним перебежал и его заместитель, бывший турецкий офицер Талат-заде. Энвер-паша радостно встретил предателя Арифова и назначил его своим заместителем.

Империалистическая печать трубила о неминуемой гибели Советской власти в Средней Азии. Энвер-паша именовался главой [117] несуществующего правительства так называемой Турецкой Среднеазиатской Республики. Из-за границы увеличивался поток вооружения и боеприпасов. В распоряжение Энвера прибыл новый отряд в 300 человек, сформированный из афганских военнослужащих {305}.

В конце марта и начале апреля Энвер получил от своих покровителей два каравана с оружием. Кроме винтовок и патронов ему было доставлено шесть пушек.

Бывший бухарский эмир снабжал басмаческих главарей лживой информацией. В письмах к Энверу и Ибрагим-беку Сейид Алим-хан, ссылаясь на зарубежные источники, уверял, будто пала Москва, а в Ашхабаде, Мерве и Коканде почти не осталось коммунистов.

Преисполненный радужных надежд, Энвер начал говорить языком угроз даже с правительством Советской России. 19 мая 1922 г. он направил в Москву письмо, в котором в ультимативной форме потребовал отозвать части Красной Армии из Хивы, Бухары и Туркестана, угрожая в противном случае войной против РСФСР. В письме он официально именовал себя главнокомандующим армиями Хивы, Бухары и Туркестана.

Положение становилось все более опасным. Надо было немедленно собрать необходимые силы для нанесения решающего удара по басмачам на территории Восточной Бухары.

Учитывая сложную обстановку и засоренность правительственных органов и военного комиссариата чуждыми и даже враждебными элементами, в январе 1922 г. ЦК Бухарской Компартии, ЦИК и Совет назиров БНСР совместным решением создали Чрезвычайную диктаторскую комиссию ЦИК БНСР по делам Восточной Бухары. Комиссия была наделена правом издавать приказы и указания, обязательные к неуклонному исполнению всеми учреждениями и всеми должностными лицами. Ее главной задачей было наведение революционного порядка в районах борьбы с басмачеством и восстановление Советской власти в местностях, освобожденных от врага. Председатель Чрезвычайной диктаторской комиссии Насыр Хакимов после ее создания провел большую работу во вражеском тылу, главным образом в Душанбе, а член комиссии Алимжан Акчурун — в районах боевых действий {306}.

Кроме того, было создано Бюро Бухарской Компартии по Восточной Бухаре.

13 марта 1922 г. Совет назиров БНСР принял постановление об образовании Бухарской Красной Армии {307}. Были созданы центральная и областные комиссии помощи Красной Армии. Усиливались отряды добровольцев и народной милиции. Дехкане охотно вступали в добровольческие отряды. Зверства, грабежи и разрушения, чинимые бандами, все больше убеждали их в необходимости активной борьбы с басмачеством.

Российская Коммунистическая партия делала все, чтобы [118] помочь трудящимся Средней Азии, в том числе жителям Бухары, в их борьбе с басмачеством.

До 1922 г. Коммунистические партии Бухары и Хорезма не входили в состав РКП(б). Руководство ими осуществлял Коминтерн. Коммунисты Бухары и Хорезма обратились в ЦК РКП (б) с просьбой об их принятии в Российскую Коммунистическую партию (большевиков) {308}.

1 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло специальное постановление по Бухарским вопросам. Оно было подготовлено комиссией в составе В. В. Куйбышева, И. В. Сталина, Ф. Ходжаева, Г. В. Чичерина. Постановление предусматривало решение широкого круга проблем, связанных с укреплением взаимоотношений партийных организаций РСФСР, БНСР и ХНСР, объединением антибасмаческих фронтов, усилением политической работы среди местного населения для скорейшего очищения территории Бухары от контрреволюционных элементов {309}. Было установлено, что БКП входит в состав РКП(б) на правах республиканских компартий. В Туркбюро ЦК РКП(б) было введено по одному представителю от Центральные Комитетов компартий Бухары и Хорезма.

Коммунисты Бухарской республики, как и всей Средней Азии, тесно сплачивались вокруг РКП(б), крепили союз с русским народом. Вхождение Бухарской коммунистической партии в состав РКП(б) имело огромное значение для будущего трудящихся Бухары, способствовало организационному и идейному укреплению Бухарской коммунистической партии.

В этих условиях функции Туркбюро, по существу, были расширены до функций Средазбюро ЦК РКП(б) {310}.

Главком РСФСР С. С. Каменев разработал конкретный план военной помощи Восточной Бухаре.

Сложность обстановки в Бухаре, непрекращавшиеся выступления басмаческих шаек, экономическая разруха обусловили то, что Политбюро и Средазбюро ЦК партии неоднократно специально обращались к положению в БНСР. Известны следующие постановления: Оргбюро ЦК РКП(б) от 18 января 1922 г. — о мерах помощи Бухаре; Политбюро ЦК РКП (б) от 22 февраля 1922 г. — о положении в Бухаре; от 1 марта 1922 г. — «Об усилении войск и средств в Восточной Бухаре»; от 13 марта 1922 г. — «О Бухаре». В соответствии с этими постановлениями был принят ряд мер политического, экономического и военного порядка. В Среднюю Азию были командированы партийно-советские и военные деятели, население очищенных от басмачей районов было освобождено от продналога. Политбюро ЦК партии указывало, что ударной задачей местных партийных организаций является быстрейшее уничтожение басмачества.

В начале марта 1922 г. военная обстановка еще больше обострилась. Отряды басмачей вышли на подступы к Бухаре и осадили город с четырех сторон. Првительство БНСР обратилось к [119] Реввоенсовету Туркестанского фронта. Части Красной Армии и отряды добровольцев 11 марта после трех дней боев отбросили басмачей за Вабкент, Гиждуван, Кермине. Но это были лишь первые, хотя и важные, успехи. Перелома в борьбе с басмачеством еще не произошло. В отдельных районах басмачи вновь переходили в наступление.

20 апреля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о положении на Туркестанском фронте и приняло решение послать для ознакомления с делами на месте Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиаву, Политбюро также решило ввести в Средней Азии военное положение до полного искоренения басмачества.

Вооруженные силы Бухарской республики находились в стадии становления, не могли успешно бороться с многочисленными, хорошо вооруженными шайками. Поэтому для усиления Бухарского фронта командование Туркестанского фронта выделило некоторые свои части.

В Бухару прибыли старый коммунист, видный государственный деятель Я. Х. Петере и главком С. С. Каменев. Приказом Реввоенсовета Республики от 1 апреля 1922 г. на основе решения Политбюро ЦК РКП (б) был учрежден Реввоенсовет Бухарского фронта во главе с Файзуллою Ходжаевым. В его задачу входила «организация единства действий против басмачества в Восточной Бухаре»{311}.

4 мая 1922 г. в Бухару приехал Г. К. Орджоникидзе. Оценив обстановку, он сообщил в ЦК о том, что предстоит трудная борьба: «С Энвером придется драться серьезно, но уверен, что ему свернем шею»{312}. В других докладных записках в ЦК Г. К. Орджоникидзе выдвинул ряд предложений, направленных на укрепление Советской власти, чистку рядов БКП (она насчитывала 14 тыс. человек) и комсомола от классово чуждых элементов, оздоровление экономики Туркестанской АССР и Бухарской республики. Об этом он говорил и в своем докладе на пленуме ЦК КП Туркестана 12 мая.

18 мая 1922 г. ЦК РКП (б) принял упоминавшееся постановление «О туркестано-бухарских делах». В нем были намечены конкретные мероприятия по укреплению Советской власти в Средней Азии и мобилизации трудящихся масс, по развертыванию широкой политической кампании (митинги, беспартийные конференции, собрания) против энверовской авантюры. Одновременно ЦК РКП (б) рекомендовал и в Туркестане и в Бухаре вернуть вакуфные земли их бывшим владельцам, легализовать местный национальный суд (суд казиев и биев) и т. п. Тем самым должны были быть исправлены некоторые ошибки, допущенные местными коммунистами в области национальной политики{313}. Постановление предусматривало объявление амнистии сдавшимся басмачам Бухары и Хорезма. Оно сыграло важную роль в сплочении всех революционных сил республик Средней Азии для ликвидации басмачества. [120]

19–20 мая 1922 г. состоялось заседание пленума Средазбюро ЦК РКП (б) нового состава (Исполнительная комиссия пленума была утверждена в составе С. И. Гусева, Н. Тюракулова и Ф. Ходжаева — членов и А. А. Сольца, А. Рахимбаева, Махмудова — кандидатов) с участием Г. К. Орджоникидзе и Ш. З. Элиавы. Пленум обсудил постановление ЦК партии и рассмотрел вопросы экономического развития всех среднеазиатских республик, уделив особое внимание вовлечению БНСР и ХНСР в русло социалистического строительства, улучшению положения трудящихся масс, упрочению

Советской власти. Было принято решение «Об экономическом объединении трех республик»{314}.

В соответствии с решениями пленума Средазбюро ЦК РКП(б) Туркестанский ЦИК 26 мая 1922 г. принял постановление о возвращении вакуффов прежним владельцам и восстановлении судов казиев и биев. В постановлении подчеркивалось, что Советская власть не ставит своей задачей борьбу с местными обычаями, а призывает всех к борьбе за укрепление власти трудящихся{315}.

Постановления местных органов власти, принятые в развитие указаний ЦК партии и его Средазбюро, служили делу активизации борьбы против басмачества.

Под непосредственным руководством Г. К. Орджоникидзе и Средазбюро велась большая работа по претворению в жизнь указаний ЦК партии. Особое внимание уделялось очищению партии, советского аппарата, Красной Армии, милиции от контрреволюционных элементов и привлечению лучших представителей народа, прежде всего дехкан, на руководящие посты в государственный аппарат. Выступая на совещании ответственных работников Бухарской коммунистической партии, Г. К. Орджоникидзе говорил: «Мы должны принять все меры к тому, чтобы очистить бухарское правительство не только от контрреволюционных элементов, но и от родственных связей... Далее стоит огромная задача — извлечь из Бухары, главным образом из дехканства, все, что в них есть лучшего, вытащить на свет божий и втянуть в управление государством»{316}.

В апреле 1922 г. был создан штаб Бухарской группы войск, в состав группы вошли 1-я и 2-я отдельные Туркестанские кавалерийские бригады, 3-я Туркестанская стрелковая дивизия и два кавалерийских эскадрона из состава Верненских кавалерийских командных курсов. Позднее в распоряжение группы прибывали части из Московского военного округа и Белоруссии. Всего Бухарская группа имела 4500 штыков, 3030 сабель и 20 орудий. Командовал ею Н. Е. Какурин. Вскоре его сменил П. А. Павлов.

В это же время Компартия Бухары провела широкую политическую кампанию среди населения. На собраниях и митингах, в прокламациях и воззваниях, обращенных к трудящимся коренных [121] национальностей, разъяснялась задача борьбы с Энвер-пашой, показывалась сущность его антинародной политики. Особое внимание обращалось на разоблачение связей Энвера с английским империализмом.

Весь май шла усиленная подготовка к нанесению решающего удара по басмачам. Основные силы Красной Армии сосредоточивались в Самарканде.

Готовился к предстоящим сражениям и Энвер-паша. Он провел с главарями басмаческих банд несколько совещаний, с участием агентуры иностранных разведок разработал план действий. Из-за рубежа в распоряжение Энвер-паши поступили дополнительные партии оружия и боеприпасов. Империалистическая реакция через своих агентов заверяла курбаши, что обеспечит их всем необходимым в любых размерах.

Энвер-паша предпринял попытку сорвать готовившуюся командованием Красной Армии операцию. Стянув крупные силы к Байсуну, он окружил его плотным кольцом. Угрожая полным уничтожением гарнизона и всего населения, Энвер-паша потребовал сдать город. Однако командиры, красноармейцы и трудящиеся Байсуна отвергли ультиматум и мужественно обороняли город.

В первых числах июня 1922 г. Бухарская группа войск совместно с Бухарской Красной Армией, отрядами добровольцев и народной милиции развернула наступательные действия на широком фронте.

Вначале было разгромлено несколько крупных банд, снята блокада Байсуна, освобожден кишлак Кофрюн, в котором располагался штаб Энвер-паши. Противник отступил к Сурхандарьинской долине. В последующие дни части Красной Армии, отряды народной милиции и добровольческие отряды наносили басмачам удар за ударом. 22 июня правая колонна наступавших войск овладела Кабадианом и начала освобождение Вахшской долины.

После разгрома крупных басмаческих формирований под Байсуном Красная Армия, поддерживаемая населением, продвигалась вперед, освобождая один район за другим. 14 июля 1922 г. части Красной Армии, действовавшие на правом фланге, подошли к Душанбе и после ожесточенного боя в этот же день освободили город.

Отряды Энвер-паши были заметно деморализованы, среди басмачей началось разложение.

Свои неудачи Энвер-паша пытался объяснить не ударами частей Красной Армии, а разногласиями с Ибрагим-беком. Разумеется, в какой-то мере разногласия между вожаками оказали отрицательное воздействие на боеспособность банд. В частности, Энвер-паше и Ибрагим-беку так и не удалось добиться согласованных действий. (Правда, в начале операции Ибрагим-бек направил по просьбе Энвер-паши ему на помощь свои основные [122] силы численностью в 7 тыс. человек. Эти отряды участвовали в боях под Байсуном {317}. Но после поражения под Байсуном Ибрагим-бек скрылся в горах, а Энвер-паша отступил в сторону Бальджуана.) Но, конечно, главная причина поражения басмачей состояла в антинародной сущности басмачества. Успехи Красной Армии объяснялись активной поддержкой трудового народа. Дехкане видели в Красной Армии своего спасителя от террора и грабежа басмачей и потому охотно помогали ей продовольствием и непосредственным участием в вооруженной борьбе с шайками.

Средазбюро ЦК РКП(б), Коммунистическая партия Бухары и правительство БНСР приняли меры для широкого разъяснения населению политических целей Энвера и мобилизации масс на его окончательный разгром. В упоминавшемся уже обращении Средазбюро ЦК РКП(б) к коммунистам республик Средней Азии подчеркивалось, что общими усилиями «трудящихся Бухары, Туркестана и Хорезма и их красных войск будет уменьшено количество кровавых жертв от преступной авантюры Энвера и будет достигнут мир, желанный для трудового населения всех восточных советских республик» {318}. В решениях IV сессии ВсебухЦИКа (июль 1922 г.) указывалось, что «желание Энвера совместно с восточнобухарским басмачеством поставить Бухару под английский каблук как с точки зрения мусульманина, так и с точки зрения бухарца является преступлением». Сессия призывала весь бухарский народ «собраться под Красное Знамя и объединенными силами бороться с басмачами и Энвер-пашой» {319}. Президиум ВсебухЦИКа получил от сессии указание сосредоточить средства республики в первую очередь на борьбе с басмачеством, помиловать тех, кто добровольно сдастся и покается перед Советской властью.

Трудовое население оказывало большую помощь Красной Армии и отрядам добровольцев продовольствием, наводило переправы через горные реки. Решающую роль в мобилизации масс на помощь Красной Армии играли местные Советы, которые восстанавливались сразу же после изгнания басмачей. В Локайской долине, которую

Ибрагим-бек пытался превратить в неприступную крепость, трудящиеся и даже вожди отдельных племен встали на сторону Советской власти. Активно помогали Красной Армии племенные вожди Абдул-Газис, Карши-аксакал и Даны-аксакал. Они разоблачали перед народом басмачей и их главарей как врагов трудящихся, призывали дехкан к борьбе с бандами.

Энвер-паша стал пробиваться к границе, чтобы уйти за рубеж. Но Красная Армия отрезала ему пути отхода.

Сколотив остатки разрозненных отрядов общей численностью в 5 тыс. человек, Энвер-паша сумел окружить 16-й кавалерийский полк в районе кишлака Сангтуда. Однако первая же атака, предпринятая конниками Давлятман-бия, была отбита. [123]

Полк перешел в контратаку. Басмачи, не выдержав натиска красноармейцев, обратились в бегство. Лишь в Бальджуане Энверу удалось остановить бегущих и организовать оборону. Трое суток шли упорные бои в Бальджуане. 500 басмачей Энвер-паши остались на поле боя. С остальными он отступил в кишлак Обдара между Ховалингом и Бальджуаном. 4 августа в этом кишлаке произошел последний для Энвер-паши бой. Здесь его банда попала в окружение. Давлятман-бий и Энвер-паша погибли в бою.

Так было покончено с одним из самых опасных заговоров международной реакции против советских среднеазиатских республик. Народы Советского Востока с отвращением вспоминают имя Энвер-паши. В многовековую историю Средней Азии он вписал мрачную страницу.

ВЦИК и ЦИК БНСР наградили боевыми орденами наиболее заслуженных участников борьбы с басмачеством и отдельные воинские части. Председатель правительства БНСР Файзулла Ходжаев был награжден орденом Красного Знамени. В его лице была высоко оценена роль Совета назиров Бухарской республики в борьбе с эмиро-басмаческими бандами и в укреплении народной власти в республике.

Итоги борьбы с Энвером подвел III Всебухарский курултай народных представителей (15–18 августа 1922 г.). Он клеймил басмачество как антинародное движение эксплуататорских классов, поддерживаемых империалистическими государствами. Курултай особо отметил благородную интернациональную миссию Красной Армии. «Русская Красная Армия, — говорилось в резолюции курултая, — прибыла в Бухару не по собственной инициативе, ради достижения какой-либо корыстной цели, а; наоборот, — по зову Бухарской Народной Советской Республики для освобождения ее территории и угнетенного народа от продолжающегося басмаческого движения» {320}. В обращении к населению курултай писал: «Бухарская Народная Советская Республика перед лицом сильного противника в борьбе пошла рука об руку с трудовым народом России, которая своей героической борьбой указала народам Востока пути к революции и освобождению. В братском союзе обеих республик против врагов мы добились благих результатов» {321}.

Главари не складывают оружия

6 сентября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о мерах по оказанию военной и экономической помощи БНСР. В нем указывалось на необходимость усиления воинских частей Туркестана, сражающихся против басмачей; отправки в БНСР кадров военных специалистов для обучения местного населения военному делу и создания

добровольческих [124] отрядов среди дехкан и городской бедноты; повышения цен на хлопок {322}.

Средазбюро ЦК РКП(б) после разгрома Энвера наметило следующие меры по усилению борьбы с басмачеством: нейтрализовать середняка от баев и мулл, настойчиво вовлекать среднее дехканство в управление государством; развивать государственную и кооперативную торговлю; организовывать и расширять кооперацию по линии сельскохозяйственного кредита в целях постепенного освобождения крестьян из-под власти баев и ростовщиков {323}. Созывались народные курултаи. Так, в сентябре — октябре 1922 г. было проведено пять народных курултаев нескольких племен Локайской долины; в октябре был созван также съезд таджикского населения Гиссарского вилоята. Всего в Восточной Бухаре перед созывом IV Всебухарского курултая Советов было проведено 40 тюменских, 5 вилоятских и 7 национальных курултаев, в которых участвовало около 16 тыс. человек, а в Западной Бухаре — 20 тюменских, 6 вилоятских и 1 национальный (Туркменский) курултай, охватившие более 5 тыс. дехкан и скотоводов {324}.

В этих условиях империалистической агентуре все труднее становилось организовывать басмаческие отряды. Ряды басмачей редели, сфера их действий сужалась. Однако главарь басмачества не складывали оружия. После разгрома Энвер-паши обстановка в Бухарской республике продолжала оставаться сложной. Немалую опасность представляли группы, действовавшие в Западной Бухаре (особенно в вилоятах Кашкадарья и Сурхандарья) и в Восточной Бухаре (в Каратегине и на обширной территории Кулябского, Курган-Тюбинского, Гиссарского и Шерабадского вилоятов). Империалистические круги (в первую очередь Англии) и реакционные элементы Афганистана все еще питали надежду ликвидировать Советскую власть в Средней Азии, прежде всего в Восточной Бухаре, с помощью своего ставленника. На этот раз выбор пал на сподвижника Энвер-паши, бывшего турецкого офицера и агента английской разведки Салим-пашу (Ходжа Салим-бей). Ему и группе турецких офицеров было поручено сколотить новые отряды на территории Бухарской республики.

Сейид Алим-хан одобрил выдвижение Салим-паши в качестве нового главаря бухарского басмачества, поскольку бухарская контрреволюция, не имея реальных сил для борьбы с Советской властью, основную ставку делала на помощь империалистических держав. Не случайно все обращения бывшего эмира Бухары к басмаческим курбаши сопровождались обещаниями помощи со стороны иностранных держав (прежде всего Англии). Вместе с тем Сейид Алим-хан, боясь в случае успеха басмачей потерять бухарский престол, по-прежнему рассчитывал на Ибрагим-бека.

Приступая к подготовке новой антисоветской авантюры, Сейид [125] Алим-хан при активном участии английских резидентов подготовил и провел в августе 1922 г. очередное совещание в Кабуле. В совещании участвовали лидеры среднеазиатской контрреволюции, в том числе и некоторые басмаческие курбаши, а также представители афганской реакции. Как уже указывалось, между Советским и Афганским государствами устанавливались добрососедские отношения. Однако реакционные круги Афганистана, занимавшие проанглийские позиции, пытались проводить свою особую линию, враждебную интересам обеих стран.

На совещании был разработан план нового комбинированного выступления против Советской власти в Средней Азии. Начало всеобщего выступления банд приурочивалось к весне 1923 г.

Осенью 1922 г. Салим-паша перебрался в пределы Бухары и установил связи с рядом главарей матчинских, самаркандских, западнобухарских и ферганских басмачей. Некоторые курбаши отказались признать Салим-пашу своим главарем.

Зарубежные покровители направили в распоряжение Салим-паши из Индии караван в 40 верблюдов с оружием и боеприпасами.

Салим-паша опирался на бывших сторонников Энвер-паши, прежде всего на банду Фузайла Максума. Он послал Фузайлу Максуму 30 своих телохранителей и помог ему одолеть соперников — Ишана Султана и Ишана Сулеймана. Одержав с помощью Салим-паши победу над своими противниками, Фузайл Максум объявил себя эмиром Дарваза и Каратегина.

С появлением Салим-паши на территории Бухарской республики басмачество оживилось. Активизировались, в частности, матчинские басмачи, установившие тесную связь с Салим-пашой. Они возобновили вылазки в кишлаки Ура-Тюбинского и Джизакского уездов. Не прекращал боевых действий и Ибрагим-бек.

Командование Туркестанского фронта и Бухарской группы войск, партийные и советские органы внимательно следили за развитием событий и в соответствии со складывавшейся обстановкой принимали необходимые меры для защиты трудящегося населения.

После разгрома Энвер-паши Советское правительство указало на необходимость ускорения ликвидации оставшихся банд и обратилось к рядовым басмачам с предложением о добровольной сдаче, гарантируя им в этом случае амнистию.

Партийные и советские органы Бухарской республики и Самаркандской области проводили активную политико-воспитательную работу среди населения, оказывали материальную помощь беднейшим слоям населения, а командование Красной Армии и руководители добровольческих отрядов продолжали операции по борьбе с басмачеством.

Осенью 1922 г. части 13-го корпуса (бывшая Бухарская группа) разгромили несколько басмаческих группировок. Была [126] сорвана попытка Ибрагим-бека объединиться с Данияр-беком. В октябре 1922 г. Ибрагим-беку было нанесено несколько ощутимых ударов, но он в очередной раз сумел укрыться в горах.

Сколотив несколько крупных отрядов, Салим-паша решил нанести концентрированный удар по Кулябу и Душанбе, свергнуть Советскую власть в Восточной Бухаре, а затем, создав опорную базу, двинуться в центральные районы Бухарской республики.

В декабре 1922 г. Салим-паша с отрядом в 600 человек передислоцировался в район Куляба, где к нему присоединилось несколько других басмаческих групп. В первом столкновении с кулябским гарнизоном, насчитывавшим всего 60 человек, Салим-паша не добился успеха. Гарнизон под командованием Д. К. Гольцева при поддержке горожан 30 суток сдерживал яростные атаки басмачей. Только 11 января 1923 г., когда кончились боеприпасы, красноармейцы оставили город. Но банда недолго продержалась в Кулябе. 152-й кавалерийский полк вскоре выбил ее оттуда.

Салим-паша перебрался в Гиссарскую долину, где соединился с Ибрагим-беком. Они договорились вести дальнейшие боевые действия двумя группировками. Салим-паша с 4

тыс. басмачей двинулся к Бухаре, а Ибрагим-бек с 2 тыс. остался в Локае, чтобы прикрывать тыл Салим-паши и одновременно попытаться занять Душанбе {325}.

Однако обстановка складывалась явно не в пользу контрреволюции. Все ощутимее становился процесс политического и хозяйственного укрепления советских республик Средней Азии.

Большое значение в мобилизации народа на борьбу с басмачеством имели решения XII съезда РКП(б) и Четвертого совещания ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей. Они вооружили партию и всех трудящихся программой конкретных действий для дальнейшего укрепления дружбы и взаимной помощи народов России.

По всей Восточной Бухаре укреплялись органы народной власти; осуществлялась земельная реформа на территории Восточной Бухары — земля передавалась дехканству. Проводилась налоговая реформа в интересах трудящихся, шел процесс дальнейшего укрепления Бухарской коммунистической партии.

Командующий Туркестанским фронтом А. И. Корк направил в Бухарскую республику 3-ю кавалерийскую бригаду в составе 11-го и 12-го полков и артиллерийской батареи. Бригада приняла участие в разгроме главных сил Салим-паши, сосредоточившихся в районе Шерабада.

Первое столкновение бригады с отрядами Салим-паши произошло 11 марта 1923 г. Около трех суток продолжались бои. Основные силы Салим-паши были разбиты. Он отступил в Келиф. Но здесь части Красной Армии нанесли новый удар по его бандам. После этого басмачи рассредоточились. Одни стали [127] действовать самостоятельно, другие ушли в Матчу, а третьи во главе с самим Салим-пашой возвратились в Гиссарскую долину {326}.

Воспользовавшись ослаблением конкурентов, Ибрагим-бек двинулся в долину Сурхандарьи {327}. Но успеха он не достиг. Прибывшие в долину добровольческие отряды и части Красной Армии нанесли Ибрагим-беку поражение, вынудив его возвратиться в Локай.

После зимних и мартовской операций 1923 г., проведенных против басмачей на территории Бухарской республики, банды разделились на три основные группировки. Одна группировка все еще находилась (правда, теперь уже больше формально) в подчинении Салим-паши. Ее опорный пункт был в Матче. Там сконцентрировалось большинство зеравшанских басмачей, которые продолжали создавать угрозу северу Таджикистана и Самаркандской области. Вторая группировка располагалась в Каратегине и Дарвазе. Ею руководил Фузайл Максум, который еще поддерживал отношения с Салим-пашой, но стремился к самостоятельности. Воспользовавшись отсутствием частей Красной Армии в Каратегине и Дарвазе, он обосновался в Гармском вилояте и чувствовал себя здесь полноправным хозяином. Третья группировка сосредоточилась в Гиссарской долине. В этом районе действовали Ибрагим-бек и Салим-паша. В общей сложности отряды басмачей насчитывали до 15 тыс. человек. Из-за рубежа Салим-паша получил новое значительное подкрепление в живой силе, много вооружения и боеприпасов.

Наличие трех достаточно крупных очагов басмачества требовало энергичных действий для их ликвидации. Но вести борьбу против всех басмаческих группировок своими малочисленными вооруженными силами Бухарская республика не могла. Поэтому

правительство БНСР обратилось к правительству СССР с просьбой направить в Бухару дополнительный воинский контингент. Эта просьба была удовлетворена. В марте 1923 г. в Бухару были направлены кавалерийская дивизия и две кавалерийские бригады. Усиливались и местные формирования. Создавались специальные комитеты по борьбе с басмачеством и комиссии по мобилизации мужского населения в ряды Бухарской Красной Армии.

Первый удар был нанесен Салим-паше. Был разбит его 2-тысячный отряд. Не досчитавшись почти 300 человек, Салим-паша отступил в направлении Курган-Тюбе.

Вскоре части Красной Армии начали бои против Ибрагима. В нескольких схватках басмачи потеряли более 500 человек.

Воинство Ибрагим-бека и Салим-паши практически развалилось. Большинство басмачей (примерно 12 тыс. из 15) возвратились в кишлаки. Ибрагим-бек, оставив в Локае небольшое прикрытие, сам с отрядом в 350 человек {328} ушел на левый берег Вахша. [128]

Салим-паша и Ибрагим-бек стали избегать столкновений с частями Красной Армии и отрядами добровольцев, направляя небольшие группы для нападения на кишлаки и иногда на мелкие гарнизоны.

Весной 1923 г. было покончено с очагом басмачества в Матче.

Командование Туркестанского фронта еще во второй половине 1922 г. сосредоточило против матчинских басмачей значительные силы. Противник понес серьезные потери. Однако затем положение усложнилось. В Матчу прорвались басмаческие группы из Восточной Бухары. Одна только банда Холбуты насчитывала 800 человек. Ликвидация «бекства» затянулась. Советские войска смогли перейти в наступление лишь весной 1923 г.

Для проведения операции из состава 13-го стрелкового корпуса был сформирован специальный отряд, который возглавил С. М. Шевцов. Вместе с подразделениями Красной Армии действовали отряды добровольцев, прибывшие из районов Пенджикента, Ура-Тюбе и других мест.

Операция началась 18 марта 1923 г. Басмачи оказывали ожесточенное сопротивление. Они жгли мосты через ущелья и реки, разрушали дороги. Однако жители кишлаков восстанавливали мосты, указывали красным бойцам обходные пути, на своих плечах переносили орудия через перевалы, помогали в транспортировке боеприпасов и продовольствия, вывозили раненых в тыл. Организуя добровольческие отряды, местное население брало под охрану освобожденные кишлаки, давая возможность частям Красной Армии продолжать наступление.

2 апреля был освобожден кишлак Обурдон, где располагался дворец бека. Матчинское басмачество перестало существовать. Лишь незначительным группам басмачей удалось пробиться через горные перевалы. Некоторые присоединились к Фузайлу Максуму, другие ушли в Ферганскую долину. Холбута со 150 басмачами скрылся в горах Каратегина. В бандах, терпевших одно поражение за другим, усилились брожение и распри. В ходе этой борьбы Холбута был убит одним из своих подручных {329}.

Так бесславно закончилась история матчинского басмачества, принесшего много горя населению верховьев Зеравшана.

Наступившее в Средней Азии затишье еще не означало установления мира, особенно в Восточной Бухаре, где часть легализовавшихся басмачей в благоприятной для них ситуации вновь была готова примкнуть к бандитским шайкам. Центр басмачества все более перемещался за рубеж, откуда в любой момент могли прибыть (и действительно, прибывали) подкрепления. В связи с этим Политбюро ЦК РКП(б) в июне 1923 г. рассмотрело вопрос о Бухаре и приняло решение о мобилизации необходимых резервов для разгрома оставшихся банд. Политбюро [129] предложило создать Восточнобухарский ревком и сосредоточить в его руках военную и гражданскую власть. Председателем ревкома был назначен глава правительства Бухарской республики Файзулла Ходжаев {330}. Политбюро сочло также необходимым осуществить ряд мер по советизации и дальнейшей демократизации правительства БНСР. Решение Политбюро ЦК РКП (б) мобилизовало местные партийные, советские органы, бойцов и командиров Красной Армии, все трудовое население на разгром оставшихся банд.

Для практического осуществления указаний Политбюро и оказания помощи Бухарской Компартии в Бухару был направлен секретарь ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак. На пленуме ЦКБКП, состоявшемся 22 июля 1923 г., был заслушан доклад Я. Э. Рудзутака «О национальной политике Коммунистической партии в свете решений XII съезда РКП (б)». Участники пленума выдвинули ряд предложений по укреплению Советской власти. Была подвергнута резкой критике деятельность Совета назиров, в составе которого были выходцы из среды купцов, торговцев, мулл и не имелось ни одного дехканина {331}.

В свете указаний Политбюро ЦК РКП (б) в Бухаре были осуществлены важные меры по укреплению Советской власти, в первую очередь чистки центральных партийных и советских учреждений. Была проведена проверка и перепись членов БКП, введен единый партбилет, укреплены вилоятские парткомы и созданы партячейки, не существовавшие до сих пор в составе Компартии Бухары.

Среди басмаческих главарей усилилась грызня. С Салим-пашой намеревались свести счеты Барат-бек и Усманкул-бек. Это обстоятельство ускорило побег Салим-паши за границу. 15 июля 1923 г., сопровождаемый телохранителями-турками, он переправился через Амударью и возвратился на территорию Афганистана {332}.

Завершив разгром основных сил Салим-паши и Ибрагим-бека, командование Красной Армии приступило к ликвидации третьего очага басмачества, действовавшего на территории Каратегина и Дарваза. Здесь главную опасность представляли басмачи Фузайла Максума. С отрядом в 1500 человек он находился в Гарме. Сюда были направлены стрелковые и кавалерийские части. Небольшой авангард с хода опрокинул басмаческие заграждения у кишлака Дубурсы, обеспечив быстрое сближение наступавших частей с основными силами басмачей. Красная Армия быстро преодолела горные перевалы. 29 августа 1923 г. после непродолжительного, но тяжелого боя Гарм был освобожден. Сам Фузайл Максум, преследуемый по пятам, перешел советско-афганскую границу. Против этой группировки басмачей вместе с регулярными частями, как и в других операциях, действовали отряды местных добровольцев.

Разгром основных сил басмачества в Восточной Бухаре, Самаркандской [130] области и Матчинском уезде привел к тому, что часть разбитых шаек и их курбаши бежали в Афганистан. Избавившись от соперников, Ибрагим-бек получил возможность

осуществить свою давнюю мечту: стать главарем всех басмачей Бухары. Это удерживало его на советской территории. Он обратился к бывшему эмиру Бухары и некоторым афганским деятелям с письмом, в котором сообщал о бегстве в Афганистан многих недобитых групп. Ибрагим-бек указывал, что с оставшимися бандами не способен вести бои, и просил помощи. В случае отказа он грозил уйти за границу {333}.

В ответ на это письмо Сейид Алим-хан назначил Ибрагим-бека главой басмачества Восточной Бухары и своим наместником. Ему была обещана помощь и предлагалось продержаться до ее прихода {334}.

Опытный и хитрый тактик, Ибрагим-бек уклонялся от столкновений с пограничниками и частями Красной Армии, концентрируя свои силы в горных и пустынных районах {335}. Его банды занимались главным образом грабежом и диверсиями. Оружие и боеприпасы Ибрагим-беку шли из-за границы. Оттуда же ему присылали и людей. Однако далеко не всем зарубежным басмачам удавалось влиться в банды Ибрагим-бека. Многих из них уничтожали или задерживали советские пограничники при переходе государственной границы.

Бухарская коммунистическая партия и правительство Бухарской республики продолжали принимать меры по борьбе с басмачеством, особенно в районах Локая.

28 июля 1923 г. Реввоенсовет Восточной Бухары принял постановление об изменении административного деления и о созыве курултаев племен, на которых должны были решаться вопросы усиления борьбы с басмачеством и укрепления Советской власти, помощи беднякам. Расширялась материальная помощь населению. 23 августа город Душанбе получил различных товаров на 95 тыс. руб.

Командование Красной Армии и местные органы власти созвали совещание вождей и влиятельных лиц племен, на котором предложили всем, кто хранит и носит оружие, сдать его властям. Чтобы сорвать это мероприятие, Ибрагим-бек, не завершив намеченной подготовки к развертыванию активных действий в Восточной Бухаре, попытался поднять население Локая против Советской власти, но дехканство не поддержало его, а прибывшие в Локай части Красной Армии вынудили небольшие басмаческие группы возвратиться в горы.

В сентябре 1923 г. Ибрагим-бек вновь попытался поднять население Локая против Советской власти. Он намеревался воспользоваться, как ему казалось, благоприятной обстановкой. Дело в том, что в сентябре отслужившие установленный срок службы красноармейцы и младшие командиры увольнялись в запас; на смену им прибывали новобранцы, не имевшие опыта [131] борьбы с басмачами. Но басмачи терпели поражения в результате не только героических действий бойцов и командиров Красной Армии, но и все возраставшей активности самих трудящихся. С особенной остротой Ибрагим-бек почувствовал это теперь: в Локае не было советских войск, и тем не менее попытка заставить хотя бы часть населения идти в банды провалилась.

Готовясь к выступлению, курбаши собирали всех, кого могли, и прежде всего ранее разбежавшихся басмачей. Каждому курбаши отводился определенный район действий. Алла Назар направился в Куляб, Исмат — в Бальджуан, Гаирбек — в Файзабад и так далее. Сам Ибрагим-бек с отрядом в 200 человек двинулся в Яван {336}.

В помощь Ибрагим-беку находившиеся за рубежом вдохновители контрреволюции мобилизовали басмачей, бежавших в Афганистан, сконцентрировали их вблизи советской границы.

Ибрагим-бек старался поднять моральный дух басмачей. Важнейшим способом достижения этой цели он считал победу, пусть даже незначительную, в бою с Красной Армией. Чтобы наверняка добиться такой победы, Ибрагим-бек наметил небольшой гарнизон, располагавшийся в кишлаке Нарын. Туда он направил банду, которая по численности превосходила гарнизон в десятки раз. Двое суток длился бой. Красноармейцы стойко дрались. На третьи сутки, 23 сентября 1923 г., на помощь осажденному гарнизону прибыл отряд в 22 человека. Вблизи Нарына отряд столкнулся с группой Игамберды (400 человек), блокировавшей подступы к кишлаку. Часть басмачей, штурмовавших кишлак, бросилась на помощь Игамберды. Воспользовавшись замешательством, гарнизон вырвался из окружения и ударил с тыла по басмачам. Так бесславно для Ибрагим-бека закончилась задуманная им операция.

Части Красной Армии и отряды добровольцев повели наступление на другие банды Ибрагим-бека, сосредоточившиеся в районе Джитымтау. 25 сентября здесь произошло сражение с басмачами.

Для того чтобы лишить басмачей возможности получать подкрепления из-за рубежа, Советское правительство приняло дополнительные меры по охране государственной границы. Пограничники вели борьбу с басмачами и защищали местное население в пограничных районах, проявляя при этом высокое мужество и стойкость.

18 декабря 1923 г. около 250 басмачей напали на кишлак Баба-Сакал, ограбили население и скрылись в горах. Для ликвидации банды был выслан взвод под командованием пограничника Климова. Всю ночь продолжался поиск. На рассвете басмачи были обнаружены в одном из ущелий. Командир принял решение с ходу атаковать их.

В начале боя басмачи пришли в замешательство. Но вскоре [132] курбаши поняли: численное превосходство на его стороне, и стал окружать пограничников. Басмачи с каждым часом все теснее сжимали кольцо окружения. Климов дал задание пограничникам Иванченко и Крылову пробиться с донесением к своим. Басмачи бросились за ними. В перестрелке была убита лошадь красноармейца Иванченко. Сам он при падении повредил ногу. Иванченко продолжал отстреливаться и тем самым дал возможность своему товарищу уйти от преследования и доставить донесение. Пограничник Иванченко героически погиб в неравной схватке {337}.

Летом и осенью 1923 г. партийные и советские органы Бухарской народной республики проводят в жизнь новые политические меры по борьбе с басмачеством. Особое значение имело дальнейшее привлечение в органы власти трудящихся масс. В Восточной Бухаре были повсеместно проведены национальные, вилоятские и тюменские курултаи. Их участники на 98% состояли из дехкан и кустарей, и только 2% делегатов были представителями эксплуататорских классов и мулл.

14 августа 1923 г. на чрезвычайной сессии БухЦИКа был принят декрет об изменении текста конституции БНСР, действовавшей с сентября 1921 г. В декрете подчеркивалось, что изменение статей конституции направлено на то, чтобы создать мощный, подлинно советский аппарат государственного управления, действительно близко стоящий к широким трудящимся массам и могущий охранять интересы этих масс от посягательств

эксплуататорских классов. Декрет расширил контроль трудящихся над работой органов власти. Эксплуататорские классы лишались избирательных прав. На сессии было также утверждено положение о вилоятских исполкомах (ревкомах). Было проведено новое административно-территориальное деление. В Восточной Бухаре создаются пять вилоятов — Душанбинский, Гармский, Кулябский, Курган-Тюбинский и Сары-Ассийский.

Одновременно осуществлялись и экономические реформы.

Большую роль в борьбе с басмачеством сыграла проведенная в ноябре 1923 г. земельная реформа в Локайской долине. Она подорвала экономические корни байско-феодальной верхушки. Дехканин-бедняк впервые получил земельный надел. Положение бедняка и середняка еще более улучшилось благодаря одновременно проведенной налоговой реформе. С середняцких хозяйств налоги значительно сокращались, а бедняки, нуждавшиеся в помощи, вовсе освобождались от них. По примеру Советского Туркестана в БНСР начали создаваться союзы «Кошчи», объединявшие в своих рядах трудящихся дехкан. Эти и другие экономические и политические мероприятия значительно упрочили Советскую власть в Восточной Бухаре. Впервые делегации этого района участвовали в работе IV съезда Советов БНСР (октябрь 1923 г.). Съезд обратил особое внимание на [133] оказание помощи населению Восточной Бухары. На съезде было принято решение образовать автономную Туркменскую область. Съезд постановил привлечь к судебной ответственности некоторых назиров, связанных с басмачеством.

Средазбюро ЦК РКП (б) и Компартия Бухары вели большую работу по созданию и организационному оформлению местных партийных организаций в Восточной Бухаре. Было создано Оргбюро БКП в Восточной Бухаре. Местные партийные организации, несмотря на их малочисленность (например, в Душанбинской городской парторганизации на 1 января 1923 г. насчитывалось всего 12 коммунистов) {338}, стали подлинными организаторами разгрома басмачества. Дальнейшему идейно-организационному укреплению всей партийной организации Бухары во многом способствовали решения VIII (IV) Всебухарского съезда партии (январь 1924 г.)

Немалую роль в мобилизации народа на борьбу с басмачеством сыграла экономическая и культурная помощь, оказанная Союзом Советских Социалистических Республик, и прежде всего Туркестанской республикой, народной Бухаре. Безвозмездно было передано оборудование для текстильной и бумажной фабрик, кожевенного и мыловаренного заводов, для прядильно-ткацкой фабрики «Красный Восток» и некоторых других предприятий. В Бухару из центра страны прибыли инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие. Из Бухары на учебу в Москву, Ташкент и другие города направлялись лучшие представители молодежи республики. Открывались школы, библиотеки, театры и музеи.

К концу 1923 г. позиции басмачества в Восточной Бухаре значительно ослабли. По данным оперативных сводок командования Красной Армии видно, что с сентября по конец декабря 1923 г. на территории Восточной Бухары было уничтожено или взято в плен 117 курбаши, 1565 рядовых басмачей, 1200 басмачей пришли с повинной. По неполным данным, в разрозненных бандах к концу 1923 г. оставалось немногим более 3 тыс. человек. Часть активных сторонников Ибрагим-бека все отчетливее стала сознавать бесперспективность борьбы с народной властью. Некоторые из них начали отходить от басмачества и даже убеждать Ибрагим-бека прекратить разбойные действия. В конце октября 1923 г. группа старейшин племени исанходжа обратилась к нему с предложением

сложить оружие. Однако он все же еще надеялся на успех и продолжал бороться против Советской власти.

Основными базами басмачей стали высокогорные районы, безлюдные пески Туркмении и приграничные районы сопредельных стран, куда бежали баи, беки, реакционная часть духовенства, родовая знать и другие враждебные Советской власти элементы. Значительные силы басмаческой контрреволюции переместились за рубеж. [134]

Бывший бухарский эмир, находившийся за границей, делал все, чтобы активизировать контрреволюционные выступления. Он щедро раздавал титулы и чины. Особенно много титулов получил Ибрагим-бек.

В начале 1924 г. зарубежная и внутренняя контрреволюция сумела вновь оживить басмачество на территории Восточной Бухары.

Ибрагим-бек в это время находился на левом берегу Вахша. В Локае оставались и иногда давали о себе знать сравнительно небольшие басмаческие группы. Однако из-за рубежа делали вылазки все новые и новые банды. Еще в декабре 1923 г. в Восточную Бухару прорвались из-за границы три крупные басмаческие группы. Готовилось к переброске еще несколько банд. Все они были хорошо вооружены. Опора на банды, сформированные на территории сопредельных стран, была ярким свидетельством коренных социальных изменений в Восточной Бухаре, где контрреволюция теряла всякую опору среди трудового населения.

Местные органы Советской власти и командование Красной Армии принимали эффективные меры против басмачей.

Важную роль в разложении басмаческого стана сыграло Вселокайское совещание, проведенное 25 декабря 1923 г., на котором присутствовали все муллы локайских племен. Они единодушно признали, что Советская власть не противоречит мусульманской религии и, следовательно, басмачи, выступая против Советской власти, не могут связывать свои действия с защитой ислама. Решение религиозных авторитетов оказало огромное влияние на верующих Восточной Бухары. Особое значение имел тот факт, что совещание обязало всех мулл вести агитацию против басмачества. Недаром Ибрагим-бек расценил решение совещания как измену исламу. Он понимал, что время работает против него.

В последних числах декабря 1923 г. и в начале 1924 г. Ибрагим-бек предпринял новую попытку объединить басмачей всей Восточной Бухары, прежде всего Гиссара и Локая. На деле подчинение получилось относительным: курбаши согласовывали с Ибрагим-беком лишь общие вопросы антисоветской борьбы. Тем не менее численность басмачей под главенством Ибрагим-бека в зимние месяцы 1924 г. выросла до 2500 человек. Для их ликвидации были сформированы два специальных отряда и сводный бухарский пограничный отряд. При активном участии местного населения к концу января 1924 г. большинство мелких групп было разбито. Многие басмачи явились в советские органы с повинной. Ибрагим-бек вновь ушел в Гиссарскую долину.

В разгроме банд зимой и весной 1924 г. важную роль сыграла гибкая политика, проводившаяся местными партийными и советскими органами среди духовенства и влиятельных лиц племен. [135] Мероприятия, подобные Вселокайскому совещанию, зимой 1924 г. устраивались и в других районах Восточной Бухары. На них принимались

обращения к басмачам с призывом возвратиться к мирному труду. Такие воззвания обычно скреплялись подписями духовных лиц. «Народ устал, народ разорен басмачеством и требует немедленно сдать оружие, за что Советской властью будут помилованы все джигиты и курбаши будут помилованы», — говорилось в одном из обращений. Еще более серьезным предостережением басмачам было воззвание к верующему населению, подписанное от имени всех улемов Бухарской республики 113 духовными лицами. В нем, в частности, говорилось: «Обращение наше имеет одно желание — избавить народ от тревоги и бедствий басмачества. Если же это обращение басмачами будет отвергнуто, если они и далее будут вредить мирному населению, тогда против басмачей необходимо обратить самые решительные меры, все население в этом деле должно идти на помощь, указывая, где скрываются басмачи, где находится их оружие, и это поведет к скорейшему концу басмачества, к установлению мира, порядка и честной жизни» {339}.

Разумеется, не все духовенство и не все влиятельные лица племен активно поддерживали борьбу с басмачеством. И тем не менее выступление части духовенства и авторитетных представителей племен против басмачества свидетельствовало о том, что контрреволюция, в том числе главари банд, теряли опору в племенах.

Ибрагим-бек и его хозяева за рубежом все еще не хотели складывать оружия, хотя и оказались вынуждены временно прекратить вооруженную борьбу. Они вновь изменили тактику, вступив, как уже не раз в таких случаях бывало, в переговоры с органами Советской власти. Но переговоры не дали результатов. Тактика проволочек обозначилась на первых же встречах, на которых Ибрагим-бек предъявлял необоснованные требования. То он требовал отложить капитуляцию на год, то не соглашался с составом делегации и т. д. Снова начались военные действия.

11 февраля 1924 г. сводные отряды нанесли Ибрагим-беку еще один удар. Басмачи потеряли в этом бою 80 человек. В последующие дни часть басмачей добровольно сложила оружие.

Ибрагим-бек скрылся в горах. Он посылал мелкие группы в разбойничьи набеги на кишлаки, продолжал терроризировать население.

В апреле 1924 г. на территории Средней Азии действовало несколько тысяч басмачей {340}. К лету 1924 г. Ибрагим-бек снова собрал отряд в 600 человек из Локая, Душанбе и Бабатага {341}. Основные силы отряда находились в районе кишлака Аул-Киик. Басмачи поджигали посевы, забирали у дехкан хлеб и скот, расправлялись с «непослушными», но избегали столкновений с частями Красной Армии и отрядами народных добровольцев. [136]

Однако им не всегда удавалось уходить от преследования. В бою с эскадром 10-го кавалерийского полка банда Ибрагим-бека потеряла 30 человек убитыми и 50 ранеными. После этого Ибрагим-бек перебазировался в Арал-Тугай. Туда направился сводный дивизион 66-го полка и эскадрон 65-го кавалерийского полка, в котором преобладали новобранцы. Надеясь воспользоваться этим, Ибрагим-бек решил вступить в бой. Однако неопытные красноармейцы дрались мужественно. Басмачи не выдержали кавалерийской атаки и обратились в бегство. Этот бой обошелся Ибрагим-беку в 50 человек убитыми. В числе погибших оказался начальник его личной охраны.

Главные силы басмачей сосредоточивались в это время в районе Куляба. Маневрируя в сложных горных условиях, басмачи избегали фронтальных столкновений и были

трудноуловимы. Для их ликвидации командование направило прославленную в боях 6-ю отдельную Алтайскую кавалерийскую бригаду во главе с героем гражданской войны Н. Д. Томиным {342}. Когда бригада в конном строю подходила к Кулябу, Томин, не доезжая до города, сошел с коня и приказал всем бойцам спешиться. «Мы не завоеватели, а освободители, — сказал он. — Поэтому мы должны войти в город пешим порядком. Это уважение к народу» {343}.

В июне 1924 г. 300 басмачей курбаши Акбартугсабо напали на штаб бригады, располагавшийся в Кулябе. Штабная охрана смело вступила в схватку и стойко обороняла крепость, в которой размещались штабные подразделения. В упорном бою басмачи потеряли 170 человек убитыми и ранеными и отступили.

Летом 1924 г. основные силы басмачей в Кулябском вилояте были разбиты. Оставшиеся мелкие группы продолжали нападать на караваны, небольшие гарнизоны, совершать набеги на кишлаки.

Успехи в борьбе с басмачеством дали основание Компартии Бухары и Бухарскому ЦИКУ принять ряд мер по укреплению Советской власти в Восточной Бухаре. В мае 1924 г. Компартия Бухары приняла решение об упразднении ревкомов и создании органов Советской власти на всей территории Восточной Бухары. БухЦИК 28 мая 1924 г. принял постановление «О советизации Восточной Бухары», на основании которого Чрезвычайная диктаторская комиссия прекратила свое существование. Вместо нее был создан Временный Центральный Исполнительный Комитет Советов народных депутатов Восточной Бухары. Летом 1924 г. развернулась избирательная кампания по выборам в джамагатские (сельские), кентские, тюменские и вилоятские съезды народных представителей. В начале сентября 1924 г., после выборов местных органов Советской власти, состоялся съезд Советов Восточной Бухары.

Сентябрь 1924 г. был знаменательным для жизни всей Бухарской [137] Народной Советской Республики. В этом месяце V Всебухарский съезд Советов постановил преобразовать Бухарскую Народную Советскую Республику в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику. В постановлении съезда подчеркивалось, что главной задачей народов Бухары — узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, казахов, между которыми существует полное равенство, является «осуществление перехода к социализму путем проведения социалистических преобразований и подавления всех контрреволюционных выступлений против пролетариата и его диктатуры» {344}. Бухарская Советская Социалистическая Республика заявила о своем братском единстве со всеми социалистическими республиками и с великим Союзом Советских Социалистических Республик.

Переход БНСР на путь строительства социализма стал возможен в результате значительных успехов, которые были одержаны трудящимися Бухары за 1920–1924 гг., укрепления Советской власти, мобилизации всех сил и средств на борьбу со злейшими врагами народа — басмачами.

Для организации борьбы с бандами на территории Средней Азии в сентябре 1924 г. были созданы центральные, республиканские и областные постоянные совещания по борьбе с басмачеством. В состав каждого совещания входили председатель исполкома (в качестве руководителя), ответственный секретарь партийного органа, командир и комиссар воинского соединения, находившегося на территории республики или области, начальник ГПУ, заведующий финорганами, руководитель рабоче-крестьянской инспекции и

прокурор. Центральное совещание по борьбе с басмачеством находилось в Ташкенте. Его возглавлял председатель Средазбюро ЦК РКП (б), заместителем являлся председатель Совнаркома Узбекистана. Позднее совещания стали называться комиссиями по борьбе с басмачеством.

Был взят курс на координацию всех сил и средств для борьбы с басмачеством. Все шире развертывалась работа по разложению басмаческих групп и склонению их к добровольной сдаче.

В ответ на принятые Советской властью меры вдохновители и организаторы контрреволюционных выступлений, стремясь гальванизировать басмачество, с декабря 1924 г. начали переброску крупных групп из-за рубежа. Только пограничники пикета Куи-Кара-Комар дважды вступали в бой с басмачами, пытавшимися прорваться на советскую территорию.

С 15 по 23 декабря 1924 г. на территорию Каршинского района проникло 350 басмачей, которые развернули террористическую деятельность против активистов, партийных и советских работников, дехкан, сочувствовавших Советской власти.

В конце декабря 1924 г. Ибрагим-бек снова прибыл в Локай. Ему вновь удалось собрать под свое начало почти всех басмачей Восточной Бухары. В общей сложности их насчитывалось до тысячи. [138]

Группы формировались своеобразным путем. Не доверяя дехканству, главари делили басмачей на добровольцев из числа зажиточных и явно враждебных Советской власти элементов (это была их опора) и аскеров, мобилизованных насильно {345}.

Среди аскеров немало было таких, которые не только не хотели примыкать к басмачам, но и стремились использовать свое вынужденное пребывание в банде для ее разложения и при случае покидали басмаческие становища.

Ибрагим-бек старался повысить среди басмачей организованность и дисциплину. Всех басмачей, заподозренных в недостатке жестокости или в чем-то провинившихся, направляли в специальный («штрафной») отряд. Вводился списочный учет басмачей, конского состава, вооружения, боеприпасов и снаряжения. Устанавливалась система подчинения мелких курбаши более крупным. Налаживалась осведомительная служба, для которой привлекались бывшие чиновники бухарского эмирата и реакционное духовенство.

Для грабежа населения (под видом сбора различных податей и налогов) выделялись специальные группы. Если население отказывалось платить налоги, применялась сила. «Сборщики налогов» подчинялись лично Ибрагим-беку. Такая система позволяла ему держать под своим контролем награбленное и использовать его в целях личного обогащения, а также для содержания бывшего бухарского эмира с его окружением.

В результате действий банд затруднялось восстановление нормальной жизни в плодородных Гиссарской и Вахшской долинах.

О постоянном руководстве басмачами на территории Советской Средней Азии из-за рубежа свидетельствуют письма, захваченные у Ибрагим-бека. В них давались установки,

как действовать, сообщалось о назначениях, повышении в должностях и т. д. {346}. В свою очередь, басмачи переправляли за границу собранные ими шпионские сведения.

В этой переписке, относящейся к 1925 г., есть много фактов, свидетельствующих о том, что некоторые племена и роды в полном составе выступали против басмачества. Загнанные насильно в банды, дехкане совершали массовые побеги. В письме Ибрагим-беку курбаши Темир сообщал, что он не может доставлять продукты, так как в районе реки Кафирниган все басмачи разошлись по домам, «население стало ненадежным, поймают и свяжут аскеров» {347}.

Находившиеся за границей муллы писали Ибрагим-беку и его курбаши: «...некоторые люди присоединились к вам и снова отпали от вас, просим, чтобы вы сообщили, кто эти люди, и согласно шариату означенные жители будут объявлены безбожниками на основании шариата и тем же шариатом будут осуждены на смерть» {348}.

Ибрагим-бек принимал отчаянные меры, чтобы спасти от [139] разгрома басмаческие шайки. Он стремился оказать на население психологическое давление, заставить его поверить в силу басмачей. С этой целью он отдал курбаши распоряжение активизировать диверсионную деятельность, «разрушать телеграфные линии, поджигать склады и т. д.» {349}. Одновременно Ибрагим-бек организовал специальные группы, которые направлялись в аулы и кишлаки для проведения антисоветской пропаганды и осуществления террора против непокорных.

В первых числах января 1925 г. Ибрагим-бек совершил рейд в долину Сурхана, в районы Шерабада и Байсуна, преследовавший главным образом разведывательные цели. Вожаки басмачества лишний раз убедились во враждебном отношении трудового населения. Дехкане в короткое время создали добровольческие отряды. Всего за пять дней в одной Гиссарской долине было сформировано четыре добровольческих отряда общей численностью 400 человек. Один отряд в 100 человек создали дехкане племени Исанходжа.

Зимой 1925 г. шел процесс активной сдачи басмачей органам Советской власти, особенно в районах Кашкадарьи и Сурхандарьи. Разложению басмачества способствовали проводимые Советским правительством земельно-водные мероприятия в пользу дехкан, что вызвало среди басмачей заметную тягу к мирному труду. Аскеры требовали роспуска по домам на сельскохозяйственные работы. Опасаясь окончательного развала банд, отдельные курбаши вынуждены были временно отпускать басмачей по кишлакам.

Но, как и раньше, приход с повинной не всегда означал искреннее раскаяние. Пользуясь амнистией и гуманными законами Советской власти, часть басмачей перешла на легальное положение, чтобы выиграть время, уладить родовую и племенную вражду, а затем, выбрав удобный момент, вновь развернуть борьбу против Советской власти.

Многие сдавшиеся органам Советской власти басмачи хранили при себе оружие, в том числе пулеметы, в ряде мест продолжали собирать различные подати с населения в свою пользу, поддерживали связи с укрывшимися в горах курбаши. Так, курбаши Берды-Дотхо использовал переговоры о сдаче советским органам для того, чтобы запастись продовольствием и подготовить басмачей к новым налетам. Это лишний раз свидетельствовало о коварстве басмаческих вожаков, требовало от трудящихся масс, партийных и советских органов, командиров и красноармейцев постоянной бдительности и высокой боевой готовности.

Басмачи наносили колоссальный ущерб экономике Таджикистана. Об этом красноречиво говорят такие цифры: с 1919 по 1925 г. количество овец уменьшилось с 5 млн. до 120 тыс., коз — с 2,5 млн. до 300 тыс. Постоянные опустошительные набеги басмачей вынудили население ряда районов, где концентрировались [140] банды, покинуть обжитые места. За это же время численность населения в зонах активного действия басмаческих банд значительно сократилась, а в отдельных районах практически его не стало: все ушли туда, где позиции Советской власти были прочными. Так, в Курган-Тюбинском районе из 36 кишлаков осталось 5. Катастрофически сократилась численность населения в Гиссарском районе.

ЦК РКП (б) продолжал внимательно следить за ходом классовой борьбы в Средней Азии. Политбюро ЦК РКП(б) 27 января 1925 г. вновь рассмотрело вопрос о басмачестве и утвердило разработанные Средазбюро меры по ликвидации банд. Вместе с тем оно указало на необходимость более решительных действий против басмачества в Восточной Бухаре. Для этого имелись более благоприятные условия, чем в предыдущие годы. Численность банд значительно уменьшилась. Национально-государственное размежевание и создание Таджикской АССР со столицей в Душанбе обеспечивало решение многих социально-экономических и политических проблем с учетом особенностей края.

Меры по усилению охраны государственной границы сковывали силы басмачей. Однако в те годы еще не было таких средств, которые бы обеспечивали плотное и надежное ее прикрытие в сложных условиях горной местности. Басмачи находили лазейки и переправляли Ибрагим-беку оружие, боеприпасы и людей.

Получив подкрепление в живой силе и вооружении, Ибрагим-бек весной 1925 г. возобновил боевые действия. 18 апреля 1925 г. Ревком Таджикской АССР объявил республику на военном положении {350}.

Большое значение в дальнейшей мобилизации коренного населения Узбекистана на борьбу с врагом имело постановление I съезда Коммунистической партии Узбекистана (февраль 1925 г.), на котором присутствовал М. И. Калинин, «О национальных формированиях» {351}, предназначенных в первую очередь для борьбы с басмачеством. В национальные формирования направлялись коммунисты и беспартийные трудящиеся. В течение 1924–1927 гг. были созданы Отдельный узбекский стрелковый батальон, Отдельный узбекский кавалерийский дивизион, Отдельная узбекская стрелковая рота, Отдельная узбекская конновьючная батарея, Отдельный таджикский кавалерийский дивизион, Отдельный туркменский кавалерийский дивизион, Отдельный киргизский кавалерийский эскадрон, Казахский кавалерийский полк {352}.

Большим событием для всего Туркестанского фронта было вручение 13-му стрелковому корпусу, оперировавшему против басмачей (комкор — герой гражданской войны И. Ф. Федько), знамени Коммунистической партии Великобритании на I Всеузбекском съезде Советов, состоявшемся в феврале 1925 г. [141]

Весной 1925 г. была проведена ударная координированная кампания по борьбе с басмачеством в Таджикистане, которая сочетала экономические, политические, административные и военные методы. Как всегда, такая кампания сопровождалась усилением политической работы в массах.

Проводились, например, открытые судебные процессы над главарями шаек. Они раскрывали подлинное лицо басмачества, разоблачали враждебные народу взгляды, пропагандировавшиеся организаторами басмаческих банд.

Вновь создавались массовые добровольческие отряды, которые совместно с отрядами добровольной милиции сыграли большую роль в разгроме басмачей. Они дрались стойко и мужественно. Только в Гиссарском, Кулябском и Курган-Тюбинском районах в августе 1925 г. насчитывалось 16 добровольческих отрядов, в состав которых входили 327 активных бойцов {353}. Ряд бойцов добровольческих отрядов были награждены орденами Красного Знамени, а М. Султанов стал Народным героем Таджикистана {354}. Широкую известность получил добровольческий отряд кишлака Мингачар Гиссарского района, насчитывавший 50 человек и действовавший под руководством Ю. Сахибназарова. Он наводил страх на бандитов. Сопровождая караван с продовольствием, отряд вступил в бой с несколькими группами басмачей, пытавшимися захватить народное добро. Трое суток караван шаг за шагом продвигался вперед, отбивая непрерывные атаки врага. Груз был в полной сохранности доставлен к месту назначения.

В результате весенней кампании 1925 г. количество банд на территории Таджикистана к концу мая сократилось до 31 с общей численностью немногим более 400 человек. Басмачи уходили в горы и в пески. Заметнее стала проявляться межплеменная и межродовая вражда между курбаши и рядовыми басмачами. На этой почве продолжалось дробление банд на более мелкие.

В связи с неурожаем 1924 г. партийные и советские органы приняли меры для оказания помощи дехканству. Были снижены налоги, а в тех районах, где положение особенно бедственное, население полностью освобождалось от налога и ему оказывалась необходимая материальная поддержка: выделялась семенная ссуда, создавались специальные комиссии по проведению посевной кампании, восстанавливались арыки, благоустраивались кишлаки. Огромная работа была проведена по оказанию помощи голодающим в Локайском, Кулябском и Гармском вилоях, наиболее пострадавших от засухи и басмаческих грабежей.

Местные партийные и советские органы организованно переселяли часть дехкан в плодородные районы, на земли бывших баев. Не ослабевала массово-политическая работа. В кишлаках проводились митинги, делались доклады о задачах и достижениях [142] Советской власти, о целях басмаческих банд и их зарубежных руководителей и вдохновителей. Совнарком СССР выделил Таджикистану крупные дотации, снял с республики все недоимки по сельскому хозяйству.

2 июня 1925 г. на пленуме Средазбюро ЦК РКП (б) вновь рассматривался вопрос о состоянии борьбы с басмачеством. Пленум наметил дополнительные мероприятия по завершению разгрома басмачей, указал на необходимость работы среди духовенства с целью отрыва его от басмачества.

Почти ежедневно одиночки и мелкие группы басмачей приходили с повинной {355}. Только за первые 10 дней июня 1925 г. добровольно сдались советским властям 142 человека, из них 10 курбаши.

Трудящиеся часто направляли делегатов в банды с требованием сдачи советским властям, задерживали появившихся в кишлаках басмачей. Укреплялась связь дехкан с Красной Армией и пограничниками. Красноармейцы и пограничники не только защищали

население от грабежа, террора и насилия, но и помогали ему в благоустройстве кишлаков, сельскохозяйственных работах, участвовали в политической работе.

К концу мая 1925 г. во многих районах Средней Азии крупных басмаческих групп практически уже не было. В Самаркандской области, например, сохранялись лишь мелкие группы (два — четыре человека), которые скрывались по кишлакам, лишь время от времени давая о себе знать отдельными террористическими актами и грабежами.

Более сложным оставалось положение в пограничных районах Таджикистана. Но и здесь не прекращалась добровольная сдача басмачей советским властям. Отдельные курбаши даже публично каялись перед населением в своих злодеяниях. Так, курбаши Халар-бек на многолюдном митинге просил у дехкан прощения и пощады и дал торжественную клятву искупить свою вину активной помощью Красной Армии. В июне 1925 г. в кишлаке Норы добровольно сдался советским властям курбаши Абдраим с 12 басмачами {356}. А вскоре его примеру последовали помощник Ибрагим-бека Мулла-Турды, пулеметчик Ибрагима Мулла-Кенджа и многие другие {357}.

К концу июня 1925 г. почти полностью были очищены от басмаческих банд Душанбинский, Кафирниганский, Файзабадский и еще ряд районов. В донесении командования Туркестанского фронта от 7 июля 1925 г. об обстановке в Таджикистане говорилось: «...борьба с шайками на всех участках Таджикистана идет успешно. Настроение бойцов хорошее... Дехканство все активнее втягивается в борьбу с басмачеством путем организации добровольных мусульманских отрядов — палочников, выполняющих большую работу по розыску банд и моральному воздействию на шайки... Под натиском военного нажима, а также экономических и политических мероприятий басмаческие шайки деморализованы... [143] сдача басмачей и отдельных курбаши продолжается» {358}.

Схватки с басмачами проходили почти исключительно в приграничных районах. В отдельных случаях бои на границе принимали затяжной характер, длились от 5 до 11 часов {359}.

Но чем безнадежнее становилось положение контрреволюции, тем более усиливался террор последних басмаческих банд против трудящихся, активно поддерживавших Советскую власть. В мае 1925 г. в районе Кафирнигана басмачи расстреляли нескольких жителей, в районе Явана зарубили двоих дехкан и троих аксакалов. По приказу Ибрагим-бека были расстреляны аксакалы и курбаши, решившие отказаться от борьбы против Советской власти {360}.

Для совершения террористических актов Ибрагим-бек сформировал специальные группы из уголовных преступников. В июне 1925 г. он приказал создать засады и заслоны, чтобы предотвращать уход басмачей из банд.

Басмачи зверски расправлялись с пленными красноармейцами. В июле 1925 г. группа пограничников численностью 14 человек под командованием Ситникова вступила в бой с бандой в 100 басмачей. Окруженные пограничники дрались до последнего патрона. Часть из них погибла в неравной схватке, некоторые были ранены. Прибывший на помощь пограничный эскадрон обнаружил на поле боя 14 изуродованных тел. Басмачи глумились над мертвыми, замучили раненых {361}.

В летние месяцы 1925 г. участились поджоги хлебов. Лишь в Караулинской долине басмачи выжгли более 600 гектаров зерновых. Большие площади зерновых они уничтожили в Локае.

Террор распространялся не только на тех, кто активно поддерживал Советскую власть, но и на все население. Расстреливали, вырезали мужчин, женщин и детей. В одном из кишлаков басмачи Берды-Дотхо сожгли 250 кибиток и зарубили 238 жителей, в том числе 56 женщин и 106 подростков. Поводом для расправы послужил отказ населения пустить басмачей в кишлак и дать им продовольствие {362}.

В районе Шахрисябза по приказу того же Берды-Дотхо население кишлака было загнано в мечеть. Там на глазах у всех басмачи зарубили восемь человек {363}. В кишлаке Беш-Булак басмачи сожгли 30 кибиток, уничтожили собранное зерно, зарубили трех дехкан, а двух мужчин и двух грудных детей бросили в горящий костер {364}.

Это поставило командование Красной Армии перед необходимостью организовать охрану кишлаков в районах, где бандиты действовали наиболее активно.

Комиссия по борьбе с басмачеством при Средазбюро ЦК РКП (б) в решении от 30 июля 1925 г. записала, что основной задачей на осенне-зимний период является организация охраны [144] порядка и личной безопасности граждан, а также преследование басмаческих шаек и их уничтожение. Особое внимание обращалось на закрепление достигнутых успехов в районе Душанбе и в Локае, на усиление борьбы с бандитскими формированиями в пограничных районах Таджикистана, а также в Сурхандарьинской и Кашкадарьинской местностях Узбекистана.

Наряду с боевыми отрядами добровольцев создавались отряды самообороны из дехкан. Одновременно укреплялись органы милиции, активно участвовавшие в борьбе с басмачеством.

Органы Советской власти усилили контроль за сбором налогов, лишив тем самым басмаческих главарей возможности заниматься незаконными поборами с населения. Для активного привлечения трудящихся к контролю над деятельностью местных органов власти повсеместно учреждались рабоче-крестьянские инспекции и комиссии содействия им.

Партийный и советский аппарат на местах, политорганы Красной Армии и пограничных войск постоянно вели политико-массовую работу среди населения. Дехкане широко поощрялись за активную поддержку мероприятий, проводимых Советской властью, и за участие в борьбе с басмачеством.

В районы, где не хватало продуктов питания, увеличивался их подвоз, выделялись семена для посева. Принимались меры по развитию кустарной промышленности, совершенствовались средства связи, пути сообщения. Изыскивались возможности для ускорения строительства железной дороги между Термезом и Душанбе.

Тем временем Ибрагим-бек получил новые подкрепления из-за рубежа и частично за счет внутренних контрреволюционных сил. К осени 1925 г. в его подчинении находилось примерно 12 групп общей численностью около 400 человек.

Части Красной Армии, пограничные войска, добровольческие отряды провели успешный рейд по поиску и ликвидации отдельных басмаческих шаек. В ходе рейда они основательно потрепали группировки Ибрагим-бека и Хурам-бека в горном районе Бабатага и Сурхандарьи.

В Сурхайдарьинском районе в течение нескольких дней пришли с повинной вместе с курбаши три группы басмачей (53 человека){365}.

Ряд банд был ликвидирован на территории Узбекистана, в том числе шайки Саид-Мурата и Турды-бая, которые продолжительное время скрывались в горах Каратау. После этого террористические действия басмачей на территории Узбекистана резко сократились.

Новые поражения басмаческих формирований способствовали их дальнейшему разложению не только на советской территории, но частично и за рубежом. По данным на 22 октября 1925 г., на среднеазиатском участке государственную границу [145] перешли и добровольно сдались советским властям около 4 тыс. человек (басмачи с семьями).

Но Ибрагим-бек по-прежнему получал из-за рубежа оружие, боеприпасы и обмундирование. В конце 1925 г., например, брат бывшего эмира Бухары направил ему крупную партию снаряжения и боеприпасов. Стан Ибрагим-бека часто навещали агенты английских специальных служб, которые проводили инструктаж, привозили деньги, разрабатывали способы доставки оружия, экипировки. Только в конце сентября и начале октября 1925 г. на стоянках басмачей побывало четыре английских разведчика{366}.

Пограничники и местное население проявляли героизм в борьбе с басмачами. 8 января 1926 г. границу перешла хорошо вооруженная банда из 60 человек. Ее обнаружила группа пограничников в составе пяти человек. Старший группы красноармеец Прыщенко немедленно направил на заставу бойца с донесением. Своевременное сообщение обеспечило прибытие еще двух групп, по семь человек каждая. Командование объединенными группами принял помощник начальника заставы по политчасти Сафонов. Басмачи не выдержали натиска и бежали в горы, оставив на поле боя более 20 убитых.

В начале 1926 г. численность басмачей в Средней Азии по сравнению с осенью 1925 г. еще более сократилась. На 1 сентября 1925 г., по неполным данным, в Средней Азии насчитывалось чуть более тысячи басмачей (70 — в Туркмении, более 500 — в Узбекистане и 450 — в Таджикистане){367}. К 22 февраля 1926 г. их было немногим более 430 (70 — в Туркмении, менее 60 — в Узбекистане и более 300 — в Таджикистане){368}. Но, как отмечалось на заседании комиссии по борьбе с басмачеством, проходившем 20 января 1926 г., оставшиеся банды еще представляли определенную опасность. Их численность могла увеличиться, поскольку продолжала сохраняться социальная база басмачества в лице эксплуататорских слоев населения.

В Таджикистане большинство басмачей во главе с Ибрагим-беком сосредоточилось на левом берегу Сурхандарьи. В этот же район перебрался вожак кашкадарьинского басмачества Берды-Дотхо. В начале 1926 г. среди населения стали распространяться слухи о предстоящей встрече всех главарей в целях объединения оставшихся басмаческих групп под руководством Салим-паши. Одновременно Ибрагим-бек отдал распоряжение своим прислужникам из среды реакционного духовенства и родо-племенной знати усилить антисоветскую агитацию.

Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП Узбекистана и партийная организация Таджикистана признали необходимым ликвидировать остатки банд на территории Советской Средней Азии. С этой целью весной и летом 1926 г. в Восточном Таджикистане была подготовлена комбинированная операция против басмачества. Ей предшествовала большая подготовительная работа. [146] По решению партийных и советских органов дополнительно формировались национальные части Красной Армии и отряды добровольцев, укреплялась государственная граница, особенно на речных участках. Военские части, действовавшие против басмачей, пополнялись партийными и советскими работниками для политической работы среди населения и принятия мер по укреплению местных органов власти в районах, где продолжали орудовать басмачи.

Главными ударными силами были 8-я отдельная Туркестанская кавалерийская бригада в составе 82-го и 84-го кавалерийских полков, 3-я Туркестанская стрелковая дивизия и 7-я кавалерийская бригада. В 1925–1926 гг. в боях отличился 7-й стрелковый Туркестанский Краснознаменный полк (бывший 208-й полк 24-й стрелковой Симбирской железной дивизии) 3-й Туркестанской стрелковой дивизии. Оперирова на левобережье Вахша, он контролировал территорию площадью более тысячи квадратных километров. 950 оперативных отрядов этого полка участвовало в разгроме басмачей. Активное участие в боях приняли пограничники, таджикский кавалерийский дивизион и узбекский стрелковый батальон.

Операцией руководили прославленный полководец, герой гражданской войны, член Реввоенсовета СССР С. М. Буденный, прибывший в Среднюю Азию весной 1926 г., и командующий Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевский {369}. В знак особых заслуг в борьбе на среднеазиатских фронтах С. М. Буденный был награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР {370}.

Операция проводилась на широком фронте, с тем чтобы сковать басмаческие шайки, не дать им возможности бежать за границу и их разгромить.

В ходе боев Ибрагим-бек, зажатый со всех сторон, в ночь на 21 июня 1926 г. под небольшой охраной сумел бежать в Афганистан. Скрылся за рубежом и Хурам-бек.

В результате одержанной победы основные силы басмачей были практически ликвидированы. Если к началу операции в Средней Азии насчитывалось 73 мелкие банды, то к 1 сентября 1926 г. их осталось всего 6.

В песках Каракумов

В течение 1921–1927 гг. не прекращались басмаческие выступления в Хорезме. Особую активность проявлял Джунаид-хан.

В конце 1920 г. Джунаиду было предложено сложить оружие и искупить вину за преступления перед народом. Однако главарь басмачей отклонил это предложение. Банды Джунаид-хана продолжали совершать разбойничьи набеги на кишлаки. Командование Красной Армии приняло решение добиться полного [147] разгрома оставшихся в Хорезме шаек. Операции вели две группы Красной Армии, состоявшие из пяти рот и трех эскадронов. В боях отличился кавалерийский эскадрон под командованием одного из первых выдающихся военачальников-узбеков, Миркамиля Миршарапова, ставшего в 1921 г. председателем Реввоенсовета Хорезмской республики.

Весной 1921 г. басмачи сосредоточились у колодца Аджи-Куль. Здесь их настигли подразделения Красной Армии. Завязался бой, в ходе которого основные силы басмачей были уничтожены или взяты в плен. Остальные вместе с Джунаид-ханом бежали в пустыню и некоторое время активных действий не предпринимали.

Тем временем трудовой народ Хорезма укреплял советский строй. Трудящиеся массы, руководимые коммунистами, давали отпор младохивинцам, правые лидеры которых были связаны с басмачами.

В апреле 1921 г. в Хорезм направляется специальная комиссия Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Коминтерна во главе со знатоком Востока Д. Ю. Гопнером, уделившая особое внимание туркменским районам ХНСР. Усиливается экономическая помощь Хорезму со стороны РСФСР и Туркестана.

В мае 1921 г. состоялся II Всехорезмский курултай Советов, который рассмотрел ряд жизненно важных вопросов: земельно-водный, финансовый, о вооруженных силах, просвещении и др.

Большое внимание курултай уделил национальному вопросу, который имел серьезное значение в многонациональном Хорезме. Руководствуясь ленинским учением, курултай высказался за соблюдение равных прав за гражданами республики независимо от их родовой, племенной, расовой и национальной принадлежности. Были намечены конкретные меры по укреплению дружбы между веками проливавшими кровь в междоусобной борьбе народами — узбеками, казахами и каракалпаками. Для практического решения национального вопроса при ЦИК ХНСР были образованы два отдела: Казахско-Каракалпакский и Туркменский.

Преобразовывались органы Советской власти на местах. В их избрании уже не участвовали эксплуататорские классы, хотя родовой принцип их построения еще продолжал существовать; оставалось аксакальство, т. е. подчинение старейшине рода.

На основании решений II курултая Советов в Хорезмской республике была сформирована Красная Армия численностью в 5 тыс. человек, организованы суд, народная милиция и органы ЧК.

Курс на создание Советского государства в Хорезме проводился в условиях напряженной классовой борьбы. Пользуясь живучестью старых предрассудков, при помощи различных махинаций [148] и ухищрений представители эксплуататорских классов, националистические элементы еще сохраняли свои позиции в советских органах и в партии. Они готовили свержение Советской власти в Хорезме. В конце 1921 г. был раскрыт антисоветский заговор, возглавлявшийся председателем ЦИК ХНСР Ата Максумовым. Вместе с ним действовали народный комиссар иностранных дел Мулла-Нияз и несколько других ответственных работников. В ходе расследования Ата Максумов, Мулла-Нияз и их приближенные бежали к басмачам.

В 1922 г. Коммунистическая партия Хорезма вошла в состав РКП(б). Это событие сыграло огромную роль в жизни трудящихся Хорезма, в укреплении и развитии народного строя, в ускорении перехода к социалистическим преобразованиям. Действуя в составе РКП(б), КПХ строго осуществляла ленинские принципы национальной политики. В апреле — июне 1923 г. была проведена очередная чистка КПХ. Из 1157 членов и кандидатов партии

в ее рядах осталось 709 человек{371}. Произошло также укрупнение городских и районных комитетов. Большое внимание Компартия Хорезма уделила пополнению коммунистов за счет трудящихся. К осени 1923 г. классовый состав партии резко изменился: дехкане составляли 77% общего состава Компартии Хорезма{372}.

Выдающимся событием в жизни Хорезмской Народной Советской Республики стало преобразование ХНСР в социалистическую республику. Это произошло в октябре 1923 г. на IV Всехорезмском курултае Советов. Была принята новая Конституция, в которой декларировалось, что «Хорезм есть республика Советов рабочих, красноармейских и дехканских депутатов... Основной задачей Хорезмского Правительства является создание таких условий, при которых станет невозможным угнетение человека человеком»{373}. Конституция, предоставив избирательные права всем трудящимся, отказала в них эксплуататорам, служителям религиозных культов и всем тем, кто вел сознательную борьбу с Советской властью.

IV Всехорезмский курултай Советов снял с ответственных постов пособников басмачей (в частности, председателя Всехорезмского ЦИКа Ходжа-Бобо) и наметил меры по привлечению трудящихся в органы власти.

Реввоенсовет Туркестанского фронта по указанию Средазбюро ЦК РКП (б) принял меры по усилению борьбы с басмачеством в Хорезме. Командующий войсками Туркестанского фронта М. К. Левандовский перебросил в Хорезм части из Ферганы; национальные воинские части Хорезма укреплялись начальствующим составом, инструкторами и вооружением. Был создан Реввоенсовет Хорезмской группы войск (в составе трех представителей от ХССР и двух от Реввоенсовета Туркестанского фронта), которому поручалось руководство военными операциями против басмачей. Командующим Хорезмской группой [149] войск стал герой гражданской войны, сподвижник В. И. Чапаева, И. С. Кутяков.

Политические и военные меры по борьбе с басмачеством проводились в условиях, когда к концу 1923 г. деятельность контрреволюции в Хорезме оживилась. Басмачи развернули антисоветскую борьбу по всей республике, усилили террор против партийного и советского актива.

Новый подъем басмачества явился результатом обострения классовых противоречий на том этапе жизни народов Хорезма, когда они приступили к строительству социалистического общества. Четко обозначились лагерь революции и социализма, представленный трудящимися массами, и лагерь контрреволюции — эксплуататорские классы в лице феодалов, ханских чиновников, духовенства и выразителей их интересов — буржуазных националистов.

Главарь хорезмского басмачества сумел использовать в своих целях проводившуюся в то время кампанию по лишению духовенства земельных наделов и политических прав. Осуществлявшиеся Советской властью мероприятия, естественно, порождали у духовенства недовольство, а у некоторой части верующих — колебания. Играя на религиозных чувствах, опираясь на помощь реакционного духовенства и байства, используя недовольство части дехкан, вызванное некоторыми ошибками, допущенными хорезмскими коммунистами в проведении социалистических преобразований, Джунаидхан довел численность своих отрядов до 9 тыс. человек.

В январе 1924 г. в ряде районов ХОСР вспыхнул антисоветский мятеж. В его подготовке активную роль играл скрывавшийся в песках Джунаид-хан.

Джунаид-хан захватил Ташауз, Питняк, Гурлен, Газабад и другие населенные пункты. 10 января 1924 г. ожесточенные бои разгорелись вокруг Хивы. 19 января Джунаид-хан осадил Хиву и Ново-Ургенч.

На защиту столицы республики поднялись трудящиеся. Был создан Ревком, разработавший план защиты города. В авангарде защитников находились коммунисты и комсомольцы. В считанные дни они создали добровольческий отряд в 500 человек и вместе с 90 бойцами 4-го Туркестанского кавалерийского полка и 200 красноармейцами 3-го стрелкового батальона стойко обороняли Хиву от басмачей. К городу подтягивались закаленные в боях части Хорезмской группы войск.

В песках Каракумов развернулись операции большого размаха. Части Туркфронта, спешившие на помощь трудящимся Хорезма, первыми в истории Красной Армии совершили переход через пустыню {374}.

Джунаид пытался психологически воздействовать на защитников города. Перед стенами Хивы басмачи зверски пытали пленных бойцов, захваченных партийных, советских работников, [150] активистов. Тяжело раненному командиру 2-го кавалерийского эскадрона Анжелло выкололи глаза, отрубили руки. Отсеченную голову насадили на шест и выставили у ворот крепости. В Питняке, Ташаузе, Тахты было истреблено более 200 советских служащих. Однако чинимые басмачами зверства не сломили боевого духа красноармейцев и добровольцев, а лишь усилили ненависть к противнику, стремление отомстить за гибель товарищей.

На помощь осажденным из Амударьинской области прибыли сформированная из добровольцев Турткульская рота в количестве 218 человек, Шурханский добровольческий взвод, из Ново-Ургенча — сводный отряд в 130 сабель и 46 штыков.

28 и 29 января шли ожесточенные бои с джунаидовцами. В яростных схватках басмачи понесли крупные потери. В последующие дни бои стали стихать. 4 февраля 1924 г. осада столицы была снята.

Большую помощь наземным частям в разгроме банд Джунаид-хана оказали летчики 2-го и 4-го отдельных разведывательных отрядов под командованием начальника воздушного флота Туркестанского фронта П. Х. Межераупа {375}.

Во время осады Хивы басмачи захватили часть города Хазараспа. Другая часть города находилась в руках небольшого гарнизона. На помощь красноармейцам прибыл отряд каракалпакских добровольцев численностью 300 человек. Ночью 28 января 1924 г. отряд с хода атаковал противника. Завязался затяжной бой. К исходу 2 февраля басмачи отступили. Остатки банды бежали в пустыню. За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с басмачами, некоторые части Туркестанского фронта были награждены Почетным революционным Красным знаменем ЦИК СССР и Почетным революционным Красным знаменем Хорезма. Командующий Хорезмской группой войск И. С. Кутяков был награжден третьим орденом Красного Знамени.

К концу весны 1924 г. все крупные басмаческие соединения на территории Хорезмской республики были ликвидированы. Вновь развернулось мирное социалистическое

строительство. началось ускоренное восстановление сельского хозяйства. В этой обстановке Средазбюро ЦК РКП (б) в марте 1924 г. решило направить в Хорезм специальную комиссию для оказания непосредственной помощи коммунистам республики. По докладу комиссии Средазбюро указало на опасность отрыва КПХ от широких масс и поэтому рекомендовало проявлять особую осторожность по отношению к средним слоям населения (средняк, местная интеллигенция, кустари). Для упрочения социальной базы революционных преобразований и исправления допущенных ошибок Средазбюро предложило расширить круг лиц, пользующихся избирательным правом, смелее вовлекать в органы Советской власти средних дехкан и граждан. Некоторые рекомендации касались налоговой политики, кредитования дехканства [151] и т. д. В Хорезм направлялись золото, червонные рубли и другая помощь {376}. В республику прибыла комиссия ЦК РКП(б) во главе с Г. И. Бройдо, развернувшая большую работу по укреплению местных партийных организаций, исправлению их ошибок и недостатков в практической работе.

В марте 1924 г. ЦИК Хорезмской республики принял Закон о значительном сокращении размеров налога с дехканства и мелких кустарей, что благотворно повлияло на развитие экономики и формирование политического сознания трудящихся.

Трудовому населению Хорезмской республики была оказана помощь из фондов СССР (500 тыс. руб.) и РСФСР (125 тыс. руб.). Восстанавливался водный транспорт и связь.

Были достигнуты некоторые успехи и в области национальной политики. В мае 1924 г. Хорезмский ЦИК постановил образовать в составе Хорезмской Советской Социалистической Республики Туркменскую и Казахскую автономные области.

Все перечисленные мероприятия укрепляли Советскую власть в Хорезме и подрывали базу басмачества. Но осуществление их проходило сложно. Вожди родов и племен не хотели расставаться с вековыми привилегиями. Советские органы, постепенно лишая вождей власти, стремились не обострять с ними отношения: ведь в их руках все еще оставались земли и скот, что давало им возможность в дальнейшем снова поднять оружие против трудового народа.

Потерпев сокрушительное поражение в 1924 г., Джунаид-хан скрылся в песках. Растеряв большинство своих нукеров и курбаши, возвратившихся к мирному труду, Джунаид, казалось, понял бесперспективность дальнейшей борьбы. Он вступил в переговоры с советскими властями и сдался.

I Всетуркменский съезд Советов (февраль 1925 г.), движимый стремлением скорее покончить с вооруженными действиями и сосредоточить все силы на восстановлении и подъеме народного хозяйства, амнистировал Джунаид-хана.

Но вскоре выяснилось, что Джунаид-хан не сложил оружия. Злобный хищник, недавний властелин Хивы, не мог примириться с поражением, с новой жизнью, властно вторгавшейся в самые отдаленные уголки Туркмении. Джунаид по-прежнему поддерживал связи с английской разведкой, с контрреволюционной эмиграцией, сколачивал новые басмаческие отряды, распускал слухи о том, что со дня на день капиталистические государства нападут на СССР.

Летом и осенью 1927 г. из-за границы к Джунаиду прибыло несколько караванов с оружием и боеприпасами. Из Кабула и Мешхеда то и дело приезжали курьеры с инструкциями от иностранных спецслужб {377}.

19 сентября 1927 г. Джунаид поднял мятеж против Советской власти. Начались непрерывные налеты на кишлаки, расположенные в районе города Куня-Ургенч. Басмаческие банды [152] вновь появились в Ташаузском округе, Бахарденском, Казанджикском и других районах Туркмении {378}.

В первые же дни стало ясно, что население Туркмении не только не поддержало Джунаида, но и активно включилось в борьбу против басмачей. Успешно продолжался сбор сельскохозяйственного налога. Население добровольно доставляло частям Красной Армии фураж и продовольствие. Во многих аулах (Ходжа-Кумбет Тахтинского района, № 3 Куня-Ургенчского района и др.) создавались добровольческие отряды, принимавшие непосредственное участие в борьбе с шайками Джунаида. ЦИК и Совнарком Туркмении объявили Джунаид-хана вне закона.

Реввоенсовет Среднеазиатского военного округа получил приказ Советского правительства уничтожить банды Джунаида. Были созданы две группы войск — Южная и Северная. С 27 октября 1927 г. началось длительное преследование Джунаид-хана несколькими туркестанскими кавалерийскими полками. Противник был обнаружен с самолета в районе колодца Орта-Кую. После бомбардировки с воздуха кавалерийские эскадроны под командованием А. А. Лучинского (будущего выдающегося полководца Великой Отечественной войны, генерала армии) и серба Г. С. Марковича разгромили Джунаид-хана. Г. С. Маркович за этот бой был награжден орденом Красного Знамени. Это был его третий боевой орден. Все они были получены на Туркестанском фронте. Орденом Красного Знамени был награжден А. А. Лучинский и многие другие воины {379}.

В боях с Джунаидом отличились бойцы Аннамурад Сарыев, Оразмамед Тачмамедов, Сергей Щербаков, Г. Назаров, Кара Баймурадов и др. {380}.

Итог борьбы был закономерен. Отряды джунаидовцев потерпели поражение {381}. Джунаид-хан несколько месяцев скрывался в глубине Каракумов, а в июне 1928 г. прорвался в Иран {382}. Там он продолжал свою антинародную деятельность, готовясь к новым авантюрам.

В 1924–1927 гг. в Туркмении действовали и другие басмаческие главари. Эти малые «джунаиды» и «джунаидики» совершали набеги, убивая и грабя, а затем скрывались за рубежом. Вот несколько примеров.

23 августа 1924 г. молодые жители хорезмских аулов на двух каюках направились по Амударье в различные города на учебу. В районе Ходжейли в зарослях камыша басмачи Дурды-Клыча устроили засаду. Как только первый каюк с 30 курсантами поравнялся с местом, где притаилась банда, басмачи открыли огонь по безоружным пассажирам. Часть курсантов бежала в заросли. Басмачи захватили 16 юношей, активно участвовавших в установлении Советской власти. Они подвергли их издевательствам и пыткам, а затем связали веревкой и столкнули в воду. 26 августа басмачи схватили еще восемь курсантов [153] и семерых зверски замучили — лишь одному удалось бежать. Басмачи расправлялись с курсантами на виду у их жен и детей, ехавших вместе с ними.

Когда от курсанта, сумевшего бежать, стало известно о действиях банды, комсомольцы и молодежь Ташауза экстренно сформировали добровольческий отряд и двинулись к Ходжейли. В непродолжительной схватке они разгромили басмачей, а оставшихся в живых курсантов, женщин и детей освободили. Дурды-Клыч бежал в Каракумские пески.

Спустя почти год, 14 августа 1925 г., 1-й эскадрон 83-го кавалерийского полка 8-й кавалерийской бригады проводил операцию по поиску группы Дурды-Клыча, предпринимавшей из Каракумов грабительские вылазки в аулы.

В ходе операции эскадрон захватил нескольких басмачей. Среди пленных оказался брат Дурды-Клыча — Таган Дурды. Он лично участвовал в зверской расправе над хорезмскими курсантами. Вместе с другими басмачами, совершившими не одно злодеяние против Советской власти и мирных граждан, Таган Дурды понес заслуженное наказание.

К октябрю 1925 г. на территории Туркмении деятельность банд практически прекратилась. Лишь изредка мелкие шайки грабили население или совершали отдельные террористические акты. Но вскоре обстановка на советско-иранской границе осложнилась в связи с восстанием некоторых туркменских племен, проживавших в Иране. В районе Атрека для борьбы с восставшими сосредоточились иранские войска {383}, часто нарушавшие границу группами до 200 человек.

Стремясь предотвратить возможные пограничные инциденты между СССР и Ираном, советские и иранские представители провели в декабре 1925 г. совещание, на котором договорились о назначении пограничных комиссаров для урегулирования спорных вопросов. Создавшееся тревожное положение попытались использовать басмачи.

11 мая 1926 г. банда басмачей напала на один из пограничных постов в песках Каракумов. Начальник поста Нестеров с 13 бойцами принял неравный бой. Особый героизм проявил пулеметчик Баранник. Метким огнем он не раз заставлял басмачей отступать с большими потерями. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, начальник заставы Нестеров и красноармеец Баранник были награждены орденами Красного Знамени {384}.

Освобождение территории Советской Средней Азии от басмаческих банд еще не означало полной ликвидации басмачества. Контрреволюционные силы, концентрировавшиеся в приграничных районах Афганистана и Ирана, а также басмачи, бежавшие за границу, могли создать новые шайки. Часть банд в среднеазиатских республиках ушла в подполье и при определенных условиях могла вновь активизироваться. [154]

В октябре 1926 г., т. е. после очищения советской территории от основных басмаческих банд, отдельные группы все же сохранялись, особенно в районах Хорезма, Мары и Ташауза. Банды занимались главным образом грабежом. Их численность была невелика, но они были подвижны и поддерживали тесные связи с зарубежным басмачеством. Поэтому партийные и советские органы, командование Красной Армии и пограничных войск поддерживали необходимую боевую готовность добровольческих отрядов и воинских частей, обращали большое внимание на воспитание бдительности как среди военнослужащих, так и среди местного населения. Борьбу с оставшимися группами продолжали вести местные исполкомы и пограничники. ОГПУ вошло в Совет Труда и Оборона СССР с предложением усилить охрану границ, особенно в малообжитых районах. Советское правительство в конце 1926 г. выделило средства для укрепления рубежей Средней Азии.

Оздоровлению обстановки на среднеазиатской границе способствовал ряд соглашений и договоров, заключенных с Афганистаном и Ираном в 1926 и 1927 гг. 1 октября 1927 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин и иранский министр Али Голихан Ансари поставили свои подписи под договором о гарантии и нейтралитете. Договор от 1 октября 1927 г. подтверждал советско-иранский договор 1921 г. и вместе с тем расширял возможности для дальнейшего развития добрососедских отношений на равноправных началах.

Благоприятно развивались и советско-афганские отношения. 31 августа 1926 г. СССР и Афганистан заключили договор о нейтралитете и взаимном ненападении. В связи с тем что на афганской территории находилось множество контрреволюционных эмигрантов, в советско-афганском договоре указывалось, что договаривающиеся стороны должны воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела друг друга, а также не допускать на своих территориях любую деятельность, направленную против другой страны.

Но при всей лояльности по отношению к Советскому Союзу Афганистан в те годы не в силах был создать в своей пограничной полосе обстановку, препятствующую налетам басмачей на советскую территорию, так как не имел необходимых вооруженных сил. Контрреволюционная эмиграция продолжала использовать его территорию в качестве базы для антисоветской деятельности.

Только с 3 сентября 1926 г. по 7 января 1927 г. басмаческие группы, сформированные за рубежом, 21 раз вторгались на советскую территорию. 3 сентября 25 басмачей ограбили жителей станции Равнина. 29 сентября 59 басмачей напали на топографическую партию, убили геолога, захватили имущество и вновь скрылись за границу. 5 октября зарубежная банда из 70 человек разграбила кишлак Чепек-Яб. 19 октября 100 всадников [155] прорвались из-за границы, ограбили население кишлака Лямбе и скупочный хлопковый пункт. 4 декабря 200 басмачей вторглись в Иолотанский район.

Советский Союз не мог проходить мимо фактов грабежей и насилий, чинимых зарубежными басмачами. В ноябре 1926 г. Наркоминдел СССР сделал представление министру иностранных дел Афганистана о принятии необходимых мер по пресечению действий банд против республик Средней Азии с афганской территории. По этому и другим заявлениям афганское правительство принимало меры, но в связи со сложной обстановкой внутри страны они были недостаточно эффективными. Действия зарубежных банд, направленные против советских республик Средней Азии, то прекращались, то вновь активизировались.

В декабре 1927 г. группа пограничников в 20 человек под командованием Антонова встретилась с бандой из 70 басмачей, пытавшейся возвратиться за границу. Несколько часов пограничники вели неравный бой. Имея заметное численное превосходство, басмачи неоднократно атаковали группу Антонова. Но ни одна из атак не увенчалась успехом. За самоотверженность в бою пограничники Антонов, Желтенков, Гривас и Лепихов были удостоены орденов Красного Знамени {385}.

В январе 1928 г. 12 пограничников вели бой с 60 басмачами. И на этот раз стойкость, мужество и высокая выучка пограничников обеспечили им победу в бою. Лишь немногим басмачам удалось возвратиться в Иран {386}.

В июле 1928 г. группа басмачей во главе с Утан-беком предприняла попытку вторгнуться на советскую территорию вблизи пограничной заставы. В завязавшейся перестрелке банда потеряла половину своего состава. С ее остатками Утан-бек отступил {387}. Спустя несколько дней он вновь вторгся на советскую территорию. Для преследования и ликвидации банды 31 августа был выслан кавалерийский отряд под командованием начальника маневренной группы Масленникова. Отряд обнаружил банду в одном из горных ущелий за рекой Кафирниган. Завязался бой, который с перерывом длился более двух суток. В результате басмачи понесли большие потери и бежали за границу.

Налеты на советскую территорию временно прекратились, но антисоветские силы по-прежнему не отказались от использования зарубежного басмачества. Уцелевшие главари басмачей все еще не складывали оружия. [156]

Гибнущий враг опасен

Вторжение Ибрагим-бека

1929 год стал началом последней вспышки басмачества. Почему именно в этом году возобновилась активность басмачей? Многими причинами объясняется это обстоятельство. В широком историческом плане 1929 год ознаменовался активизацией антисоветской деятельности международного империализма. К 1929–1930 гг. было приурочено осуществление различных интервенционистских замыслов.

Успешный ход социалистического строительства вызывал растущую тревогу капитанов капиталистического мира. Их расчеты на то, что советский народ не сможет собственными силами преодолеть разруху, развивать промышленность и сельское хозяйство, не оправдались. Страна шла вперед, поднимая экономику, набирая темпы. Вступали в строй новые фабрики, заводы, электростанции — процесс социалистической индустриализации развертывался все шире.

Не оправдались расчеты врагов и на буржуазное перерождение Советского государства, расчеты, появившиеся после перехода к нэпу. Партия взяла курс на построение социализма, на вытеснение капиталистических элементов в городе и деревне, на ликвидацию эксплуатации человека человеком. И этот ленинский курс претворялся в жизнь.

Силы мировой империалистической реакции стремились задушить СССР — оплот мира и социализма — до того, как он создаст мощную индустрию, преобразует деревню на социалистических началах, а если не задушить, то хотя бы затормозить социалистическое строительство, снова бросить страну в пучину разрухи. При этом немало надежд возлагалось на внутренние контрреволюционные силы. Неизбежное обострение классовой борьбы, вызванное курсом на ликвидацию капиталистических элементов в городе и деревне, давало возможность использовать остатки внутренней контрреволюции в антисоветской борьбе.

Звеньями единого антисоветского фронта конца 20-х годов были создание вредительской организации в промышленности («шахтинцы»), деятельность остатков эсеро-меньшевистского подполья, попытки использовать вооруженные силы белогвардейской

эмиграции, дипломатический нажим империалистических государств Европы, грозивших новой интервенцией, организация [157] вооруженных провокаций на Дальнем Востоке (китайские милитаристы в 1929 г. напали на советскую территорию).

Этим планам не удалось осуществиться в полном масштабе. Мудрая и гибкая политика Советского государства выбивала звено за звеном из этой цепи. Были обезврежены подпольные антисоветские организации. Быстрый разгром китайских милитаристов на Дальнем Востоке показал растущую мощь Советских Вооруженных Сил.

Тем не менее международная обстановка на рубеже 20–30-х годов продолжала оставаться напряженной. Начавшийся с конца 1929 г. мировой экономический кризис усилил стремление империалистов разрешить свои трудности за счет СССР. Снова предпринимались попытки политически и экономически блокировать СССР, вынашивались замыслы антисоветской интервенции, усиливалась пропагандистская кампания, со страниц газет не сходили зародившиеся в среде реакционной католической верхушки призывы к организации «крестового похода» против Советского Союза.

В общем плане антисоветской борьбы большое место отводилось басмачам Средней Азии. Приложив немало усилий для активизации басмаческих выступлений, империалистическая агентура рассчитывала на то, что действия басмачей парализуют хозяйственную жизнь молодых республик Востока, вызовут хаос, сорвут проведение социалистических преобразований. В случае удачи басмачи могли подготовить почву, создать плацдарм для вторжения крупных интервенционистских сил с целью отторгнуть Среднюю Азию от Советского Союза, превратить ее в колонию западных держав.

Ряд обстоятельств делал эти антисоветские планы особенно опасными. Близость государственной границы, ее большая протяженность давали возможность империалистической агентуре оказывать басмаческим отрядам реальную помощь. В пограничных районах сопредельных стран сосредоточились значительные эмигрантские силы. Разбитые в предыдущие годы, бежавшие из Советской страны контрреволюционные группы готовы были продолжить борьбу.

Революция и гражданская война во многих районах Средней Азии (в отличие от Центральной России, Украины, Белоруссии) не привели еще к кардинальной ломке социально-экономических отношений. Феодално-байские слои в 20-е годы еще сохраняли в какой-то мере свои экономические позиции: они владели значительной частью земли, воды, скота, держа тем самым в своих руках важные рычаги влияния на дехканство.

До тех пор пока оставались эксплуататорские слои, существовала и классовая база басмачества. В то же время меры по ограничению, вытеснению и ликвидации феодално-байских элементов неизбежно должны были вызвать сопротивление с их стороны, привести к обострению классовой борьбы. А сопротивление [158] феодално-байских элементов в условиях Средней Азии означало усиление басмачества, ибо басмачество представляло собой специфическую форму классовой борьбы.

Во второй половине 20-х годов в Средней Азии и Казахстане были осуществлены массовые социально-экономические мероприятия.

В эти годы в Южной Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане проводились земельно-водные и скотоводческие реформы. Ликвидировались хозяйства помещичьего

типа, изымались излишки у многоземельных хозяйств, а земля распределялась среди безземельных и малоземельных. В республиках Средней Азии землю получили более 123 тыс. дехкан — бедняков и середняков. В Казахстане первый массовый передел земли с изъятием у феодалов-баев пахотных и сенокосных угодий произошел в 1926–1928 гг. Вслед за этим в 1928 г. у баев (они составляли 6% хозяйств, но владели 33,8% скота) был конфискован скот и инвентарь.

Все эти меры улучшали положение трудящихся масс, создавали предпосылки для движения по пути социалистического строительства. Вместе с тем классовая борьба обострялась.

Она достигла еще большего накала с началом массовой коллективизации. Поскольку речь шла уже о полной ликвидации эксплуататорских элементов, их сопротивление стало особенно ожесточенным. Опираясь на помощь зарубежной реакции, полностью сомкнувшись с антисоветской эмиграцией, пользуясь еще не изжитой темнотой, отсталостью дехканства, родо-племенными пережитками, влиянием реакционного духовенства, феодально-байские элементы развернули упорную борьбу против Советской власти. Эти элементы были питательной средой басмачества, а басмачи стали их ударными отрядами, главной силой в антисоветской, контрреволюционной борьбе.

Враги использовали в своих целях и то обстоятельство, что в ходе коллективизации в ряде районов неоправданно форсировались темпы, нарушались ленинские принципы добровольности.

Коммунистическая партия своевременно исправила ошибки, устранила перегибы. 20 февраля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах». В этом постановлении резко критиковались искривления линии партии, допускаявшиеся на местах. ЦК требовал, чтобы в экономически отсталых районах центр тяжести был перенесен на подготовку сплошной коллективизации, на создание организационно-политических и экономических предпосылок ее проведения. 25 февраля ЦК снова подверг критике те методы коллективизации, которые практиковались в некоторых районах Узбекистана и на Северном Кавказе. ЦК подчеркнул необходимость проведения здесь коллективизации более медленными темпами {388}. [159]

Колхозное движение, преодолевая трудности, встав на прочную, здоровую основу, росло и ширилось. К осени 1931 г. в Казахстане в колхозы объединилось 64,1% всех крестьянских хозяйств. В 1931 г. колхозы давали 52,1% всей продукции сельского хозяйства Узбекистана. В Киргизии процент коллективизации к концу 1931 г. достиг 53,4, в Туркмении — 62,2. Несколько медленнее шла коллективизация в Таджикистане — там в 1932 г. в колхозы влилось около 42% всех дехканских хозяйств (хотя в хлопководческих районах республики этот процент был значительно выше).

По всем республикам Средней Азии успешно шло строительство новой жизни, наступление социализма развертывалось по всему фронту.

В глухой степи строители самоотверженно прокладывали стальные рельсы Турксиба — Туркестано-Сибирской магистрали. В июле 1929 г. дорога достигла Алма-Аты, а 25 апреля 1930 г. сомкнулись колеи южного и северного участков. Сквозной путь по Турксибу был открыт на 17 месяцев раньше срока.

Осенью 1928 г. вошел в строй Карсакпайский медеплавильный комбинат. Строились новые угольные шахты в Караганде — она становилась третьей угольной базой страны, — крупные предприятия в Риддере, Актюбинске, Чимкенте, Джезказгане. В Узбекистане и Киргизии, в Таджикистане и Туркменистане возводились предприятия тяжелой промышленности, хлопкоочистительные и консервные заводы, текстильные фабрики и пищевые комбинаты. Быстро росла энергетика — повсеместно появлялись новые электростанции. В Узбекистане за первую пятилетку валовая продукция промышленности выросла в 2,3 раза, а выработка электроэнергии — в 3,7 раза.

Успешно укреплялась советская национальная государственность народов Востока. Как уже говорилось, в 1926 г. Киргизская автономная область была преобразована в Киргизскую АССР. В конце 1929 г. Таджикистан, ранее входивший в качестве автономной республики в Узбекскую ССР, был преобразован в союзную республику.

Бурная социалистическая новь шагала по Средней Азии, властно вторгаясь в цветущие оазисы и далекие горные кишлаки. А тем временем на границах советских среднеазиатских республик сколачивались новые басмаческие отряды, подвозилось оружие, перегруппировывались силы...

Уже с первых недель 1929 г. была отмечена повышенная активность закордонных басмаческих банд. 24 января 1929 г. на дороге, ведущей из Кушки в Мерв, появилось более 20 басмачей. Завидев пограничный наряд, басмачи напали на него. После короткой перестрелки они повернули назад и скрылись в зарослях камыша.

В феврале 1929 г. две басмаческие шайки вторглись на советскую территорию в районе кишлака Нижняя Чаага. Отдельные [160] мелкие банды нарушали или пытались нарушить государственную границу и на других участках.

Это была лишь разведка боем. Главные организаторы басмачества готовили крупную авантюру.

В марте 1929 г. представители английской разведки, бывший эмир Бухары, руководители узбекской и таджикской эмиграции, басмаческие главари провели секретное совещание, где договорились о вторжении на территорию Таджикистана. Возглавлять объединенные вооруженные силы таджикской и узбекской эмиграции было поручено Ибрагим-беку. Вскоре под руководством английской агентуры состоялось еще одно такое секретное совещание.

Ибрагимбек

В ходе обоих совещаний представители английской разведки стремились объединить все силы эмиграции для совместных действий против Советской власти в Средней Азии. Однако националистические противоречия в среде контрреволюционной эмиграции, личные распри между главарями помешали осуществить этот замысел. Но на двух важных направлениях контрреволюционные силы все-таки удалось сосредоточить. Одна группировка, возглавляемая Ибрагим-беком, была нацелена на территорию Советского Таджикистана, другая во главе с Джунаид-ханом — на территорию Советской Туркмении. В качестве авангарда в районы предстоящих боевых действий направлялись банды Фузайл Максума, Абдугаорара, Давлия Сардара, Утан-бека и некоторых других.

В первых числах марта 1929 г. Утан-бек с 50 всадниками перешел границу и напал на обоз кавалерийского полка, сопровождаемого тремя красноармейцами под командованием командира взвода Артемова. Около часа длилась неравная схватка. Горстка красноармейцев сумела отбить все атаки басмачей и благополучно отойти к базе.

Для ликвидации банды были высланы три группы пограничников общей численностью 35 человек под командованием Масленникова, Рюмина и Даукша. Басмачи, не приняв боя, скрылись на территории Афганистана.

В тот же день границу дважды пытались нарушить около 100 басмачей под началом Керим Берды. Однако обе попытки вторгнуться на советскую территорию были сорваны решительными действиями пограничников.

В первой половине марта 1929 г. на сопредельной территории в приграничной полосе наблюдалось необычное оживление. Вдоль границы сновали вооруженные всадники, в кишлаки прибывали конные группы. Ночами горели большие костры. Вскоре все разъяснилось: в пограничную полосу начали прибывать басмаческие курбаши, находившиеся за рубежом.

К середине марта 1929 г. под началом Ибрагим-бека у советской границы сосредоточилось около 600 хорошо вооруженных басмачей. [161]

Наряду с непосредственной военной подготовкой Ибрагим-бек и бывший бухарский эмир при активном участии реакционного, духовенства развернули среди эмигрантов антисоветскую агитацию, призывая «освободить от неверных благородную Бухару». Всякому, кто примет участие в антисоветском походе, духовные наставники обещали отпустить все грехи, а погибших зачислить в святые. Организаторы контрреволюционного заговора не ограничивались моральным воздействием на эмигрантов. Вступившим в банды выдавалось ежемесячное жалованье: пешим — 43 рупии, конным — 46 рупий. Специальное вознаграждение выделялось для курбаши, организовавших банды численностью в 100 басмачей и более.

К концу марта в разных пунктах на территории Афганистана были сформированы новые крупные басмаческие отряды: в Имамсейиде — в 300 басмачей, в Ханабаде — в 400 человек. Крупные группировки создавались в Рустаке, Таликане, Файзабаде и некоторых других пунктах.

Быстрому сколачиванию контрреволюционных сил на территории Афганистана способствовали происходившие там политические события, смена власти, чем и воспользовалась реакция. Реакционные круги Афганистана оказывали давление на новое афганское правительство Надир-хана, пытаясь вместе с агентурой западных держав придать антисоветскую направленность его политике. Они вели антисоветскую пропаганду, требовали оказать открытую помощь басмачам. Невзирая на официальную позицию афганского правительства, многие родо-племенные вожди, феодальные владельцы практически помогали басмаческим вожакам накапливать силы и совершать провокационные вылазки на советской границе.

Учитывая создавшуюся обстановку, Советское правительство приняло меры по укреплению охраны государственной границы. Увеличивались пограничные войска, усиливались добровольческие отряды и органы милиции. Это позволило пограничникам пресекать умножившиеся попытки нарушений границы.

В марте стало известно о том, что к нападению на советскую территорию готовятся басмачи Давлия Сардара. Командование приняло необходимые меры. В места возможного прорыва были высланы группы пограничников с ручными пулеметами. Одну группу в семь человек возглавил заместитель начальника заставы Кирсанов, вторую — помощник командира взвода Ромашевский. Наготове находились еще две группы пограничников.

17 марта группа Ромашевского обнаружила, что на советскую территорию проникло около 70 басмачей. Отправив связного с докладом, Ромашевский с пятью бойцами вступил в бой. Басмачи, уклоняясь от схватки, на рысях устремились в глубь пустыни. Шесть пограничников начали преследование. Вскоре к ним присоединились резервные группы под командованием помощника коменданта Колесникова и Г. Соколова. Почти сутки [162] продолжался утомительный 100-километровый переход по каракумским пескам. Наконец дозор группы Колесникова настиг врага, но басмачи спешно снялись со стоянки и снова пытались скрыться. Группы Соколова и Колесникова возобновили преследование. Потребовалось еще около полутора суток, чтобы догнать басмачей.

На помощь подоспели две небольшие группы пограничников под командованием Кирсанова и Юдина. Соколов с ходу повел бойцов в атаку. Ворвавшись в долину и

опрокинув охранение, конники Соколова галопом подскакали к подножию горы. Здесь пограничники спешились, оставили двух бойцов с конями и повели наступление на вершину возвышенности.

Под градом вражеских пуль отважные бойцы продвигались вперед. От басмачей их отделяло не более 200 шагов. В этот момент Соколов был вторично ранен. Дальнейшее движение возглавил Юдин. Энергичными действиями басмачи были сбиты с горы. Господствующая высота оказалась в руках пограничников. К этому времени группа Колесникова отбила другую возвышенность и успешно продвигалась через долину, сбивая басмачей со второй линии их обороны. Теснимые с двух сторон, басмачи не выдержали натиска. Лишь немногим из банды Давлия Сардара удалось скрыться.

12 апреля 1929 г. бывший каратегинский бек Фузайл Максум со значительным отрядом пересек границу. Ворвавшись в кишлак Калаи-Хумб, басмачи расправились с дехканами-активистами. То же самое повторилось через день в пограничном кишлаке Ванч, захваченном бандой Курширмата, бывшего руководителя ферганского басмачества. На левобережье Вахша вскоре проникло еще 12 банд. Численность их была невелика, но, пользуясь внезапностью и хорошо ориентируясь на местности, басмачи захватывали отдельные кишлаки, устраивали погромы.

Наиболее активно действовал Фузайл Максум. Его басмачи совершили кровавый рейд по кишлакам Дарваза и Каратегина, к нему присоединялись баи, реакционные муллы, бывшие басмачи. В результате банда выросла до 200 человек. К 20 апреля Фузайл Максум захватил Калаи-Лаби-об и Тавиль-Дару и двинулся на Гарм. В Гарме не было воинских частей. 22 апреля немногочисленные отряды добровольцев, возглавляемые Ф. А. Макрицким и Ф. Ф. Гутовским, вели бои с басмачами, численность которых превышала 400 человек. В 35 км северо-восточнее Гарма в кишлаке Нимич отряд Гутовского был окружен. Все 18 добровольцев погибли. Кроме Гутовского и нескольких советских работников в отряде было 12 учителей — Каримджан Хусейнов, Яхьё Олимов, Аликбар Хасанов, Сайфулло Алиев, Абдужаббар Мухамедов, Насыр Умаров, Абдулло Касимов, Абдулахад Рахимов, Хикмат Гани, Абдусалом Исламов, Убайдулло Гайнуддинов и Муммоджа Саидмурадов. Народ чтит память [163] погибших героев. Их именами в Гарме названы улицы и школы, в их честь сооружен памятник.

Басмаческий отряд понес большие потери, но все же ворвался в Гарм и занял часть города. Другую часть в ночном бою отстояли добровольцы под командой А. И. Кравчука.

Успех басмачей был кратковременным. В Гарм прилетели из Душанбе два самолета и высадили небольшой десант во главе с комбригом Т. Т. Шапкиным и комиссаром А. Т. Фединым. После пятнадцатиминутной перестрелки банда отступила. Красноармейцы вместе с добровольческим отрядом по пятам преследовали басмачей. Потеряв более 100 человек, Максум пробился к границе и скрылся за рубежом.

Таким образом, первые вылазки басмачей не увенчались успехом. Однако определенная часть населения — представители эксплуататорских слоев, реакционного духовенства — продолжала поддерживать басмачей. Кроме того, жестокий террор, кровавые расправы, чинимые басмачами, оказывали немалое влияние на многих крестьян. Они боялись, что в случае выступления в поддержку Советской власти басмачи при следующем налете жестоко отомстят им и их семьям. Создание атмосферы неуверенности и страха было одной из целей мартовско-апрельских басмаческих рейдов на советскую территорию.

Обстановка в пограничной полосе оставалась напряженной. В конце апреля — мае, когда начали открываться горные перевалы, басмачи предприняли новую попытку прорваться мелкими группами на советскую территорию. Основные силы басмачей, сосредоточенные в Афганистане вблизи советской границы, еще не были введены в действие. Все это требовало максимальной бдительности, постоянной боеготовности. Захваченные в мае в плен басмачи рассказали о лихорадочной подготовке к вторжению на советскую территорию крупных формирований. По их данным, к середине мая за рубежом было организовано более 30 отрядов общей численностью в 2 тыс. человек. В июне Ибрагим-бек провел в Ханабаде совещание с эмигрантами-руководителями и басмаческими курбаши. Он велел создать на советской территории надежные базы укрытия. Для этой цели в Таджикистан скрыто направлялось более 100 басмачей. Рассеявшись по родным кишлакам, они должны были связаться со своими сторонниками и подготовить их к совместным действиям.

Однако реализация планов вторжения на советскую территорию затруднялась вследствие позиции официальных афганских властей. В соответствии с условиями советско-афганских договоров афганское правительство запретило басмачам осуществлять антисоветские вылазки с территории Афганистана.

В связи с этим Ибрагим-бек собрал новое совещание с участием 200 басмаческих курбаши, где дал им установку — впредь до особых указаний границу не переходить, продолжая скрытую подготовку к действиям на советской территории. За подписью [164] Ибрагим-бека стали рассылаться письма «влиятельным лицам» Узбекистана с призывом об оказании помощи и содействии басмачам.

Тем временем втайне от афганских властей англичане продолжали снабжать басмачей оружием и боеприпасами. 20 июня в 3 часа ночи из английского консульства в Мешхеде в сопровождении двух сотрудников на территорию Афганистана отправились пять машин под иранскими флагами с оружием и боеприпасами, предназначенными для басмачей.

Ранним утром 6 октября на советскую территорию прорвались 40 басмачей Утан-бека. В этой небольшой по численности группе находились несколько курбаши. Такой необычный состав свидетельствовал о расчете на формирование новых банд. Но расчет провалился. Встретив враждебное отношение населения, преследуемый отрядом Красной Армии, Утан-бек ограничился разведкой и спешно скрылся на афганской территории.

24 октября в предгорьях Памира объявилась басмаческая группа в 300 человек. Она сразу была обнаружена отрядом под командованием коммуниста М. Т. Маслова. В первом же бою басмачи потеряли 19 человек убитыми и ранеными. 32 басмача во главе с курбаши сдались в плен. Уцелевшие бандиты пытались укрыться в горах. Но 28 октября отряд Маслова вновь обнаружил их. В коротком, но жестоком бою противник был разбит. Через несколько дней непрерывной погони остатки басмаческой группы были взяты в плен.

Быстрый и решительный отпор, который получали вторгавшиеся группы, не позволял Ибрагим-беку и его высоким покровителям вводить в действие главные силы. Они еще раз убедились в том, что основная масса населения их не поддерживает, что надежда на народное восстание лишена всяких оснований.

Между тем участились конфликты басмачей с афганскими властями. Дело доходило до вооруженных столкновений.

Все это не позволило басмачам осуществить планы вторжения на советскую землю в 1929 г. Не удалось этого сделать и в 1930 г. Но по-прежнему на афганской территории находились сравнительно крупные, хорошо вооруженные отряды басмачей. Чем успешнее разворачивалось социалистическое строительство в советских республиках Средней Азии, чем призрачнее становились надежды контрреволюции, тем авантюристичнее делались планы басмачей, тем сильнее росла их злоба и ожесточенность.

Весной 1931 г. они предприняли решающую попытку вторжения. На этот раз в действие были введены главные басмаческие силы под командованием самого Ибрагим-бека. 30 марта 1931 г. несколько сот всадников (600–800 человек) вторглись на территорию Советского Таджикистана.

С первого же дня басмачи приступили к массовому террору, [165] диверсиям и повальному грабежу. Они стремились сорвать посевную кампанию, нарушить товароснабжение, ликвидировать колхозы и совхозы, вывести из строя железные дороги и предприятия.

Лидеры эмиграции и басмачества, разворачивая активные антисоветские действия на территории Таджикистана, рассчитывали на широкую поддержку контрреволюционных элементов, а также части населения, охваченной религиозным дурманом. Ибрагим-бек, как только вторгся на советскую территорию, направил в родственные племена своих курбаши для вербовки населения в басмаческие отряды и организации антисоветского восстания.

Однако расчеты басмачей на поддержку населения вновь не оправдались. Годы мирного труда не прошли бесследно. Социалистические преобразования упрочили авторитет Советской власти, позволили воспитать многочисленный и преданный актив. Они выбили почву из-под ног у эксплуататорских групп, укрепили социальную основу советского строя.

Население активно участвовало в борьбе с басмачами. Оно информировало органы Советской власти, командование Красной Армии и пограничных войск о появлении банд. Дехкане сами участвовали в преследовании и поимке басмачей. Так, в Рогатинском Совете колхозники из разных кишлаков, вооружившись охотничьими ружьями, более суток преследовали банду и захватили в плен троих басмачей. В других местах дехкане организовали самообрану, предотвратили неоднократные попытки ограбления кишлаков басмачами.

Когда Ибрагим-бек в одном из захваченных кишлаков созвал митинг и изложил цель вторжения — восстановление эмирской власти, — одна из дехканок сказала: «Мы с ненавистью и отвращением вспоминаем тиранию эмира, мы не забудем зверства и грабежи, насилие над женщинами, даже детьми». На этом же митинге старый басмач, в прошлом наставник Ибрагим-бека, также выступил с осуждением басмачества, которое несло людям только слезы, горе и смерть.

На массовых митингах колхозники давали клятву: «Или мы басмачей убьем, или умрем сами, но не дадим грабить колхоз». В кишлаке Шура на собрании дехкане заявили, что басмачи хотят отнять власть у народа и восстановить ненавистную власть богачей. «Бай имел много овец, а мы не имели ничего и он нам ничего не давал, а Советская власть дает хлеб, чай, сахар, мануфактуру. В колхозе мы всем обеспечены и у нас все есть, а в одиночку бедствуем». В Джарбашинском джамагате колхозники, обсуждая вопрос о

борьбе с басмачами, единогласно решили: «Куда пошлет Советская власть, туда и пойдем, к чему зовет Советская власть, то и будем выполнять».

Сам Ибрагим-бек впоследствии на судебном процессе говорил: «Я походом на Рентгантау пытался вовлечь в борьбу с Советской [166] властью всех локайцев, однако население не пошло. Я убедился, что локайцы стали безбожниками».

Вместе с тем имелись случаи, когда отдельные дехкане вступали в банды или оказывали им поддержку. Баи и реакционное духовенство призывали население вступать в банды и осуществлять террор против партийного и советского актива. С их участием басмачам удалось захватить часть кишлаков, изъять у населения фураж, продукты.

В Таджикистане для координации борьбы с басмачеством были образованы Центральная политкомиссия и местные тройки в составе секретарей райкомов партии, председателей исполкомов и руководителей ОГПУ. Из коммунистов и комсомольцев на добровольной основе были сформированы 16 рот особого назначения численностью 3 тыс. человек. Местные партийные и советские органы кроме добровольческих отрядов создавали отряды «краснопалочников» {389}.

Во многих кишлаках все мужчины просили включить их в отряды «краснопалочников». Поскольку просьбы всех желающих удовлетворить было невозможно, зачисляли наиболее активных. Население многих кишлаков делегировало своих представителей для посылки в банды, чтобы склонить басмачей к сдаче.

Участию трудового населения Таджикистана в борьбе с басмачеством способствовала большая разъяснительная работа, проводившаяся партийными и советскими органами, а также личным составом воинских частей. Политработники одного только 83-го дивизиона ОГПУ в апреле 1931 г. провели 20 бесед, на которых присутствовало более 4 тыс. человек.

Вторгшиеся на советскую территорию басмачи были встречены огнем пограничных нарядов, а затем их неотступно стали преследовать красноармейские части, пограничники, добровольческие отряды при активном содействии населения. Басмаческие банды терпели одно поражение за другим.

В боях отличилась узбекская кавалерийская бригада (командир — И. Е. Петров), таджикский и киргизский кавалерийские эскадроны. В районе Дангары основная масса воинства Ибрагим-бека (более 600 басмачей) 8 апреля атаковала эскадрон 79-го кавалерийского полка. Басмачи окружили красноармейцев со всех сторон. Но овладеть их позицией они так и не смогли. Бойцы продержались до подхода помощи от 7-й отдельной кавалерийской бригады. Совместными усилиями банде был нанесен серьезный урон, и она отступила.

Уже в середине апреля в отрядах Ибрагим-бека началось разложение. Часть басмачей добровольно сдалась органам Советской власти. Улучшилась обстановка в тех районах, где деятельность местных органов временно была парализована. 19 апреля Ибрагим-бек совершил марш в Локайскую долину, надеясь получить там поддержку. Однако дехкане Локая вступили в [167] борьбу с басмачами. Ибрагим-бек переправился на левый берег Вахша, в Бабатаг.

К концу апреля 1931 г. зарубежные покровители басмачей двинули на помощь Ибрагим-беку подкрепление — отряд в 250 человек во главе с Утан-беком. Но дальше линии

советско-афганской границы Утан-бек не продвинулся. Там его встретили пограничники. В бою на переправе через Пяндж банда была разбита. Утан-бек с остатками отряда возвратился в Афганистан.

Положение воинства Ибрагим-бека стало катастрофическим. Басмачи в одиночку и группами добровольно сдавались советским властям. 16 мая сдался дядя Ибрагим-бека — Ташакуль. Всего на 20 мая 1931 г. пришли с повинной 12 курбаши и 653 рядовых басмача. У Ибрагим-бека осталось не более 250 человек. Преследуемый по пятам, он с большим трудом прорвался к реке Сурхандарья, откуда намеревался бежать в Афганистан.

Необходимо было во что бы то ни стало задержать вожака басмачей, опасного преступника, не дать ему возможности уйти от справедливого суда народа.

Для поимки Ибрагим-бека была сформирована специальная группа под руководством Абдуллы Валишева.

Е. Г. Бурцев. "Поимка Ибрагимбека".

21 июня 1931 г. группа Валишева выступила в направлении кишлака Исанбай, где Ибрагим-бек неоднократно нарушал государственную границу. В пути к ней присоединился добровольческий отряд Мукума Султанова. Ему поручалось с помощью населения и «краснопалочников» окрестных кишлаков занять все переправы через реку Кафирниган и вести разведку.

Утром 23 июня колхозники Юлдаш Игамбердыев и Карим Алимарданов сообщили, что обнаружили Ибрагим-бека на правом берегу реки Кафирниган в районе кишлака Бульбулон. Ибрагим-бек потребовал переправить его на противоположный берег. В качестве перевозчика к басмачам был направлен колхозник Гюль-Ходжа Назар. Он сумел разоружить Ибрагим-бека, его секретаря Рахмата Али, курбаши Саиба, предложив им на время переправы привязать оружие к гупсарам (специальные приспособления для переправы). Как только плот прибыл к берегу, басмачи были арестованы.

Благодаря руководству Коммунистической партии, широкому участию местного населения, мужеству и героизму красноармейцев и дехкан, умелым действиям руководителей местных партийных и советских органов удалось в кратчайшие сроки ликвидировать басмаческие шайки, очистить от них территорию Таджикистана.

Окончательная ликвидация басмачества дала возможность Советской власти сосредоточить в Таджикистане свои главные усилия на мирном социалистическом

строительстве. В результате проведения ленинской национальной политики, постоянной [168] заботы Коммунистической партии и помощи всего советского народа Таджикистан достиг значительных успехов. Успешно развивалось сельское хозяйство, продолжался быстрый рост промышленности, поднялся уровень благосостояния народа. Дехканин твердо стал на путь социалистического строительства. О высокой классовой сознательности трудящихся Таджикистана, их сплоченности вокруг Коммунистической партии свидетельствовала организованность и активность в борьбе с басмачеством. Только в течение весны 1931 г. в добровольческие отряды и отряды «краснопалочников» вступило более 50 тыс. дехкан.

Сами главари басмачества были вынуждены признать прочность Советской власти и социалистического строя в Таджикистане. Ибрагим-бек заявил на суде: «Когда я уезжал на север Афганистана с тем, чтобы перейти на советскую территорию... я слышал заверения от представителя бывшего эмира в Лиге Наций Юсуфбая Мукумбаева о том, что имеется решение Лиги Наций о возврате Бухары бывшему эмиру. Для меня это означало, что иностранные государства в моей борьбе с Советской властью окажут вооруженную поддержку. Я строил также расчеты и на то, что меня широко поддержит население. Однако я убедился в обратном. В самом Таджикистане поддержку у населения не получил и пришел к тому концу, который обязателен для тех, кто не понимает, на чем держится Советская власть, — именно на прочной поддержке трудящегося населения...»{390}.

Один из подручных Ибрагим-бека, Сулейман Салахутдинов, сказал: «По своей темноте не представлял себе силу Советской власти. Ведя борьбу, убедился, что наша затея, т. е. борьба против мощной Советской власти, была нелепа»{391}. Другой помощник Ибрагима, Ишан Исахан Мансурханов, также признал силу Советской власти: «Наши планы не осуществились, — сказал он, — потому что мы не имели представления о силе Советской власти. В борьбе я убедился, что наши затеи были бессмысленны»{392}.

С разгромом Ибрагим-бека борьба с басмачеством в Таджикистане была закончена. Отдельные группы во главе с Утан-беком, бежавшие за границу, преследовались отрядами афганских войск. Некоторые мелкие банды все еще предпринимали попытки вторгаться на советскую территорию, однако всякий раз встречали достойный отпор советских пограничников. Утан-бек с двумя десятками басмачей метался по горам и пескам Северного Афганистана. В первых числах декабря он с небольшой бандой бежал в Иран под покровительство главаря туркменской эмиграции.

Со второй половины 1931 г. обстановка на советско-афганской границе стала спокойной. Прекратились массовые налеты басмачей. Основная борьба шла против контрабандистов. [169]

Разгром басмачества в Таджикистане еще более укрепил Советскую власть, повысил политическую активность трудящихся в борьбе за социалистические преобразования в республике.

Разгром «хищников пустыни»

На переломе 20–30-х годов трудящимся Туркмении пришлось опять повести борьбу с активизировавшимися басмачами. Развитию басмачества в республике в начале 30-х годов способствовал ряд причин. Социалистические преобразования в Туркмении происходили

при наличии более значительных элементов докапиталистических общественных отношений, чем в других республиках Средней Азии. Кроме того, в сельскохозяйственных округах Туркменской республики — Чарджоуском, Ташаузском и Керкинском — не была осуществлена земельная реформа, которая в других республиках Средней Азии сыграла важную роль при подготовке коллективизации. В кочевых и полукочевых районах Туркмении к началу коллективизации во многом еще сохранились феодально-патриархальные отношения. Байство по-прежнему представляло собой большую экономическую силу. Большая часть скота (60%) и водных источников, имевших исключительно важное значение для хозяйства туркмен, находилась у байско-родовой верхушки; сохранялась частная собственность на колодцы. В 1929 г. в колхозах Туркменской республики было объединено лишь 2,4% дехканских дворов. 1929 г. баи составляли 6,9% всего дехканства, но им принадлежало 27% средств производства, 12,5% посевной площади и 52,7% поголовья мелкого скота. Представители эксплуататорской верхушки в Туркмении совмещали в своем лице феодалов и родовых вождей. Поэтому они оказывали на трудящиеся массы Туркмении большое влияние.

Советский и кооперативный аппарат был сильно засорен классово враждебными элементами, а в некоторых местах почти полностью состоял из феодально-родовой знати и ее ставленников. Рабочий класс был малочисленным. Сельские партийные и советские органы не имели достаточного опыта работы. Обстановка осложнялась низким уровнем культурно-политического развития бедняцко-батрацких масс, активным сопротивлением Советской власти со стороны духовенства. Вот почему в басмаческие банды попадали не только явно контрреволюционные элементы, но и некоторая часть трудового населения, особенно в пустыне Каракумы. Контрреволюционные элементы ловко использовали в своих целях отдельные перегибы, допускавшиеся местными органами Советской власти при осуществлении политики партии по социалистическому преобразованию аула. Эти перегибы в Туркмении были в основном те же, что и во всей стране во время проведения коллективизации: нарушение принципов [170] добровольности, перескакивание через артель к коммуне, несоблюдение темпов коллективизации и т. д. Несмотря на это, колхозное строительство набирало темпы. Уже в 1930 г. в Туркмении были коллективизированы 28,9% бедняцких и середняцких хозяйств {393}.

Социалистическое строительство в Туркменистане проходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы. В. И. Ленин на основе опыта первых двух лет диктатуры пролетариата с полным основанием писал, что классовая борьба после свержения власти капитала «не исчезает... а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» {394}.

Главный центр по руководству басмачеством в Туркмении находился за кордоном, был тесно связан с английской разведкой через своего постоянного представителя Шукимбаева. Не случайно особо напряженный характер борьбы с басмачами носила на границе и в пограничных районах.

Закордонные и местные группы басмачей возглавлялись баями и реакционным духовенством. Их активно поддерживали буржуазные националисты, проповедовавшие идею включения Средней Азии в систему английских доминионов {395}.

Зарубежные группы уже с середины июня 1929 г. стали развертывать активные антисоветские действия. 15 июня банда численностью 700 человек, возглавляемая сыном Джунаида — Ишик-ханом, прорвалась на территорию Туркмении. На рассвете следующего дня басмачи напали на пограничную заставу Ак-Рабат, которую защищали

всего 11 бойцов. Начальник заставы Кондратенко и его заместитель Ростенко умело организовали оборону. Басмачи, понеся значительные потери, ушли за кордон {396}.

В Ташаузский округ в октябре 1929 г. вернулась из-за рубежа часть басмачей, ушедших ранее за кордон вместе с Джунаид-ханом. В конце года в районе колодца Чарышлы произошел бой с бандой Шалтай-Батыра — одного из подручных Джунаида. Потерпев поражение, Шалтай-Батыр ушел в пески. В январе 1930 г. банда Шалтай-Батыра ворвалась в Геоклен Ильялинского района. Басмачи совершили дикое преступление — перебили около 200 мирных дехкан, собравшихся на свадебный той. В перестрелке с бойцами самообороны Шалтай был убит {397}.

С конца 1929 г., действуя по единому плану, разработанному за рубежом, феодально-байские элементы Туркмении приступили к формированию басмаческих отрядов. Одновременно участились налеты зарубежных басмачей на советских пограничников и местное население. Например, в феврале и марте 1930 г. на советскую территорию вторглись из-за кордона две крупные басмаческие группы. Пограничники их настигли и полностью уничтожили {398}.

Но вооруженные налеты басмачей на территорию Туркмении не прекратились. Их по-прежнему поддерживали и поощряли [171] зарубежные антисоветчики. Так, на подготовку одной из басмаческих групп, сформированной осенью 1930 г., английская разведка выделила 30 тыс. рупий. Английская разведка создала на иранской территории ряд специальных пунктов для организации перехода советской границы {399}.

В сентябре 1930 г. один из родовых вождей, Керим-хан, организовал значительную банду, разграбил несколько кооперативов и склады Туркменторга в Иолотанском районе.

10 октября наблюдатель советского самолета увидел протянувшуюся по пустыне длинную ленту. Это был караван из 400 верблюдов — Керим-хан с награбленным имуществом двигался к границе. Первыми в бой с бандой Керим-хана вступили два отделения пограничников, руководимые Бондаренко и Корпом. В разгар боя подоспел командир взвода Цыплаков с несколькими бойцами. Басмачи потеряли убитыми и ранеными 90 человек. Оставшиеся в живых бежали, бросив награбленное имущество и около 10 тыс. голов скота.

На помощь Керим-хану пыталась пробиться группа Давлия Сардара численностью более 90 человек. Ее встретил отряд пограничников, возглавляемый Котельниковым, и эскадрон Красной Армии под командой Айрапетова. После двенадцатичасового боя басмачи, понеся большие потери, ушли за кордон.

Еще одна группа в 100 человек 29 декабря 1930 г. нарушила границу в районе Кушки. Встреченная плотным огнем пограничников, она возвратилась за кордон.

Налеты зарубежных банд на Советский Туркменистан послужили сигналом к активизации внутренних контрреволюционных сил. Только в первом полугодии 1930 г. во внутренних районах было ликвидировано 11 басмаческих групп {400}.

Многие банды, совершив уголовные преступления, стремились затем уйти за рубеж. 30 октября пограничники ликвидировали группу в 12 человек, пытавшуюся после ограбления населенных пунктов скрыться за границей. В ноябре 1930 г. банда в 40 басмачей ограбила ряд кооперативов и хотела прорваться в Иран. Путь им преградили отделения

кавалеристов и небольшая группа пограничников под руководством командира взвода Краснощекова. Более половины басмачей, все награбленное имущество и скот оставила шайка на поле боя{401}.

Осенью 1930 г. и весной 1931 г. особую активность в формировании местных банд проявлял Ишик-хан, поддерживавший тесные связи с баями-скотоводами. Он обещал внутренней контрреволюции щедрую помощь, а в случае провала — надежное укрытие за границей{402}.

В Туркмении главным координатором басмаческих сил был известный Ораз Гельды Канджик. В апреле 1931 г. он сколотил банду в 60 басмачей, совершил ряд ограблений, погромов и убийств советских работников. Собрав представителей баев, он объявил себя ханом и даже сформировал «правительство»{403}. [172]

На помощь Ораз Гельды Ишик-хан направил из-за рубежа нескольких курбаши. О цели их прихода в Советский Туркестан рассказал один из задержанных курбаши — Мурад-Али: «Кара Мухт из Персии... прорвался на советскую территорию в Геок-Тепинский район... Через несколько дней Кара Мухт... прибыл ко мне на колодец Ак-Кую. Он мне сказал, чтобы я ни в коем случае не мирился с Советской властью и боролся с ней до последнего конца... что поэтому он, Кара Мухт, прибыл из Персии для совместных активных действий против Советской власти»{404}.

К июню 1931 г. под началом Ораз Гельды насчитывалось до 400 человек{405}. Его основная группа совершила несколько налетов на мелкие гарнизоны и небольшие населенные пункты, а затем перебралась в Тедженский район. Там ей удалось, осуществляя массовый террор, сорвать заготовку хлеба, ограбить ссыпные пункты.

Одновременно в Красноводский район откочевала большая группа казахов-скотоводов, которые после начала коллективизации поддались байской агитации и двинулись через Туркмению, чтобы уйти за границу{406}. Из их числа баи организовали несколько вооруженных отрядов, которые объединились с местными басмаческими шайками.

Сопrotивление социалистическому строительству со стороны байско-кулацких элементов на территории Советской Туркмении к началу апреля 1931 г. приняло форму широкого вооруженного выступления басмачей против Советской власти. Свою базовую стоянку басмачи создали в песках Каракумов. Оттуда они развернули наступление на другие районы.

Каракумы стали в 1931 г. центром басмачества не только из-за своих природных особенностей, но и в силу ряда социально-экономических условий: сохранения феодально-родовых отношений, слабой классовой дифференциации; засилья в Советах родовых вождей, баев и мулл. Кроме того, здесь нашли приют некоторые главари прежних басмачей, сюда же бежали все те, кто скрывался от Советской власти.

К началу объединенного выступления внутренних и внешних сил контрреволюции на территории Советского Туркменистана действовали три типа басмаческих банд: зарубежные, туркменские и объединенные туркмено-казахские, или иомудо-казахские. По географическим, национально-родовым и в какой-то мере экономическим признакам банды делились на пять основных группировок: иомудо-казахскую, возглавлявшуюся Эйли Ахуном и действовавшую в Казанджикском и Красноводском районах; текинскую — собранную из басмачей Бахарденского и Геок-Тепинского районов — во главе с Мурад

Али; текинскую — во главе с Ораз Гельды Канджиком, орудовавшую в Теджено-Мервском районе; дарганатинскую — во главе с Караджа Аксакалом; ташаузскую. [173]

Каждая из этих группировок имела свои особенности, но их объединяла общая цель — свержение Советской власти в Туркмении. Едиными были и методы борьбы: массовый террор, особенно против партийных и советских работников, разгром органов законной власти и государственных учреждений, грабеж населения.

Басмачи выступили в Туркмении во второй половине марта 1931 г. Своеобразным сигналом послужил приход из-за границы группы Хак Мурада. На пути басмачи громили советские учреждения, терроризировали и грабили население.

Для предотвращения дальнейших действий этой группы в Красноводский район был направлен небольшой отряд (52 бойца) из состава 85-го дивизиона войск ОГПУ под командованием Цейтлина. Прибытие отряда и арест нескольких баев вызвали переполох среди контрреволюционеров. На тайном совещании вожakov басмачей было решено уничтожить отряд и бежать за границу. Об этом сообщили руководителю зарубежного басмачества — Джунаид-хану.

19 апреля 400 басмачей напали на чекистов. Отряд был обстрелян из засады с расстояния 30–40 метров. Командир и два бойца были убиты, остальные заняли круговую оборону. Бой длился трое суток. 15 раненых бойцов попали в руки басмачей и были зверски убиты. Один из басмачей — участников расправы, попавший осенью 1931 г. в плен, признал на допросе: «Никто из них не просил пощады»{407}.

Нападение на чекистский отряд активизировало всех басмачей. В конце апреля небольшие шайки ограбили несколько кооперативов, захватили караваны с хлебом, в отдельных кишлаках убили партийных и советских работников.

Подняла голову контрреволюция в Хивинском оазисе. С помощью прибывших туда из-за границы басмачей ей удалось сколотить группировку в 875 человек. Но главные события развернулись на территории Туркмении, где сконцентрировались основные байско-кулацкие и басмаческие силы. В районе Кизыл-Арвата оперировала банда до 200 человек. Сюда Джунаид направил отряд Ишик-хана.

Центром басмаческих выступлений стали Красноводский и Казанджикский районы. Там сосредоточилась иомудо-казахская группировка, имевшая в своем составе около 1500 человек. Начались массовые погромы и террор. 22 апреля басмачи уничтожили постройки, разграбили склады в Ходжа-Суфи, причинив большой материальный ущерб. 27 апреля они разграбили промыслы треста «Кара-Бугаз сульфат».

В результате антисоветской агитации, шантажа, угроз и прямого насилия баям удалось пополнить ряды басмачей. К началу июня 1931 г. только в Красноводском районе действовали три крупные группы общей численностью 1960 человек, В этот же район прорвалась зарубежная банда в 60 человек{408}. [174]

Контрреволюционная верхушка объединяла все свои отряды в ударный кулак. К июню 1931 г. был создан единый центральный орган, в который, в частности, вошли известные своей жестокостью Эйли Ахун и Анна Дурды. Базовая стоянка басмаческого центра находилась у колодца Чагыл.

С образованием басмаческого центра каждая группа получила определенный участок, в пределах которого ей предписывалось осуществлять диверсии и террор, разгонять колхозы и совхозы, уничтожать советский аппарат.

Только в июле басмачи совершили 17 налетов, 41 террористический акт, множество грабежей и насилий. 30 июля во время налета на Казанджик они разрушили железнодорожное полотно, вызвав крушение двух почтовых поездов {409}. Действия басмачей парализовали хозяйственную жизнь отдельных районов. На Красноводском участке работа предприятий приостановилась, и жизнь в отдельных кишлаках замерла на целых три месяца.

Осуществляя массовый террор, басмаческие вожаки объясняли свои действия просто: учителя надо убить за превращение детей в безбожников, дехкан — за сочувствие советским отрядам, женщин — за желание научиться грамоте {410}.

Для борьбы с басмачеством были сформированы специальные отряды из пограничников, войск ОГПУ, Красной Армии и добровольцев.

20 мая в Красноводский район были направлены части 24-го кавалерийского полка войск ОГПУ под командованием И. И. Ламанова. Другие две группы были посланы для борьбы с басмаческими бандами в Кизыл-Арватском, Казанджикском, Джебелском, Ташаузском районах.

В ночь на 27 мая отряды Красноводского участка начали боевые действия. К 10 июня они очистили от басмачей обширную территорию в западной части Туркмении. Стремясь сохранить силы и намереваясь выиграть время для их перегруппировки, басмачи вступали в переговоры о добровольной сдаче. И если такой маневр удавался, то, укрепив свои отряды, они вновь разворачивали вооруженные действия.

В связи с создавшейся обстановкой Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Туркмении приняли решение о мобилизации населения, прежде всего коммунистов, комсомольцев и советского актива, на борьбу с басмачами. Все воинские и добровольческие подразделения были приведены в боевую готовность. Специально сформированный полевой штаб разработал план нанесения ударов по основным базам басмачей в районе колодцев Орта-Кую, Геоклен-Куюсы, Каймат.

Перед началом операции правительство Туркменской республики провело ряд мероприятий социально-политического характера, которые подрывали влияние контрреволюционных сил на трудящееся население: были изданы декреты о национализации колодцев, конфискации скота и прочего имущества у байской [175] верхушки, ушедшей в басмаческие шайки, выпущены обращения к скотоводам с предложением вернуться к мирному труду.

Для проведения разъяснительной работы, практического осуществления принятых правительством постановлений, восстановления органов власти в кишлаках, подвергавшихся басмаческим погромам, создавались специальные группы из партийного и советского актива. Для защиты населения от налетов басмачей в кишлаках организовывались отряды «краснопалочников». Их численность к осени 1931 г. превысила 12 тыс. человек {411}.

Подготовительные мероприятия позволили начать операцию организованно и провести ее в короткие сроки. Тесное взаимодействие партийных и советских органов с командованием войсковых частей, активная помощь трудящихся, высокие морально-боевые качества бойцов и командиров обеспечили успех. В Красноводском районе уже к 23 июня была восстановлена нормальная работа в советских органах, на предприятиях и промыслах.

Бойцы Красной Армии и добровольцы стойко переносили все трудности. В безводной пустыне они совершали многодневные переходы, в боях с басмачами проявляли мужество и отвагу. Четверо суток вел бой у колодца Тереская отряд Кобисского. Этот отряд из 90 бойцов разгромил хорошо вооруженную басмаческую шайку в 200 человек.

Однако успехи операции были переоценены полевым штабом. Разгром крупных формирований басмачей руководство штаба рассматривало как ликвидацию самой базы контрреволюционных сил и 23 июня 1931 г. приостановило дальнейшее проведение операции. Между тем обстановка оставалась сложной.

К концу июня на территории Туркмении действовало 14 банд, насчитывавших более 2 тыс. басмачей. При этом около тысячи басмачей состояло в иомудо-казахской группировке, которая представляла наибольшую опасность. Правда, среди басмачей не было единства. Вовлеченные обманном путем или угрозами в банды, дехкане-бедняки не хотели выступать против Советской власти. Свое недовольство они все чаще высказывали открыто. Но вожаки принимали крутые меры по сохранению банд, настаивали на продолжении вооруженной борьбы, жестоко карали «ослушников». Под их давлением группы, согласившиеся на добровольную сдачу, проводили лишь частичное разоружение. Кроме того, курбаши, ведшие переговоры о сдаче, стали настаивать на отсрочке отпуска своих отрядов.

Между тем командование войск ОГПУ необдуманно поспешило расформировать Красноводский боевой участок. Начальник участка И. И. Ламанов послал донесение, в котором указывал, что эти действия являются преждевременными, и просил [176] оставить имевшиеся там воинские части. Но руководство не приняло во внимание данное сообщение.

Воспользовавшись передышкой, вожаки басмачей переформировали сохранившиеся силы. Со второй половины июля они снова перешли к активным действиям [412]. Басмачи терроризировали и грабили население. На помощь им, как и раньше, поспешили басмачи из-за рубежа.

3 августа на советскую территорию прорвалась группа в 40 человек. 27 августа банда Кара Мухта пыталась совершить налет на населенный пункт вблизи колодца Куль-Такир. Налет басмачей был отбит Коммунистическим отрядом.

Несколько раньше, в начале августа, банда Какабая, насчитывавшая 350 человек, осадила колодец Ербент, который обороняли отряд милиции и подразделение 2-го Туркменского полка. Шесть суток длился бой. Понеся большие потери, басмачи скрылись в песках.

В Геок-Тепинском районе орудовали 600 басмачей Ораз Гельды. Они грабили караваны с хлебом, убивали советских и партийных работников, активистов и даже блокировали ряд кишлаков. В Ташаузском районе мелкие басмаческие группы систематически

терроризировали население. К началу сентября 1931 г. басмачи совершили 86 налетов. Были ограблены мирные кишлаки, 34 колхоза и совхоза. Во время налетов погибли 34 партийных и советских работника.

Несмотря на отдельные успехи в борьбе с басмачеством, к 1 сентября в Туркмении насчитывалось до 3 тыс. вооруженных басмачей. Наиболее крупной группировкой по-прежнему оставалась иомудо-казахская. Действовала она в северной части Красноводского и Казанджикского районов. Ее центральная база находилась в районе колодца Чагыл. Бахарденская группировка вместе с басмачами Мурад Али имела в своем составе более 400 человек. Ашхабадская, возглавлявшаяся Какабаем и Акдыр-ханом, насчитывала до 150 человек. Тедженская группировка объединяла остатки разбитых шаек Ораз Гельды (сам Ораз Гельды 28 августа был убит) — 375 басмачей. В байрамалийской группировке насчитывалось до 160 человек, в дарганатинской — до 120, в гашаузской — до 260 человек.

В руках басмачей оказались почти все Каракумы. Новый всплеск басмачества был в конечном итоге вызван обострением классовой борьбы в связи с наступлением Советской власти против остатков капиталистических элементов в городе и деревне, а также попытками басмаческо-эмигрантских кругов вернуть утерянные экономические и политические позиции. В этих условиях Центральный Комитет партии, ВЦИК и Совнарком СССР дали указание Среднеазиатскому военному округу в кратчайший срок очистить Каракумы от бандитских шаек {413}.

Партийно-советские органы Средней Азии и Туркмении и [177] командование Среднеазиатского военного округа приняли решение провести на территории Туркмении и в Хорезме новую, более мощную комбинированную операцию по ликвидации банд и защите населения. Главная задача операции состояла в ликвидации крупных басмаческих отрядов, возвращении дехкан к мирному труду, оказании им необходимой помощи, улучшении их культурно-бытовых условий, укреплении советских органов в местах, пораженных бандитизмом.

Для намеченного плана первоначально было сформировано четыре сводных отряда. Западный (главный) наносил удар в направлении урочищ Джуркуль-Чапан и Кюй-Кун; Южный — вспомогательный удар в направлении колодца Бусага и урочища Аз-Кум; Восточный выполнял роль заслона в районе родника Кин-Тыкче и одновременно наносил короткие удары в местности Османтай-Матай; Северный осуществлял комплексные задачи по ликвидации басмачества. Как и во время первой операции, в боях должны были принять участие активисты, коммунисты и комсомольцы. Для проведения политико-массовой работы среди населения на каждое из четырех направлений была выделена группа ответственных партийных и советских работников. Начало операции было намечено на 9 сентября 1931 г. Однако в связи с возросшей активизацией басмачей операция началась раньше срока — 5 сентября.

Общее руководство было возложено на командующего Среднеазиатским военным округом (САВО) П. Е. Дыбенко, члена Реввоенсовета фронта Г. Г. Ястребова и полномочного представителя ОГПУ Е. Г. Евдокимова. При них были созданы центральная оперативная группа ОГПУ и полевой штаб САВО, расквартированный на станции Кизыл-Арват. При полевом штабе находились представители Средазбюро ЦК ВКП(б) (Зайцев), ЦК КП(б) Туркменистана (первый секретарь ЦК КП(б)Т Я. А. Попок и секретарь ЦК Ч. Веллеков) и Совнаркома Туркменской ССР (председатель Совнаркома К. С. Атабаев).

На исходные позиции выдвигались более крупные силы Красной Армии и добровольческие отряды. В Красноводске к операции готовились курсанты Ташкентской военной школы им. В. И. Ленина во главе с А. К. Малышевым. Здесь же находился мотомеханизированный отряд под командованием заместителя начальника пограничных и внутренних войск Средазуправления ОГПУ И. И. Ламанова; представителями ЦК КПТ в отряде были Н. Айтаков и С. Унгалбаев. Со станции Казанджик двигалась кавалерийская бригада под командованием Я. А. Мелькумова; представителем ЦК КПТ был А. Мурадов. Из Кизыл-Арвата шел Узбекский кавалерийский полк под командованием Миркамиля Миршарапова; представитель ЦК КПТ — Аннамухаммедов. Из Бахардена шел другой узбекский кавалерийский полк под командованием И. П. Бикжанова; представителями [178] ЦК КП(б)Т здесь были Б. Атаев и О. Тачмамедов. Со станции Артык двигался отряд погранвойск, где представителем ЦК КПТ являлся М. С. Каджаров. Из Теджена выступил трижды Краснознаменный 82-й Актюбинский кавалерийский полк во главе с А. И. Бацкалевичем; представителем ЦК КПТ здесь был А. Курдов. Из Мерва вышел 83-й Баглинский кавалерийский полк во главе с М. В. Самокрутовым. Из Хивы и Ташауза направлялись 84-й Краснознаменный кавалерийский полк под командованием И. И. Хрюкина и полк войск ОГПУ во главе с Константиновым. В Ашхабаде формировалась 1-я Коммунистическая рота под командованием Т. Чайказина {414}.

Операция проводилась в два этапа. На первом этапе, продолжавшемся до 19 сентября 1931 г., наносился удар по основным базовым стоянкам басмачей.

Первое столкновение мотомеханизированного отряда, возглавляемого И. И. Ламановым, с боевым охранением иомудо-казахской группировки произошло 12 сентября. 13 сентября 2-й Туркменский полк и отряд Ламанова атаковали главные силы иомудо-казахской группировки. Имея хорошо укрепленные позиции (укрепления составляли 3 км по фронту и 4 км в глубину) и большое превосходство в живой силе, банда оказала яростное сопротивление. 14 часов длился бой. Басмачи не выдержали натиска наших частей. 198 бандитов были убиты и ранены; погиб курбаши Хак Мурад, осуществлявший связь с представителями английской разведки. В бою у колодца Чагыл пали смертью храбрых И. И. Ламанов и чекист Чары Мурадов. Оба они в самый напряженный момент боя возглавили атакующие цепи красноармейцев, обеспечив тем самым прорыв обороны противника. Героизм проявил курсант Н. Г. Лященко.

Остатки иомудо-казахской группировки прорвались на северо-восток. 17 сентября у колодца Дахлы их настиг сводный кавалерийский дивизион под командованием Малышева. Завязался бой — самый тяжелый и самый кровопролитный за всю операцию. В течение 10 часов бандиты сопротивлялись с яростью обреченных. Вскоре сюда прибыл отряд курсантов под командованием Якуба Кулиева. Разгром басмачей был полным. Лишь немногим из них удалось скрыться.

17 сентября части Красной Армии столкнулись с ташаузской группировкой, пытавшейся объединиться с бандами, действовавшими в Каракумах. Из 250 басмачей 90 было уничтожено, ранено и взято в плен.

Всего на этом этапе операции было разгромлено шесть басмаческих группировок, уничтожено и взято в плен 1037 человек, заняты важнейшие базовые стоянки банд. «Разгромом басмаческих группировок и их баз в этих центрах (у колодцев Чарышлы, Дахлы, Туар и Чагыл), — говорилось в донесении полевого политуправления Среднеазиатского военного округа, — закончился первый этап операции против басмаческих банд» {415}. [179]

Красноармейцы, командиры и бойцы добровольческих отрядов выдержали суровый экзамен. В едином строю, воодушевленные общей целью, плечом к плечу героически дрались с врагом коммунисты, комсомольцы и беспартийные; русские и украинцы, белорусы, туркмены, казахи, представители других национальностей страны. Из представителей местных национальностей создавались отряды самоохранников и «краснопалочников». Это движение к концу 1931 г. стало массовым.

На втором этапе стояла задача ликвидировать оставшиеся группы басмачей, не допустить их прорыва за границу, изъять оружие.

Этот этап начался 22 сентября 1931 г. К тому времени сложилась следующая обстановка. В ряде районов мелкие группы басмачей под видом мирных жителей скрывались среди откожевщиков в далеких становищах. В Бахарденском, Ербентском, Мервеко-Тедженском и некоторых других районах, где ранее военные операции не проводились, басмачи сохранили свои силы. Не были еще ликвидированы и группы, прорвавшиеся из-за границы.

Второй этап операции имел ряд особенностей. Во-первых, возросло участие населения в борьбе с басмачеством. Во-вторых, после ликвидации наиболее крупных группировок басмачи уже не оказывали столь ожесточенного сопротивления, как прежде, значительно усилилось их разложение. С повинной все чаще приходили не только рядовые басмачи, но и курбаши.

В сентябре — октябре 1931 г. добровольно сдались 1043 рядовых басмача, 17 курбаши. За это же время в боевых схватках было уничтожено 84 и взято в плен 98 басмачей. Но часть главарей все еще не хотела складывать оружия. Так, в начале октября вновь объединились остатки разрозненных казахских и туркменских групп на севере Каракумов численностью до 400 человек. Главная роль в этом объединении принадлежала Дурды Мурту и Бекджанхану.

Против басмачей были направлены кавалерийский полк и другие части. Совместными действиями они ликвидировали основные силы басмачей (большая часть попала в плен, только Бекджанхану и Дурды Мурту удалось скрыться).

В Куня-Ургенчском районе действовали 1-й Туркменский полк и мотомеханизированный отряд, в Ильялинском районе — Узбекский кавалерийский полк и 2-й дивизион 10-го кавалерийского полка, в Тахтинском районе вел борьбу 84-й кавалерийский полк.

7 октября началось общее наступление, в котором широкое участие приняли местные жители. Они активно помогали в поиске, захвате и разоружении басмачей, в изъятии скрытого оружия. В результате помощи местного населения только с 7 по 10 октября 1931 г. удалось конфисковать более 4 тыс. винтовок и револьверов. [180]

В результате операции в Каракумах сдалось добровольно, было взято в плен, убито и ранено 3287 басмачей.

К осени 1931 г. основным басмаческим силам в Туркмении пришел конец. Феодално-родовая верхушка как социально-экономическая прослойка прекратила свое существование. Тем самым басмачество лишилось питательной среды, почвы и базы. В

ходе борьбы с басмачами до 50 тыс. голов мелкого скота и 10 тыс. верблюдов было передано беднякам.

Борьба с басмачеством в Туркмении на этом не закончилась. Благодаря помощи контрреволюционной эмиграции отдельные курбаши еще длительное время продолжали свою бандитскую деятельность, чему способствовали природные условия Туркмении — огромные пустынные территории, где легко скрывались небольшие басмаческие группы.

В 1932 г. и в первой половине 1933 г. Джунаид-хан, Ахмед-бек, Дурды Мурт и другие заслали в Советскую Туркмению несколько десятков басмаческих шаек. Только с 1 января по 7 марта 1932 г. на советскую территорию вторглись 32 группы общей численностью более 1430 человек, которые в большинстве случаев либо задерживались, либо уничтожались пограничниками в боях на границе. В июле 1932 г. шесть небольших банд скрывались в глубине Каракумов.

К августу 1932 г. Ахмед-беку и Дурды Мурту удалось в последний раз сколотить довольно крупный отряд, который совершал налеты на советские учреждения и кишлаки. Этот отряд затем разделился на две группировки: центральную и восточную {416}. Уклоняясь от столкновений с пограничниками и отрядами добровольцев, басмачи смогли продержаться более полугода. В мае 1933 г. была достигнута и разбита центральная группировка. В схватке погибли Дурды Мурт и Ахмед-бек {417}. Несколько позже были ликвидированы или распались банды восточной группировки. Лишь несколько мелких групп скрывались в труднодоступных районах, изредка совершая грабительские вылазки.

Земля горела под ногами басмачей. Яркий пример тому — последняя вылазка Утан-бека. 11 октября 1933 г. этот опытный басмач с 20 всадниками прорвался на территорию Туркмении. Но первые же часы пребывания на советской земле, первые десятки километров стали для Утан-бека и его сподвижников сплошным кошмаром. Ненавидящие взгляды и проклятия женщин, заставы «краснопалочников» у въездов в кишлаки, перекрытые перекрестки дорог, несмолкаемое цоканье копыт приближающейся погони...

Сознание неизбежности краха, страх, инстинкт самосохранения оказались на этот раз сильнее злобы, чувства мести, стремления грабить и убивать.

...Привстав на стременах, Утан-бек взмахнул камчой, и вся банда повернула в сторону границы. Прорвавшись обратно за [181] рубеж, Утан-бек через несколько дней явился к главе туркменской эмиграции Ишану Халифе и заявил, что он никогда больше не пересечет советскую границу.

Басмачи нанесли огромный ущерб Туркменской республике. Старая истина, гласящая, что гибнущий хищник опасен, получила убедительное подтверждение. Басмачи — хищники каракумских песков — оставили после себя долго не заживавшие раны. Сколько мужественных борцов за социализм пало от рук басмачей, сколько детей осталось сиротами!

Среди павших героев — районные руководители в Куня-Ургенче Бердыев и Садыков, активисты из аула Мулик-Язы (Векил-Базарский район) братья Аннамурадовы, секретарь комсомольской ячейки аула Ходжам-Кала-2 Кара-Калинского района Бекмурад Довлетов, активист из Порсинского района Аманнепес Овезов, активистка Кейик Саметова из Карабекаульского района, бедняк Нобат Овезмурадов из Чарджоуского района, батрак, колхозный активист из Байрам-Алийского района Рахман Ниязов и многие другие.

Большой ущерб басмачество нанесло народному хозяйству. Длиннен перечень сожженных складов, разграбленных магазинов, разрушенных предприятий, совхозных помещений, жилых домов. А вытопанные посевы, уничтоженный сельхозинвентарь!

Особый урон понесло скотоводство. Только за зиму 1930 г. поголовье скота сократилось на 19%. Погибло, было разграблено или угнано за границу 375 тыс. каракульских овец. В 1931 г., когда басмачество в Туркмении достигло апогея, поголовье каракульских овец снизилось на 41%, грубошерстных — на 62%, крупного рогатого скота — на 52%.

Понадобились долгие годы, понадобился упорный труд рабочих и колхозников Туркмении, чтобы залечить раны, нанесенные «хищниками пустыни». [182]

Заключение

Одной из форм классовой борьбы в Средней Азии, принявшей исключительно ожесточенный характер, было басмачество. Оно явилось выражением классовой борьбы байства, местной буржуазии и реакционного мусульманского духовенства против диктатуры пролетариата. М. В. Фрунзе в докладной записке В. И. Ленину правильно подметил, что басмачество было «вооруженным протестом против новых начал, на которых должна строиться новая жизнь»{418}.

Социальной базой басмачества были феодалы, родовая знать, бывшие владельцы крупных земельных угодий, эмирские и ханские чиновники. Лишенные революцией своих богатств и привилегий, они были ее заклятыми врагами. Из этой среды вышло большинство руководителей басмачества. В отчете ЦК КПТ VII съезду КПТ (март 1923 г.) подчеркивалось, что «все отдельные курбаши являются крупными феодалами, крупными поработителями широких дехканских масс»{419}.

Нарождавшаяся местная национальная буржуазия также приняла активное участие в развитии басмачества. Ее позиция определялась борьбой против социалистического пути развития Туркестана, борьбой за капиталистический путь.

Байство и феодальная знать, являясь наиболее многочисленным эксплуататорским классом в Средней Азии, давало басмачам свои кадры. Каратегинский бек Фузайл Максум и богач Кувандык-бай, имевший более 10 тыс. каракульских овец; видный эмирский чиновник, родовой вождь локайцев Каюм Парвайчи и крупный бай Байрам Молла; мулла, сын главы мусульманского духовенства в Бухарском эмирате Салахутдин Сулейманов и богатый скотовод Курартык Адиров; крупный киргизский манап Муэтдин, на которого работало свыше 5 тыс. батраков, чайрикеров, чабанов, и туркменский феодал Джунаид — вот социальные фотографии басмаческих руководителей. Уголовники, люмпены и прочие деклассированные элементы, влившиеся в ряды басмаческих отрядов, еще более усилили их зловещую, бандитскую, разбойничье-террористическую окраску.

VI съезд Компартии Туркестана (август 1921 г.), определяя социальное лицо басмачества, констатировал, что «в качестве руководителей и организующей силы (басмачества. — Авт.) выступают байство и деклассированные элементы профессионального бандитизма»{420}. [183]

О контрреволюционной направленности басмачества убедительно говорят и многочисленные факты блокирования басмачей с махровой белогвардейщиной. Казалось бы, басмачи, выдававшие себя за выразителей национальных интересов народов Средней Азии, должны были видеть явных врагов в русских белогвардейцах, не скрывавших своих шовинистических взглядов. Но басмачи являлись не врагами, а друзьями и союзниками российских белогвардейцев. Адмирал Колчак, генерал Деникин, белоказачьи атаманы Дутов, Толстов, Анненков поддерживали тесные связи с басмаческими вожаками, оказывали им помощь. В рядах басмачей было немало белогвардейских офицеров, выполнявших функции военных инструкторов.

Большую роль в организации басмачества сыграло реакционное мусульманское духовенство. Оно провозгласило «газават», объявило басмачей «воинами Магомета» и «борцами за веру», назвав «гяурами» и «кяфирами» тех, кто не вошел в басмаческие шайки. Не без помощи мусульманского духовенства велась широкая панисламистская и пантюркистская пропаганда и агитация {421}. В лагерях басмачей постоянно находились панисламистские агитаторы.

Давая характеристику основному ядру басмачества, М. В. Фрунзе писал в мае 1920 г., что в рядах басмачей находятся те, кто привык к грабегам и насилиям, привык за счет беспощадно обираемого населения строить себе праздную и привольную жизнь, те, кто, опираясь на собравшиеся под их знаменем шайки, мечтал стать властителем края, новым ханом {422}.

Идейными вожаками басмачей были буржуазные националисты. Выдавая себя за защитников общенациональных интересов и являясь на деле выразителями интересов эксплуататорских классов, они разжигали межнациональную вражду, пытались использовать басмачество для восстановления господства феодалов и баев и отрыва Средней Азии от Советской России. Ряд буржуазных националистов, находясь в руководящих органах среднеазиатских республик, тайно поддерживали басмачей, организовывали снабжение их оружием и боеприпасами.

Но не только представители свергнутых эксплуататорских классов находились среди басмачей. В басмаческие банды была вовлечена и определенная часть трудового дехканства.

Это объяснялось рядом причин. После победы социалистической революции в Туркестане, как и во всей стране, были приняты меры для проведения в жизнь ленинского Декрета о земле. Однако осуществить Декрет о земле и закон о социализации так, как это произошло в русской деревне, в Туркестане не удалось. Основная часть земли оставалась в руках эксплуататоров. IV краевой съезд Советов констатировал, что вопреки закону о земле в крае продолжается продажа и купля земли. В еще большей степени это относилось к Бухаре и Хорезму. [184]

Решение земельного вопроса в Туркестане было связано не только с ликвидацией помещичьего землевладения, но и в значительной степени с необходимостью ликвидации землевладения русского переселенческого кулачества.

Земельный вопрос в условиях Средней Азии необходимо было решить в тесной связи с водным вопросом. Ирригационная система Средней Азии была развита слабо, и это тормозило решение аграрного вопроса.

В большинстве районов Средней Азии были сильны феодально-патриархальные пережитки. Это особенно сказывалось в глубинных районах Туркмении, Таджикистана, юга Киргизии. В киргизскую общину, например, входило несколько родов, во главе ее стоял наследственный манап, считавшийся полновластным хозяином. Его решения являлись законом для всех жителей общины. После победы Октября манапы стремились остаться хозяевами и настраивали членов общины против Советской власти.

Нерешенность земельного вопроса в Узбекистане вплоть до 1924 г. констатировал в своих решениях II съезд КП Узбекистана (1925 г.) В резолюции съезда было сказано: «Не изжиты до настоящего времени остатки феодальных отношений в кишлаке, выражающиеся в наличии частной собственности на землю, приводящие к сосредоточению у небольшой группы помещиков и байско-кулацких элементов города и деревни более 1/3 всех культурных земель и закабалению бедняцко-средняцких слоев кишлака»{423}.

Именно нерешенностью аграрного вопроса в значительной степени определялось поведение дехканства. Не почувствовав на собственном опыте больших изменений во владении землей, дехканство оставалось в значительной степени в зависимости и под влиянием старых эксплуататоров и духовенства, звавших его на борьбу с Советской властью. В то же время действия басмачества серьезно затрудняли и тормозили осуществление коренных аграрных преобразований. На это и рассчитывал классовый враг: развертывая басмачество, сохранить старые социально-экономические отношения; а сохраняя их — оставить базу для новых басмаческих вспышек.

Вовлечению определенной части дехканства в басмаческие шайки способствовали искривления национальной политики партии, допускавшиеся главным образом шовинистическими, националистическими и эсеровскими элементами, пробравшимися в советские органы Средней Азии. Извращая национальную политику Советской власти, чуждые элементы возбуждали недоверие у отсталой части дехканства, чем широко пользовались организаторы басмачества.

Политическая и культурная отсталость дехканской массы, ее религиозные предрассудки были питательной средой для агитации руководителей басмаческих главарей и реакционного духовенства. [185] И опять-таки басмачество мешало преодолению этой отсталости, срывая политико-просветительную работу органов Советской власти, развертывая террор не только против советского актива, но и против любых носителей прогресса и культуры. Нельзя недооценивать и значение террора, при помощи которого басмаческие курбаши заставляли идти дехкан в свои отряды. Насилие и запугивание, использование метода заложничества (людьми, скотом, имуществом) приводили к тому, что тысячи людей, ненавидевших басмачей, против своей воли оказывались в их рядах, с большим трудом находя затем пути возвращения к мирной жизни.

Организаторы басмачества использовали тяжелое экономическое положение, которое сложилось в Туркестане в канун Великой Октябрьской социалистической революции. Упадок хлопководческого хозяйства привел к разорению сотен тысяч дехканских хозяйств. Главари басмачей всеми силами стремились завербовать в банды разорившихся дехкан, не находивших применения своим силам в сельском хозяйстве. А действия басмачей, в свою очередь, приводили к углублению разрухи, сохраняя и этот резерв для пополнения басмаческих отрядов.

Участие определенного количества дехкан в басмаческих отрядах не придало басмачеству характера народного движения. Утверждение о том, что басмачество пользовалось поддержкой большинства коренного населения Туркестана на всем протяжении гражданской войны, является клеветой на народы Средней Азии. Вспомним, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал: «Широкая масса населения угнетенных наций... доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии... Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы» {424}. Совершенно естественно, что трудящиеся массы Туркестана не могли поддерживать басмачей, которые были их злостными классовыми врагами.

Подавляющее большинство трудящегося населения Средней Азии с презрением и ненавистью относилось к басмачам. Бесчисленные факты, отраженные в архивных документах и в воспоминаниях участников событий тех лет, свидетельствуют об отрицательном отношении к басмачам большинства жителей кишлаков и аулов, свидетельствуют о том, что трудящиеся узбеки, таджики, туркмены, киргизы, казахи, каракалпаки боролись против басмачей. VI съезд КПТ (август 1921 г.), анализируя итоги борьбы с басмачеством за предыдущие годы, отмечал в своей резолюции, что большинство трудящихся масс дехканства «не сочувствует, а идет против этого движения (басмачества. — Авт.), имея в основе своего настроения непреодолимое желание во что бы то ни стало и как можно скорее его ликвидировать» {425}.

В отчете ЦК КПТ VII съезду КПТ подчеркивалось, что народные массы боролись с басмачеством. Вместе с этим указывалось, [186] что свергнутые эксплуататорские классы «стремились придать басмачеству политическую окраску, дать определенную программу, превратить его в широкое народное движение» {426}.

Сохранилось много народных узбекских, таджикских, туркменских песен времени борьбы с басмачеством. Во всех них говорится о басмачах, как о палачах, насильниках и разбойниках.

Зерно мы собрали —

Его не оставили нам басмачи.

Горе, несчастье и слезы

Оставили нам басмачи {427}.

Большинство трудящихся коренных национальностей, как это было показано в книге, не пошло за басмачами. В этом крылась главная причина поражения басмачества, и это было одним из важнейших условий победы Советской власти над объединенными силами интервентов и внутренней контрреволюций в Средней Азии.

Действия басмачей, то затухая, то вспыхивая вновь, продолжались в отдельных районах почти 15 лет. Возникает вопрос: чем объяснить такую продолжительность этой борьбы? Выше говорилось о социальных корнях басмачества, о внутренних факторах, способствовавших его распространению. Однако главным фактором, обусловившим живучесть басмачества, следует признать фактор внешний. Иностранная поддержка, оказанная в самых широких масштабах, обеспечивала первоначальный подъем басмачества, его последующее расширение, гальванизировала и инспирировала дальнейшие вспышки басмачества. Можно считать абсолютно доказанным, что англо-американские разведывательные службы с помощью официальных представителей в Китае, Иране, Афганистане, опираясь на реакционные круги этих стран, находились в постоянном контакте с басмаческими главарями и буржуазно-националистическими организациями и направляли их деятельность. Все видные руководители басмачей были

наемными агентами американской и английской разведок. Именно иностранные организаторы, иностранное оружие и золото обеспечили создание многих басмаческих банд — больших и малых. Значение этого фактора особенно наглядно проявилось на последних этапах басмачества. На протяжении ряда лет основные басмаческие кадры после поражений отсиживались за границей. Там банды вооружались, переформировывались, пополнялись, оттуда вторгались в советские пределы, чтобы вновь потерпеть поражение и опять укрыться на чужой территории.

Слова М. В. Фрунзе (май 1920 г.) о том, что басмачество, «не имея оплота в местном населении», находит поддержку «за рубежом, в английском, афганском и бухарском золоте и оружии»{428}, как нельзя лучше характеризуют роль иностранной помощи. [187]

О предоставлении басмачам из-за границы денег, оружия, снаряжения, обмундирования, об участии иностранных воинских частей, инструкторов, советников в боевых действиях, о засылке многочисленных агентов, связных, диверсантов свидетельствуют тысячи и тысячи фактов. Многие из этих фактов признаны и подтверждены бывшими офицерами, дипломатами, разведчиками иностранных государств.

Сами басмачи не раз давали убийственные показания относительно руководящей роли своих зарубежных хозяев. Один из крупнейших деятелей басмачества, Ибрагим-бек, на следствии рассказал, что, когда замышлялось вторжение в Советский Таджикистан, доверенные лица бывшего бухарского эмира подробно инструктировали его, Ибрагим-бека, «по поводу дальнейшей борьбы против Советской власти», снабжения басмачей оружием, боеприпасами и т. д. Ибрагим-бек должен был «направиться к советской границе, перейти ее и организовать широкое движение против Советской власти»{429}. Ибрагим-бек не скрыл и одной «небольшой» детали: в обсуждении всех этих вопросов участвовал английский представитель.

Анализируя историю борьбы с басмачеством, неизбежно приходишь к выводу: без зарубежной поддержки басмаческое движение не смогло бы принять такие значительные масштабы и продолжаться столь длительное время.

И в период борьбы за победу Октябрьской революции, и в годы гражданской войны, и на последующих исторических этапах международная реакция отводила басмачеству важную роль в стратегических антисоветских планах. Вначале имелось в виду не допустить победы Советской власти в Средней Азии. Когда это не удалось, международная реакция решила с помощью басмачества затормозить социалистическое строительство, создать крупный антисоветский плацдарм. На всех этапах вожденной целью иностранных покровителей басмачества было превращение Средней Азии в колонию. За винтовки и пулеметы, щедро предоставлявшиеся Джунаид-хаяу, Ибрагим-беку и и им подобным, трудящиеся Средней Азии должны были бы в случае победы басмачей расплачиваться своим потом и кровью, влача колониальное ярмо.

Басмачество паразитировало на темноте масс, на засилье религии, на экономической отсталости. Контрреволюция пыталась поднять волну национализма, спекулируя на ненависти масс к политике национального угнетения, проводившейся царизмом в предшествующие годы.

Развитию басмачества способствовала экономико-географическая изолированность многих районов Средней Азии, усилившаяся в связи с двукратным полным окружением Туркестана фронтами гражданской войны — летом 1918 г. и весной 1919 г. Басмачество

не было изолированным от других туркестанских фронтов (Закаспийского, Семиреченского, Оренбургского {430}) [188] участком борьбы. Появление фронтов в Туркестане было вызвано единой целью. Они были тесно связаны между собой и в конечном итоге направлялись единым дирижером — англо-американским империализмом, рассчитывавшим комбинированным ударом со стороны Ферганы, Бухары, Закаспия, Семиречья удушить Советскую власть во всей Средней Азии. Обращает на себя внимание и тот факт, что в дальнейшем басмаческие банды гнездились в районах, расположенных в горах или в песках, в районах, которые вели замкнутое патриархальное хозяйство, почти не имея связей с окружающим миром. Это культивировало экономическую отсталость, тормозило социально-политическое развитие. Не случайно очаги басмачества оказались самыми устойчивыми именно в таких отдаленных, изолированных районах.

Басмачество нанесло значительный ущерб республикам Средней Азии. Колоссальная хозяйственная разруха в Туркестане, Бухаре и Хорезме после разгрома основных сил интервентов и белогвардейцев — в значительной мере результат басмаческих действий. Но и в первой половине 20-х годов, когда Советская страна развертывала мирное хозяйственное строительство, в ряде районов Средней Азии продолжались бои, гибли люди, вытаптывались посевы, горели кишлаки, угонялся скот. Огромные потери понесли среднеазиатские республики и во время басмаческих налетов в 1929–1932 гг. Однако дело не только в потерях. Борьба с басмачами отвлекала живые силы народа от решения созидательных задач, мешала укреплению Советов, культурному развитию. Все это затруднило и в известной мере затормозило социалистическое строительство.

Борьба с басмачеством показала неодолимую силу советского строя. Широчайшие народные массы, сплотившиеся под руководством Коммунистической партии, стали активными борцами и строителями новой жизни. Ни заклинания приспешников контрреволюции, ни террор басмачей не смогли заставить их свернуть с избранного пути.

Замечательную стойкость и мужество проявили рабочие Средней Азии. Они с помощью рабочих Центральной России стали цементирующим ядром в молодых республиках Востока, повели за собой многомиллионное трудовое дехканство. Массы дехканства, в огромном большинстве поддержав Советскую власть, в дальнейшем все активнее и решительнее выступали в ее защиту. Десятки тысяч дехкан, сражавшихся против басмачей в рядах Красной Армии, в отрядах добровольцев и отрядах самообороны, были подлинными выразителями мыслей и чувств народа.

Ликвидация басмачества означала победу высоких идей социализма и прогресса. Это была победа над темнотой, невежеством, над национальными и религиозными предрассудками, над отсталостью социальной, экономической, политической, над [189] феодально-байскими пережитками, над силой родо-племенных связей.

Разгром басмачества в Средней Азии имел значение не только для дальнейшей судьбы народов Советского Востока. Этим были в значительной мере сорваны планы иностранного империализма по удушению национально-освободительного движения на колониальном Востоке, в первую очередь в Китае и Индии.

Против басмачей рука об руку сражались московский и узбекский рабочие, ферганский дехканин, украинский крестьянин и бухарский ремесленник, красноармейскую роту в атаке поддерживали таджикские «краснопалочники». В этой борьбе закалилась и окрепла дружба народов, скрепленная совместно пролитой кровью. Ликвидация басмачества была

бы невозможна без классового союза трудящихся всех национальностей Средней Азии. В ходе борьбы с басмачеством создавался и укреплялся военно-политический союз рабочего класса и трудового дехканства, который стал решающей социальной и политической силой в достижении победы над врагом. Важнейшим фактором, обеспечившим укрепление этого союза в условиях Средней Азии, было неуклонное проведение Коммунистической партией ленинской национальной политики. Идеология пролетарского интернационализма одержала победу над отравленным оружием национализма.

Трудящиеся всей страны оказали братскую помощь народам Средней Азии в нелегкой борьбе с врагами. Эта помощь явилась ярким примером выполнения интернационального долга.

Проводившаяся Коммунистической партией ленинская национальная политика обеспечила создание и укрепление союза народов, подъем и расцвет национальных советских социалистических республик. В единой семье, в едином строю, борясь и созидая, трудящиеся Средней Азии пришли к победе социализма, вместе со всем советским народом успешно идут по пути коммунистического строительства.

Еще в конце гражданской войны дехкане Узбекистана сложили песню, в которой были такие слова:

Солнце взошло над горами,
В мире растаял лед.
Родное правительство с нами,
Изгнал басмачей народ{431}.

Эти слова народной песни говорят о славе народа и бесславном конце басмачей.

Ликвидация басмачества стала возможной благодаря руководству ЦК партии, придававшего огромное значение сохранению и укреплению Советской власти в Туркестане, а затем и в среднеазиатских республиках как маяка социализма для всего Востока. Об этом свидетельствуют неоднократные обсуждения вопросов борьбы с басмачеством на Политбюро ЦК, принятие [190] высшим партийным органом ответственных решений, определивших политику разгрома басмачества, а также направление им на басмаческие фронты таких авторитетнейших партийных, государственных и военных деятелей, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак, С. И. Гусев, Ш. З. Элиава, С. С. Каменев, С. М. Буденный.

Вместе с ними и под их руководством борьбу с басмачеством вели лучшие сыны народов Средней Азии и Казахстана, видные партийно-государственные работники — Н. Айтаков, К. С. Атабаев, Юлдаш Ахунбабаев, Б. Д. Дадабаев, И. А. Зеленский, Акмаль Икрамов, Турар Рыскулов, Назир Тюракулов, Файзулла Ходжаев. На туркестанских фронтах находились крупные военачальники — К. А. Авксентьевский, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко, А. И. Корк, М. К. Левандовский, А. И. Тодорский, В. Д. Соколовский, В. И. Шорин. Партийно-политическую работу в войсках Туркестана вели Ю. И. Ибрагимов, Д. И. Манжара, Н. А. Паскуцкий, Я. Х. Петерс, Д. П. Саликов, Х. Сахатмурадov, С. Турсунходжаев, Хамза Хаким-заде, Абдулла Ярмухамедов. Мужество и героизм проявили командующие и начальники групп войск, соединений и частей — Н. А. Веревкин-Рохальский, В. М. Ионов, И. С. Кутяков, И. Ф. Куц, И. И. Ламанов, Я. А. Мелькумов, Миркамил Миршарапов, П. А. Павлов, И. Е. Петров, М. В. Сафонов, А. П. Соколов, Н. Д. Томин, И. Ф. Федько, Я. Д. Чанышев, Т. Т. Шапкин. Среди интернационалистов — выходцев из стран Европы и Азии прославились Э. Ф. Кужело, Г. С. Маркович, Ма Санчи.

В летопись героической борьбы с басмачеством вошли имена Яжуба Кулиева, А. А. Лучинского, Н. Г. Лященко, Абдуллы Набиева, А. Осмонбекова, Сабира Рахимова, Юлдаша Сахибназарова, М. Султанова, Е. Хамидова.

Басмачество потерпело закономерное, исторически обусловленное поражение. Победа над ним имела огромное значение, так как басмачество ставило своей целью оторвать народы Средней Азии от Советской России, свергнуть Советскую власть, восстановить господство ханов, беков, баев, местной национальной буржуазии и превратить Среднюю Азию в колонию империализма. Басмачество боролось против социалистического пути развития Средней Азии, за сохранение старых, дореволюционных порядков. Следовательно, борьба трудящихся масс против басмачества была борьбой за защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, за торжество дела социализма. [191]

Приложение. Исторический обзор

Истории возникновения басмачества, его корням, войне с ним и окончательному разгрому посвятили свои исследования и мемуары профессиональные историки, партийные и советские работники, военные деятели и активные участники гражданской войны. К настоящему времени накоплена обширная литература, нуждающаяся в обобщении и историографической оценке не только для подведения итогов творчества, но и для определения новых горизонтов исследовательской работы, имеющей большое политическое и теоретико-познавательное значение {432}.

Формирование рассматриваемой в книге проблематики протекало в основном в пределах общепринятой периодизации развития исторической науки советского общества, так как для литературы о басмачестве характерны общие закономерности развития исторической науки в СССР. Вместе с тем наблюдались и некоторые специфические особенности изучения темы, что естественно для такого своеобразного явления, как классовая борьба, развернувшаяся на далекой и отсталой среднеазиатской окраине.

Первый период — становление и углубление темы возникновения и разгрома басмачества: начало 20-х — конец 50-х годов.

Второй, современный период, когда были достигнуты наиболее серьезные успехи в исследовательской работе: с конца 50-х годов до наших дней.

Внутри указанных периодов имеются и отдельные этапы.

Становление и развитие советской исторической науки теснейшим образом связано с организацией и совершенствованием системы научно-исторических центров. Сердцевиной их деятельности, как и всего фронта советского обществознания, была борьба за утверждение марксизма-ленинизма как идейно-теоретической и методологической основы научного творчества.

В Туркестане первыми научными центрами, вокруг которых объединились молодые кадры историков, партийно-советских и военных работников, по заданию партии приступивших к освещению опыта Октябрьской революции и гражданской войны, были Туркестанский народный (с 1920 г. — государственный) университет, Комиссия при ТуркЦИКе по изучению истории революционного движения, созданная в конце 1921 г., и

Комиссия по истории Коммунистической партии Туркестана, сформированная в этом же году. С 1922 г. при ЦК Компартии Туркестана начала работать Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии Туркестана (Туркбюро Истпарта), преобразованная впоследствии в Среднеазиатское бюро Истпарта (Отдел истории партии и Октябрьской революции при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б), которое просуществовало по 1930 г.)^{433}. Одновременно создавались военно-научные общества. Проблематика, связанная с басмачеством, разрабатывалась и в Туркестанском (затем Среднеазиатском) [192] рабоче-крестьянском коммунистическом университете, существовавшем в 1921–1931 гг.; здесь же готовились кадры научных работников из представителей местных национальностей. Этими же проблемами в какой-то мере занимались Общество по изучению Киргизстана и Историко-краеведческий комитет! при ЦИК Туркменистана и некоторые другие научные организации.

Изучение истории Советского общества, гражданской войны, в том числе басмачества, началось в годы, когда в Туркестане еще полыхало пламя борьбы. Наиболее характерной особенностью «эмбрионального» состояния историографии было то, что те, кто начинал исследовать историю становления советского общества, сами активно участвовали в борьбе за победу Советской власти, что было вполне закономерно. Это вызывалось не только отсутствием профессиональных историков и сложившихся архивов, но и тем, что процесс накопления знаний только начинался, что участники борьбы с басмачеством стремились накопленный опыт сделать достоянием широких народных масс. Поэтому изучение событий с самого начала приобрело огромное политическое и воспитательное значение.

Во многих работах, написанных по свежим следам событий, широко использовались личные воспоминания. Первые работы историков-марксистов представляли собой небольшие статьи, публиковавшиеся главным образом в журналах «Жизнь национальностей», «Новый Восток» (Москва), «Коммунист», «Военная мысль», «Военный работник Туркестана», «Красная летопись Туркестана» (Ташкент) и других.

Правильное понимание истории классовой борьбы в Средней Азии было связано в первую очередь с публикацией в периодических изданиях, в том числе и выходивших на местных языках, произведений В. И. Ленина, освоение историками ленинского наследия.

История борьбы с басмачеством, как и некоторые другие темы истории советского общества, стала областью знаний, где развернулась ожесточенная идеологическая борьба. Историки-коммунисты, не снявшие еще солдатских шинелей или находившиеся на партийно-советской работе, пытались осмыслить ход исторических событий, происходящих у них на глазах. В центре их внимания находились не только боевые действия на туркестанских фронтах, но и такие важные проблемы, как классовая природа басмачества, его политические цели и роль английского империализма в организации басмаческих сил. В то же время те, кто выражал интересы национальной и русской буржуазии, феодально-клерикальных кругов и бывшего колониального чиновничества, фальсифицировали великие завоевания Октября, национальную политику Коммунистической партии и ход самой гражданской войны. Так советская историческая наука уже на заре существования Советского государства вступила в непримиримую борьбу с идеологами противоположного классового лагеря. Следует отметить, что и историки-коммунисты не все и не сразу смогли правильно оценить историю становления и упрочения Советской власти в Туркестане, историю Коммунистической партии Туркестана в годы гражданской войны, историю борьбы с басмачеством.

Одними из первых тему о басмачестве стали разрабатывать журналы «Военная мысль» (издавался Реввоенсоветом Туркестанского фронта) и «Жизнь национальностей». В двух книгах «Военной мысли» за 1920–1921 гг. [193] были помещены несколько статей, главным образом о ферганском басмачестве, в том числе одного из руководителей Компартии Туркестана Назира Тюракулова (Т. Дервиша) {434}. Если В. Кувшинов высказал мысль о том, что причины возникновения басмачества было бы бесполезно искать «в условиях действительности революционного времени», то М. Шкляр одним из первых показал, что басмачество — политически контрреволюционное явление, которое «питается в первую голову реальной поддержкой байства, богачей-спекулянтов»; вследствие этого басмачество ведет борьбу, как он выразился, с «мирными кишлячниками», которые находятся «на стороне Советской власти» {435}.

Попытку исследовать классовые корни басмачества предпринял Н. Тюракулов, которого В. В. Куйбышев назвал «выдающимся самородком, марксистски мыслящим человеком» {436}. Выступив против точки зрения, в соответствии с которой басмачество представляет собой «преступный антропологический атавизм», свойственный якобы жителям Средней Азии, Н. Тюракулов определил басмачество как «контрреволюционную мелкобуржуазную стихию», как продукт экономических и общественных противоречий переходного времени, ломки старого, докапиталистического туземного общества и зарождения нового общества {437}. Вульгарно-экономический подход не смог дать, однако, плодотворных результатов при выяснении истинной сущности анализируемого явления.

Отдельные публицисты (А. Виноградова и др.) впервые попытались разобраться в расстановке классовых сил и социальном составе хорезмских басмачей {438}. Ставятся вопросы о месте отдельных туркменских племенных вождей в борьбе с басмачеством и о роли английского империализма в организации басмачества в ХНСР. Последний вопрос был специально затронут в статье В. А. Гурко-Кряжина {439}. Однако к 20-м годам не было еще достаточно данных, чтобы во всем объеме раскрыть контрреволюционную деятельность империализма по руководству басмачеством.

Процесс становления сложной темы проходил в упорной борьбе. Выявились попытки фальсификации истории Коммунистической партии Туркестана, в том числе ее борьбы против басмачества. Ярким примером этого была книга Г. Сафарова {440}. Написанная будущим активным участником троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока, она содержала антинаучный анализ главных вопросов истории первых лет Советской власти в Туркестане, извращала политику Коммунистической партии на советском Востоке и историю борьбы с басмачеством. Г. Сафаров неверно освещал причины возникновения басмачества и степень участия в нем трудящихся местных национальностей {441}. Взгляды Г. Сафарова были некритически восприняты Н. Батмановым, Г. Скаловым, С. Гинзбургом, Д. Зуевым, А. Сыркиным {442}.

Ошибки в трактовке сущности басмачества были вызваны как недостаточной теоретической и методологической подготовкой первых историков и публицистов, так и крайне узкой источниковедческой базой их работы.

Известным показателем первоначальных успехов в исследовании истории басмачества были статьи Ф. Ходжаева и Ди-Мура о басмачестве, книги С. Айни, П. Алексеенкова, Н. А. Паскуцкого, Е. Козловского {443}. Новым была расширение территориальных и хронологических рамок изучения темы.

Книга известного среднеазиатского писателя и историка Садриддина Айни [194] дала основание историографам поставить его в ряды первых историков народной революции, заложивших основы изучения басмачества на территории БНСР {444}.

В своей небольшой статье (четыре страницы текста) Ди-Мур верно констатировал, что восточнобухарское басмачество с начала до конца развертывалось «под знаком реакционного феодализма, пытающегося вокруг широкой панисламистской программы объединить все антисоветские, контрреволюционные элементы» {445}. Разрабатывая этот исходный тезис, Ди-Мур показал, что проповедуемые эксплуататорскими верхами и духовенством лозунги об общности интересов и целей коренных жителей Средней Азии чужды трудящимся массам и «рассчитаны лишь на тонкий слой мусульманской интеллигенции и купечества» {446}. Главариами басмачества, отмечал Ди-Мур, выступали бывшие беки, муллы, чиновники, турецкие офицеры.

Идеи, высказанные Ди-Муром, как и до этого мысли авторов статей в «Военной мысли», не нашли, однако, в первое время развития. Возможно, что эти работы даже не были известны некоторым историкам.

Ощутимый вклад в разработку истории борьбы с басмачеством внес П. Алексеенков. Изучая вопрос о «крестьянском восстании» в Фергане, он сумел довольно полно показать историю объединения басмачества и русских кулаков для совместной борьбы против Советской власти, описать героическую оборону Андижана и разгром объединенных кулацко-басмаческих отрядов. Автор попытался проанализировать причины победы Красной Армии и неудачи сил контрреволюции. Многие страницы книги П. Алексеенкова, несмотря на то что они написаны более 50 лет назад, до сих пор не утратили научной значимости, читаются с большим интересом. Заслугой П. Алексеенкова является и то, что он первым показал деятельность местных партийных организаций, мобилизующую и руководящую роль уездно-городских комитетов в борьбе с басмачеством.

Если П. Алексеенков специально занимался историей борьбы с басмачеством, то Е. Козловский в книге о Красной Армии в Туркестане показал, как трудящиеся массы Хорезма — узбеки и туркмены — организовывались для борьбы с бандами Джунаид-хана.

Общий недостаток первых работ о басмачестве состоял в том, что их авторы почти не отметили связь между описывавшимися ими фактами и событиями, происходившими в то время на других фронтах Туркестана, а тем более во всей Советской республике.

На рубеже 20–30-х годов на развитии историографии Средней Азии благотворно сказались празднование 10-летия Октября, создание в 1929 г. по инициативе Средазбюро ЦК ВКП(б) Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений (СААНИУ) {447}, в составе которой была секция историков-марксистов, положившая начало Среднеазиатскому обществу историков-марксистов (1930–1939 гг.). В дальнейшем историческая наука в Средней Азии в течение 12 лет развивалась с помощью Средазбюро ЦК партии (с апреля 1922 г. по октябрь 1934 г.). В 1930 г. на основе постановления ЦК ВКП(б) от 28 мая 1928 г. «О преобразовании Истпарта», предусматривавшего создание на базе местных истпартов историко-партийных научно-исследовательских институтов, Средазистпарт был преобразован в Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции (САНИИР). [195]

Партийное влияние на развитие историографии гражданской войны в Туркестане оказывали также журналы Средазбюро, прочих партийных и научных органов — «За партию», «Партработник», «Коммунистическая мысль», «Революционный Восток». В этих и других журналах (в том числе и издававшихся в Москве) и изданиях появляются первые рецензии о работах по истории гражданской войны в Туркестане {448}. Ведется борьба как с троцкистами и националистами, пытающимися исказить героическую борьбу с контрреволюцией, так и с зарубежными фальсификаторами истории, стремящимися оправдать английскую интервенцию в Туркестане {449}. Происходило упорядочение архивов. Большое значение имело создание по решению XV съезда партии и с учетом рекомендаций ЦК ВКП(б) в 1929 г. при Институте Ленина единого партийного архива. Местные партийные архивы становились филиалами Центрального партийного архива. Единый партийный архив Средазбюро ЦК РКП (б) создается в 1929 г. В нем были сосредоточены документы партийных организаций (до 1924 г.) Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и Киргизии {450}.

Все эти организационные меры способствовали накоплению и освоению большого фактического материала о басмачестве, что сказалось на углублении исследований по данной теме. Положительную роль сыграла и дальнейшая работа в области изучения общих проблем истории Советского Туркестана и Компартии Туркестана, а также Хорезмской и Бухарской республик и их парторганизаций.

Развитию изучения проблемы басмачества содействовали книги Д. А. Фурманова, С. Муравейского (В. Лопухова), Т. Рыскулова, А. Мелькумова (с предисловием И. Варейкиса), а также трехтомное издание «Гражданская война 1918–1921 гг.» {451}. В то же время некоторые авторы, в частности Т. Рыскулов и С. Муравейский, не разобрались до конца в классовой природе басмачества. Т. Рыскулов игнорировал процессы расслоения в кишлаке и ауле и потому не смог показать классовые основы басмачества. С. Муравейский видел корни басмачества главным образом в экономическом кризисе и хозяйственной разрухе.

В 1931 г. появилась первая крупная специальная работа о басмачестве, принадлежащая перу П. Алексеенкова {452}. Поскольку данный труд определил на ряд лет направление исследований в этой области, рассмотрим его более подробно.

Поставив вопрос: «Что такое басмачество?» — П. Алексеенков предложил следующую формулировку: басмачество — это «форма борьбы капиталистических элементов против социалистического развития Средней Азии». Он писал, что басмачество было «антинациональным по своему характеру» {453}. Эти положения, несомненно, представляли шаг вперед в изучении проблемы, но были еще недостаточны для ее научного понимания, так как нельзя согласиться с тем, что басмачество это лишь «форма борьбы капиталистических элементов (курсив наш. — Авт.) против социалистического развития Средней Азии». В басмачестве объединились и буржуазные (русские и местные) слои населения и представители феодальных кругов. Последние были преобладающей силой в басмачестве.

П. Алексеенков довольно подробно проследил отличие дореволюционного басмачества от послеоктябрьского, охарактеризовал процесс классовой дифференциации [196] в туркестанском кишлаке. Можно в основном согласиться со следующими выводами автора: послеоктябрьское басмачество «по своему существу ни в коей степени не было продолжением или развитием дооктябрьского басмачества»; «Басмачество послеоктябрьское взяло от дооктябрьского басмачества в основном лишь его внешнюю

форму, а по своему существу оно представляло собой независимое от него движение, имело совершенно особые социально-экономические причины и ставило перед собой в значительной степени иные, чем дооктябрьское басмачество, цели»{454}. Отметим, что автор не прав, считая басмаческие выступления «движением».

Автор, как и в предыдущей своей работе, коснулся роли субъективного фактора в формировании басмачества. Он твердо стоял на том, что ошибки в области национальной политики не могли быть «причиной возникновения басмачества»{455}. Они, по его мнению, лишь были использованы контрреволюционными силами в своих целях. Такая постановка вопроса была крупной заслугой автора.

II. Алексеенков стремился ответить и на вопрос: как относилось трудовое дехканство к басмачеству?

Если в предыдущей книге («Кокандская автономия»{456}) П. Алексеенков убедительно доказывал, что после Октябрьской революции дехканство в массе своей не было активным сторонником буржуазных националистов, то в книге о басмачестве, правильно подметив, что басмачество по социальной структуре не было единым, он, однако, необоснованно утверждал, будто дехкане поддерживали басмачество, являясь основным контингентом для их комплектования{457}. Правда, автор оговаривал, что это относится лишь к «первым годам басмаческого движения» и отнюдь не означает, что все дехканство Туркестана поддерживало басмачей. Однако и с этими оговорками его вывод не соответствует исторической правде. Обращает на себя внимание, что П. Алексеенков сделал свое заключение без всяких ссылок на источники.

Таким образом, хотя П. Алексеенков поставил большой круг вопросов борьбы с басмачеством, цельной научной картины он еще не смог нарисовать.

Одновременно с П. Алексеенковым к истории разгрома басмачества обратился И. Кутяков — один из военных руководителей борьбы с басмачеством{458}. Основываясь на личных наблюдениях и архивных документах, он попытался осмыслить причины относительно продолжительных басмаческих выступлений в Хорезме. Автор привлек большой фактический материал, служащий для уяснения хода боевых операций Красной Армии и военных формирований ХНСР. Теоретическая ценность книги во многом была снижена из-за вводной статьи ее редактора Н. Какурина, в которой неверно охарактеризованы корни басмачества.

После выхода в свет книг П. Алексеенкова и И. Кутякова специальные работы, посвященные борьбе с басмачеством, долго не издавались. Отдельные моменты затрагивались в обобщающих трудах (например, В. Божко. Гражданская война в Средней Азии. Таш., 1930; Д. И. Манжара. Революционное движение в Средней Азии. Таш., 1934).

Таким образом, первоначальный этап накопления знаний по теме характеризуется напряженной классовой и идейной борьбой. В это время определяются вопросы изучения истории разгрома басмачества. В центре научных [197] изысканий становится проблема социальной и классовой сущности басмачества, отношения к нему трудового дехканства. Намечается также тема о роли английского империализма в организации басмаческих отрядов.

В последующее время, охватывающее почти двадцать лет, историография проблемы обогатилась новыми темами и теоретическими положениями.

Дальнейшему развертыванию научной работы по проблематике гражданской войны способствовало постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. об издании многотомной истории гражданской войны в СССР. А. М. Горький — инициатор этого издания — встретился с членами бюро Среднеазиатского землячества, ветеранами революции и гражданской войны — А. А. Казаковым, Ф. И. Колесовым и Н. А. Паскуцким — с целью активизации работы по сбору материалов и разработке истории Октябрьской революции и гражданской войны. В газете «Комсомолец Узбекистана» была опубликована телеграмма А. М. Горького ветеранам революционной борьбы, в которой подчеркивалось, что «история гражданской войны должна показать самоотверженную борьбу трудящихся национальных республик за Советскую власть, за мировую пролетарскую революцию, за социализм». Телеграмма заканчивалась призывом: «Ударным порядком соберите материал по истории гражданской войны в вашей республике»{459}.

Работу по сбору материалов возглавили Средазбюро ЦК ВКП(б), Центральные комитеты компартий союзных республик, созданный в 1933 г. на базе САНИИР Среднеазиатский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма при Средазбюро ЦК ВКП(б) и республиканские институты истории марксизма-ленинизма, истории революционного движения и истории партии {460}. Проводились многочисленные встречи с участниками гражданской войны. Одновременно в печати развернулась критика великодержавно-шовинистических и буржуазно-националистических концепций по истории партии и истории национально-государственного строительства.

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934–1936 гг. о преподавании гражданской истории и развитии исторической науки, начинания в области планирования научно-исследовательской работы, а также создание исторических кафедр и исторических факультетов в университетах и педвузах среднеазиатских республик, в свою очередь, способствовали развертыванию научно-исследовательской работы по истории гражданской войны и ее составной части — разгрома басмачества.

Отныне исследователи могли руководствоваться новыми материалами из ленинского идейного наследия: в 1931–1933 гг. были опубликованы XVIII, XXI и XXIV Ленинские сборники, содержащие документы о гражданской войне. Одновременно публиковались отдельные документы по истории гражданской войны в Туркестане {461}.

К концу 30-х — началу 40-х годов в среднеазиатских республиках создаются институты истории партии при ЦК компартий — филиалы ИМЭЛ.

В среднеазиатской историографии до Великой Отечественной войны заметным явлением был выход в свет двух небольших книг, хотя специально и не посвященных басмачеству, но оказавших немалое влияние на изучение данной темы {462}. К. Житов и В. Непомнин впервые в советской литературе дали обобщенный очерк истории колониального и Советского Узбекистана (до середины 30-х годов). Б. Гафуров и Н. Прохоров, раскрывая причины ликвидации [198] эмирской Бухары, попытались определить характер революции и революционных преобразований в БНСР.

В 40-е и 50-е годы делаются новые шаги в изучении проблемы. Роли английского империализма в организации басмачества, снабжении его оружием и боеприпасами были посвящены две книги С. П. Тимошкова и монография А. Х. Бабаходжаева {463}. Впервые в советской историографии, используя богатый материал, авторы показали, как английский империализм планировал свою агрессивную политику по отношению к

советскому Востоку, какие цели преследовал, какими методами стремился достичь поставленных целей. Попутно заметим, что политика американского империализма в Средней Азии и методы ее осуществления еще слабо изучены.

Другим сюжетом, привлечшим внимание историков, была роль Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б) в борьбе с басмачеством после окончательного соединения Туркестана с центром страны (сентябрь 1919 г.) {464}. В результате постановки этой темы и привлечения новых источников, главным образом извлеченных из центральных архивохранилищ, более основательно стала исследоваться деятельность ЦК партии и Советского правительства и их полномочных органов в Туркестане в организации борьбы с басмачеством. Был изучен ряд аспектов партийно-политической работы среди трудящихся местных национальностей, показано изменение тактики борьбы с басмачеством, осуществленное под руководством М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева. Одновременно наметились новые темы исследований: широкое привлечение трудящихся местных национальностей в Красную Армию и на фронт борьбы с басмачеством, деятельность местных партийных и советских организаций в кишлаке и ауле и др.

Появляются книги и статьи, где параллельно с разработкой общих вопросов гражданской войны в Средней Азии делается попытка более углубленно осветить историю басмачества. Особенно «повезло» в этом отношении Киргизии и отчасти Туркмении и Таджикистану {465}.

В книгах Азиза Ниалло и П. П. Никишова представлена общая картина борьбы с басмачами в районах современной Киргизии. Заслуга П. П. Никишова состоит в том, что он прослеживает, хотя и в ограниченных рамках (юг Киргизии), борьбу с басмачеством начиная с возникновения первых шаек и до ликвидации остатков басмачества в 1923 г. В таких хронологических рамках исследования ранее не проводились. Вместе с тем эти авторы, как и некоторые их предшественники, не сумели еще до конца вскрыть причины возникновения басмачества. П. П. Никишов, например, не увидел разницы между бандитами дооктябрьского периода и басмачами. Бандитские шайки, действовавшие в Средней Азии до Октября и зачастую именуемые басмаческими, коренным образом отличались по своему классовому происхождению и политической направленности от басмачества, возникшего после разгрома «Кокандской автономии».

За выявление классового состава хорезмского басмачества взялся Г. Непесов. Но с этой задачей автор не смог справиться. Его книга была подвергнута резкой критике {466}. Дискуссия показала, что в оценке некоторых родо-племенных вождей, боровшихся против Джунаид-хана, существовали крайние точки зрения. Одновременно стало ясно, что необходимо дальнейшее научное исследование вопроса с привлечением архивных данных. [199]

Таджикские историки (М. Иркаев, Р. Аманов, И. Т. Юсуф-заде) попытались на сравнительно узкой источниковедческой базе (главным образом на основе воспоминаний участников гражданской войны) исследовать борьбу с басмачеством в центральных и южных районах Таджикистана. Особое внимание они уделили освобождению Восточной Бухары и Матчинского бекства от басмачей {467}.

Д. Фаньян и М. Зелинская впервые в научно-популярной брошюре обратились к борьбе национальных частей Красной Армии против крупных басмаческих банд. Однако авторы преувеличили степень сознательности и организованности трудящихся местных

национальностей в первые годы после ликвидации эмирской власти в Бухаре. Об организации добровольческих национальных отрядов пишется и в книгах М. Иркаева и Ю. Николаева {468}. Их усилиями в научный оборот были введены имена командиров-таджиков, сражавшихся за победу Советской власти.

Недостатки книг и статей, опубликованных до конца 50-х годов, в значительной мере объяснялись тем, что они имели довольно узкую источниковедческую базу. В научный оборот не были введены ценнейшие материалы центральных и местных архивов. Крайне слабо проводились сбор и издание воспоминаний активных участников гражданской войны, в результате чего некоторые важные стороны исторического процесса оставались почти не исследованными.

Сказывались также отрицательные последствия культа личности, вследствие чего не раскрывалась в нужном объеме решающая роль народных масс, в особенности роль трудящихся местных национальностей, в борьбе с интервентами, белогвардейцами и басмачами, не исследовалась роль В. И. Ленина как организатора и руководителя побед в гражданской войне, слабо освещалась деятельность местных партийных и советских организаций по руководству трудящимися массами. Имена многих партийных, советских и военных деятелей, сыгравших большую роль в борьбе с басмачеством, в работах почти не упоминались.

Преодоление этих и некоторых других недостатков проходило в творческой обстановке, созданной после решений XX съезда партии, в ходе освоения новых источников, ставших доступными для исследователей после съезда, в результате роста кадров историков Средней Азии. Особенно большое значение имели новые публикации из ленинского идейно-теоретического наследия («Военная переписка», XXXVI Ленинский сборник), переиздание протоколов VIII, IX и X съездов РКП (б). Постепенно сказались результаты деятельности окрепших и развернувших творческую работу институтов истории союзных Академий наук и филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. Последними были опубликованы сборники воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии {469}. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил и издал в 1960–1961 гг. трехтомный сборник документов «Из истории гражданской войны в СССР». Часть документов связана с басмачеством. Самостоятельное научное значение имели предпосланные каждому из томов введения.

Важнейшей особенностью развития исторической науки в Средней Азии конца 50-х годов было появление обобщающих работ по истории среднеазиатских республик, в которых имеются главы и о гражданской войне {470}, где [200] довольно подробно изложены вопросы борьбы с басмачеством. В них более широко, чем в предыдущих работах, исследована роль народных масс, особенно трудящихся местных национальностей, в происходивших в то время событиях, сделана попытка показать деятельность Центрального Комитета партии во главе с В. И. Лениным по руководству местными партийными организациями, их борьбу за разгром врага в среднеазиатских республиках. Авторы стремились исследовать гражданскую войну в Туркестане, в том числе разгром басмачества, как составную и неотъемлемую часть гражданской войны во всей стране. Они поставили, хотя и не решили полностью, вопрос о причинах, обеспечивших победу над объединенными силами интервентов, белогвардейцев и басмачей в чрезвычайно трудных условиях, сложившихся в годы гражданской войны в Туркестане. Довольно полно показано советское экономическое и культурное строительство. Нашла отражение деятельность Коммунистической партии Туркестана по мобилизации масс на борьбу с басмачеством. В этих работах впервые дано марксистское определение басмачества как

«выражение классовой борьбы байства и реакционного мусульманства против Советской власти»{471}. Недостатком этих изданий был слабый учет объективных экономических процессов, соотношения классовых сил на различных этапах гражданской войны в Средней Азии.

Кроме сводных трудов по истории советского общества проблематика борьбы с басмачеством нашла отражение и в специальных работах{472}.

Таджикские историки М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шарапов в связи с тем, что басмачи развернули свою антисоветскую деятельность в Восточной Бухаре после победы народной революции в Бухаре в конце 1920 г., пришли к выводу о необходимости изменения хронологических рамок периода гражданской войны для территории своей республики. Они считают, что война началась здесь в 1921 г. и продолжалась до 1926 г. включительно, когда произошел разгром басмачества. Большое место в их книге уделено исследованию методов борьбы с басмачеством в условиях, когда по всей стране шел процесс восстановления народного хозяйства. Однако авторы не показали борьбу с басмачеством в северных районах Таджикистана и на Памире{473}.

Пониманию специфических условий борьбы с басмачеством в Туркмении, а также уяснению мобилизующей роли местных партийных организаций помогают книги Ш. Ташлиева и М. Языковой, а также монография С. Н. Покровского{474}.

К. Малышев попытался нарисовать общую картину разгрома басмачества на юге Киргизии. Он показал, что районы современной Киргизии и прилегающие к ней районы Туркестана оказались в поле зрения английских и американских империалистов. Спорно положение К. Малышева о высокой степени социальной дифференциации в кишлаке и ауле. Обратив внимание лишь на одну сторону этого процесса — постепенное обезземеливание бедноты, он не учел другого момента: сильной зависимости дехкана от мулл, баев, манапов, родовых и племенных пережитков и т. д., о чем В. И. Ленин говорил на VIII съезде РКП (б) при обсуждении проекта программы партии.

В научно-популярной брошюре А. Коканбаева пишется о борьбе с басмачеством в Ферганской долине. Об этом же, а также о басмачестве в Самаркандской области (главным образом на территории нынешней Таджикской [201] ССР) написано в брошюре Т. Х. Кельдиева. А. Коканбаев выделяет авангардную роль рабочего класса Ферганы, отмечает его стойкость и преданность Советской власти.

Научный уровень указанных брошюр во многом снижается из-за путаного изложения вопроса о социальной природе и причинах возникновения басмачества. А. Коканбаев, например, правильно констатируя, что основной классовой опорой басмачества были местные эксплуататоры, в дальнейшем склоняется к мысли, что корни басмачества следует искать в колониальной политике русского царизма в Туркестане. Это, конечно, неверно. Зачастую А. Коканбаев и Т. Х. Кельдиев забывают увязать тот или другой этап разгрома басмачества с общетуркестанской и общероссийской обстановкой, в частности с обстановкой на фронтах гражданской войны.

Роль коммунистов Туркестана, их политическая и организационная работа в годы гражданской войны, в том числе на Ферганском фронте, освещены в монографии М. Х. Назарова{475}.

Новые данные о борьбе с басмачеством на последнем этапе его существования приведены в книге, рассказывающей о славном прошлом войск Туркестанского военного округа {476}. Заслуживает внимания стремление выявить и ввести в научный оборот фамилии командиров частей и соединений, своим умением, опытом и отвагой способствовавших победоносному окончанию войны с басмачами. Углубленное изучение источников, пересмотр отживших взглядов и мнений дали возможность Г. Непесову значительно продвинуть вперед исследование проблемы борьбы с басмачеством на территории Хорезма. Автор привел интересный материал о вкладе трудящихся многих национальностей нашей страны в разгром басмачей. Однако спорным остался вопрос о времени возникновения басмачества на территории Хорезма {477}.

Наряду с серьезными достижениями в изучении проблемы басмачества отмечались и отступления от завоеванных позиций. Это показала, в частности, книга Ш. А. Шамагдиева {478}. Автор стремился более полно показать активное участие трудящихся местных национальностей под руководством местных партийных организаций в борьбе с басмаческими шайками. И в этом он достиг некоторых успехов. Но вместе с тем он «игнорирует все нормы и требования, общепринятые в научно-исследовательской работе в области истории. Он... подправляет и дополняет цитируемые источники и документы, приписывает партийным и советским органам решения, которых они никогда не принимали, приводит сенсационные «факты» и новые даты событий, не ссылаясь при этом ни на какие источники, путает фамилии, должности, партийную принадлежность некоторых лиц» {479}.

Таким образом, в первом периоде, несмотря на то что часть его падает на время, когда в результате действий субъективных факторов была сужена источниковая база и сказывались некоторые неблагоприятные факторы в научной работе, были достигнуты серьезные успехи в исследовании истории разгрома басмачества.

Был опубликован ряд монографий и книг по истории советского общества среднеазиатских республик, в которых имелись специальные главы о басмачестве, где с научных партийных позиций изложены принципиальные вопросы истории борьбы с басмачеством, ранее не исследовавшиеся или рассмотренные не в полную меру (например, о роли народных масс в достижении [202] победы в гражданской войне, о социальной природе басмачества). Большим завоеванием историографии был вывод: басмачество — одна из форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата.

Исследования, опубликованные с конца 50-х годов, несмотря на отдельные спорные и даже ошибочные положения, определили качественно новый этап в развитии историографии по рассматриваемой теме.

В современный период были достигнуты новые успехи в исследовании истории борьбы с басмачеством. Они были обусловлены таким объективным фактором, как победа в СССР развитого социализма, а также влиянием субъективных факторов: публикацией новых материалов из ленинского идейного наследия, теоретическими и методологическими указаниями XXII — XXVI съездов КПСС и документов Центрального Комитета партии, ростом профессионального мастерства и зрелости историков.

Для среднеазиатской историографии особенно важное значение приобрело появление тематических сборников, которые содержали ленинские произведения, затрагивающие историю Средней Азии: «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане» (Таш., 1957) и «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане» (Таш., 1960). Вышли также в свет «Резолюции и

постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918–1924)» (Таш., 1958), «Письма трудящихся В. И. Ленину (1917–1924 гг.)» (Таш., 1964), «Трудящиеся Туркменистана В. И. Ленину» (Аш., 1960).

Полное собрание сочинений В. И. Ленина и Биохроника В. И. Ленина расширили теоретический и источниковый арсенал обществоведов Средней Азии.

Характерные особенности нынешнего этапа исследования истории разгрома басмачества заключаются в углубленном специальном изучении темы, постановке новых вопросов, привлечении новых источников.

Уже в начале 60-х годов появляются книги и статьи по проблемам, не поднимавшимся в ранее изданных работах. Это относится прежде всего к вопросам интернационального сплочения трудящихся в борьбе с басмачеством, а также к некоторым теоретическим аспектам роли английского империализма в разжигании басмачества.

И. С. Сологубов, А. М. Матвеев, Я. М. Серый и Г. Б. Никольская {480} впервые в среднеазиатской историографии показали, как в тяжелые годы гражданской войны проживавшие на территории Средней Азии чехи, словаки, венгры, австрийцы, немцы, китайцы, индийцы, персы и другие, получив свободу от Советской власти, проявили чувство пролетарской солидарности: с оружием в руках, плечом к плечу с русскими, узбеками, казахами, таджиками, туркменами, киргизами и представителями других народов они отстаивали завоевания Великого Октября, участвуя в разгроме басмаческих формирований.

Роль международного, в первую очередь английского, империализма в развязывании и расширении гражданской войны в Средней Азии, в организации и руководстве басмачеством исследована А. Х. Бабаходжаевым {481}. Особый интерес представляет вторая книга, где на основе дополнительных источников дается новое понимание ряда принципиальных сторон во внешней политике английского империализма.

Заслугой А. Х. Бабаходжаева является рассмотрение политики английского [203] империализма в Средней Азии, Афганистане и Иране под единым углом зрения. Такая постановка вопроса дала возможность выяснить два важнейших аспекта темы: значение разгрома английской интервенции, а затем и басмачества в Средней Азии для развертывания освободительного движения в Афганистане и Иране; взаимосвязь борьбы народов Средней Азии и народов Среднего Востока против общего врага. Такой ракурс, как убедительно показал А. Х. Бабаходжаев, не противоречит тому, что трудящиеся Средней Азии под руководством Коммунистической партии сражались за социализм, а народы Среднего Востока вели национально-освободительную борьбу.

А. Х. Бабаходжаев широко использовал партийные документы, что позволило ему дать правильную политическую оценку целям и методам английской политики после победоносного завершения гражданской войны в центре России. Он показал, как провалившись с открытой интервенцией, английские империалисты перешли к организации антисоветских заговоров и мятежей, расширению басмачества, провоцированию пограничных государств на антисоветскую агрессию, использованию хозяйственной разрухи с целью проникновения английского капитала и реставрации капитализма в нашей стране.

История борьбы с басмачеством нашла отражение и в пятитомной «Истории гражданской войны в СССР». Если в третьем томе о басмачестве только упоминается, то в четвертом и особенно в пятом {482} в разделах «Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 — февраль 1920)» и «Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 — октябрь 1922)» сделана попытка отразить некоторые важнейшие события из истории борьбы с басмачеством. Значение этих обобщающих работ не только в том фактическом материале, который там приведен, но и в новом методологическом подходе к изучению истории гражданской войны, в стремлении их авторов преодолеть ошибки и недостатки, свойственные работам, написанным до XX съезда КПСС, а также в широком показе имен тех военачальников и политработников, которые ранее не упоминались в литературе. Это не могло не сказаться на дальнейшем изучении истории борьбы с басмачеством.

Углубленное исследование истории басмачества проявилось в изучении борьбы с ним в рамках современных среднеазиатских республик. Но здесь возникают вопросы: правомерно ли, что предметом исследования становится борьба с басмачеством в географических рамках современных среднеазиатских советских республик, возникших в 20-х годах? Не является ли это усугублением известных недостатков историографии гражданской войны в Средней Азии предыдущего времени? М. Иркаев на примере Таджикской ССР доказал возможность самостоятельного исследования истории басмачества в пределах районов, не бывших самостоятельными государственными образованиями в момент борьбы с ним {483}.

М. Иркаев отказался от ранее принятых хронологических рамок гражданской войны в центральных и южных районах Таджикистана (1921–1924 гг.) {484} и предложил иную датировку: 1921–1926 гг. Весь период войны он разделил на три этапа: первый (1921 г. — первая половина 1923 г.) — возникновение и широкий размах басмачества; второй (вторая половина 1923 г. — [204] конец 1924 г.) — потеря басмачеством своей силы, превращение его в бандитизм; третий (1925 г. — первая половина 1926 г.) — окончание гражданской войны в Таджикистане и ликвидация остатков басмачества. На всех этапах, указывает М. Иркаев, цели басмачества оставались неизменными, тогда как формы борьбы и размах ее менялись {485}.

Выдвинутая и обоснованная автором периодизация была в основных своих чертах одобрена учеными Таджикистана.

Большое место в книге М. Иркаева отведено внутренним и внешним обстоятельствам возникновения басмачества, характеристике его социальной базы и причин значительного усиления в тот момент, когда во всей стране началось восстановление народного хозяйства. Автор справедливо утверждает, что социальной базой басмачества были феодалы, духовенство, чиновничество, байство и нарождавшиеся буржуазные элементы {486}. Рассматривая степень участия трудового населения в басмаческом движении, он приходит к общему выводу, что «в начальный период на территории Таджикистана басмачество имело значительный размах за счет отсталой и обманутой части населения» {487}. Участие трудовых масс в басмаческих шайках прослеживается в книге и на других этапах. Однако автор не считает, что все трудящиеся местных национальностей примыкали к басмачам. М. Иркаев пишет, что «многие дехкане с первых же дней революции пошли за ней (новой властью. — Авт.), активно боролись за утверждение и укрепление власти Советов», что «значительная часть трудовых дехкан в начале борьбы за власть Советов занимала выжидательную позицию, затем в скором

времени, познав плоды революции и советского строя, также начала поддерживать политику Советской власти»{488}.

М. Иркаев впервые ввел в научный оборот новые партийные документы, прежде всего решения Политбюро ЦК РКП (б), касающиеся борьбы с басмачеством, и ряд фактических данных, извлеченных из среднеазиатских и центральных архивов.

Гражданская война на территории Советского Таджикистана освещается и в ряде других работ. Среди них выделяется монография Г. Х. Хайдарова{489}. Автор попытался установить время выступления басмаческих шаек в Матчинском регионе{490} и борьбы с ними отрядов Красной Армии.

Если М. Иркаеву удалось изучить историю борьбы с басмачеством на территории республики, в прошлом принадлежавшей к различным государственным образованиям или административным единицам, то С. Б. Жантуаров в книге, посвященной гражданской войне в Киргизии{491}, не сумел этого сделать. И вот почему. Непременным условием такого подхода должно быть: наличие широкого общего фона классовой борьбы; исследование диалектической взаимосвязи борьбы в различных районах региона, умение объективно отделить главное от второстепенного. Между тем в книге С. Б. Жантуарова заметен отрыв событий в Киргизии от общетуркестанских, частью которых они были, не говоря уже о действиях на фронтах всей Советской республики.

Успехи историографии гражданской войны в Средней Азии и Казахстане, накопление фактического материала, решение ряда принципиальных вопросов, а также рост кадров историков, сгруппировавшихся вокруг филиалов ИМЛ и институтов истории Академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, [205] способствовали активизации исследований по истории партийных организаций. Вышли в свет монография по истории Туркестана{492}, книги по истории отдельных республик и их компартий{493}, а также другие историко-партийные труды{494}.

Важнейшими достижениями авторов этих работ являются исследование борьбы с басмачеством как составной и неразрывной части борьбы со всей среднеазиатской контрреволюцией, рассмотрение истории ленинского решения национального вопроса в Туркестане и осуществления политики привлечения широких народных масс к защите республики, что обеспечило прочный военно-политический союз рабочих и крестьян всех национальностей Средней Азии.

В названных книгах преодолен ряд недостатков и пробелов, присущих предыдущим изданиям, и высказаны обоснованные мнения по некоторым, считавшимся ранее спорными или нерешенными вопросам. Так, в «Истории Казахской ССР» более весомо, с привлечением некоторых новых данных, показаны особенности гражданской войны в Казахстане и причины победы народа над силами контрреволюции, полнее раскрыта суть политики военного коммунизма. События на Семиреченском фронте теснее связаны с событиями на других фронтах Туркестана. Исправлены также имевшиеся в предыдущем издании некоторые фактические неточности.

В «Истории Киргизии» удачной можно считать разработку вопросов об осуществлении на современной территории Киргизстана политики военного коммунизма и о боевых действиях местных формирований.

В «Истории таджикского народа» обобщены данные историографии гражданской войны по различным районам, объединенным в современных границах Таджикской ССР: Северного Таджикистана и Памира, входивших ранее в Туркестанскую АССР, Центрального и Южного Таджикистана, находившихся до 1920 г. под властью эмира бухарского. Выявление некоторых специфических особенностей классовой борьбы в первые годы Советской власти является одним из положительных моментов книги. Не менее важная ее отличительная черта — тесная увязка местных событий с событиями определяющего характера, протекавших в центре Средней Азии — Ташкенте. Подробно, на основе частично нового материала, рассказано о разгроме басмачества в Восточной Бухаре. Авторы стремились раскрыть роль трудящихся-таджиков в разгроме сил контрреволюции и иностранных империалистов. Подтверждено мнение, что гражданская война в Восточной Бухаре продолжалась до середины 1926 г.

Недостатками первого издания «Истории таджикского народа» оказались описательный характер многих процессов, констатация фактов при отсутствии глубокого анализа расстановки классовых сил и причин, обеспечивших победу в гражданской войне {495}.

В «Истории Узбекской ССР» (т. III, глава II), вышедшей в конце 60-х годов, закреплены достигнутые к этому времени успехи в изучении истории разгрома басмачества. Здесь не только приводится ставшая общепринятой формулировка о басмачестве как выражении классовой борьбы, но и предпринята удачная попытка выяснить дополнительные причины участия в шайках басмачей части трудового декханства. Ход гражданской войны на территории Узбекистана, в том числе борьба с басмачами, рассматривается как часть [206] общего вооруженного наступления внутренней и международной реакции на Советскую Россию {496}.

В очерках истории местных партийных организаций большое внимание наряду с проблемами партийно-организационного характера и вопросами партийного строительства уделено деятельности партии по мобилизации трудящихся на разгром врага. Ценность этих изданий состоит в том, что в них приведены важнейшие партийные документы, касающиеся борьбы с басмачеством. Одновременно названы новые имена многих активных участников разгрома басмачества. Очерки подготовили основу для создания единого обобщающего труда по истории среднеазиатских партийных организаций.

Дальнейшие успехи в изучении истории гражданской войны в Средней Азии, в частности истории басмачества, освещение нераскрытых и спорных вопросов были невозможны без новых документов и источников. В связи с этим с начала 60-х годов предпринимается значительная публикаторская работа, которая еще далеко не исчерпала все имеющиеся в этом отношении возможности.

Институты истории Академий наук среднеазиатских республик и Казахстана, Казахский и Киргизский филиалы ИМЛ при ЦК КПСС совместно с архивными управлениями при Советах Министров и Центральными государственными архивами Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской и Киргизской ССР издали два тома документов о гражданской войне в Средней Азии и Казахстане {497}. Составители выявили множество новых документов и материалов в архивах Москвы, Ташкента, Ашхабада, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Оренбурга, Астрахани и других городов. Опубликовано 1158 документов, часть которых впервые вводится в научный оборот; ряд их связан с басмачеством. Большую ценность представляет постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 25 декабря 1918 г. о «более энергичном наступлении на Оренбург» с целью ликвидации

окружения Туркестана и соединения его с центром страны (т. I, с. 279), а также разговор по прямому проводу М. В. Фрунзе с И. П. Беловым 2 октября 1919 г. (т. II, с. 261–263). Эти материалы проливают дополнительный свет на заботу В. И. Ленина, партии и Советского государства о народах Средней Азии в тяжелые дни их жизни и борьбы. Впервые публикуемое письмо Деникина английскому генералу Маллесону (т. I, с. 363) еще раз подтверждает вывод советской историографии, что гражданская война в Средней Азии и Казахстане являлась составной частью борьбы во всей нашей стране, и раскрывает новый аспект роли английского империализма в антисоветской интервенции в Туркестане. Об этом же свидетельствуют доклад Джунковского (одного из руководителей «Туркестанского союза борьбы с большевизмом») Деникину (т. I, с. 341) и ответ последнего (т. I, с. 86–87), а также сообщение о связях басмачей с английским империализмом (т. II, с. 415–416).

История борьбы с басмачеством в 1918–1923 гг. занимает большое место в двухтомнике «Истории гражданской войны в Узбекистане» {498}. В этом издании предпринята попытка, опираясь на предыдущие успехи историографии, решить ряд теоретических и методологических проблем (периодизация гражданской войны в Средней Азии, закономерности и специфика политики военного коммунизма и нэпа в Туркестане и др.). Известный интерес представляет историографическое введение, помещенное в первом томе. Его полемическая [207] заостренность показывает наличие спорных и нерешенных проблем по теме исследования.

В двухтомнике приведен новый фактический материал о борьбе с басмачами, особенно на территории Бухарской и Хорезмской народных республик и Каракалпакии. Большим достоинством издания является глубокий анализ экономико-политической жизни народов Туркестанской республики, Бухарской и Хорезмской народных республик, без чего нельзя понять историю возникновения и краха басмачества. Более обстоятельно, чем это делалось ранее, раскрыта роль национальной политики партии в ликвидации басмачества в Фергане, показана хозяйственная, продовольственная и культурная работа партийных и государственных органов.

В этом издании впервые опубликованы основные документы ЦК РКП (б) и Средазбюро ЦК партии за 1921–1922 гг., касающиеся борьбы с басмачеством, показана их мобилизующая и организующая роль в разгроме врага; проанализированы материалы ряда местных партийных и советских органов.

В связи с тем что данная работа является в известной мере итоговой по проблеме басмачества, рассмотрим ее более обстоятельно.

Одна из основных задач, поставленных перед авторами, заключалась в том, чтобы «выявить классовую сущность басмачества, разоблачив истинных вдохновителей и руководителей контрреволюционного движения» {499}. Такая постановка темы исследования была бы вполне законной при условии, если бы до них в этом направлении не предпринимались никакие усилия. Однако уже во введении к первому тому авторы обратили внимание на то, что имеется обширная литература, в которой сделаны основательные попытки определить классовую сущность басмачества и вскрыть ее действительных вдохновителей и организаторов. О довольно успешном решении этих вопросов речь шла и в нашем обзоре.

Неверна, как уже отмечалось, и постановка вопроса о том, что басмачество является «движением».

Одной из крупных методологических проблем историографии является проблема периодизации борьбы с басмачами. Авторы справедливо считают, что гражданская война в Узбекистане, в том числе басмачество, «не изолированное явление, а составная часть всенародной борьбы в масштабе всего Советского государства»{500}. Однако это вовсе не означает, что общие закономерности в конкретно-исторических условиях таких районов, как Фергана, Бухара, Хива и Каракалпакия, не имели специфических проявлений. Это относится и к периодизации. Временем усиления гражданской войны в Туркестане в книге считается конец 1918 и начало 1919 г. Чем же это подтверждается? Тем, что «был разработан план объединенного наступления на Советский Туркестан английских войск, белогвардейцев и басмаческих банд»{501}. Но этот план, как известно, потерпел полный крах. Авторы также утверждают, что «в конце 1918 г. усиливается гражданская война в Ферганской долине... в связи с подготовкой общего наступления на Ташкент». Такая подготовка в то время действительно велась.

Однако на самом деле усиление гражданской войны в Туркестане происходило весной и летом 1919 г. Это было вызвано следующими обстоятельствами: в апреле 1919 г. Туркестан после краткого соединения через Оренбург с центром страны вновь оказался во вражеском кольце, чем воспользовались [208] контрреволюционные силы почти всех туркестанских фронтов для наступления против Советской власти. Это признают и сами авторы тома. Они пишут об «оживлении контрреволюционных сил в Туркестане» в связи с наступлением Колчака.

Авторы придерживаются спорных взглядов относительно хронологических рамок завершающего этапа борьбы с басмачеством. Они утверждают, что окончание гражданской войны в Туркестане и, следовательно, конец басмачества нужно датировать 1920 г., а в 1921–1923 гг. произошла «ликвидация остатков басмачества», что в эти годы «в борьбе с остатками басмачества на первый план выдвигаются не военные, а политические и хозяйственные мероприятия»{502}. Такой точке зрения противоречит действительное положение в Ферганской долине, а тем более — в Бухарской и Хорезмской народных советских республик, где в 1921–1923 гг. шла упорная и кровавая гражданская война. Это не исключало того, что в ряде районов Средней Азии начиная с 1921 г. развернулся процесс восстановления народного хозяйства, осуществлялась новая экономическая политика. Политические и хозяйственные мероприятия приобретали все большее значение, но они не могли быть осуществлены во всю силу без решения военного вопроса.

Об этом указывалось в ряде партийных документов. Так, ЦК РКП(б) в циркулярном письме от 11 января 1922 г. подчеркнул, что басмачество является «одним из важных факторов хозяйственного разложения»{503}. 21 августа 1922 г. ЦК РКП(б) в директивах Средазбюро ЦК, ЦК Компартии Туркестана и ЦК Компартии Бухары поставил задачу ликвидации басмачества «как одну из важнейших», без чего нельзя осуществить восстановление народного хозяйства{504}. VII краевая конференция Компартии Туркестана (октябрь 1922 г.) по докладу Я. Э. Рудзутака записала в своей резолюции: «Наряду с ликвидацией басмачества перед нами во всей широте стоят задача хозяйственного восстановления Туркестана»{505}. Здесь же отмечалась роль английского империализма в руководстве басмачеством{506}. Эти документы дают направление для верной оценки фактического положения дел в Средней Азии.

Авторы книги неоднократно сами заявляют о «затяжном характере гражданской войны в Узбекистане»{507}, и поэтому материал второго тома почти наполовину посвящен событиям, развернувшимся в 1921–1923 гг.

Более глубокому пониманию объективных и субъективных причин поражения басмачества, мобилизующей и организующей роли партии в борьбе с силами контрреволюции помогают работы, посвященные отдельным крупным проблемам истории Средней Азии советского периода. Среди них особое место занимают труды по истории советского строительства в годы гражданской войны, прежде всего посвященные роли Совета пролетарского Ташкента в борьбе с басмачеством, а также новые обобщающие труды по истории партии. Несколько монографий посвящено Советам{508}.

Р. А. Нуруллин обратил внимание на деятельность Советов по привлечению дехкан в Красную Армию и по разложению басмаческих шаек. Роль пролетариата Ташкента в формировании частей и отрядов, посланных на басмаческие фронты, широко показана в книгах Г. Рашидова и Т. Пулатова.

Большим событием в идейно-политической жизни среднеазиатских республик был выход в свет труда «История коммунистических организаций [209] Средней Азии»{509}, созданного коллективом ведущих историков партии среднеазиатских и Казахского филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. Значение этой работы определяется не только тем, что в ней имеются написанные на высоком теоретическом уровне главы, излагающие историю партийного руководства борьбой с басмачеством, но и главным образом тем, что в ней рассмотрен ряд теоретико-методологических проблем, имеющих большое значение для понимания закономерностей и особенностей разгрома контрреволюции в Средней Азии. К ним относятся: интернациональная миссия русского революционного пролетариата — руководящей силы в борьбе за освобождение трудящихся местных национальностей от социального и национального гнета; характер и особенности военно-политического союза рабочих и крестьян и его роль в победе над басмачеством; характер и цели народных революций в Бухаре и Хиве и процесс их постепенного перерастания в социалистические; закономерности некапиталистического пути развития народов Средней Азии; процесс консолидации большевистских организаций в условиях бывшей колониальной окраины; отношение Коммунистической партии к различным классам, политическим партиям и организациям, действовавшим в Средней Азии в первые годы Советской власти.

Рассматриваемый труд вносит новое в понимание сущности басмачества. В главе «Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» на основе предыдущих научных разработок и привлечения нового материала дан объективный ответ на вопросы о социально-классовой природе басмачества и о причинах его наибольшего развития именно в Ферганской долине. В ней, в частности, сказано: «Басмачество было вооруженной формой борьбы свергнутых местных эксплуататорских классов против диктатуры пролетариата»{510}. И далее: «Подавление басмачества не составляло бы особой трудности, если бы в нем участвовали лишь эксплуататорская верхушка и деклассированные элементы. Между тем дело обстояло значительно сложнее, ибо в состав басмаческих шаек влилось немало трудовых дехкан»{511}. В главе дано объяснение причин, по которым часть трудового дехканства примкнула к басмачам, и показаны революционные силы, ставшие на защиту Советской власти. Постановка проблемы именно в таком разрезе дала возможность правильно осветить героическую борьбу с басмачеством.

Менее обстоятельно в «Истории коммунистических организаций Средней Азии» изложена борьба с басмачеством в БНСР и ХНСР.

Обобщающий труд по истории партийных организаций Средней Азии еще раз подтвердил, что магистральный путь дальнейших исследований по историко-партийной проблематике, как и по конкретным темам истории гражданской войны, находится на пути дальнейшего углубленного изучения ленинского идейно-теоретического наследия, марксистско-ленинской методологии, ленинского анализа фактического материала.

Во второй половине 60-х — в 70-х годах в историографии появляются новые темы. Это прежде всего работы, объединенные названием «Ленин и народы Средней Азии и Казахстана»{512}. В них показана сущность ленинской научной концепции истории народов Средней Азии и Казахстана, раскрыта научная лаборатория ее формирования. Особое внимание уделено ленинским идеям по национальному вопросу и их значению для победы над объединенными [210] силами интервентов, белогвардейцев и басмачей. Вместе с тем предстоит еще много сделать для дальнейшего углубленного изучения ленинского идейно-теоретического наследия, методологии ленинского анализа фактического материала. Необходимо также ввести в научный оборот новые материалы из Полного собрания сочинений В. И. Ленина, и особенно из Биохроники В. И. Ленина, в том числе и по истории классовой борьбы в Средней Азии.

Другой темой, также имевшей большое методологическое значение для изучения борьбы с басмачеством, является деятельность Средазбюро ЦК ВКП(б). С фундаментальными монографиями выступили В. М. Устинов, С. Назаров, М. Ф. Андерсон, К. Хасанов, А. Т. Азизханов, А. А. Росляков; ряд статей опубликовал Я. М. Серый{513}.

В этих работах имеются разделы или отдельные параграфы, содержащие материал о партийном руководстве борьбой с басмачеством. А. А. Росляков считает, что на первом этапе истории Средазбюро (1922–1924 гг.) главной задачей его деятельности было «подавление вооруженного сопротивления феодально-байской контрреволюции, т. е. разгром басмачества»{514}. Он попытался дать и определение социальной природы басмачества на завершающем этапе его существования. По его словам, оно представляло собой «феодально-националистическую контрреволюцию», «открытую вооруженную феодальную контрреволюцию»{515}. На наш взгляд, это определение может относиться (да и то не полностью) лишь к некоторым районам (Восточная Бухара, некоторые районы Туркмении). Вряд ли можно сбрасывать со счетов байство и зарождавшуюся национальную буржуазию, сыгравшие вместе с феодальными кругами решающую роль в раздувании басмачества. Не совсем точны положения автора о причинах участия в басмаческих отрядах отдельных групп дехкан{516}.

Третья тема связана с показом национальной политики Коммунистической партии и ее проведением местными партийными организациями{517}. В монографиях Х. Т. Турсунова, К. А. Гафуровой, Н. Рахманова и других исследователей показано, как партия благодаря своей интернационалистской политике обеспечила сплочение народов на борьбу с врагом. К. А. Гафурова привела новый материал о роли английского империализма в снабжении басмачей оружием и об оказании им материальной помощи.

Ленинские принципы национальной политики партии были на практике воплощены и в военном строительстве в Средней Азии. Этому не могли не заметить исследователи, в результате чего появляются специальные работы В. М. Кузьминой, К. Аманжолова, О.

Худойбердиева и др. о национальных частях Красной Армии и их участии в разгроме контрреволюции.

Четвертой темой была история народных революций в Бухаре и Хиве. Написаны крупные монографии (А. И. Ишановым, К. Мухамедбердыевым, Б. И. Искандеровым, Х. Иноятовым) и изданы сборники документов и материалы юбилейных научных сессий {518}. В итоге дискуссий и обмена мнениями было установлено, что революции в Бухаре и Хиве были народно-демократическими, антифеодальными и антиимпериалистическими. Они явились следствием победы Великой Октябрьской социалистической революции и ее продолжением. Эти выводы имеют большое значение для верной оценки басмачества на территории БНСР и ХНСР. [211]

В конце 60–70-х годов история борьбы с басмачеством отражена в двух книгах о гражданской войне в Туркестане — М. Х. Назарова и Ш. Т. Ташлиева и в монографии о периоде «военного коммунизма» Р. А. Нуруллина {519}. Эти работы, написанные в историко-партийном плане, содержат богатый материал о борьбе с басмачеством.

М. Х. Назаров, в частности, более подробно по сравнению со своими предшественниками показал роль Коммунистической партии, ее политической и организационной работы в разгроме басмачества в Ферганской долине в 1918–1920 гг. В труде Ш. Т. Ташлиева наибольший интерес с точки зрения темы нашего исследования представляет материал, посвященный истории возникновения и разгрома хивинского басмачества во главе с Джунгаид-ханом. При анализе этих вопросов автор раскрывает всю сложность межплеменных и межнациональных отношений в Туркменистане, подчеркивает, что в ликвидации местного басмачества огромную роль играли соблюдение партийными, государственными и военными органами величайшей осторожности, понимание уклада жизни туркмен, узбеков, их обычаев, религиозных верований и предрассудков.

Р. А. Нуруллин, не затронув специально истории борьбы с басмачеством, подал материал об особенностях и специфике проведения политики «военного коммунизма» в целом в Туркестанской республике и в отдельных ее районах, в сельской местности прежде всего, что способствует пониманию причин успешной борьбы с басмаческими шайками.

Анализ развития научной мысли по теме, отраженной в нашей книге, позволяет прийти к следующим главным выводам.

В результате коллективных усилий большой группы историков республик Средней Азии и Казахстана, а также научных работников Москвы выработана марксистско-ленинская концепция сущности, классовых корней контрреволюционного басмачества. Создана в основном достоверная картина проходившей под руководством Коммунистической партии героической борьбы народов Средней Азии, защищавших завоевания Великого Октября от покушений объединенных сил белогвардейцев, басмачей и интервентов. На основе марксистско-ленинской методологии решены многие кардинальные вопросы истории борьбы с басмачеством.

По этой весьма важной для исторической науки теме написаны специальные исследования, в том числе монографии, книги и статьи, а также разделы, главы и параграфы в обобщающих работах по истории гражданской войны в Средней Азии, истории среднеазиатских партийных организаций, а также в книгах по отдельным теоретическим вопросам, в той или иной мере связанным с классовой борьбой в 20–30-х годах. В центре внимания становится исследование решающей роли трудящихся масс,

руководимых Коммунистической партией. Доказано, что, борясь за сохранение Советской власти в Средней Азии, Коммунистическая партия создала и укрепила военно-политический союз между рабочим классом и трудовым дехканством как решающую социальную и политическую силу, обеспечившую победу над врагом. Важнейшим фактором, способствовавшим укреплению этого союза в условиях Средней Азии, было неуклонное проведение Коммунистической партией ленинской национальной политики.

Не менее важным условием организации успешной борьбы против контрреволюции [212] в Туркестане было оказание повседневной экономической и военно-политической помощи народам Средней Азии со стороны ЦК РКП (б), Советского государства и великого русского народа. Эта помощь цементировала дружбу народов России с народами Туркестанской республики, Бухарской и Хорезмской народных республик.

В результате преодоления историографией последствий культа личности и связанных с ним отступлений от исторической правды все полнее стала раскрываться роль Коммунистической партии, ее Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным в разгроме объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции в Туркестане. Уже многое сделано, чтобы в полном объеме показать теоретическую и практическую помощь, оказанную В. И. Лениным партийной организации Туркестана, его борьбу за идейно-организационное укрепление КПТ, за победу идей марксизма и пролетарского интернационализма в молодых партийных организациях, возникших после Октября на восточных окраинах России. Благодаря умелому руководству Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным, помощи полномочных органов ЦК и Советского правительства, Турккомиссии, Туркбюро и Средазбюро ЦК коммунисты Средней Азии, преодолев огромные трудности, исправив собственные ошибки и недостатки, сумели выковать многочисленные кадры, ставшие передовым отрядом рабочего класса и трудового дехканства и возглавившие борьбу за упрочение Советской власти и социалистическое строительство в крае, за победу в гражданской войне.

Историки дали в основном правильные ответы на такие сложные и важные вопросы, как социальная и классовая природа басмачества и причины его относительно длительного существования в отдельных районах Средней Азии; формы и методы иностранной интервенции и причины краха английской интервенции в Туркестане.

Сделана в целом удачная попытка исследовать национальную и аграрную политику Коммунистической партии, ее роль в борьбе с басмачеством. В связи с этим изучены и изучаются формы и методы вовлечения в социалистическое строительство трудящихся масс местных национальностей и их сплочения вокруг пролетариата и Коммунистической партии. В ряде работ показано, как в борьбе с басмачеством и другими контрреволюционными силами выковывался нерушимый союз советских народов, развивался пролетарский интернационализм.

Расширена, особенно в последнее двадцатилетие, проблематика работ, что дало возможность развернуть изучение истории многих важных событий, длительное время не исследовавшихся. Если в 20–30-е годы, например, анализировался в основном только ход боевых действий на фронтах гражданской войны, то сейчас исследования охватывают состояние тыла, единство фронта и тыла, расстановку классовых сил и их изменение на различных этапах гражданской войны, создание и укрепление союза рабочего класса с дехканством в годы войны и роль этого союза в победоносном завершении войны, национальную и аграрную политику партии. Одновременно раскрываются методы политической организации трудящихся в условиях некапиталистического пути развития,

формы их приобщения к активной политической деятельности, являвшегося одним из важных условий разгрома басмаческих шаек. В памяти народа воскрешаются имена многих командиров и политработников, [213] а также героев гражданской войны, незаслуженно забытых или ранее вовсе не упоминавшихся в историографии.

Однако до сих пор существует известная неравномерность в исследовании ряда проблем. Военная и политическая история борьбы с басмачеством изучена более полно по сравнению с социально-экономическими условиями его возникновения и разгрома.

В 60–70-е годы заметно повысился научный уровень исследований. Немаловажную роль в этом сыграли расширение источниковой базы, дополнение архивных и газетных материалов воспоминаниями активных участников гражданской войны, а также повышение научной квалификации историков, укрепление научно-исследовательских исторических учреждений и кафедр общественных наук вузов Средней Азии.

Основной формой исследования постепенно становится монография. Обращают на себя внимание не только выводы, но и наблюдения частного характера, сделанные при изучении и сопоставлении разнообразных источников.

Таким образом, достигнуты новые качественные результаты в изучении темы. Вместе с тем нельзя считать, что все проблемы уже решены, что исследование темы полностью завершено. Впереди создание трудов, достойных требований, поставленных перед исторической наукой XXVI съездом КПСС. [232]

Указатель имен {520}

- Абдраим 142
- Абдугаорар 160
- Абду-Мумин 105
- Абду-Хафиз 110
- Абдул-Газис 122
- Абдуллаев Ш. Ш. 230
- Абдумансур 48
- Абдулхаев Р. А. 223, 229
- Абрамов 110
- Авксентьевский К. А. 146, 190
- Адилов Курартык 182
- Азизханов А. Т. 210, 230
- Азизханов Хаким 63

Айни Садриддин 25, 88, 193, 226

Айрапетов 171

Айтаков Н. 177

Акбарали 67

Акбартугсабо 136

Акдыр-хан 176

Акчурин Алимджан 86, 117

Александр К. А. 18, 216

Алексеев М. В. 27

Алексеенков П. 193–196, 227

Алескеров Ю. 216

Али Голи-хан Ансари 154

Алиев Сайфулло 162

Алимарданов Карим 167

Алимкулов И. 65

Али-Риза 112, 114, 116

Алияр 77, 96

Алкин И. 218

Алла Назар 131

Алявия М. 226

Аманжолов К. 210

Аманов Р. 199

Амая-Палван 54, 72, 78, 103, 105, 220

Аманулла (Аманулла-хан) 56

Андерсон М. Ф. 210, 230

Анжелло 150
Анна Дурды 174
Акнамухаммедов 177
Анненков Б. В. 183
Антонов 155
Арифбаев С. 65
Арифов Абдулхай 112, 116
Артемов 160
Атабаев К. С. 16, 177, 190
Атаджан 106
Атаев Б. 178
Атакузы 72
Атаходжаев 108
Ахмат-хан 105
Ахмед-бек 180
Ахмед Токсабо 108
Ахмедов Мирзо-Касым 61, 220
Ахунбабаев Юлдаш 16, 57, 190
Ахунджан 34, 55, 57, 69
Ашурмат 78
Ашуров Ахмед 115
Бабаходжаев А. Х. 198, 202, 203, 223, 227, 229
Бабушкин Е. А. 35, 36, 49, 217
Базарбай 106
Баймат 105
Байматов Юлдаш 96

Баймурадов Кара 152
Байрам Молла 182
Байтуман 105
Баку Эмиль 54
Балабий 84
Бальфур А. Дж. 33
Баракатулла 216
Баранник 153
Баранов П. И. 44, 76, 221
Барат-бек 129
Батманов Н. 193, 226
Бадкалевич А. И. 178
Баястан 96, 104, 106
Бейли Ф. М. 41, 42, 56
Бейсембаев С. 230
Бекджан-хан 179
Белов И. П. 206
Белоусов Бакир 84
Берды-Дотхо 139, 143, 145
Бердыев 181
Бикжанов И. П. 177
Бкльдин Г. М. 54, 62
Блеккер Л. В. 41
Божко В. 196
Бокий Г. И. 45

Бондаренко 171
Бравин 56
Брежнев Л. И. 15, 16
Бройдо Г. И. 151
Бубнов А. С. 227
Буденный С. М. 146, 190, 227
Буравлев П. 52
Бурибай 106 [233]
Валишев Абдулла 167
Вандерлип 30
Варейкис И. М. 195
Веллеков Ч. 177
Веревкин-Рохальский Н. А. 66, 190
Вильсон В. 10, 32, 33, 41
Винник Д. Ф. 226
Виноградова А. 193, 226
Воскобойников Э. А. 227
Вотинцев В. Д. 43
Врангель П. Н. 68, 75, 90
Гаирбек 131
Гайнуудинов Убайдулло 162
Гафуров Б. Г. 197, 227
Гафурова К. А. 210, 217, 219, 229, 230
Гилилов Я. Р. 35
Гиндин И. Ф. 216
Гинзбург С. 193, 226

Гиршфельд А. 216
Голощекин Ф. И. 45
Гольцев Д. К. 126
Гопнер Д. Ю. 147
Горький А. М. 197, 227
Гривас 155
Гринцевич 114, 115
Гувер Г. 30
Гульбеков Мамедбек 99
Гуменюк Т. 221, 226
Гумеров 66
Гурджиянц Н. Г. 225
Гурко-Кряжин В. А. 193, 226
Гусев С. И. 94, 120, 190
Гутовский Ф. Ф. 162
Гюль-Ходжа Назар 167
Давлия Сардар 160, 162, 171
Давлятман-бий 87, 108, 109, 116, 122, 123
Дадабай 105
Дадабаев Б. Д. 190
Данияр-бек 114, 116, 126
Даны-аксакал 122
Даукш 160
Дахшлейгер Г. Ф. 230
Демидов А. Н. 217

Деникин А. И. 28, 39, 62, 68, 90, 183, 206

Денстервиль 33, 216

Джаныбек Кады 96, 99

Джума—Пансат 106

Джуназаков 75

Джунаид-хан (Джунаид Курбан Мамед) 36, 37, 42, 43, 81–84, 146, 147, 149, 160, 173, 180, 182, 187, 194, 198, 211, 217, 221

Джунковский 206

Джурабек 106

Ди-Мур 193, 194, 226, 227

Довлетов Бекмурад 184

Дурды-Клыч 152, 153

Дурды Мурт 179, 180

Дугов А. И. 28, 32, 34, 39, 44, 75, 183, 216

Дыбенко П. Е. 177

Евдокимов Е. Г. 177

Елеуов Т. 216

Елисеев П. 50

Еськов А. А. 225

Жантуаров С. Б. 204, 229

Желтенков 155

Житников Я. 37

Житов К. Е. 197, 218, 227

Зайцев И. М. 41, 42

Заорская В. В. 18, 215

Зевелев А. И. 217–221, 226–228, 230

Зеленский И. А. 16, 190, 215

Зелинская М. 199, 227

Зиновьев Г. В. 37, 76, 87

Зуев Д. Д. 193, 226

Ибрагим-бек 85–87, 108, 109, 111, 113, 115–117, 121, 122, 124–140, 142–146, 156, 160, 161, 163–168, 187

Ибрагимов Ю. И. 66, 190

Иванов Вс. 227

Иванченко 132

Игамберды 131

Игамбердыев Юлдаш 167

Икрамов Акмаль 16, 190

Ильдархан Мукани 75

Иноятов Х. Ш. 210, 216, 226

Ионов В. М. 190

Ионова В. М. 228

Иоффе А. А. 12, 216, 222

Иргаш 34, 35, 36, 41, 50–92, 54, 63, 67, 69, 218, 219

Иркаев М. И. 199, 200, 203, 204, 223, 224, 228, 229

Исаев А. 65

Исаев М. С. 74

Искандеров Б. И. 210, 231

Исламкул 51, 106

Исламов Абдусалом 162

Исламов Р. 66

Исмат 131

Израил 98, 106
Израил 110
Исфендиар 37
Ишан Сулейман 125
Ишан Султан 88, 108–110, 116, 125
Ишан Халифа 181
Ишанов А. И. 210, 221, 222, 231
Ишик-хан 170, 171, 173
Ишмат Байбачи 105, 220 [234]
Каджаров М. С. 178
Казакбай 78
Казаков А. А. 197
Какабай 176
Какурин Н. Е. 120, 196, 227
Каландаров Н. 231
Каледин А. М. 28
Калинин М. И. 140
Каменев С. С. 118, 119, 190, 227
Кара Мухт 172, 176
Караджа-аксакал 172
Каримов Т. Р. 229
Карши-аксакал 122
Касимов Абдулло 162
Кастанье Ж. 34
Касымов Ф. 227
Качуринер М. С. 44

Каюм Парванчи 182
Кельдиев Т. Х. 201, 228
Керенский А. Ф. 27, 28
Керим Берды 160
Керим-хан 171
Кирсанов 161, 162
Киселев А. С. 44
Кичик-казак 106
Кичик-карабай 105
Климов 132
Кобисский 175
Кобозев П. А. 44
Козловский Е. 193, 194, 227
Коканбаев А. 200, 201, 228
Колесников 161, 162
Колесов Ф. И. 41, 197, 227
Колчак А. В. 39, 44, 56, 57, 90, 183
Кондратенко 170
Коновалов Д. Е. 52, 57
Константинов 178
Корк А. И. 126, 190
Корнилов Л. Г. 28, 41
Корнилов П. Г. 41
Коровиченко П. А. 23
Корп 171

- Котельников 171
- Кравчук А. И. 163
- Красильников Д. Е. 88
- Краснов П. Н. 27–29
- Краснощеков 171
- Крылов 132
- Кувандык-бай 182
- Кувшинов В. 193, 226
- Кудрат Хозрат 48
- Кужело Э. Ф. 62, 67, 190
- Кузы-Ахмедов С. К. 61, 220
- Кузьмина В. М. 210, 231
- Куйбышев В. В. 15, 16, 44, 45, 67, 72, 74, 82, 87, 88, 101, 118, 190, 193, 198, 215
- Кулиев Клыч 227
- Кулиев О. К. 228
- Кулиев Якуб 178, 190
- Кунаев Д. А. 15, 16, 215
- Кукина А. Е. 216
- Курбан-Али 105
- Курдов А. 178
- Курширмат 34, 55, 63, 67–69, 75–78, 87, 88, 96, 98, 99, 162, 220
- Кутарева В. Е. 227
- Кутяков И. С. 149, 150, 190, 196, 227
- Куц И. Ф. 99, 190
- Ламанов И. И. 174, 175, 177, 178

Ланда Л. М. 216, 226

Левандовский М. К. 148, 190

Ленин В. И. 6–15, 21, 25, 29, 35, 38, 43 44–46, 56 66, 69, 70, 75, 83, 90, 94, 111, 170, 177, 182, 185, 192, 199, 200, 202, 206, 210, 212, 214–217, 220–222, 225, 230

Лепихов 155

Липпман Уолтер 33

Лунин Б. В. 230

Лучинский А. А. 152, 190

Ляшенко Н. Г. 178, 190

Мадамин-бек (Мадамин Ахметбеков) 51 52, 54, 55, 57, 58, 60, 62, 63, 67–69, 219

Мадумар 106

Мадьяров Абдурахман 54, 65

Макашов А. В. 228, 229

Маккартней Д. 34, 41

Макрицкий Ф. А. 162

Максум-Ходжаев Муэтдин 112

Максумов Ата 148

Маликов И. Ф. 104

Маллесон В. 37, 40, 206

Мальшев А. К. 177, 178

Мальшев К. 200, 228

Мамед 110

Мамонтов К. К. 29

Манас 105

Манжара Д. И. 190, 196, 227

Мансурханов Ишан Исахая 168
Маркович Г. С. 152, 190
Маркс К. 8
Ма Санчи 190
Масленников 155, 160
Маслов М. Т. 164
Масов Р. М. 226, 228–230
Матвеев А. М. 202, 228
Махкам-ходжа 34, 67, 219
Махмудов 120
Межерауп П. Х. 150
Мей Уильям 30
Мелькумов А. 195, 227
Мелькумов Я. А. 78, 87, 177, 190
Мельникова Т. С. 215
Миддендорф А. 64, 220
Милнер 40
Мингбаши 48 [235]
Минеев В. 228
Минц И. И. 227
Мирабидов Мирхамид 95
Мирза-Пансат 102
Мирза-Умур 105
Мирзо-Али 105
Миршарапов Миркамиль 147, 177, 190
Молибожко С. 37

Монстров К. 58, 60, 62, 63

Морозенко 114

Мукумбаев Юсуфбай 168

Мулла-Кенджа 142

Мулла-Кошты 105

Мулла-Нияз 148

Мулла-Рустам 105

Мулла-Турды 142

Муминбаев Миркамилъ 47, 48

Муравейский С. (Лопухов В.) 195, 227

Мурад-Али 172, 176

Мурадов А. 177

Мурадов К. 65

Мурадов Чары 178

Мусаев. Махмуд 84

Мустафа Кемаль 222

Мухамадинов Усман 88

Мухамедбердыев К-. 210, 231

Мухамедов Абдужабар 162

Муханов А. А. 58, 63

Мухин 114

Муэтдин (Муэтдин Усман Алиев) 76, 96, 98, 99, 101–104, 182

Муэтдин-Юлчи 220

Набиев Абдулла 71, 190

Нагорный 107, 114

Надир-хан 161

Назаров Г. 152

Назаров М. И. 71

Назаров М. Х. 201, 211, 228, 229, 231

Назаров С. А. 210, 230

Назоршоев М. 229

Нансберг 63

Нарметов С. 226, 228

Нежевенко А. Р. 218

Непесов Г. 198, 201, 228

Непомнин В. Я. 197, 227

Нестеров 153

Ниалло Азиз (Станишевский А. В.) 105, 198, 217, 222, 227

Никишов П. П. 198, 227–229

Николаев Ю. 199, 200, 228

Николаева В. 227

Никольская Г. Б. 202, 229

Ниязов Рахман 181

Нурмат-Минбаши 105, 106

Нуруллин Р. А. 208, 211, 229–231

Нусратулло Максум 110

Овезмурадов Нобат 181

Овезов Аманнепес 181

Слимов Яхъё 162

Ораз Гельды Канджик 171, 172, 176

Орджоникидзе Г. К. 100, 119, 120, 190

Орозалиев К. К. 226
Осипов К. 57
Осмонбеков А. 190
Павлов П. А. 120, 190
Павлюченко 49
Пален К. К. 47, 218
Панкеев А. Я. 87, 110
Парамонов П. М. 72, 81
Парпи 69, 78. 95
Паскуцкий Н. А. 190, 193, 197, 226
Пахмурный П. М. 229
Першин А. Я. 44
Петере Я. Х. 119, 190
Петров И. Е. 166, 190
Покровский С. Н. 200, 228
Полторацкий П. Г. 36, 37
Поляков Ю. А. 226
Попок Я. А. 177
Пошев Гаиб 115
Прохоров Н. М. 197, 227
Прыщенко 145
Пулатов Т. 208, 230
Пулатходжаев Усман Ходжа 108, 112–114
Рахимбабаев Рахим 66
Рахимбаев А. 120

Рахимов Абдулахад 162
Рахимов Сабир 190
Рахманкул 55, 78, 97–99, 103, 220
Рахманов Н. 230
Рахмат Али 167
Рашидов Г. 208, 230
Рашвдов Ш. Р. 15, 16, 215
Ромашевский 161
Росляков А. А. 210, 230
Ростенко 170
Рудзутак Я. Э. 16, 16, 45, 101, 129, 190, 208, 215
Рузи-Ахун 61
Рузметов Б. 84
Рузы 105
Рузьшат 105
Рыскулов Т. 16, 195
Рюмин 160
Сабир-Пансат 105
Садыков 181
Саиб 167
Саид-Мурат 144
Саидмурадов Муммоджа 162
Сали-Максум 72
Саликов Д. П. 190 [236]
Салим-паша (Ходжа Салим-бей) 124–129
Саметова Кейик 181

Самокрутов М. В. 178

Сангин 103

Сарыев Аннамурад 152

Сафаров Г. М. 193, 214, 226

Сафонов М. В. 55, 62, 84, 190

Сахибназаров Юлдаш 141, 190

Свердлов Я. М. 44, 75

Сейид Алим-хан 33, 83, 85–87, 108, 113, 114, 117, 124, 125, 130

Сеид Эфенди 105

Серый Я. М. 202, 210, 229, 230

Сидоров В. Н. 61, 220

Ситников 143

Скалов Г. 193, 226

Скуба В. А. 61

Соколов А. П. 62, 190

Соколов Г. 161, 162

Соколовский В. Д. 190

Сологубов И. С. 202, 228

Сольц А. А. 120

Сорокин К. Е. 58

Спасибов Д. И. 59, 62

Сталин И. В. 15, 118, 215

Сулейманов Салахутдин 182

Султан 106

Султанов М. 141, 167, 190

Сухов С. Х. 69
Сыркин А. 193, 226
Таган Дурды 153
Талат-заде 116
Тальковский А. А. 66
Тачмамедов Оразмамед 152, 178
Ташакуль 167
Ташлиев Ш. Т. 200, 211, 228, 229, 231
Ташмат 102
Телия В. 37
Темирбеков 48
Тимошков С. П. 198, 227
Тодорский А. И. 190
Толстов П. 183
Томин Н. Д. 136, 190, 224
Тохтам-Пансат 105
Тредуэлл Роджер 41, 56
Туйчи 57
Турды-бай 144
Турсунов Х. Т. 210, 230
Турсунходжаев Сагдулла 86
Тухачевский М. Н. 227
Тухтасын 102
Тюракулов Назир (Т. Дервиш) 16, 120, 190, 193, 226
Тюряев Насырхан-Тюря Камалхан 95
Убайдулла 105

- Увайсов Абдувахид 95
- Увайсов Джалалитдин 95
- Ульмасбаев Е. Н. 71
- Ульмасбаев Ш. М. 222
- Умар-Али 106
- Умаров Насыр 162
- Умаров Салиджан 95
- Умаров Усман Кари 48
- Унгалбаев С. 177
- Уразбаев Ташпулат 36
- Уркварт 30
- Усманкул-бек 129
- Усманходжаев Б. 65
- Успенский 62
- Устинов В. М. 210, 223 230
- Утан-бек 155, 160, 164, 167, 180, 181
- Фаньян Д. К. 199, 223, 227
- Федин А. Т. 163
- Федько И. Ф 140, 190
- Фигельский В. Д. 43, 50, 53, 216
- Финкелынтейн В. Н. 44
- Фрунзе М. В. 15, 16, 44, 45, 64, 67, 72, 74, 82, 83, 90, 182, 186, 190, 198, 206, 217, 220–222, 225–227
- Фузайл Максум 88, 108, 116, 125, 127–129, 160, 162, 163, 182
- Фурманов Д. А. 195, 227
- Хабибулла 56

Хайдаров Г. Х. 204, 229

Хак Мурад 173, 178

Хакимов Насыр 117

Халар-бек 142

Халмухамедов Шамурза 23

Хал-ходжа 51, 52, 63

Хамдам 67, 106

Хамдамов П. У. 230

Хамза Хаким-заде Ниязи 70, 91, 92, 190

Хамидов Е. 166, 190

Хамракул 106

Хасан Саиб 65

Хасан-Эфенди 112

Хасанов Аликбар 162

Хасанов К. 210, 230

Хауз Э. М. 33, 216

Хикмат Гани 162

Ходжа-Бобо 148

Ходжаев Файзулла 16, 86, 88, 111, 118–120, 123, 129, 190, 193, 215, 226

Ходжакули-хан 42

Ходжакули-хан 42

Ходжа Мамаджан 65

Ходжа Палван 65

Холбута 81, 128, 223

Хрюкин И. И. 178

Худойбердиев О. 230
Хурам-бек 144, 146
Хусанбаев Абдул-Азиз 61
Хусейнов Каримджан 162 [237]
Цейтлин 173
Цыплаков 171
Чайказин Т. 178
Чанышев Я. Д. 36, 66, 190
Чапаев В. И. 149
Чепрунов Б. В. 221
Черчилль У. 38, 217
Чичерин Г. В. 118, 154
Чокаев Мустафа 34, 36
Шакиров Муминджан 35
Шалтай-Батыр 170
Шамагдиев Ш. А. 201, 228
Шамсутдинов Юсуп Повур 35
Шапкин Т. Т. 163, 190
Шарапов Я. 200, 228
Шах-заде Мухаббат 25
Шевцов С. М. 128
Шегабутдинов Б. 87
Шерстобитов В. П. 226
Ширмат Киргиз 97
Шишканов И. П. 220

Шкляр М. 193, 226
Шукимбаев 170
Шумилов Н. В. 44
Щербаков Сергей 152
Звентов Л. Я. 216
Эйдеман Р. П. 227
Эйли-Ахун 172, 174
Элиява Ш. З. 44, 45, 69, 72, 100, 101, 119, 120, 1190, 220
Энвер-паша 112, 113, 115–117, 119, 121–125, 222
Энгельс Ф. 8
Эссертон П. 34, 63, 112, 221
Юденич Н. Н. 90
Юдин 162
Юлдашев М. Ю. 71
Юлчи 106
Юнус 106
Юсуф-заде И. Т. 199
Языкова М. 200, 228
Ярматов Камиль 91, 222
Ярмухамедов Абдулла 104, 190, 222
Ястребов Г. Г. 177 [238]

Указатель географических названий

Абакумовская 38

Аблык 78, 79

Австро-Венгрия 17

Аджи-Куль 147

Азербайджанская Советская Социалистическая Республика (Азербайджан) 9, 214

Азия 6, 7, 28, 31, 45, 190

Азия Центральная 33

Аз-Кум 177

Аим 63

Ак-Кую 172

Ак-Рабат 170

Актюбинск 37, 44, 159

Алайская долина 67, 74, 72, 76, 78, 98, 104–106

Алайский хребет 46

Алма-Ата (Верный) 159, 206

Алты-Арыкская волость 54

Амударья 17, 40, 43, 113, 129

Амударьинская область 150, 152

Амударьинский отдел (Амударьинская область) 42, 81, 150, 215

Ашрен 78, 106

Андижан 30, 31, 35, 55, 59, 61, 67, 72, 74, 76, 105, 194, 218, 220, 221, 228

Андижанская область 73, 102, 220, 228

Андижанский уезд 47, 53, 54, 57, 105, 106, 217, 218

Арал-Тугай 136

Аральское море 17, 24, 37, 40, 44, 74

Аральское море (ж.-д. станция) 44

Арасановская 38

Армянская Советская Социалистическая Республика (Армения) 9, 214

Артык 37, 178

Архангельск 10, 28

Астрахань 10, 206

Атрек 153

Аты-Куш 224

Аул-Киик 135

Аулие-Атинский уезд 21

Афганистан 4, 6, 17, 31, 38, 40–42, 51, 56, 57, 87, 89, 94, 102, 105, 108, 111, 114–116, 124, 125, 129–131, 146, 153–155, 160, 161, 163, 164, 167, 168, 186, 203

Африка 6

Ашава 78, 97

Ашхабад (Асхабад, Полторацк) 10, 23, 30, 37, 42, 91, 117, 178, 206

Баба-Сакал 131

Бабатаг 135, 144, 167

Байрам-Алийский район 181

Байсун 86, 115, 116, 121, 122, 139

Баку 10, 22, 33, 37, 216

Балхаш 40

Бальджуан 108, 122, 123, 131

Балыкчи 72

Бахарден 177

Бахарденский район 152, 172, 179

Бачкыр (крепость) 67

Бачкыр (кишлак) 219

Бедиркент 82

Белорусская Советская Социалистическая Республика (Белоруссия) 22, 39, 120, 157

Бешарык 95

Беш-Булак 143

Бука 79

Булак-Баши 72, 76, 96

Бульбулон 1167

Бусага 177

Бухара 17, 19, 30, 82, 91, 102, 112, 113, 126, 216, 219

Бухара Восточная 83, 85, 86, 98, 102, 107, 108, 110, 112, 113–118, 124, 126, 128–130, 132, 134–137, 140, 199, 200, 205, 210

Бухара Западная 105, 111, Мб, 124

Бухара Центральная 111

Бухарская Народная Советская Республика (БНСР, Советская Бухара) 5, 9, 14, 75, 83, 84, 86–89, 91–94, 105, 107–109, 111, 114, 117–120, 122, 124–127, 129, 132, 135, 137, 183, 188, (194, 198, 207–210, 212, 215, 221–223, 231

Бухарский эмират 7, 17, 19, 20, 24, 32, 33, 40, 42, 51, 63, 79, 81, 82, 85, 182, 488, 198

Вабкент 105, 119

Ванч 162

Вахш 5, 134, 154, 162, 167 [239]

Вахшская долина 87, 121, 138

Векил-Базарский район 181

Великобритания (Англия) 11, 28, 33, 42, 56, 63, 80, 83, 101, 111, 116, 124

Владивосток 28, 38

Владыкино 219

Волга 28, 37

Волгоград (Царицын) 29

Волочаевка 224

Воронеж 29

Восток Ближний 34, 94

Восток Дальний 27, 28, 39, 157, 216

Восток Средний 34, 94, 203, 229

Газабад 149

Гарм 87, 88, 109, 110, 129, 162, 163

Гармский вилоят 149, 116, 127, 132, 141

Гармский округ 112

Геоклен 170, 181

Геоклен-Куюсы 174

Геок-Тепинский район 172, 176

Германия 17, 28, 222

Гкждуван 119

Гильгит 42

Гиссар 86, 87, 109, 134

Гкссарская долина 86, 87, 114, 127, 134, 138, 139

Гиссарский вилоят 124

Гиссарский район 1140, 141

Гонконг 41

Горбуа 72, 76, 219

Горный Бадахшан 25

Горская республика 214

Горчаково 53, 219

Грузинская Советская Социалистическая Республика (Грузия) 214

Грунч-Мазар 52

Гульча 62

Гурлен 149

Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (Дагестан) 214

Дангара 166

Дэрваз 88, 108, 109, 116, 125, 127, 129, 162

Даугавпилс (Двинск) 22

Дахлы 178

Дели 41

Джалал-Абад 55, 60, 62, 63, 76

Джалал-Абадский район 54, 57

Джаланашкуль 113

Джебелский район 174

Джезказган 159

Джизак 23, 35

Джизакский уезд 125

Джитымтау 131

Джуркуль-Чапан 177

Дон 27, 28

Донская область 25–29, 39, 40

Дордок 52

Дубурсы 129

Душанбе (Дюшамбе, Сталинабад) 85, 86, 107, 109, 112, 114–117, 121, 126, 130, 135, 140, 444, 163, 206, 216, 223, 224, 227–229

Душанбинский вилоят 132

Душанбинский район 142

Европа 28, 156, 190, 214

Ербент 176

Ербентский район 179

Закавказье 33, 39, 226

Закаспийская область (Закаспий) 23, 37, 40, 45, 56, 91, 188, 215, 226

Заркент 72

Зеравшан 79, 80, 128, 223, 229

Зеравшанский хребет 79

Ивановский 61

Ижевск 22

Ильялинский район 170, 179, 181

Имамсейид 161

Индия 31, 38, 41, 56, 111, 125, 189

Иолотанский район 155, 171

Иран (Персия) 4, 17, 31, 34, 37, 40, 56, 94, 152–155, 168, 171, 172, 186, 203, 216

Иркештам 42, 62

Исанбай 167

Иски-Наукат 98

Иссык-Куль 17

Исфара 95

Италия 11, 17

Кабадиян 121

Кабул 102, 151

Кавказ 7, 33, 216

Казанджик 174, 177

Кззанджинский район 152, 172–174, 176

Казань 22, 29

Казахская автономная область (в составе ХНСР) 151

Казахская Советская Социалистическая Республика (Казахская АССР, Казахстан) 114, 22, 38, 93, 168, 159, 190, 204–206, 209, 211, 216, 217, 219, 222, 229, 230

Каймат 174

Калаи-Лаби-об 162

Калаи-Хумб 162

Кандагач 44

Канибадам 91. 95

Капчагайская волость 55

Карабекаульский район 181

Карабуа 99

Караганда 159 [240]

Карадарья 63

Кара-Калинский район 181

Каракалпакская АССР (Каракалпакская АО, Каракалпакия) 74, 93, 207, 222, 230

Каракумские песни (Каракумы) 146, 149, 152, 153, 169, 172, 176, 178–180

Каратаг 86

Каратау 144

Каратегин 87, 108, 109, 116, 124, 125, 127–129, 162

Каратегинский вилоят 86

Кара-Тепе 63

Караулинская долина 143

Караульский район 95

Карши 86

Каршинский вилоят 116

Каршинский район 137

Каспийское море 17, 24, 37

Катта-Карамык 88

Каттакурган 35

Кафирниган 85, 138, 143, 155, 167

Кафирниганский район 142

Кашгар 34, 40–42, 56, 57, 62, 63, 112, 221

Кашкадарья 139

Кашкадарьинская долина 124, 144

Келиф 126

Кендыр-Даванский перевал 42, 79

Керки 30, 102

Керкинский округ 169

Кермине 119

Кзыл-Орда (Перовск) 35

Кизыл-Арват 37, 173

Кизыл-Арватский район 174, 177

Кин-Тыкче 177

Киргизия Южная 158, 198

Киргизская ССР (Киргизская АССР, Кара-Киргизская АО, Киргизия) 77, 93, 98, 159, 184, 198, 200, 204–206, 217, 220, 222, 225, 227–229

Китаб 86, 87

Китай 17, 31, 40, 51, 62, 77, 94, 186, 189, 229

Китай Западный 40, 221

Коканд 30, 31, 34–36, 49, 50, 53–55, 57, 67, 71, 72, 74, 76, 91, 95, 103, 117, 218, 219, 221

Кокандский уезд 52, 53, 54, 99, 105, 106, 217, 220

Кокандское ханство 32

Копал 38

Кофрюн 121

Красноводск 10, 23, 37, 38, 45, 177

Красноводский район 172–1176

Крым 90

Кубанская область (Кубань) 224

Кугартская долина 58

Куи-Кара-Комар 137

Куйбышев (Самара) 29, 37, 38, 44

Кульдаван 79

Кульджа 57

Куль-Такир 176

Куляб 86, 87, 105, 110, 116, 126, 131, 136

Кулябский вилоят 116, 124, 132, 136, 141

Кулябский округ 112

Кунград 83

Куня-Ургенч 151, 181

Куня-Ургенчский район 152, 179

Курган-Тюбе 127

Курган-Тюбинский вилоят 124, 132

Курган-Тюбинский округ 112

Курган-Тюбинский район 140, 141

Куршаб 48

Кушка 23, 24, 159, 171

Кызыл-Киинский район 95

Кызыл-Кия 53, 68, 218

Кюй-Кун 177

Ленинабад (Ходжент) 35, 91, 219, 228

Ленинград (Петроград) 22, 24, 27, 28, 39, 91

Локайская долина (Локай) 85, 108, 109, 122, 126, 127, 130–132, 134, 135, 137, 143, 144, 166

Локайский вилоят 141

Лондон 30, 41

Лямбе 155

Майли-Сай 78

Маргилан 30, 52–54, 60, 218

Мархамат 95

Мары (Мерв) 23, 30, 34, 37, 117, 159, 178

Марыйский (Мервский) оазис 154

Матча 79, 80, 127, 128

Матчинский уезд 130, 229

Матчинское бекство 78–80, 81, 199

Махрам 64

Мекка 103

Мельниково 74

Мерке 21

Месопотамия 10

Мешхед 34, 40, 41, 82, 151, 164

Минбулак 72

Мингачар 141

Михайловский 62

Москва 40, 22, 39, 43, 45, 62, 88, 90, 91, 117, 133, 192, 195, 206, 211, 216, 220

Мугоджарская 44

Муйнак 74
Мулик-Язы 181
Муратали 79
Мурза-Рабатская степь 42
Мурманск 10, 28 [241]
Мустаг 42
Мын-Тюбе 106
Найманская волость 218
Наманган 30, 49, 55, 60, 67, 72, 74, 76, 103, 218, 221
Наманганский уезд 47, 53, 54, 95, 105, 106, 217, 220
Нарын 105, 106, 131
Нарынская волость 77
Наукат 96
Наукатская волость 55
Нижняя Чаага 159
Нимич 162
Ново-Ургенч (Новый Ургенч) 30, 149, 150
Норы 142
Нукус 81, 84
Обдара 123
Обурдон 79, 128
Оренбург 37, 44, 45, 206, 207
Орта-Кую 152, 174
Османтай-Матай 177
Ош 31, 42, 52, 59, 60, 62, 63, 67, 71, 76, 98, 103, 218, 220
Ошский район 54, 57, 103

Ошский уезд 55, 217

Памир 17, 25, 72, 164, 200, 205

Париж 33, 34

Пенгаз 78

Пенджикент 79, 80, 128

Перекоп 90

Пешавар 42

Питняк 149

Поволжье 28, 29, 39

Польша 75

Порсинский район 181

Посъетовка 73

Прага 39

Пскент 79

Пяндж 167

Равнина 154

Реват 58

Рейн 10

Риддер 159

Россия (Российская империя) 6–8, 17, 21, 22–25, 27, 30, 33, 46, 48, 185, 215, 218

Россия Европейская 17

Россия Центральная 29, 39, 91, 157, 188

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР, Советская Россия) 3, 9, 10, 13, 15, 16, 21, 24, 28, 31, 32, 37, 38, 40, 41, 44, 46, 56, 64, 70, 77, 81, 84, 87, 89–91, 93, 94, 102, 106, 107, 109, 111, 114, 117, 118, 126, 147, 151, 183, 206, 219, 222

Румыния 28

Рустак 161

Сакыз-Отлык 224

Самарканд 17, 23, 30, 34, 40, 55, 79–81, 91, 101, 102, 121, 215, 218, 225, 226

Самаркандская область 35, 58, 73, 78, 79, 81, 115, 125, 127, 130, 142, 200, 215, 228

Сангтуда 122

Санто 73, 218

Саранск 22

Сарканда 38

Сары-Ассийский вилоят 132

Сарыкамыш 224

Северный Кавказ 27, 29, 39, 158

Семиреченская область (Семиречье) 27, 38, 45, 58, 76, 91, 188, 215, 228

Серово 57

Сибирь 10, 22, 27–29, 39, 216

Сирия 10

Соединенные Штаты Америки (Америка) 11, 28, 30, 32, 41, 56, 214, 216

Сох 77, 106

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) 6, 14, 16, 73, 92, 93, 133, 137, 142, 151, 153–157, 176, 191, 197, 202, 215, 216, 230

Сулюкта 53, 73, 218

Сурхаб 110

Сурхандарья 139, 145, 167

Сурхандарьинская долина 121, 124, 127, 144

Суфи-Курган 71

Сырдарья 42, 46, 67

Сьтрдарьинская область 35, 91, 215

Тавиль-Дара 162

Таджикистан Восточный 145

Таджикистан Северный 205

Таджикистан Центральный 205, 228

Таджикистан Южный 205, 228

Таджикская Советская Социалистическая Республика (Таджикская АССР. Таджикистан)
35, 79, 86, 93, 116, 127, 139, 140, 142, 144, 145, 158–160, 163, 164–169, 176, 184, 198, 200,
203–206, 222–224, 226, 227, 229, 230

Таликан 161

Таллин (Ревель) 22

Тамаша 69

Тамбовская губерния 224

Тахгинский район 152, 179

Ташауз 149, 153, 178

Ташаузский округ 152, 154, 169, 170 [242]

Ташаузский район (район Ташауза) 174, 176

Ташкент 21–23, 30, 35, 40–45, 49, 52, 54, 61, 78, 79, 81, 91, 99, 102, 133, 137, 192, 205–208,
217, 226, 230

Ташкентский уезд 79

Таш-Курган 57, 95

Тбилиси (Тифлис) 22

Теджен 178

Тедженский район 172

Теляу 79

Тереская 175

Термез 23, 86, 144

Токами 219

Тополевская 38

Туар 178

Туркестан (Туркестанский край) 5, 10, 11, 17–26, 29–31, 33–35, 37, 40–43, 46, 49, 63, 64, 94, 99, 112, 183–185, 187–189, 195–197, 200, 201, 205–208, 212, 215, 217, 218, 220, 227–231

Туркестанская Советская Социалистическая Республика (Туркестанская АССР, Советский Туркестан) 9, 10, 12–16, 24, 26, 31, 35, 37, 39–45, 48–50, 52, 53, 56, 58, 59, 62, 65, 68, 72–75, 77, 78, 81, 85, 88, 90–93, 100, 101, 106, 111, 114, 117, 119, 132, 133, 147, 158, 172, 182, 188, 191–194, 198, 205, 207, 211, 212, 219, 221–223, 226, 230

Туркестанский хребет 42, 46, 79

Туркменская АО (в составе ХНСР) 151

Туркменская Советская Социалистическая Республика (Туркмения) 74, 93, 145, 152, 153, 159, 160, 169–177, 181, 184, 198, 200, 206, 211, 227–230

Турткуль (Петро-Александровск) 43, 81, 84, 221, 226

Турция 4, 10, 33, 222

Тюря-Курган 105

Узбекская Советская Социалистическая Республика (Узбекистан) 47, 57, 93, 140, 144, 145, 158, 159, 164, 184, 189, 206, 207, 215–218, 222, 223, 227–230

Украинская Советская Социалистическая Республика (Украина) 22, 39, 157

Ульяновск (Симбирск) 29

Урал 22, 39

Урал Южный 27, 28

Ура-Тюбе 35, 128

Ура-Тюбинский уезд 80, 81, 109, 125

Урмитан 58

Файзабад 131, 161

Файзабадский округ (район Файзабада) 112, 142

Фальгарская волость 58, 80

Федченко 53, 221

Фергана (Скобелев) 34, 35, 42, 49, 50, 52, 55, 60, 63, 72, 77, 101, 220

Ферганская долина (Ферганская область) 12, 16, 23, 30, 35, 40, 46–55, 57–60, 63–73, 75–79, 85, 87, 91, 92, 95–102, 104–107, 109, 115, 128, 147 188, 194, 200, 201, 207–209, 211, 215, 217, 218, 220, 222, 228

Ферганский (Скобелевский) уезд 54, 57, 95, 217

Ферганский хребет 46

Франция 11, 17, 28, 33

Фрунзе (Пишпек) 206, 221, 226–230

Хабаровск 224

Хазарасп 150

Хайберский перевал 42

Ханабад 161, 163

Хатырчи 105

Хива 117, 37, 149, 178

Хивинский оазис 173

Хивинское ханство (Хива) 5, 7, 17, 19, 20, 24, 32, 36, 37, 40, 42, 81, 82, 221

Ховалинг 123

Ходжа-Кумбет 152

Ходжа-Суфи 173

Ходжам-Кала-2 181

Ходжейли 152, 153

Ходжентский уезд 80, 219

Хорабек 106

Хорезмская Народная Советская Республика (ХНСР) 14, 82–84, 91, 92–94, 118, 119, 147, 148, 150, 177, 183, 188, 193, 194, 196, 201, 207–210, 212, 215, 221, 223, 231

Хорезмская Советская Социалистическая Республика (ХССР) 148, 149

Хорезмский оазис 154, 196, 222, 226

Хорезмский округ 112, 146, 147, 154

Хорог 98, 99

Чагыл 174, 176, 178

Чарджоу (Чарджуй) 23, 82

Чарджоуский округ (район Чарджоу) 169, 181

Чарышлы 170, 178

Чаткальская долина 105

Чаткальский хребет 46, 220

Чепек-Яб 154

Черное море 90

Чимион 53, 54, 62, 63, 73, 218

Чимкент 159 [243]

Чинабад 72

Чиназ 42

Читлар 42

Чугучак 57

Чуст 52

Шаарихан (Шарихан) 52, 72, 106

Шарков 62

Шахимардан 98

Шахимарданский район 95

Шах-Мурад-Яб 224

Шахрисябз 86, 116, 143

Шерабад 86, 87, 126, 139

Шерабадский вилоят 124

Шура 165

Шураб 73

Яван 131, 143

Язьяван 72

Яккобаг 86, 87

Янги-Базар 106

Янгичек 72

Яны-Курган 105

Япония 11, 28

Примечания

Введение

{1} В. И. Ленин. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г. — Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 315.

{2} В. И. Ленин. Речь об отношении к Временному правительству 4(17) июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. — Полное собрание сочинений. Т. 32, с. 274.

{3} В. И. Ленин. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г. II конгресс Коммунистического Интернационала. — Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 244; Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. VIII съезду РКП (б). Т. 38, с. 158–159.

{4} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 244.

{5} В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 329.

{6} Там же.

{7} В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП (б). — Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 159.

{8} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 304.

{9} В. И. Ленин. О продовольственном налоге. — Полное собрание сочинений. Т. 43, с. 228.

{10} В. И. Ленин. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г. II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 246.

{11} Там же, с. 244–245.

{12} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 132.

{13} Это было верно и по отношению к ХНСР.

{14} В. И. Ленин. Письмо Г. М. Сафарову от 7.VIII.1921 г. — Полное собрание сочинений. Т. 53, с. 105.

{15} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 329.

{16} В. И. Ленин. Письмо товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. — Полное собрание сочинений. Т. 43, с. 198.

{17} Там же, с. 200.

{18} Там же, с. 199.

- {19} В. И. Ленин. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г. II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 244.
- {20} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 53, с. 105.
- {21} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 215.
- {22} Там же.
- {23} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 37, с. 7–8.
- {24} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 8; т. 37, с. 38; т. 39, с. 141–142 и др.
- {25} В. И. Ленин. Письмо к рабочим Европы и Америки. — Полное собрание сочинений. Т. 37, с. 455–456.
- {26} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 320.
- {27} В. И. Ленин. Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б), с. 161. [215]
- {28} В. И. Ленин. Письмо А. А. Иоффе от 13.IX.1921 г. — Полное собрание сочинений. Т. 53, с. 190.
- {29} Там же.
- {30} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 435–436.
- {31} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 153.
- {32} В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г., с. 321.
- {33} В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 53, с. 189.
- {34} КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Изд. 8. Т. 1, с. 448.
- {35} Там же, с. 449.
- {36} Там же, т. 2, с. 45.
- {37} Там же, с. 246–251.
- {38} Там же, с. 433–443.
- {39} Там же, с. 249.
- {40} Там же, с. 436.
- {41} Эти указания были опубликованы в местной печати.
- {42} В. В. Куйбышев находился в Средней Азии с 4 ноября 1919 г. по начало 1921 г., М. В. Фрунзе — с 22 февраля по сентябрь 1920 г., а Я. Э. Рудзутак — с 4 ноября 1919 г. по май 1920 г., с апреля по июль 1921 г., с октября 1922 г. по апрель 1923 г. и с января по май 1924 г.
- {43} Работы М. В. Фрунзе, относящиеся к Туркестану, опубликованы в Собрании сочинений (т. 1–3, М., 1941), Избранных произведениях (М., 1940, 1957), «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны в Туркестане» (М., 1941). Работы В. В. Куйбышева и Я. Э. Рудзутака воедино не собраны.
- {44} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941, с. 309.
- {45} См.: Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 1–8. М., 1970–1981.
- {46} Д. А. Кунаев. Избранные речи и статьи. М., 1978; Ш. Р. Рашидов. В единой семье народов СССР. Таш., 1974; он же. Торжество ленинской национальной политики. Таш., 1974; он же. Советский Узбекистан. М., 1978; он же. Язык нашего единства и сотрудничества. М., 1979.
- {47} И. А. Зеленский. Об итогах проведения национальной политики партии в Средней Азии. Самарканд, 1927; Ф. Ходжаев. Избранные труды. Т. 1–3. Таш., 1970–1973; А. Икрамов. Избранные труды. Т. 1–3. Таш., 1972–1974.
- «Свободными стали бывшие рабы»
- {48} Такыр — ровное глинистое пространство в пустыне, почти лишенное растительности.

- {49} Туркестанский край состоял из Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областей и Амударьинского отдела (Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973, с. 525).
- {50} В литературе встречаются и другие данные о численности населения Туркестанского края.
- {51} См.: История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971, с. 13–14.
- {52} В 1914 г. во всем Туркестане насчитывалось 856 промышленных предприятий, в том числе 239 хлопкоочистительных заводов. 73% всей валовой продукции приходилось на хлопкоочистительную промышленность. См.: Очерки хозяйственной жизни Туркестанской Республики. Таш., 1921, с. 133; Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Т. II. Таш., 1924, с. 42.
- {53} Средняя заработная плата одного рабочего в обрабатывающей промышленности Туркестана в 1908 г. составляла 147 руб. в год — на 98 руб., или на 60% ниже, чем в среднем по Российской империи. Накануне первой мировой войны степень эксплуатации туркестанских рабочих была в 4,5 раза выше, чем в целом по России (см.: Т. С. Мельникова. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Таш., 1956, с. 21–22).
- [216]
- {54} В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Таш., 1915.
- {55} Цит. по: История коммунистических организаций Средней Азии. Таш., 1967, с. 24–25.
- {56} С. Айни. Бухара. Воспоминания. Сталинабад, 1954, с. 243, 246, 247, 256, 258.
- {57} В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 62.
- {58} Х. Ш. Иноятов. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978, с. 41.
- {59} Цит. по: Т. Елеуов. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. А.-А., 1961, с. 161.
- {60} Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, с. 40.
- {61} История гражданской войны в Узбекистане. Т. 1. Таш., 1964, с. 58.
- {62} «Наша газета», 15.XII.1917.
- {63} Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в трех томах. Т. I. М., 1959, с. 254.
- {64} Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959, с. 274–278.
- {65} В. И. Ленин. Из дневника публициста. — Полное собрание сочинений. Т. 35, с. 189.
- {66} «Правда», 15.IV. 1978.
- {67} «Правда», 10.II.1974.
- {68} В. И. Ленин. К пересмотру партийной программы. — Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 379.
- Империалистическая интервенция и гражданская война
- {69} В. И. Ленин. Речь на митинге в Лефортовском районе 19 июля 1918 г. — Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 528.
- {70} «Звезда Востока». 1953, № 5, с. 103.
- {71} Л. Я. Эвентов. Иностраный капитал в нефтяной промышленности России. М. — Л., 1925, с. 44, 62, 85, 89.
- {72} См.: И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, с. 362.
- {73} См.: Л. М. Ланда. Американский империализм — активный организатор антисоветской интервенции в Средней Азии (1918–1920 гг.). — Труды Музея истории Узбекской ССР. Вып. II. Таш., 1954, с. 25.
- {74} См.: Отчет Русско-Азиатского банка за 1910 г. СПб., 1911, с. 2.

- {75} «Правительство» Коканда намеревалось договориться с Дутовым о включении Туркестана в «Юго-Восточный Российский Союз», в котором против Советской власти должны были объединиться оренбургские, кубанские, уральские, семиреchenские казахи войска, а также население калмыцких, казахских, киргизских земель и мусульманское население Кавказа.
- {76} Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1940, с. 492.
- {77} Архив полковника Хауза. Т. IV. М., 1944, с. 152–153.
- {78} См.: А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. Изд. 2-е, доп., М., 1954, с. 95.
- {79} См.: А. Гиршфельд. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. — «Вопросы истории». 1948, № 8, с. 20.
- {80} См.: А. Е. Кунина. Провал американских планов..., с. 95–96.
- {81} Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1930, с. 275; т. IV, с. 152–153.
- {82} Генерал-майор Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 гг. Пер. с англ. Тифлис, 1925, с. 122–123.
- {83} «Die Post», 6.III.1919.
- {84} ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 78. Из доклада главы афганской делегации в Москве Баракатуллы, 1919.
- {85} ЦГАОР УзССР, ф. P-17, оп. 1, д. 317а, л. 80. [217]
- {86} Фотокопию послания см.: Ю. Алескеров. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Таш., 1959, с. 31.
- {87} История Узбекской ССР. Т. II. Таш., 1957, с. 54; см. также: «Наша газета», 17.II.1917 и 4.I.1918; «Эль-Байраги», 16.I.1918.
- {88} Е. А. Бабушкин (1880–1927), член партии с 1902 г., делегат VI съезда РСДРП(б). Направлен партией в 1917 г. в Туркестан для руководства партийной работой. Находился в дальнейшем на дипломатической работе.
- {89} ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1095, л. 2 об.
- {90} Цит. по: А. И. Зевелев. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Таш., 1959, с. 64.
- {91} «Наша газета», 9.III.1918.
- {92} В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Сборник воспоминаний. Таш., 1957, с. 182.
- {93} В сентябре 1918 г. Джунаид посадил на ханский престол безвольного Сейида Абдуллу.
- {94} У. Черчилль. Мировой кризис. М., 1932, с. 105.
- {95} В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. — Полное собрание сочинений. Т. 37, с. 7.
- {96} Смена вех. Сб. статей. Прага, 1921, с. 125.
- {97} Цит. по: R. H. Ullman. Anglo-Soviet Relations. 1917–1921. Vol. II. Britain and Russian Civil War. Princeton — Oxford, 1966, с. 14.
- {98} См.: «Соловецкие острова». 1926, № 4, с. 68–69.
- {99} ЦГАОР УзССР, ф. P-25, оп. 1, д. 27а, л. 2. Только в Ташкенте в 1918 г. имелось около 10 миссий, представительств и иностранных агентств.
- {100} А. Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941, с. 64.
- {101} «Соловецкие острова». 1926, № 4, с. 62.
- {102} См.: К. А. Гафурова. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана. М., 1972, с. 56–61; она же. Документы разоблачают. — «Вопросы истории». 1970, № 8, с. 30–41.
- {103} Цит. по: К. А. Гафурова. Борьба за интернациональное сплочение..., с. 59.
- {104} «Соловецкие острова». 19126, № 5–6, с. 37.

- {105} «Соловецкие острова». 1926, № 4, с. 68.
- {106} Там же.
- {107} Там же, с. 69.
- {108} См.: «Соловецкие острова». 1926, № 5–6, с. 36.
- {109} История гражданской войны в Узбекистане. Т. 1, Таш., 1964, с. 238.
- {110} ЦГАОР СССР, ф. 1334, оп. 1, д. 3, л. 41.
- {111} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 144, л. 3. Количество посланных работников не уточнено.
- {112} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 288.
- {113} История Узбекской ССР. Т. III. Таш., 1967, с. 187–188.
- {114} История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., 1959.
- {115} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 209.
- {116} «Красный архив». Т. 3 (100). М., 1940, с. 14.
- {117} Цит. по: А. И. Зевелев. Из истории..., с. 416.
- {118} В. И. Ленин. Товарищам коммунистам Туркестана. — Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 304.
- {119} См. там же, с. 329.
- {120} Ферганская область состояла из пяти уездов: Скобелевского, Наманганского, Ошского, Кокандского и Андижанского. В 1917 г. в Ферганской области проживало около 2,5 млн. человек.
- {121} По данным Кокандского биржевого комитета, проводившего обследование в 47 волостях области (из 84), более 50% посевной площади занимал хлопчатник. В 9 волостях посеы хлопчатника занимали 90% посевной площади, в 4–80%, в 23–70% (см.: А. Н. Демидов. Экономический очерк хлопководства, хлопкооторговли и хлопковой промышленности Туркестана, М., 1922, с. 49). В 1916 г. Фергана дала 11 млн. пудов хлопка из [218] 16 млн. пудов, вывезенных из Туркестана (ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 163, л. 156–157).
- {122} К. К. Пален. Материалы и характеристика народного хозяйства Туркестана. СПб., 1911 (подсчеты А. Р. Нежевенко).
- {123} Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. Т. II.
- {124} Там же, с. 53.
- {125} ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 135–136.
- {126} «Жизнь национальностей». 1923, кн. 1, с. 87.
- {127} Из доклада сырдарьинского военного губернатора. См.: Земельный вопрос в Узбекистане. Материалы ко второму курултаю Советов. Самарканд, 1925, с. 5.
- {128} К 1917 г. в Ферганской области действовало 159 хлопкоочистительных заводов, составлявших 68% всех хлопкоочистительных заводов Туркестана (в Андижане — 26 заводов, Намангане — 17, Маргилане — И, Коканде — 10). Из 38 маслобойных заводов на долю Ферганской области приходилось 17 (44,7%). Это были наиболее крупные заводы (на 12 прессах). Как и хлопкоочистительные, они в основном были сосредоточены в Коканде и Андижане (см.: И. Алкин. Средняя Азия. М., с. 283). В области действовали также нефтепромысел с нефтеперегонным заводом Чимион, нефтепромысел Санто, угольные копи Кызыл-Кия и Сулюкта.
- {129} Статистический ежегодник России за 1913 г. Т. II, ч. 1. СПб., 1914, с. 87.
- {130} «Наша газета», 24.XI.1917.
- {131} К. Е. Житов. Установление Советской власти в Узбекистане. — Из истории Советского Узбекистана. Таш., 1956, с. 8.
- {132} «Наша газета», 11 и 30.XI.1917.
- {133} ЦГАОР УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 45, л. 123.
- {134} Там же, д. 16, л. 35.

- {135} Городские думы в Намангане и Оше были ликвидированы летом 1918 г., в Андижане — в октябре 1918 г.
- {136} ЦГАОР УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 80, л. 70.
- {137} После Февральской революции в Фергане сформировались дружины армянской буржуазной националистической партии «Дашнакцутюн». Однако дашнаки не столько защищали от грабителей мирное армянское население Ферганской области, сколько под предлогом борьбы с басмачами грабили жителей кишлаков и аулов. Чрезвычайная комиссия ТуркЦИКа по борьбе с басмачеством писала в своем приказе от 26 мая 1919 г.: «В Фергане отряды партии («Дашнакцутюн». — Авт.) проявляли национальную нетерпимость по отношению к местному населению, чем в значительной степени способствовали развитию широкого разбойничьего движения» (А. И. Зевелев. Из истории..., с. 129).
- {138} В. Д. Фигельский — выдающийся сын польского народа, один из 14 туркестанских комиссаров, погибших в январе 1919 г. во время антисоветского мятежа.
- {139} ЦГАОР УзССР, ф. Р-25, д. 7, л. б.
- {140} ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 627, л. 373.
- {141} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 128.
- {142} В материалах Совнаркома Туркестанской республики за январь 1918 г. указывается, что в уездах Ферганской области «замечается наплыв духовенства из Бухары... с призывом поддержки Иргашхана, защищающего интересы мусульман» (ЦГАОР УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 80, л. 3).
- {143} ЦГАОР УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 69-а, л. 61–62; Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 205, л. 9 об.
- {144} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 205, л. 9.
- {145} Там же, л. 8 об.
- {146} По данным Наркомзема Туркестанской республики, в результате грабежа басмачей у коренного населения Андижанского уезда осталось не более 2% лошадей.
- {147} Например, Иргаш в ноябре 1919 г. издал приказ по Найманской волости, по которому каждый пятидесятник должен был собрать со своего участка [219] в пользу басмачей по 500 руб., а каждый дехканин, имевший землю, обязывался внести по 500 руб. с одного танапа земли (ЦГАСА, ф. 149, д. 71, л. 229). Другой басмаческий курбаши, Махкам-ходжа, обложил жителей кишлака Токачи натуральным налогом — клевером и овсом: каждое пятидесятничество должно было поставить один чирик овса (5 пудов 24 фунта) и 50 снопов клевера (ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, л. 354).
- {148} ЦГАСА, ф. НЮ, оп. 2, д. 409, л. 35–38.
- {149} Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. Т. 1. А.-А., 1963, с. 422.
- {150} Там же, с. 423.
- {151} Там же, с. 443.
- {152} Там же, с. 449.
- {153} Там же, с. 450.
- {154} Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1, с. 455.
- {155} ЦГАСА, ф. 149, д. 81, л. 45.
- {156} ЦГАСА, ф. 149, д. 187, л. 28.
- {157} Первоначально он назывался «Оперативный штаб по борьбе с разбойниками».
- {158} ЦГАСА, ф. 149, д. 154, л. 14.
- {159} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 210, л. 10.
- {160} «Наша газета», 7.I.1919.
- {161} ЦГАСА, ф. 149, д. 155, л. 11–12.
- {162} «Правда Востока», 22.XI.1957.

- {163} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 41, л. 1.
- {164} ЦГАСА, ф. 149, д. 81, л. 26.
- {165} В течение 1919 г. и в начале 1920 г. одним из главных мест скопления шаек басмачей, действовавших под командованием Мадамин-бека, был район кишлака Горбуа, расположенный в 18 км от ст. Горчаково и в 8 км от разъезда Владыкино. Басмачи базировались не в самом кишлаке, а на находящемся поблизости мусульманском кладбище, пересеченном арыками и холмами и имеющем в центре большой курган.
- {166} Недалеко от Коканда в районе кишлака Бачкыр Иргаш построил укрепления, обнес их глиняными стенами.
- {167} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 334.
- {168} Там же, с. 335.
- {169} Там же.
- {170} «Вопросы истории». 1980, № 12, с. 88.
- {171} ЦГАСА, ф. 110, оп. 4, д. 275, л. 26.
- {172} В сообщении правительства Туркестанской республики говорилось, что инициаторами и вдохновителями заговора являлись иностранные империалисты и что «он опирался главным образом на иностранный капитал» («Наша газета», 29.X.1918).
- {173} ЦГАОР УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 31, л. 14; д. 120, л. 34.
- {174} См.: К. А. Гафурова. Борьба за интернациональное сплочение..., с. 38.
- {175} «Таймс», подтвердив факт перехода Бейли на нелегальное положение, писала, что он действовал «нераскрытым в Туркестане более года». Сюда относится и его пребывание в Бухаре (см. телеграмму Наркоминдела РСФСР, посланную Турккомиссии в феврале 1920 г. А. И. Зевелев. Из истории..., с. 246.
- {176} ЦГАСА, подборка, оп. 2, д. 835, л. 188.
- {177} По другим данным, в состав миссии входили три офицера, переводчик и сопровождающие лица (Труды Музея истории АН УзССР. Вып. II. Таш., 1954, с. 37).
- {178} «Жизнь национальностей». 1923, кн. 1, с. 89.
- {179} Цит. по: Труды музея истории АН УзССР. Вып. II, с. 38.
- {180} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 65, л. 22–23; ЦГАОР СССР, ф. 1334, оп. 1, д. 6, л. 159.
- {181} ЦГАСА, ф. 149, д. 51, л. 124. [220]
- {182} Цит. по: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917–1920 гг.). Сб. документов. Ленинабад, 1957, с. 107.
- {183} В некоторых уездах Ферганской области, расположенных ныне главным образом на территории Киргизской ССР, сложилась привилегированная прослойка русских переселенцев-кулаков, бывших в свое время верной опорой царского самодержавия в Туркестане.
- {184} Это приблизительно в пять раз превышало по численности советские силы Ферганы.
- {185} ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, л. 328.
- {186} Там же, л. 42.
- {187} Там же, л. 97. Из данных Особого отдела Ферганского фронта.
- {188} Там же, оп. 6, д. 47, л. 231-а, 232.
- {189} «Пролетарская мысль» (орган Ферганского областного комитета РКП(б)), 10.IX.1919.
- {190} ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 7, л. 352 об.
- {191} Там же, д. 44, л. 43.
- {192} Из воспоминаний члена партии с 1918 года Мирзо-Касым Ахмедова. См.: Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Андижан, 1957, с. 114. Протокол собрания не обнаружен.
- {193} В рядах партийной организации Андижана насчитывалось около 300 коммунистов.

- {194} С. К. Кузы-Ахмедов — один из организаторов обороны Андижана, в прошлом бакинский рабочий-нефтяник, член партии с 1918 г.
- {195} Из воспоминаний В. Н. Сидорова. См.: Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области, с. 103.
- {196} И. П. Шишканов пишет в своих воспоминаниях, что в город и в отряды, оборонявшие Андижан, «стали засылаться письма и прокламации о сдаче» (там же, с. 39).
- {197} В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Таш., 1957, с. 148.
- {198} Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области, с. 25–426.
- {199} ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, л. 109–110.
- {200} Там же, д. 13, л. 454.
- {201} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 881, л. 77.
- {202} Там же, оп. 2, Д. 400, л. 307.
- {203} ЦГАСА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, л. 193 об.
- {204} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 84, л. 19.
- {205} А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1872.
- {206} М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. 1. М., 1950, с. 102.
- {207} Такая работа велась длительное время и давала положительные результаты.
- {208} Эта идея проводилась и в других документах партийно-советских организаций Ферганы.
- {209} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 536.
- {210} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 285, л. 80 об.
- {211} Там же, оп. 1, д. 23, л. 17.
- {212} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 280.
- {213} К Курширмату примкнули пять крупных главарей басмачества: Ишмат Байбачи (его банды действовали в Кокандском уезде), Парни (в Андижанском), Аман-Палван (Наманганский уезд), Рахманкул (предгорья Чаткальского хребта) и Муэтдин-юлчи (к югу от линии Скобелев — Ош).
- {214} Ш. З. Элиава вскоре уехал из Ферганы в Москву.
- {215} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 560.
- {216} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 2812.
- {217} Там же.
- {218} В. И. Ленин. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. — Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 119.
- {219} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 309–311.
- {220} Там же, с. 312.
- {221} «Известия», Таш., 16.VI.1920. [221]
- {222} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 582.
- {223} ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 409, л. 153.
- {224} История Киргизии. Т. II. Фрунзе, 1956, с. 106.
- {225} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 5122, л. 60–63.
- {226} Там же, л. 43, 47.
- {227} Там же, л. 64.
- {228} Там же, л. 82.
- {229} ЦГАСА, ф. 110, оп. 1, д. 29, л. 230, 257, 261.
- {230} ЦГАСА, подборка, оп. 2, д. 836, л. 254.
- {231} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 588.
- {232} Там же.
- {233} Там же.
- {234} В. И. Ленин. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. — Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 114.
- {235} Дутов в это время находился в Западном Китае.

- {236} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 589.
- {237} П. И. Баранов, старый большевик, был впоследствии начальником Управления Военно-Воздушных Сил Красной Армии, начальником Управления авиапромышленности ВСНХ. Погиб во время авиационной катастрофы в 1933 г.
- {238} В Ферганскую армейскую группу входили 1-я Туркестанская дивизия, 3-я Туркестанская кавалерийская дивизия (Андижан), 7-я бригада (Коканд), 4-я бригада (Андижан), 5-я бригада (Федченко), 6-я бригада (Наманган) и некоторые другие части.
- {239} Эти меры, однако, в отдельных районах области не проводились достаточно последовательно.
- {240} В это же время проводились уездные и сельские конференции беспартийных трудящихся дехкан.
- {241} Силы басмачей тут никогда не превышали нескольких тысяч человек.
- {242} История борьбы с силами Джунаид-хана за это время подробно отражена в воспоминаниях Б. В. Чепрунова (Поражение Джунаид-хана. — За Советский Туркестан. Таш., 1969) и в работе Т. Гуменюка (Борьба за Петро-Александровск. — Пятая годовщина Красной Армии. Таш., 1923). О героизме, проявленном в борьбе с бандами Джунаида, говорит следующий ответ защитников Нукуса осенью 1919 г.: «Большевики сдадут оружие только тогда, когда пройдут по их трупам» (Гуменюк. Борьба за Петро-Александровск, с. 93).
- {243} История Бухарской и Хорезмской народных республик. М., 1971, с. 96.
- {244} «Известия», Таш., 22.VII. 1920.
- {245} Цит. по: А. Ишанов. Бухарская Народная Советская Республика. Таш., 1969, с. 164.
- {246} Там же, с. 188.
- {247} М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, с. 330.
- {248} ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 715, л. 13.
- {249} Младохивинцы — мелкобуржуазные демократы, выступавшие первоначально против феодального уклада Хивы, требовавшие проведения реформ, ограничивавших власть хана. Их политическая ориентация была весьма неопределенной. В силу этого они не могли возглавить революционную борьбу дехканских масс. В дальнейшем часть их сотрудничала с Советской властью, а другая встала на путь борьбы с диктатурой пролетариата.
- {250} См.: История коммунистических организаций Средней Азии..., с. 630.
- {251} См.: Образование СССР. Сб. документов 1917–1924. М., 1949, с. 241–247.
- {252} Об этом свидетельствует английский генеральный консул в Кашгаре П. Эссертон в своей книге «В сердце Азии (P. E. Etherton. In the Heart of Asia. L., 1925).
- {253} Пограничные войска СССР. 1918–1928 гг. Сб. документов. М., 1973, с. 39.
- {254} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 1.
- {255} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 260, л. 3. [222]
- {256} Предложения имели военно-политический характер.
- {257} Боевые подвиги частей Красной Армии 1918–1922, с. 183.
- {258} Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959, с. 552.
- {259} См.: Образование СССР..., с. 261–257.
- Враги мирного труда
- {260} М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. I. М., 1950, с. 420.
- {261} Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в трех томах. Т. I. М., 1959, с. 155, 156.
- {262} К. Ярматов. Лента времени. — «Дружба народов». 1977, № 11, с. 212.
- {263} В 1929 г. Таджикская АССР, входившая в состав Узбекской ССР, стала союзной республикой. В 1932 г. Каракалпакская автономная область стала автономной республикой. С 1936 г. входит в состав Узбекской ССР.

- {264} В 1925 г. Кара-Киргизская автономная область была переименована в Киргизскую автономную область, в 1926 г. — преобразована в автономную республику, а в 1936 г. — в союзную.
- {265} «Красная казарма» (орган политуправления Туркестанского фронта). 1923, № 6.
- {266} См.: «Коммунист» (орган ЦК Коммунистической партии Туркестана). 1922, № 3–4.
- {267} См.: Ш. М. Ульмасбаев. Промышленное развитие Советского Узбекистана. Таш., 1958, с. 84.
- {268} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, д. 1503, л. 1.
- {269} См.: Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Таш., 1960, с. 65–66.
- {270} История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. Таш., 1970, с. 294.
- {271} ЦГАСА, ф. 7, оп. 12; д. 38, 230. См. также «Исторический архив». 1961, № 1, с. 132.
- {272} История гражданской войны в Узбекистане. Т. II, с. 294.
- {273} Партархив ЦК КПТ, ф. 60, папка 1, б/д, л. 66–68.
- {274} История гражданской войны в Узбекистане. Т. II, с. 294.
- {275} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 1421, л. 34.
- {276} «Известия», Таш., 4 и 8.VII.1922.
- {277} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, папка 2, б/д, 2148.
- {278} Бюллетень VII конференции КПТ. Таш., 1922, с. 25.
- {279} Партархив ЦК КП Узбекистана, ф. 60, оп. 1, д. 1821, л. 5.
- {280} «Красная Казарма». 1923, № 1, с. 150.
- {281} Боевые эпизоды. Басмачество в Фергане и Хорезме. Сб. материалов. М. — Таш., 1934, с. 46–47.
- {282} Абдулла Ярмухамедов — герой гражданской войны в Туркестане. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с басмачеством, был награжден тремя орденами Красного Знамени.
- {283} «Красная Казарма». 1923, № 7, с. 114.
- {284} Там же, 1923, № 11, с. 58.
- {285} Партархив ЦК КПУз, ф. 60, он. 1, д. 3027, л. 4–5, д. 3030, л. 85–86.
- {286} См.: А. Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941, с. 158–160.
- {287} См.: «Известия ЦК РКП (б)». 1923, № 4 (52), с. 4.
- {288} Такой вывод основывался на фактических данных.
- {289} Резолюции и решения съездов КП Узбекистана. Таш., 1957, с. 21.
- {290} История гражданской войны в Узбекистане. Т. II, с. 311.
- {291} Цит. по: А. Ишанов. Бухарская Народная Советская Республика, с. 275–276.
- {292} В. И. Ленин. А. А. Иоффе. 13 сентября 1921 г. — Полное собрание сочинений. Т. 53, с. 190.
- {293} После капитуляции Турции Энвер бежал в Германию, затем некоторое время находился на территории Советской России. Потерпев неудачу в попытке проникнуть в Анатолию и возглавить там борьбу против Мустафы Кемаля, [223] принял активное участие в басмаческом мятеже в Средней Азии. В Бухару он отправился якобы для путешествия по краю (см.: БСЭ. Т. 30. М., 1978, с. 173; История коммунистических организаций Средней Азии. Таш., 1967, с. 676).
- {294} Цит. по: А. Х. Бабаходжаев. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии. Таш., 1955, с. 144.
- {295} ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 577, л. 155.
- {296} Музей пограничных войск, папка 16, д. 2, л. 5.
- {297} Там же, л. 6.
- {298} Там же, папка 245, д. 3, л. 1.
- {299} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 1.
- {300} Там же, л. 3.

- {301} См.: История гражданской войны в Узбекистане. Т. II, с. 326.
- {302} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 3.
- {303} Там же.
- {304} См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 691–692.
- {305} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 3.
- {306} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 686.
- {307} Она формировалась как народная армия.
- {308} См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 563.
- {309} См. там же.
- {310} См.: В. М. Устинов. К вопросу о создании Средазбюро ЦК РКП(б) и его роли в организации экономического сотрудничества Туркестана, Бухары и Хорезма. — «Вопросы истории КПСС». 1964, № 7.
- {311} См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 689.
- {312} «Коммунист Таджикистана», 15.VI. 1949.
- {313} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 564.
- {314} Там же, с. 564–565.
- {315} См. там же, с. 565–566.
- {316} «Звезда Востока». 1951, № 12, с. 131.
- {317} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 3.
- {318} См.: «Известия» (орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа) 4 и 8.VII.1922.
- {319} ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 136, л. 71–73.
- {320} Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов в трех томах. Т. II. М., 1960, с. 588.
- {321} Цит. по: Д. Фаньян. К истории советского строительства в Таджикистане. Сталинабад, 1941, с. 41.
- {322} См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 692.
- {323} См. там же.
- {324} См.: История Советского государства и права Узбекистана. Т. I, Таш., 1960, с. 173.
- {325} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 5, 62.
- {326} Там же, л. 5.
- {327} Там же.
- {328} В работе М. Иркаева (История гражданской войны в Таджикистане, с. 400) называется иная цифра — 120 человек.
- {329} См.: Р. А. Абдулхаев. Упрочение Советской власти в районе верховья Зеравшана (1918–1923 гг.). Душанбе, 1972, с. 121. О судьбе Холбуты имеются и другие сведения. В частности, М. Иркаев (История гражданской войны в Таджикистане, с. 396) пишет, что Холбута и его банда были погребены обрушившейся на них снежной лавиной. Документы, хранящиеся в Центральном архиве пограничных войск, подтверждают сведения, приведенные Р. А. Абдулхаевым.
- {330} История гражданской войны в Узбекистане. Т. II, с. 333.
- {331} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 694.
- {332} Музей пограничных войск, папка 245, д. 3, л. 5.
- {333} Там же, л. 62–63.
- {334} Там же, л. 5–6, 63.
- {335} Там же, папка 16, д. 2, л. 10. [224]
- {336} Там же, папка 245, д. 3, л. 5–6.
- {337} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 698.
- {338} Там же.
- {339} М. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане, с. 451–452.
- {340} ЦГАСА, ф. 110, оп. 2, д. 530, л. 12–13; д. 527, л. 18.
- {341} Там же, д. 531, л. 86.

- {342} Томин Николай Дмитриевич (1887–1924) в 1918–1919 гг. — участник боев против Колчака на Восточном фронте. В 1920 г. командир 10-й кавалерийской дивизии. Участник разгрома белогвардейских банд на Кубани и антоновского мятежа в Тамбовской губернии. Участник освобождения Волочаевки и Хабаровска. Погиб 12 августа 1924 г. в бою с басмачами.
- {343} «Правда», 18.XII.1970.
- {344} ЦГА УзССР, ф. 47, Материалы 5-го курултая БНСР. Цит. по: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 707.
- {345} Музей пограничных войск, папка 16, д. 2, л. 12–13.
- {346} Там же, л. 18–19.
- {347} Там же, л. 28.
- {348} Там же, л. 20.
- {349} Там же, л. 12.
- {350} Действовало до 10 июля 1925 г.
- {351} Резолюции и решения съездов КП Узбекистана. Таш., 1957, с. 50.
- {352} Краснознаменный Туркестанский, с. 123.
- {353} Очерки истории Коммунистической партии. Душанбе, 1964, с. 41.
- {354} См.: Краснознаменный Туркестанский, с. 127.
- {355} Музей пограничных войск, папка 16, д. 5, л. 34.
- {356} Там же, л. 51.
- {357} Там же.
- {358} Там же, л. 55–56.
- {359} Там же, л. 47.
- {360} Там же, л. 34.
- {361} Там же, папка 130, д. 3, л. 3.
- {362} Там же, папка 16, д. 5, л. 71.
- {363} Там же, л. 88.
- {364} Там же, л. 109.
- {365} Там же, л. 88.
- {366} Там же, л. 109.
- {367} Там же, л. 18.
- {368} Там же.
- {369} Летом 1926 г. Туркестанский фронт был переименован в Среднеазиатский военный округ. См.: Краснознаменный Туркестанский, с. 128, 409.
- {370} Там же, л. 129.
- {371} ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, д. 81, л. 228. Цит. по: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 650.
- {372} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 651.
- {373} Там же, с. 653.
- {374} См.: Краснознаменный Туркестанский, с. 117.
- {375} См. там же, с. 119.
- {376} См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с. 657–658.
- {377} Там же, с. 91.
- {378} Краснознаменный Туркестанский, с. 130.
- {379} Там же, с. 131–132.
- {380} На страже мирного труда, с. 91.
- {381} Схватки с отрядами Джунаида произошли вблизи Шах-Мурад-Яб, около развалин крепости Сакыз-Отлык, в районе озера Сарыкамыш и колодца Аты-Куш. См. там же.
- {382} Там же, с. 92.
- {383} Музей пограничных войск, папка 16, д. 5, л. 88.
- {384} Там же, папка 130, д. 7, л. 3. [225]

- {385} Там же.
{386} Там же.
{387} Там же, д. 9, л. 14.
Гибнущий враг опасен
{388} История СССР. Эпоха социализма. М., 1974, с. 261.
{389} Эти отряды были вооружены палками, топорами, косами, ножами, охотничьими ружьями.
{390} Музей пограничных войск, папка 23, д. 9, л. 27.
{391} Там же, л. 28.
{392} Там же, л. 27.
{393} «Туркменская искра», 12.11.1932. Цит. по: Н. Г. Гурджиянц, А. А. Еськов. Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана — организатор и руководитель разгрома басмаческой авантюры 1931 г. — В. И. Ленин и исторические судьбы туркменского народа. Аш., 1976, с. 78.
{394} В. И. Ленин. Привет венгерским рабочим. — Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 387.
{395} Музей пограничных войск, папка 163, д. 1, л. 53.
{396} Там же, л. 57–59.
{397} На страже мирного труда, с. 94.
{398} Музей пограничных войск, папка 163, д. 1, л. 49.
{399} На страже мирного труда, с. 99.
{400} Музей пограничных войск, папка 163, д.-1, л. 49.
{401} Там же, папка 20, д. 2, л. 1–5.
{402} Там же, папка 25, д. 3, л. 86.
{403} На страже мирного труда, с. 101–102.
{404} История СССР. 1972, № 2, с. 101–102.
{405} Музей пограничных войск, папка 25, д. 3, л. 36.
{406} Всего в откочевке приняло участие 4 тыс. хозяйств (22 аула), в том числе 500 байских.
{407} На страже мирного труда, с. 103.
{408} Музей пограничных войск, папка 125, д. 3, л. 3.
{409} На страже мирного труда, с. 104.
{410} Там же, с. 107.
{411} Там же.
{412} Музей пограничных войск, папка 23, д. 3, л. 1–2.
{413} См.: Н. Г. Гурджиянц, А. А. Еськов. Коммунистическая партия (большевиков) Туркменистана..., с. 85.
{414} Там же, с. 86.
{415} Конец басмачества. М., 1976, с. 161.
{416} Музей пограничных войск, папка 23, д. 3, л. 23.
{417} Там же, папка 25, д. 11, л. 1–11.
Заключение
{418} ЦГАСА, подборка, оп. 2, д. 836, л. 286–318.
{419} Отчет ЦК КПТ с VI по VII съезд КПТ. Таш., 1923, с. 12.
{420} Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918–1924 гг. Таш., 1958, с. 121.
{421} «Соловецкие острова». 1926, № 5–6, с. 36.
{422} М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., 1941, с. 308.
{423} Резолюции и постановления II съезда КП(б)Уз. Самарканд, 1925, с. 47.
{424} В. И. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? — Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 299.

- {425} Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918–1924 гг., с. 121. [226]
- {426} Отчет ЦК КПТ с VI по VII съезд КПТ, с. 12. с. 124. Перевод Ю. А. Полякова.
- {427} М. Алявия. Узбекские народные песни (на узб. яз.), Таш., 1950.
- {428} М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны, с. 308.
- {429} Музей пограничных войск, папка 23, д. 15, л. 7.
- {430} В дальнейшем — Актюбинского.
- {431} М. Алявия. Узбекские народные песни, с. 127. Перевод Ю. А. Полякова.
- Приложение
- {432} Специальных историографических работ о разгроме басмачества не имеется. Отдельные аспекты этой темы отражены в следующих книгах и статьях: В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник. Очерки истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918–1960). Фрунзе, 1961; А. И. Зевелев. Историография Советского Туркестана (историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Таш., 1968; Х. Ш. Инояттов, Л. М. Ланда. Введения к т. 1 и 2 «Истории гражданской войны в Узбекистане». Т. 1, Таш., 1964, с. 5–22; Т. 2, Таш., 1970, с. 3–13; С. Нарметов. Гражданская война в Хорезме (Обзор литературы). — «История СССР». 1970, № 3, с. 137–146; Х. Ш. Инояттов. Некоторые итоги изучения истории военной интервенции и гражданской войны в Средней Азии. — «История СССР». 1974, № 6; Х. Ш. Инояттов. Краткая историография гражданской войны в Средней Азии. Таш., 1974; Р. М. Масов. Некоторые итоги изучения истории Октябрьской революции и гражданской войны в Таджикистане. — «История СССР». 1977, № 4; он же. Историография Советского Таджикистана. Душ., 1978.
- {433} Отделы Истпарта были созданы после национально-государственного размежевания в Средней Азии (1924 г.) при компартиях национальных республик (например, при ЦК КП(б) Туркменистана). В 1922 г. было создано Казахское отделение Истпарта.
- {434} В. Кувшинов. Ферганский район; М. Шкляр. Из путевых впечатлений о Фергане. — «Военная мысль». Кн. 1. Сентябрь 1920 г.; Т. Дервиш (Н. Тюракулов). Ферганская проблема. — «Военная мысль». Кн. 2. Май — июль 1921. См. также: Т. Дервиш. Современное басмачество. — «Коммунист». 1922, № 1.
- {435} «Военная мысль», кн. 1, с. 278.
- {436} А. И. Зевелев. Из истории..., с. 456.
- {437} См.: «Военная мысль», кн. 2, с. 118.
- {438} А. Виноградова. Хорезмская Народная Советская Республика. — «Жизнь национальностей». 1923, № 1, с. 181–194. См. также: Гуменюк. Борьба за Петро-Александровск. Пятая годовщина Красной Армии. Таш., 1923.
- {439} В. А. Гурко-Кряжин. Английская интервенция в Закаспии и Закавказье. — «Историк-марксист». 1926, т. 2, с. 115–139.
- {440} Г. Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921.
- {441} См. подробно: А. И. Зевелев. Историография Советского Туркестана. Таш., 1968, с. 44–48.
- {442} Н. Батманов. Басмачество и борьба с ним. — «Красная Армия», 1921, № 9; Г. Скалов. Социальная природа басмачества в Туркестане. — «Жизнь национальностей». 1923, кн. 3–4; С. Гинзбург. Басмачество в Фергане. — Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926; Д. Д. Зуев. Ферганское басмачество. — Гражданская война. Т. III. М., 1924; А. Сыркин. Восток в огне. Л., 1925.
- {443} Н. Паскуцкий. К истории гражданской войны в Туркестане. Таш., 1922. Ф. Ходжаев. Материалы к истории революции в Бухаре. Таджикистан — Самарканд — Ташкент, 1926; он же. Басмачество. Таш., 1927; Ди-Мур. Гражданская война в Таджикистане. — Таджикистан. Сб. ст. Таш., 1925; С. Айни. Материалы по истории Бухарской революции.

- М., 1926 (на [227] узб. яз.); П. Алексеенков. Крестьянское восстание в Фергане. Таш., 1927; Е. Козловский. Красная Армия в Средней Азии. Таш., 1928.
- {444} См.: Ф. Касымов. К истории изучения Бухарской народной революции в первый период советской исторической науки. Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава САМГУ им. Навои. Самарканд, 1967, с. 46.
- {445} Ди-Мур. Гражданская война в Таджикистане, с. 283.
- {446} Там же.
- {447} В среднеазиатских республиках в конце 20-х годов создаются новые центры по изучению истории: Институт туркменской культуры (1927 г.), Киргизский научно-исследовательский институт краеведения (1928 г.), Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей (1925 г.) и др.
- {448} «Новый Восток». 1925, № 10–11; «За партию». 1929, № 3–4, 9–10 и др.
- {449} «Новый Восток». 1922, № 2; «Новый Восток». 1924, № 10–11; Революция в Средней Азии. Таш., 1929 и др.
- {450} См.: Центр историко-партийной науки в Узбекистане. Таш., 1972, № 43.
- {451} Д. А. Фурманов. Мятеж в Верном 12–19 июня 1920 г. — «Пролетарская революция». 1923, № 11; С. Муравейский (В. Лопухов). Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Таш., 1922; А. Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмении. Таш., 1924; Гражданская война 1918–1921 гг. В трех томах. Под ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, Р. П. Эйдемана. М. — Л., 1928, 1930.
- {452} П. Алексеенков. Что такое басмачество? Таш., 1931.
- {453} Там же, с. 6, 48.
- {454} Там же, с. 38.
- {455} Там же, с. 14.
- {456} П. Алексеенков. Кокандская автономия. Таш., 1931, с. 64.
- {457} П. Алексеенков. Что такое басмачество? с. 64.
- {458} И. Кутяков. Красная конница и Воздушный флот в пустыне в 1924 году. Под ред. Н. Какурина и с предисл. С. М. Буденного. М. — Л., 1930.
- {459} Воспоминания участников Октября и гражданской войны. Выпуск первый. Под ред. Д. И. Манжара. М. — Таш., 1931, с. 1.
- {460} См.: Центр историко-партийной науки в Узбекистане, с. 8–9.
- {461} Из опубликованных сборников документов и материалов наибольший интерес представляли: Материалы и документы II съезда Компартии Туркестана. М. — Таш., 1934; Война в песках. Материалы по истории гражданской войны. Т. XII. Под ред. М. Горького, Вс. Иванова, И. Минца, Ф. Колесова. М., 1935; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. М., 1941.
- {462} К. Житов, В. Непомнин. От колониального рабства к социализму. Таш., 1939; Б. Гафуров, Н. М. Прохоров. Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940.
- {463} С. П. Тимошков. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941; он же. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачами в Средней Азии. ВАФ, 1941; А. Х. Бабаходжаев. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии (1917–1920 гг.). Таш., 1955.
- {464} Э. А. Воскобойников, А. И. Зевелев. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП (б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. Таш., 1951; Клыч Кулиев. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти и осуществление национальной политики в Средней Азии (1917–1925 гг.). Аш., 1956; В. Николаева. Турккомиссия — полномочный орган ЦК РКП (б). — «Вопросы истории КПСС» 1958, № 2.
- {465} Азиз Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941; В. Е. Кутарева. Основные этапы гражданской войны в

Киргизии. Фрунзе, 1947; П. П. Никишов. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1957; Д. К. Фаньян, М. Зелинская. Красная Армия — освободительница таджикского народа. Сталинабад, [228] 1943; Г. Непесов. Победа советского строя в Северном Туркменистане. Аш., 1950.

{466} См.: «Большевик». 1951, № 23, с. 62–73.

{467} Подробный анализ сборника «Материалы по истории таджикского народа в советский период», содержащий статьи указанных авторов, дан Р. М. Масовым в монографии «Историография Советского Таджикистана» (с. 25–30).

{468} М. Иркаев, Ю. Николаев. В борьбе за Советский Таджикистан. Сталинабад, 1956 (на тадж. яз.). М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шарапов. Очерк истории Советского Таджикистана. Сталинабад, 1957.

{469} Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Таш., 1957; В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1923 гг.). Таш., 1957; Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Андижан, 1957; Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917–1920). Фрунзе, 1957; Туркменистан в период иностранной интервенции и гражданской войны, 1918–1920. Аш., 1957; За Советский Туркестан. Таш., 1963; За Советский Туркменистан. Аш., 1963; За власть Советов в Таджикистане. Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством. Сталинабад, 1958.

{470} История Киргизии. Т. II. Фрунзе, 1956, с. 68–111 (автор главы П. П. Никишов); История Узбекской ССР. Т. II. Таш., 1957, с. 81 — -133 (авторы главы А. И. Зевелев и М. Х. Назаров); История Туркменской ССР. Аш., 1957, с. 111–203 (автор главы О. К. Кулиев); История Казахской ССР. Т. II. Эпоха социализма. А.-А., 1959, с. 75–161 (автор главы С. Н. Покровский).

{471} См.: История Узбекской ССР, с. 83.

{472} М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шарапов. Очерк истории Советского Таджикистана (1917–1957 гг.). Сталинабад, 1957; Ш. Таш лиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Аш., 1957; М. Языкова. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Западном Туркменистане. Аш., 1957; А. Коканбаев. Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане. Таш., 1956; К. Малышев. Борьба за Советы в Киргизии и Туркестане. Фрунзе, 1958; Г. Непесов. Великий Октябрь и народные революции в 1920 г. в Северном и Восточном Туркменистане. Аш., 1958; Т. Х. Кельдиев. Разгром интервенции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестанской АССР. Таш., 1959.

{473} Отдельные эпизоды борьбы с басмачеством в северных, центральных и южных районах современного Таджикистана отражены также в следующих работах: А. В. Макашов. Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане. Сталинабад, 1957; В. М. Ионова. Борьба трудящихся масс под руководством Коммунистической партии с интервенцией в первые годы Советской власти (на материалах Северного Таджикистана). Уч. зап. Ленинабадского пединститута. Вып. 7. Ленинабад, 1958; она же. Политическая работа в массах во время борьбы с басмачеством в 1920–1923 гг. (по материалам Северного Таджикистана). — Там же. Вып. 9. Ленинабад, 1960.

{474} С. Н. Покровский. Победа Советской власти в Семиречье. А.-А., 1961.

{475} М. Х. Назаров. Туркестан в период интервенции и гражданской войны (1918–1920). Таш., 1961 (на узб. яз.).

{476} Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959.

{477} См.: С. Нарметов. Гражданская война в Хорезме (Обзор литературы). — «История СССР». 1970, № 3, с. 143.

- {478} Ш. А. Шамагдиев. Очерк истории гражданской войны в Ферганской долине. Таш., 1961.
- {479} В. Минеев. Домысел вместо достоверности. — «Правда Востока», 74. III. 1961.
- {480} И. С. Сологубов. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Таш., 1961; А. М. Матвеев. Иностранцы коммунисты в Туркестане. [229] — «Вопросы истории КПСС». 1962, № 3; он же: Иностранцы интернационалисты на фронтах гражданской войны в Средней Азии. — «Новая и новейшая история». 1961, № 4; Я. М. Серый. Политическая работа в интернациональных частях Красной Армии в Туркестане (1918–1920 гг.). — Труды САГУ. Вып. 170. Таш., 1960 (История КПСС); Г. Б. Никольская. Некоторые материалы о выходцах из Китая в Туркестане после Октября 1917 г. — Труды САГУ. Вып. 151. Таш., 1959 (Всеобщая история).
- {481} А. Х. Бабаходжаев. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921–1924 гг.). Таш., 1957; он же. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924 гг.). М., 1962.
- {482} История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., 1959; Т. 5, М., 1960.
- {483} М. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душ., 1963; 2-е доп. изд., Душ., 1971.
- {484} Кстати, в своих предыдущих трудах он ее придерживался.
- {485} При определении хронологических рамок гражданской войны в Таджикистане М. Иркаев исходил из материалов дискуссии ученых-обществоведов (1956 г.), во время которой была выработана схема периодизации истории советского общества в Таджикистане.
- {486} М. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. М., 1963, с. 255, 256.
- {487} Там же, с. 240.
- {488} Там же, с. 265.
- {489} Г. Х. Хайдаров. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане (1917–1923 гг.). Душ., 1966.
- {490} В противовес мнению Г. Х. Хайдарова о том, что басмачи в Матче появились в конце 1918 г., Р. Абдулхаев доказал, что басмаческие шайки здесь появились в конце 1918 — начале 1919 г., после контрреволюционного мятежа и свержения Советской власти (Р. А. Абдулхаев. Упрочение Советской власти в районах верховьев Зеравшана. Душ., 1972). Частично вопросы гражданской войны в Северном Таджикистане затронуты и в монографии Т. Р. Каримова «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане» (Сталинабад, 1957) и в других трудах этого автора.
- {491} С. Б. Жантуаров. Гражданская война в Киргизской ССР. Фрунзе, 1963.
- {492} Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Ч. III. Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Таш., 1964.
- {493} Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. А.-А., 1963 (автор главы о гражданской войне — П. М. Пахмурный); Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Таш., 1964 (автор — М. Х. Назаров); Таш., 1974 (автор — Р. А. Нуруллин); Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душ., 1964 (автор — М. И. Иркаев); 2-е доп. изд. Душ., 1969; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Изд. 2-е. Аш., 1966 (автор — Ш. Ташлиев); Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966 (автор — П. П. Никишов); Фрунзе, 1979; История Казахской ССР. Эпоха социализма. Изд. перераб. и доп. А.-А., 1963; История Киргизии. Т. II. Фрунзе, 1963; История таджикского народа. Т. III, кн. 1. М., 1964; История Узбекской ССР. Т. III. Таш., 1967.

- {494} По Таджикистану, например, опубликованы следующие работы: И. Гафурова. К истории Коммунистической партии Таджикистана (1924–1929). Душ., 1963; А. В. Макашов. Партийная организация Таджикистана в 1924–1926 гг. Душ., 1964; М. Назоршоев. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душ., 1970.
- {495} Р. М. Масов справедливо отметил, что в этом издании «несколько приукрашен... процесс революционизирования коренных жителей дореволюционного Таджикистана». Автор указал, что книга имеет и другие недостатки. Однако это не дает основания для отрицательной оценки работы в целом. [230] То же самое относится и к коллективной монографии «История Таджикской ССР». См.: Р. М. Масов. Историография Советского Таджикистана, с. 42–43.
- {496} См. также: История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Таш., 1974; История Каракалпакской АССР. Т. 2. Таш., 1974.
- {497} Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Т. I. Май 1918 — сентябрь 1919 г. А.-А., 1963; т. II. Сентябрь 1919 — декабрь 1920 г. А.-А., 1964.
- {498} История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. Таш., 1964; т. II. Таш., 1970.
- {499} История гражданской войны в Узбекистане. Т. I, с. 20–21. Курсив наш. — Авт.
- {500} Там же, с. 20.
- {501} Там же, с. 201.
- {502} Там же, т. II, с. 21.
- {503} Образование СССР. М. — Л., 1949, с. 228.
- {504} История коммунистических организаций Средней Азии, с. 569.
- {505} VII краевая конференция КПТ (Стенографический отчет). Таш., 1922, Бюллетень № 5 VII краевой конференции КПТ, с. 25.
- {506} Там же.
- {507} История гражданской войны в Узбекистане. Т. I, с. 184.
- {508} Р. А. Нуруллин. Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Таш., 1965; Г. Рашидов. Ташкентский Совет в борьбе за упрочение Советской власти. Таш., 1960; История социалистического Ташкента. Т. 1. Таш., 1965 Т. Пулатов, Г. Рашидов. Ташкент в первые годы Советской власти. Таш., 1972.
- {509} История коммунистических организаций Средней Азии. Таш., 1967.
- {510} Там же, с. 277.
- {511} Там же, с. 278.
- {512} Б. В. Лунин. Ленин и народы Средней Азии. Таш., 1967; Ш. Ш. Абдуллаев, А. И. Зевелев. В. И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968; они же. Ленин и народы Узбекистана. Таш., 1970; К. Хасанов. В. И. Ленин и Туркбюро ЦК РКП (б). Тёш., 1968; С. Бейсембаев. Ленин и Казахстан. А.-А., 1968; Г. Ф. Дахшлейгер. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. А.-А., 1973; П. У. Хамдамов. Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина. Таш., 1971; он же: В. И. Ленин о Средней Азии. Таш., 1974.
- {513} В. М. Устинов. Ленинская политика партии на Востоке. Фрунзе, 1963; он же. Решающее условие социалистического строительства в Средней Азии. Аш., 1967; С. Назаров. Из истории деятельности Средазбюро ЦК РКП(б) (1922–1924). Таш., 1965; М. Ф. Андерсон. Из истории партийного строительства в Средней Азии. Душ., 1966; К. Хасанов. ЦК ВКП(б) в борьбе за построение социализма в Средней Азии. Таш., 1968; С. А. Назаров. Руководство ЦК РКП (б) партийным строительством в Средней Азии. Таш., 1972; А. Т. Азизханов. Туркбюро — полномочный орган ЦК РКП(б). Таш., 1977; А. А. Росляков. Средазбюро ЦК ВКП(б). Вопросы стратегии и тактики. Аш., 1975; Я. М. Серый. Из истории образования и деятельности Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б). — Исторические записки. Т. 79. М., 1966. Среднеазиатское бюро ЦК РКП (б) (из истории

- образования и деятельности). Май 1922 — начало 1923 г. — Научные труды Ташкентского Госуниверситета им. В. И. Ленина. Вып. 24 «История КПСС». Таш., 1964.
- {514} А. А. Росляков. Средазбюро ЦК ВКП(б)..., с. 3.
- {515} Там же, с. 21, 22, 47 и др.
- {516} Там же, с. 22.
- {517} Х. Турсунов. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917–1924 гг.). Таш., 1971; К. А. Гафурова. Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана в первые годы Советской власти. М., 1972; Н. Рахманов. Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии Таш., 1973; О. Худойбердиев. [231] О национальных формированиях САВО. — «Военно-исторический журнал». 1967, № Ю; В. М. Кузьмина. Братство по оружию, рожденное Великим Октябрем. Аш., 1977.
- {518} К. Мухамедбердыев. Коммунистическая партия в борьбе за победу социалистической революции в Хорезме. Аш., 1959; Б. И. Искандеров. Бухара (1919–1920). Душ., 1970; А. И. Ишанов. Бухарская Народная Советская Республика. Таш., 1969; История Бухарской и Хорезмской народных советских Республик. М., 1971; Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Таш., 1971; 50 лет Бухарской Народной Советской Республики. Материалы объединенной научной сессии. Таш., 1972; 50 лет Хорезмской Народной Советской Республики. Материалы объединенной научной сессии. Таш., 1972; Н. Каландаров. Образование и деятельность Хорезмской коммунистической партии (1920–1924). Таш., 1975; История Хорезмской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.). Сб. документов. Таш., 1976; История Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924 гг.). Сб. документов. Таш., 1976.
- {519} М. Х. Назаров. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918–1920 гг.). Таш., 1969 (ранее автор опубликовал на узбекском языке книгу: Туркестан в период гражданской войны. Таш., 1960); Ш. Т. Ташлиев. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 1. Аш., 1974; Т. 2, Аш., 1975; Р. А. Нуруллин. Коммунистическая партия Туркестана в борьбе за осуществление политики «военного коммунизма». Таш., 1975.
- {520} Указатели составлены Н. Ф. Волковой.

Turkiston Kutubxonasi
Turkistan Library
Туркестанская Библиотека
www.turklib.ru
www.turklib.uz
www.turklib.com

**ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ БОРЦАМ ЗА
СВОБОДУ ТУРКЕСТАНА**